

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 11

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2016

*Учредитель БНУ ЧР «Чувашский государственный институт
гуманитарных наук» Министерства образования
и молодёжной политики Чувашской Республики*

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
В.П. Иванов, доктор исторических наук,
П.С. Краснов, кандидат философских наук (главный редактор),
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
А.В. Кузнецов, кандидат филологических наук,
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, кандидат филологических наук,
А.А. Трофимов, доктор искусствоведения, профессор (художественный редактор)

Ответственный редактор
Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник
Чебоксары, 2016. № 11

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2016
© Редакция журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2016

ЧГВ, 2016 г., № 11
© Н.С. Мясников

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НИЖНЕСУРСКОЙ ГРУППЫ «ДРЕВНЕМОРДОВСКОЙ» КУЛЬТУРЫ (по материалам Иваньковского могильника)

В статье рассматриваются локальные особенности «древнемордовской» культуры по материалам Иваньковского могильника в Нижнем Посурье. Предметом анализа является своеобразие погребального обряда, женских украшений и керамики – трех важнейших этнокультурных археологических маркеров. Делается вывод о наличии важных локальных особенностей данного некрополя, связанных с его периферийным расположением в ареале «древнемордовской» культуры.

Ключевые слова: археология, «древнемордовская» культура, Иваньковский могильник, эпоха Великого переселения народов.

Еще с раскопок П.П. Ефименко Иваньковского могильника в 1926 г. Нижнее Посурье включалось в область распространения ранней «мордвы»¹, или «древнемордовской» культуры². Это признавали также Н.В. Трубникова³, А.П. Смирнов⁴, П.Д. Степанов⁵, Л.А. Голубева⁶. Солидарны с этим мнением и современные исследователи. Так, В.И. Вихляев к бесспорно «древнемордовским» (окско-сурским) относит Иваньковский могильник⁷. По его мнению, до конца IV в. н.э. в Нижнем Посурье оставались группы «цнинско-мокшанских племен», связываемые с потомками населения «андреевской культуры», а таутовское погребение, по предположению исследователя, оставлено представительницей верхнесурской группы «древнемордовской» культуры⁸. Р.Ф. Воронина выделяет нижнесурскую группу могильников древней «мордвы», к которой относит Сергачские I–II, Яндашевский, Криушинский, Иваньковский могильники и Таутовский могильник⁹. В.В. Гришаков рассматривает «древнемордовскую» культуру (III–VII вв.) в рамках существования трех локальных

Николай Станиславович Мясников – младший научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: myasnikovn@rambler.ru.

вариантов: верхнесурского, нижнесурского и тешского. К нижнесурской культуре он относит Сергачские I–II, Таутовский, Ивановский, Волчихинский могильники¹⁰.

Считаем, что памятниками, которые пока можно уверенно связывать с «древнемордовской» культурой на территории к востоку от Нижней Суры, являются городище Ножа-Вар и Ивановский могильник¹¹. Последний имеет важное значение для изучения нижнесурской группы в целом, так как на сегодняшний день является наиболее изученным и имеет широкую датировку – с III/IV по VII/VIII вв. н.э. (по значению его можно сравнить с Армиевским могильником на Верхней Суре и Абрамовским на Теше). К сожалению, его материалы до сих пор остаются практически неопубликованными¹².

Особенности Ивановского могильника могут дать ключ к пониманию этнокультурных отличий нижнесурской «древнемордовской» группы от остальных. Существенное значение здесь имеют погребальная обрядность и часть вещевого материала, особенно элементы женского костюма и керамика. Анализ этих трех позиций является целью настоящей работы.

Погребальный обряд. Погребения Ивановского могильника (98 погребений¹³) были расположены рядами, вытянутыми вдоль берега по линии с ЮЮЗ на ССВ (рис. 1). Также выделяются отдельные участки с более плотным расположением погребений¹⁴. Могильные ямы редко прорезают друг друга, что Р.Ф. Воронина связывает с тем, что над погребением был установлен какой-то опознавательный знак либо насыпан холм¹⁵. Она выделяет 6 типов могильных ям на могильнике: 1) узкие прямоугольные, с закругленными углами (ширина равна $\frac{1}{4}$ длины); 2) прямоугольные, с закругленными углами (ширина равна $\frac{1}{2}$ длины); 3) овальные; 4) трапециевидные; 5) узкие прямоугольные, с чашевидным углублением на дне; 6) округлые небольшие¹⁶. Стенки как отвесные, так и в разной степени наклонные, дно чаще ровное, но в ряде случаев с наклоном. Размеры ям: длина 60–265 см, ширина 40–125 см, глубина 35–200 см.

Ивановский могильник выделяется разнообразием типов погребальной обрядности.

1. Труположения вытянутые на спине, с руками вдоль туловища, согнутыми на груди или в области таза (рис. 2) (всего 36 п.).

В том числе парные труположения:

– женщина с ребенком, положенным в скорченном положении слева или справа от взрослого (п. 10, 11, раскопки под руководством П.П. Ефименко);

– противолежащие взрослые погребения (мужское и неизвестное) (рис. 2, п. 47, раскопки Р.Ф. Ворониной);

– женское погребение с набором украшений и несколькими костями в ногах (рис. 2, п. 56, раскопки Р.Ф. Ворониной),

2. Захоронения с нарушенными костяками представляют собой лежащие компактной кучей или разрозненно не на своих местах кости человека (12 п.). Могут быть разделены на вторичные и погребения с обрядом обезвреживания¹⁷:

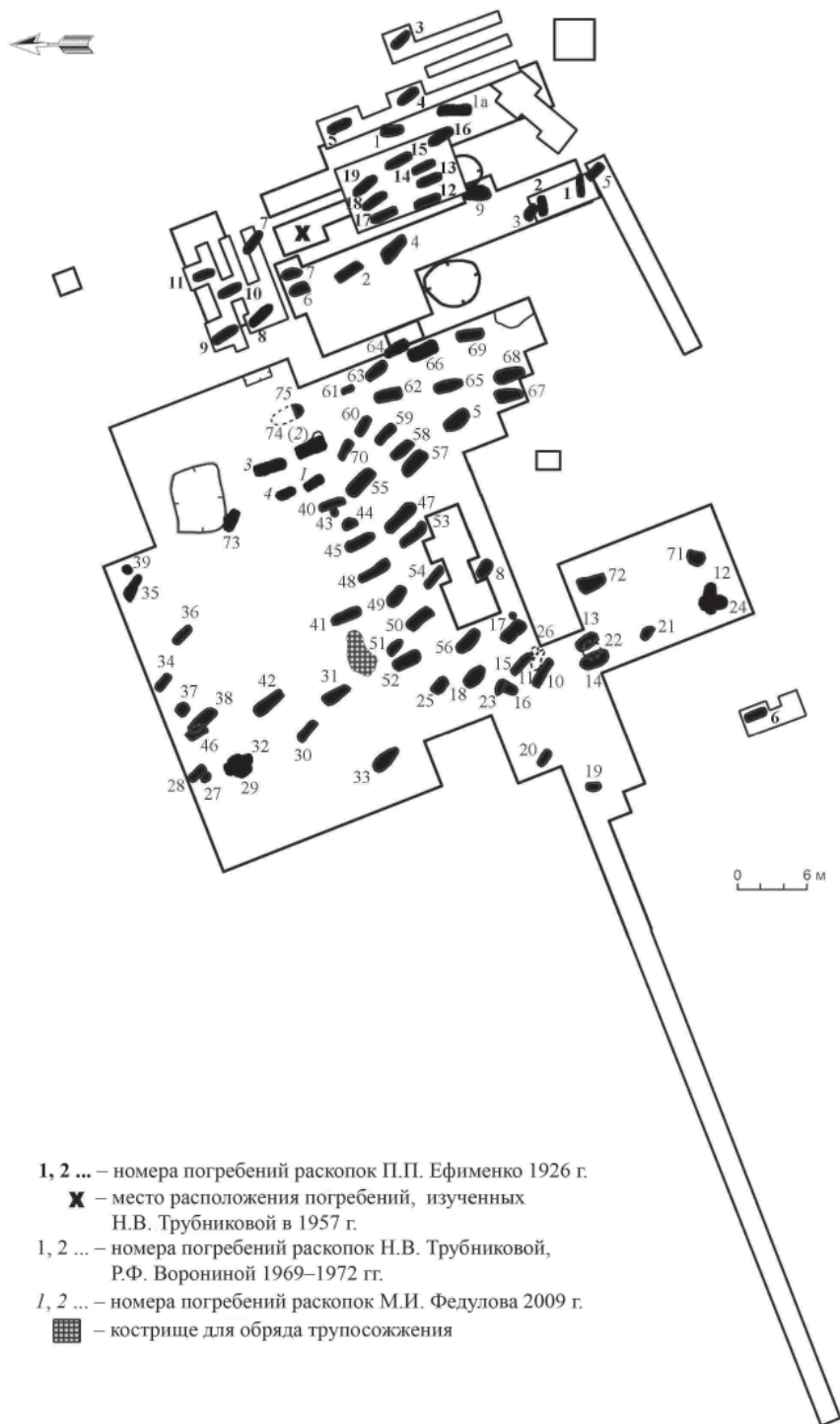

Рис. 1. Сводный план раскопок Ивановского могильника (по Р.Ф. Ворониной, 2013; с дополнениями П.П. Ефименко, 1975, М.И. Федулова, 2010)

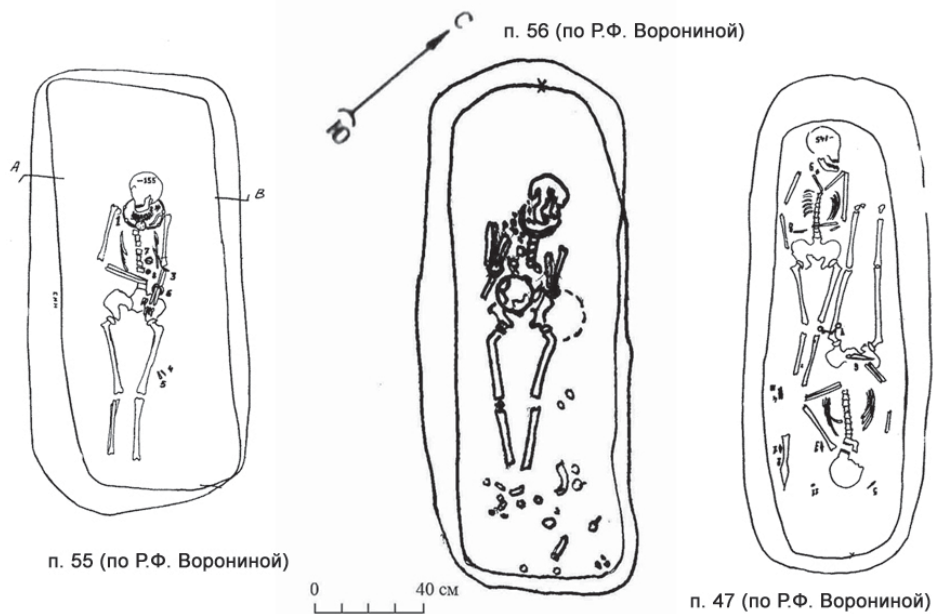

Рис. 2. Погребения, совершенные по обряду ингумации

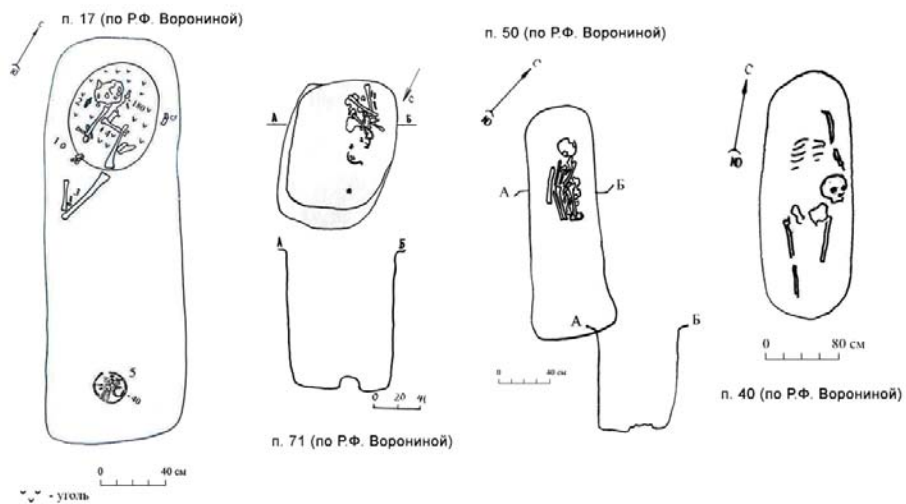

Рис. 3. Погребения с нарушенными костяками

а) вторичные (к ним относят погребения, в которых были захоронены кости, очищенные от соединительных тканей¹⁸). В Ивановском могильнике к таким погребениям мы отнесли захоронения с костями в сильно перемешанном состоянии, расположенными на дне ямы бессистемно или компактными кучами, а также два погребения черепа без нижней челюсти (11 п.) (рис. 3).

б) обряд обезвреживания (к этому обряду относят погребения, в которых часть костей находилась *in situ* в анатомических связках, часть разрушена после повторного вскрытия могилы¹⁹). К этой разновидности погребальной обрядности может быть отнесено погребение 40 (женское) (раскопки Р.Ф. Ворониной), где в анатомическом порядке располагались ребра, кости таза, кости левой руки и бедренные кости, череп лежал рядом с тазовыми костями на левом виске, теменем к юго-востоку (рис. 3).

3. Трупосожжения (33 п.) в большинстве случаев совершались на стороне, с перенесением небольшого количества останков в могилу²⁰. Останки чаще находились в скоплениях округлых очертаний (1–3 скопления), расположенных без какой-либо системы на дне могилы (рис. 4), а в некоторых случаях также выше в заполнении. Могильные ямы в основном таких же форм и размеров, как и для ингумационных, вторичных захоронений и кенотафов, однако есть исключения. Яма погребения 37 была небольших размеров и подквадратных очертаний.

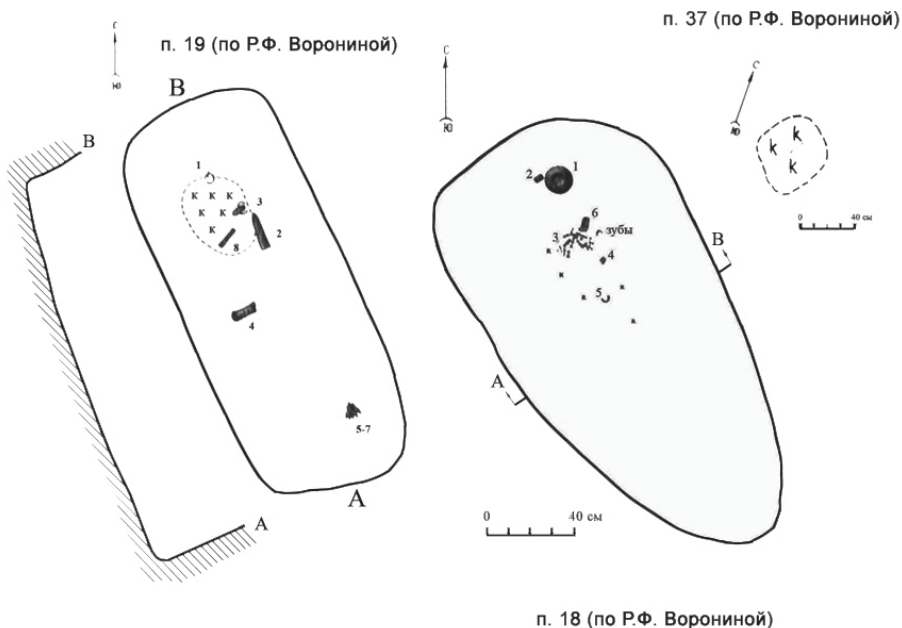

Рис. 4. Погребения, совершенные по обряду кремации

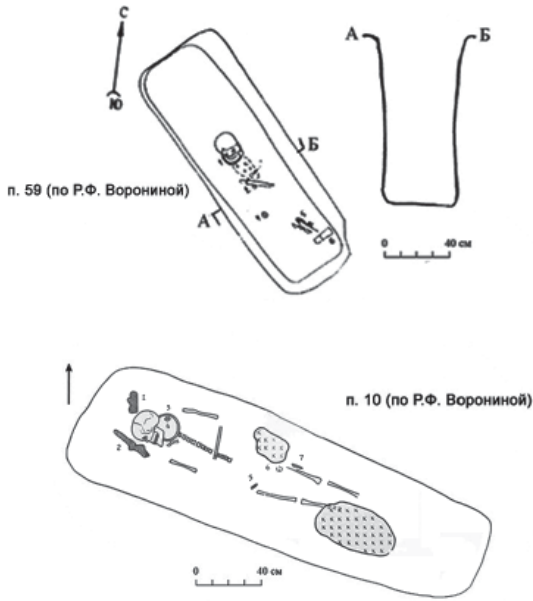

Рис. 5. Погребения со смешанным обрядом

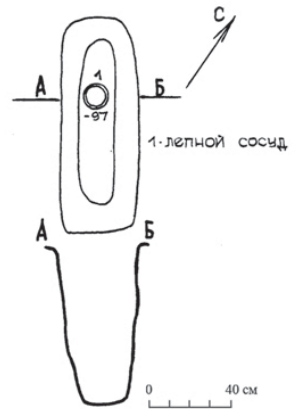
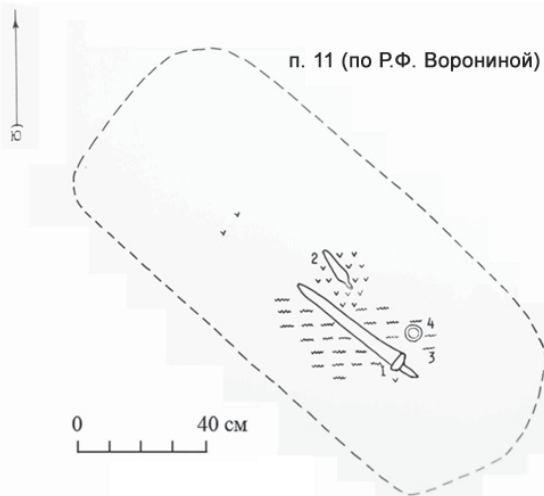

Рис. 6. Кенотафы

Р.Ф. Воронина отмечала наличие над погребениями 31, 35, 39 и вплотную к погребению 40 кострищ, насыщенных золой, углем и кальцинированными костями, которые, видимо, являлись местами совершения обрядов кремации²¹. Наиболее крупное место проведения обряда трупосожжения было зафиксировано в центральной части могильника и представляло собой кострище неправильной эллипсовидной формы, размером 6,84×3,86 м, мощностью 0,2 м, ориентированное по линии СЗ-ЮВ, расположенное в небольшом естественном понижении (рис. 1). Оно состояло из темного углистого слоя с большим количеством измельченных кальцинированных костей и отдельными человеческими зубами, скоплением лепной керамики²². Кострище, располагающееся над погребением 47, не содержащее кальцинированных костей, вероятно, является остатками тризны²³. Рядом с погребением 1 (раскопки Н.В. Трубниковой 1969 г.) были зафиксированы два скопления угольков на глубине 20 и 75 см, которые руководитель раскопок связывает с обрядами тризны²⁴.

Н.В. Трубникова и Ю.А. Краснов предполагали, что кости некоторых трупосожжений, совершенных на стороне, были высыпаны в специальные урны из органического материала (бересты) и уложены в ямки (п. 2, 3, раскопки Н.В. Трубниковой 1969 г.), однако Р.Ф. Воронина вполне обоснованно считала эти случаи просто компактными скоплениями кальцинированных костей²⁵. П.П. Ефименко писал, что в погребениях 1, 2 вещи, положенные в могилу, имеют следы воздействия огня (то есть трупосожжение осуществлялось в одеянии)²⁶, Р.Ф. Воронина отмечала это и в погребении 46²⁷. Также среди трупосожжений зафиксированы следы сожжения на месте, что выделяется по слою прокала в погребении (2 п.).

Датироваться, на наш взгляд, появление обряда кремации на Ивановском могильнике может гуннским временем – концом IV–V в. н.э. (п. 5, раскопки Н.В. Трубниковой 1969 г.; п. 10, 11, раскопки Р.Ф. Ворониной).

4. Смешанные (п. 5) (рис. 5):

а) захоронение черепа вместе с кальцинированными костями (п. 22, 59, раскопки Р.Ф. Ворониной);

б) трупоположение и трупосожжение (п. 10, раскопки Н.В. Трубниковой 1969 г.; п. 35, раскопки Р.Ф. Ворониной), в том числе тройное захоронение с кремацией (п. 1–4, раскопки Н.В. Трубниковой 1957 г.) (рис. 133, 145);

5. Кенотафы, в которых нет следов костей²⁸, однако могут быть отдельные вещи (рис. 6) (п. 12, раскопки Р.Ф. Ворониной).

Таким образом, ингумация и кремация практически в одинаковой степени представлены в материалах Ивановского могильника (по 36 и 33 % соответственно), кенотафы и вторичные погребения составляют по 12 %, еще 5 % приходится на различные смешанные варианты указанной обрядности.

Ориентировка погребений в основном находится в СЗ-С секторе (аз. 325–360°), единичны иные ориентировки: на З (275°) (п. 1–2, раскопки П.П. Ефименко), на ЗСЗ (п. 17, раскопки Р.Ф. Ворониной), СВ-ССВ (п. 14, 51, раскопки Р.Ф. Ворониной), ВСВ (п. 16, раскопки Р.Ф. Ворониной).

В коллективных захоронениях один из костяков имеет противоположную ориентировку на Ю (п. 3, раскопки Н.В. Трубниковой 1957 г.) и ЮВ (п. 47, раскопки Р.Ф. Ворониной).

Из изученных погребений по половозрастной принадлежности идентифицируются 48: мужских – 18 (одно парное, второй костяк не определен), женских – 18, детских и подростковых – 9 (еще два детских скелета зафиксированы в женских погребениях).

В заполнении большинства погребений фиксировались угли, часто зола, кальцинированные кости, фрагменты керамики, в единичных случаях – кости животных, зубы лошади. В трех случаях известна посыпка костяка слоем угля.

Чаще всего при обряде труположения вещи располагались в порядке ношения при жизни, предметы вооружения и инструменты рядом с костяком, при трупосожжении и вторичном захоронении – без видимого порядка: на уровне костей, рядом с ними, на них и под ними. В единичных случаях погребальный инвентарь мог располагаться и в других местах. Так, в погребениях 29, 50 (раскопки Р.Ф. Ворониной) обнаружены скопления керамики в заполнении могилы. Заполнения могил (раскопки Р.Ф. Ворониной) содержали также и другие вещи: бусы (п. 16, 33), топор (п. 41), обломки железных предметов, бляшки, накладки (п. 42), бусы и застежка (п. 62), бусы с подвеской (п. 68). В погребении 10 (раскопки П.П. Ефименко) под костяком были прослежены остатки луба, над ним – коры. Под костяком погребения 27 (раскопки Р.Ф. Ворониной) зафиксированы остатки ткани и луба. Луб под костями также был расчищен и в погребениях 55, 63 (раскопки Р.Ф. Ворониной). В нескольких комплексах были зафиксированы жертвенные комплексы с женскими украшениями. В погребении 17 (мужское, вторичное; раскопки Р.Ф. Ворониной) комплекс располагался в берестяном туесе в заполнении могилы у ее ЮВ конца, на глубине 0,40 м, в небольшой округлой ямке. Бусинные наборы были уложены на дне погребений 13 и 14 (трупосожжения) (раскопки Р.Ф. Ворониной). В погребении 30 (трупосожжение; раскопки Р.Ф. Ворониной) на дне могильной ямы компактной кучкой располагались женские украшения, под которыми зафиксированы следы обгорелой бересты. В погребении 3 (раскопки Р.Ф. Ворониной) комплекс женских украшений, завернутых в ткань, был положен на остатки трупосожжения, которые находились, по предположению авторов раскопок, в урне. Также на остатки трупосожжения были уложены завернутые в бересту женские украшения в погребении 5 (раскопки Р.Ф. Ворониной). Судя по обгорелой бересте, это было сделано, пока сгоревшие кости не успели остыть. Интересной деталью погребального обряда также являются воткнутые в дно могильных ям топоры – в погребениях 1 (раскопки Н.В. Трубниковой 1957 г.), 3 и 35 (раскопки Р.Ф. Ворониной). Погребальная посуда представлена в Ивановском могильнике мало. Исключениями являются 6 погребений: погребение 3 (труположение), где 2 сосуда располагались слева у головы; погребение 4 (труположение) – справа от головы; погребение 6 (труположение) – в изголовье (все – раскопки П.П. Ефименко); погребение 18 (трупосожже-

ние) – сосуд был поставлен у северного края на дне могилы; погребение 37 (трупосожжение) – небольшой сосудик находился над слоем кальцинированных костей; погребение 61 (трупосожжение) – сосуд находился в северной части ямы рядом с несколькими кальцинированными костями (раскопки Р.Ф. Ворониной).

Ориентировка ингумационных погребений головой на север, с отклонением к западу является преобладающей на Младшем Ахмыловском могильнике²⁹. На Безводнинском могильнике преобладает направление ориентировок ССЗ, реже С³⁰. Все трое погребенных в Сергачском могильнике «Святой Ключ» на Нижней Пьяне ориентированы на СЗ³¹. Северная ориентировка преобладает у тешской группы «древнемордовской» культуры (главным образом Абрамовский могильник) начиная с IV–V вв. н.э. и в дальнейшем является отличительной для мордвы-эрзи³².

Ритуальное разрушение костяков с перемещением, повреждением или изъятием костей погребенного (обряд обезвреживания) отмечается исследователями волжско-финских могильников самого разного времени. В Андреевском кургане, Писеральском, Климкинском могильниках их нет, но с III в. н.э. в могильниках «селиксенского» типа на Верхней Суре и Мокше (Шемышейский, Ражкинский) В.В. Гришаков отмечает погребения с ритуально разрушенными костяками³³. Единичные случаи «обезвреживания» в могильниках «древнемордовской» культуры второй и третьей четвертей I тысячелетия н.э. известны на Тезиковском, Селикса-Трофимовском, Селиксенском могильниках³⁴. Т.В. Осипова отмечает наличие погребений с разрушенными костяками в могильниках Окско-Сурского междуречья перманентно в период с III по XIV в. По ее мнению, данный обряд несколько видоизменялся во времени, исчезал на одной территории и появлялся на другой³⁵, однако детали этого процесса и его динамика пока не совсем ясны.

Вторичные захоронения в Окско-Сурском междуречье фиксируются с III в. Так, в шести погребениях Шемышейского могильника кости находились в абсолютно хаотичном порядке³⁶. К IV–V вв. н.э. количество подобных погребений на памятниках «древнемордовской» культуры увеличивается. Т.В. Осипова отмечает подобный обряд на Селиксенском, Степановском, Селикса-Трофимовском, Тезиковском могильниках в 52 погребениях³⁷. Кости при этом располагались компактными кучами или оказывались разбросанными по всему дну могилы³⁸. Вторичные захоронения известны также на всех стадиях существования Безводнинского могильника³⁹.

Со ссылкой на В.В. Седова Т.В. Осипова отмечает, что обряд отдельного захоронения черепов был зафиксирован в области распространения прибалтийских финнов, мордвы, муромы, мери, у пермских финнов и угро-самодийского населения⁴⁰. Известен он в азелинском Арзобелякском (6 погребений), рязано-окском Шатрищенском (3 погребения), Безводнинском (1 погребение) могильниках⁴¹.

Т.Б. Никитина выделяет в середине – второй половине I тысячелетия н.э. на Волго-Камье две традиции кремации у финно-угров: камскую, характеризующуюся ссыпанием костей и вещей в могилу бессистемно

по мере заполнения, и волго-окскую – с положением костей и вещей на дно могильной ямы компактно или кучей⁴². Кремация Ивановского могильника близка к подобному обряду на Младшем Ахмыловском могильнике, где сожжение проходило на стороне, без вещей, в специальных ямах на территории памятника, могильные ямы не отличались по форме от ям с ингумациями. Близкий обряд зафиксирован на Безводнинском могильнике⁴³. Наиболее распространенным способом захоронения кремирование покойников является у населения именьковской культуры. Однако здесь происходило сжигание умерших в полном одеянии на стороне, помещение остатков кремации в небольшие ямы треугольных, четырехугольных, овальных очертаний, с плоским, чашевидным или ступенчатым дном размерами 60–120×60–80 см, с сосудами, не являющимися урнами для праха. Остатки кремации рассыпаны по дну, около стенок или в центре⁴⁴. Наиболее близко к данному обряду погребение 37 Ивановского могильника (раскопки Р.Ф. Ворониной), но оно единично, и в нем обнаружен горшок, имеющий аналогии в материалах Кошибеевского могильника. По мнению В.И. Вихляева, процент трупосожжений в могильниках Окско-Сурского междуречья в третьей четверти I тысячелетия н.э. увеличивается с З на В (Абрамовский, Ст. Кужендеевский – 5–6 %, Ивановский, Волчихинский – 52–60 %) и совпадает по времени с появлением именьковской культуры⁴⁵, хотя В.В. Гришаков отмечает наличие трупосожжений на Верхней Суре начиная с последней четверти III в. н.э. и связывает это с появлением памятников типа Шапкино – Инясево⁴⁶. Неоднозначность вопроса об истоках обряда кремации на вятских азелинских памятниках отмечает Н.А. Лещинская, датируя появление указанной обрядности также со второй половины III в. н.э.⁴⁷

Таким образом, истоки обряда кремации в Ивановско-преждевременно связывать с именьковским влиянием, учитывая более раннее его появление, чем датировка именьковской культуры. Истоки этой традиции у волжских и камских финнов в эпоху Великого переселения народов еще предстоит узнать, но уже сейчас ясно, что на фоне других «древнемордовских» памятников Ивановский могильник выделяется высоким процентом трупосожжений.

Элементы костюма и украшения. Визитной карточкой «древнемордовской» культуры являются височные бронзовые подвески в виде стержня, обмотанного проволокой, со спиралью на одном конце и грузиком на другом. Однако именно они в Ивановском могильнике отличаются оригинальностью. Здесь можно выделить 4 разновидности данного типа украшений:

1) с небольшим вытянутым каплевидным грузиком на конце (Ивановско, п. 3, 4, 19, раскопки П.П. Ефименко; п. 58⁴⁸, раскопки Р.Ф. Ворониной)⁴⁹ (рис. 7: 1–2); длина стержня около 4 см;

2) с массивным бипирамидальным (d=0,9–1 см) грузиком (рис. 7: 3–4) (Ивановско, п. 9 (2 экз.)⁵⁰, 10 (2 экз.)⁵¹, раскопки П.П. Ефименко; п. 56⁵², раскопки Р.Ф. Ворониной); длина сохранившегося стержня 4,7–5 см, на одной из них сохранился фрагмент обмотки по стержню из плоской широкой проволоки;

Рис. 7. Височные подвески: 1 – погребение 58 (раскопки Р.Ф. Ворониной); 2 – погребение 3 (раскопки П.П. Ефименко); 3 – погребение 10 (раскопки П.П. Ефименко); 4 – погребение 9 (раскопки П.П. Ефименко); 5–6 – погребение 63 (раскопки Р.Ф. Ворониной); 7 – погребение 67 (раскопки Р.Ф. Ворониной); 8 – погребение 49 (раскопки Р.Ф. Ворониной). Бронза

3) с биконическим грузиком (Иваньково, п. 40 (2 экз.)⁵³, 63⁵⁴) (рис. 7: 5); длина около 3,6–3,8 см;

4) с массивным уплощенным шаровидным грузиком (рис. 7: 6–8) (Иваньково, п. 49⁵⁵, 63, 67⁵⁶, раскопки Р.Ф. Ворониной); на верхнем конце данной подвески до 6 оборотов, длина стержня около 3,5–3,9 см.

Как было сказано, подвески этого типа являются культуроопределяющим признаком древней «мордвы» и лишь в единичных случаях встречаются у окских финнов⁵⁷. В III–V вв. н.э. у «мордвы» Верхнего Посурья известны конические, биконические и бипирамидальные грузики с 2–3 оборотами на верхнем конце⁵⁸. Биконические грузила бытуют в III – первой половине IV в. н.э.⁵⁹, по другим разработкам – во второй половине IV – начале V в. н.э.⁶⁰ Подвески с бипирамидальным грузиком распространяются у древней «мордвы» с IV в. н.э.⁶¹ и встречаются до VII в.⁶²

Нехарактерным представляется наличие в Ивановском могильнике каплевидных и шаровидных грузиков, хотя еще Л.А. Голубева отмечала в Селиксенском, Ражкинском, Селикса-Трофимовском, Абрамовском и Ивановском наличие «неправильно-бипирамидальных» грузиков⁶³. Судя по рисункам, особенно разнообразны и неустойчивы были формы грузиков Абрамовского могильника, датируемого в основном IV–V вв. н.э., в Арзамасском Потешье. Известны здесь и привески с каплевидными грузиками⁶⁴. Каплевидный грузик представлен также в Армиевском могильнике (п. 177, раскопки М.Р. Полесских)⁶⁵. Аналогичные подвески с шаровидным грузиком известны в Абрамовском могильнике⁶⁶. Видимо, вариабельность «мордовских» подвесок с грузиком характерна больше для северных памятников данной культуры.

Интересно, что в материалах могильника есть и иной тип височного украшения. Это «петельчатого» типа подвеска с очковидной подвеской из круглой в сечении медной проволоки и с двумя идентичными, но меньшего размера подвесками на петлях, с парными трапециевидными пластинами на концах (еще две были под челюстью) (Иваньково, п. 10, раскопки П.П. Ефименко) (рис. 7: 9). Подвеска представляется своеобразным соединением двух типов височных подвесок, бытовавших в рязано-окской среде на 3-м периоде развития (V в. н.э.)⁶⁷.

Очень важным и отличительным для «древнемордовского» населения является наличие специфических форм накосных украшений ленточного типа. Однако они в Ивановько очень невыразительны, а самое богатое (где обычно наиболее четко проявляется этнокультурная специфика населения) погребение 10 содержало украшение несколько отличного облика (рис. 8).

Четыре ремешка в бронзовых спиральных пронизях были соединены по четыре в полуовальной пластине с жемчужным орнаментом и тремя отверстиями (рис. 9: 8), а ниже – в умбовидных и полусферических бляшках с отверстиями (рис. 9: 11–13, 15–16). На концах ремешков могли располагаться конические подвески с ушком и конические, свернутые из пластины с пробитым отверстием (рис. 9: 10, 14). Р.Ф. Воронина считает, что кисти накосника крепились к пластине с помощью небольшой плоской бронзовой прямоугольной обоймы с сомкнутым проволочным бронзовым колечком на конце, найденной слева от черепа⁶⁸ (рис. 9: 9) (Иваньково, п. 10, раскопки П.П. Ефименко).

Накосник близок по конструкции к затылочной кисти классического образца женских погребений рязано-окских могильников, где ремешки в бронзовых спиральных пронизях скреплялись по 4 и по 2 небольшими пластинчатыми прямоугольными обоймами с жемчужным орнаментом и закреплялись к головному убору с помощью двух пряжек: такие характерны для 3-го периода развития данной культуры (V в. н.э.)⁶⁹. Для «древнемордовского» костюма с IV в. н.э. характерно использование в накосниках крупных полусферических и умбовидных блях в качестве разделителей ремешков, продетых в спиральные пронизи⁷⁰, а позднее – в сочетании с пластинчатыми прямоугольными обоймами с мелкой «зернью»⁷¹, чего мы совершенно не видим в Ивановько.

Иваньковский могильник – 1926 г.

Погребение 10:

- 1–2 – височные подвески,
- 3 – сьюльгама,
- 4–7 – гривны (под ними > 2000 бус),
- 8 – подвески петельчатые с трапециевидными подвесками и трубчатая,
- 9 – составной наконсник (бронзовая пластина, четыре спирали, четыре бляшки, две бутылчатые подвески),
- 10 – три круглые бляшки,
- 11 – сьюльгама,
- 12 – следы рассыпавшихся оловянных или свинцовых украшений,
- 13 – обойма с кольцом,
- 14 – кельт,
- 15 – наконечник копья,
- 16 – железное кольцо на конце копья,
- 17 – железный стержень,
- 18 – две сьюльгамы,
- 19–20 – браслеты (пластинчатый и дровый),
- 21 – браслет из проволоочных спиралей,
- 22–24 – кольца,
- 25–27 – браслеты (пластинчатый и дровый),
- 28–31 – составной пояс с накладками, сьюльгамами и поясными кистями,
- 32 – нож,
- 33 – пряжка,
- 34–35 – наконечник пояса с калачиковидными накладками,
- 36 – пряжка,
- 37 – бляшка,
- 38 – обувные ремни со спиралями и двусоставными наконечниками.

Рис. 8. План погребения 10 Иваньковского могильника (по П.П. Ефименко, 1927)

Довольно трудно выделить в Иваньковском могильнике еще какие-либо культууроопределяющие элементы костюма. Здесь не так много каких-либо ярких комплексов и специфических вещей. Пожалуй, отдельно стоит сказать о поясном наборе из погребения 10 Иваньковского могильника (раскопки П.П. Ефименко).

Поясной набор был зафиксирован уложенным поверх костяка в области пояса (рис. 8). Пояс имел четыре распределительных кольца и три сьюль-

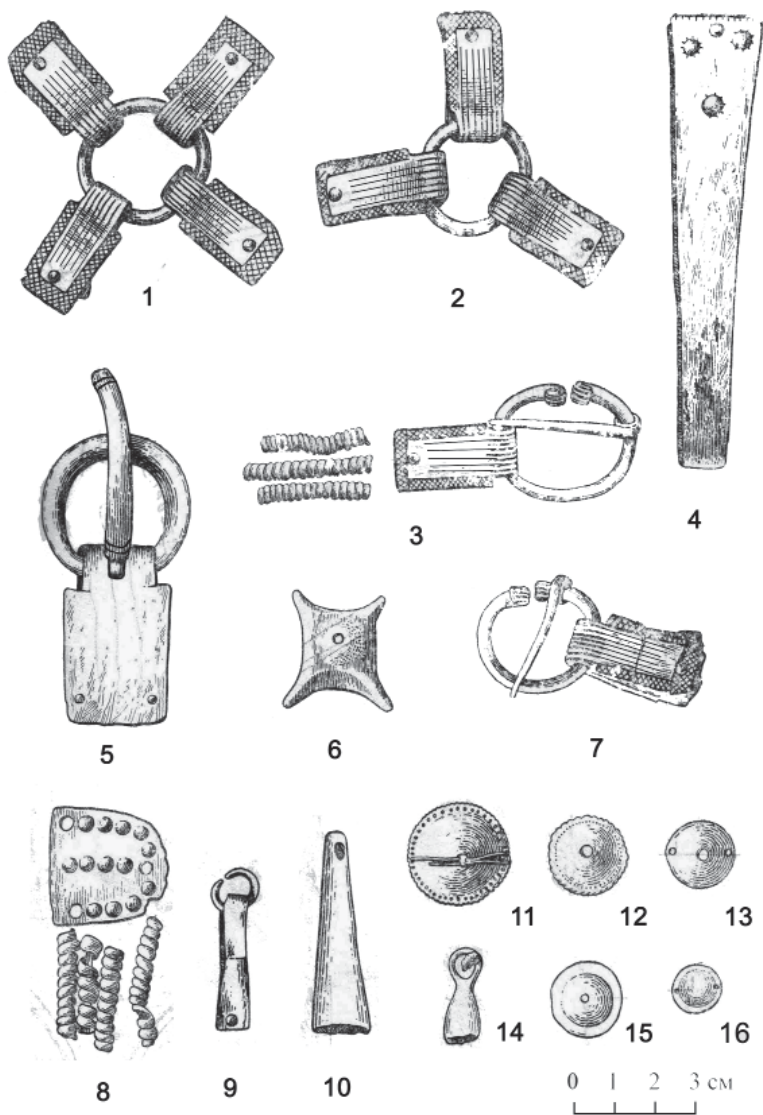

Рис. 9. Детали пояса (1–7) и наконсика (8–15) из погребения 10 (раскопки П.П. Ефименко). Бронза

гамы с обоймами (рис. 9: 1–2, 3, 7). От трех обойм вниз спускались ремешки (поясные кисти), продетые в спирали и заканчивающиеся коробчатыми привесками (рис. 9: 6). От двух обойм ремешки со спиралями были направлены вверх и заканчивались обоймами с кольцевыми застежками. Наконечник пояса представлял собой длинную бронзовую, перегнутую пополам пластину трапецевидной формы, с тремя выдавленными жемчужинами в основании

(рис. 9: 7). На поясе была бронзовая пряжка (рис. 9: 5). К поясу портупейным ремнем были пристегнуты деревянные ножны с длинным ножом.

Аналогии элементам поясного набора можно найти в поволжско-финских материалах. Четыре кольца-распределителя с пластинчатыми обоймами в комплекте с кольцевыми застежками с такой же обоймой известны в жертвенном комплексе в подбое погребения 5 Степановского могильника⁷², среди подъемного материала из Тезиковского могильника⁷³. Определить их назначение невозможно. Однако в погребении 70 Армиевского некрополя мы видим более упрощенный вариант такого наборного пояса с двумя обоймами на кольце, крепившемся к одежде с помощью кольцевой застежки. Такие же наборы найдены в погребении 40 (у локтя правой руки) и погребении 111 (в ногах)⁷⁴. Все эти погребения женские. Традиция использовать коробчатые подвески в качестве поясных кистей также известна у древней «мордвы»⁷⁵. Таким образом, на примере женского пояса из Иваньковского могильника мы видим весьма специфичное сочетание сюльгам и коробчатых подвесок, что находит параллели именно в «древнемордовской» среде.

Керамический комплекс. Для Иваньковского могильника не характерны погребения с керамикой, чего нельзя сказать о других синхронных «древнемордовских» погребальных памятниках. В Иваньково известны всего четыре сосуда (к сожалению, все по рисункам или фотографиям).

1. Миниатюрный сосуд из погребения 37 (рис. 10: 1) (известен по рисунку Р.Ф. Ворониной) отличается высокими пропорциями, слабой профилировкой, коротким плечиком, удлинённым, слегка отогнутым наружу венчиком и имеет орнаментальный поясок из насечек по горлу. По Р.Ф. Ворониной – лепной сероглиняный⁷⁶.

Ближайшие аналогии данному сосуду как по форме и пропорциям, так и по орнаментации есть в материалах Кошибеевского могильника⁷⁷. Данные горшки высоких пропорций появляются в Нижнем Посурье во II–III вв. (известны в Сендимиркинском могильнике и на городище Ножа-Вар) и, вероятно, восходят к «позднекифским» древностям типа Ишутинского городища на Верхнем Дону⁷⁸.

2. Горшкообразная глубокая профилированная округлобокая миска с длинным плечиком, коротким, плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 10: 2) (известна по рисунку Р.Ф. Ворониной) из погребения 18 Иваньковского могильника (раскопки Р.Ф. Ворониной) близка к типу Г23с по типологии В.В. Гришакова.

Бликие типы посуды известны в материалах Безводнинского и Абрамовского могильников⁷⁹.

3. Горшковидная глубокая миска с резко отогнутым наружу венчиком средней длины, с выраженным ребром-перегибом на внутренней поверхности венчика, со сглаженным ребром стенки в месте наибольшего расширения тулова, чуть ниже середины общей высоты сосуда (Иваньково, п. 61, раскопки Р.Ф. Ворониной) (рис. 10: 3). К сожалению, данный сосуд также известен лишь по рисунку Р.Ф. Ворониной, которая охарактеризовала его как лепной «сероглиняный»⁸⁰.

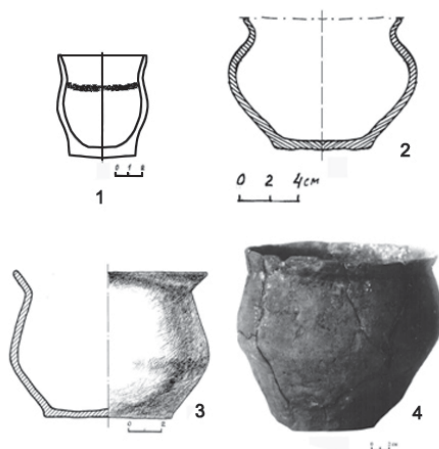

Рис. 10. Керамические сосуды: 1 – погребение 37; 2 – погребение 18; 3 – погребение 61 (все – раскопки Р.Ф. Ворониной); 4 – погребение 6 (раскопки П.П. Ефименко)

Кажется вероятным связать данный сосуд с группой сосудов с т.н. «зигзагообразным профилем», выделенным А.М. Обломским (типа Ш.3б, только ребро сглажено), хотя здесь ребро чаще находилось чуть выше середины общей высоты сосуда. Вероятно, это подражание. Данная категория посуды встречается в Никитинском могильнике окских финнов, Безводнинском, Абрамовском могильниках волжских финнов, в Верхнем Подонье, на городище Лбище на Самарской Луке. А.М. Обломский связывает эту посуду с инфильтрацией черняховского населения⁸¹ в лесную зону и датирует концом IV – началом V в. н.э.⁸²

4. Определенные сложности возникают при определении формы горшка из погребения 6 Ивановского могильника (известен по архивной фотографии из ИИМК РАН) (рис. 10: 4). Профиль данного горшка сильно отличается с разных сторон сосуда. В целом он округлобокий, с местом наибольшего расширения примерно посередине высоты сосуда, слабопрофилированный, с перегибом на внутренней поверхности горла, с коротким, отогнутым наружу венчиком. Близок к серии 2 керамики рязано-окских могильников⁸³.

Таким образом, отражая разные направления влияния, в целом посуда Ивановского могильника вписывается в волжско-финские и «древнемордовские» керамические типы. Однако труднообъяснимым остается факт столь редкого использования посуды в погребальной практике здесь, что резко выделяет Ивановское среди других «мордовских» некрополей и сближает с камскими финнами.

Итак, в целом анализ погребального обряда, украшений и керамики говорит о «древнемордовской» принадлежности Ивановского могильника. Однако исследования выявили и весьма существенную специфику данного памятника. В частности, об этом говорят особенности наиболее характерно-

го украшения культуры – наличие в комплексах височных подвесок с шаро-видными и каплевидными грузиками. Вопрос о своеобразии височных при-весок с грузиками на северных памятниках «древнемордовской» культуры, таким образом, требует специального изучения и, видимо, отражает локаль-ное своеобразие. К «мордовским» признакам можно отнести традицию ис-пользования коробчатых подвесок на ремешках в качестве поясных кистей, сюльгам с обоймами в составе пояса (п. 10, Ивановское, раскопки П.П. Ефи-менко). Большинство вещей Ивановского могильника характерно в целом для волжско-финского мира – как для культуры рязано-окских могильников и древней «мордвы», так и ранних погребений Младшего Ахмыловского и Безводнинского могильников (коробчатые, бутыльчатые, трубчатые под-вески, большинство типов гривен и браслетов, бляхи с крышкой). Вывод Р.Ф. Ворониной о том, что материалы памятника не образуют устойчивых «древнемордовских» комплексов, вполне актуален: в составе наконечников нет умбоновидных блях, почти не представлены нагрудные бляхи (ранних типов нет вообще) и головные венчики, очень мало посуды в погребениях. Погре-бальный обряд показывает большое разнообразие в похоронных традициях, хотя в целом в «древнемордовской» культуре встречаются все перечисленные выше варианты обрядности. При этом выделяется большой процент захоро-нений с кремацией. Видимо, перечисленные выше особенности связаны в первую очередь с периферийным положением нижнесурской группы «древ-немордовской» культуры и Ивановского могильника в частности. Он нахо-дился на самой северо-восточной ее окраине, а по Суру достаточно близко к памятникам лесостепи на юге (позднескифского, киевского и именьковского круга), Безводнинско-Ахмыловским на ССЗ и азелинским на СВ.

Литература и источники

¹ Слова «мордва» и «древнемордовская» (о культуре) взяты в кавычки, так как, на наш взгляд, не отражают реальной этнической принадлежности населения, оставившего данные памятники, и используются в силу историографической традиции. Вопрос о соответствии археологической культуры этнической общности является в археологии предметом острых дискуссий и остается открытым.

² *Ефименко П.П.* Средневолжская экспедиция 1926–1927 г. Работы палеоэтнологи-ческого отряда в Чувашской республике // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры (СГАИМК). Л., 1929. Т. 2. С. 169–170.

³ *Трубникова Н.В.* Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // НА ИА РАН. № 1462. С. 17.

⁴ *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М., 1961. № 95. С. 113–116.

⁵ *Степанов П.Д.* Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1962. Т. 4. С. 240–241, 252–254. (МИА; № 111).

⁶ *Голубева Л.А.* Мордва // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1987. Карта 21: 73, 74, 84, 85. (Археология СССР).

⁷ *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры: дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2001. С. 187.

⁸ *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: [б/и], 2000. С. 193–194.

⁹Воронина Р.Ф. Нижнесурская мордва IV–VIII вв. (по материалам Ивановского могильника раскопок 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Пенза: ГУМНИЦ, 2007. Вып. 1. С. 154–155.

¹⁰Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов II Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения археолога, заслуженного работника культуры М.Р. Полесских (25–27 сентября 2008 г.). Пенза: ПГКМ, 2008. Вып. 2, т. 2. С. 103–104.

¹¹Их, несомненно, гораздо больше, но достоверных материалов «древнемордовской» культуры пока не обнаружено. Вероятно, к ней относится городище Николаевское, где местными жителями найден набор копий середины I тысячелетия н.э., и новый могильник, обнаруженный сотрудниками Чувашского национального музея (ЧНМ) в Ядринском районе Чувашской Республики.

¹²Работа с материалами Ивановского могильника возможна по разрозненным коллекциям (ЧНМ, ГИМ, ИА РАН; однако часть их потеряна), по отчетам из НА ИА РАН и неопубликованной рукописи Р.Ф. Ворониной. Автор выражает благодарность Римме Федоровне за предоставленную возможность работать с неопубликованными материалами.

¹³П.П. Ефименко в 1926 г. было изучено 19 погребений, Н.В. Трубниковой в 1957 г. 1 коллективное погребение, состоящее из трех костяков, и трупосожжение в той же могильной яме, которые она считала за 4 погребения. Н.В. Трубникова в 1969 г., а затем Р.Ф. Воронина за 1970–1972 гг. вскрыли 74 погребения (73 + п. 1а; п. 43 является кострищем). М.И. Федуловым в 2009 г. было исследовано 5 погребений. Нумерация в 1957, 1969, 2009 гг. начиналась заново (см.: *Ефименко П.П.* Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // *Материалы по археологии и этнографии Мордовии*. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. (Труды МордНИИЯЛИЭ; вып. 48); *Трубнокова Н.В.* Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // НА ИА РАН. *Трубнокова Н.В., Зубарева В.М., Краснов Ю.А.* Отчет о работах 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции 1969 года // Там же. № 3993; *Воронина Р.Ф., Краснов Ю.А.* Отчет о работах 2-го чувашского отряда // Там же. № 4229; *Воронина Р.Ф., Краснов Ю.А.* Альбом к отчету Чебоксарской археологической экспедиции 2-го чувашского отряда (1970 г.) // Там же. № 4229а; *Воронина Р.Ф.* Отчет 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 год // Там же. № 4627; *Воронина Р.Ф.* Альбом к отчету 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 г. // Там же. № 4627а; *Воронина Р.Ф.* Отчет о раскопках Ивановского могильника в 1972 г. 2-й чувашский отряд Чебоксарской экспедиции // Там же. № 4918; *Воронина Р.Ф.* Альбом к отчету о раскопках Ивановского могильника в 1972 г. 2-й чувашский отряд Чебоксарской экспедиции // Там же. № 4918а; *Федулов М.И.* Отчет о проведенных охранно-спасательных раскопках на территории Ивановского могильника в Ядринском районе Чувашской Республики в 2009 году. Чебоксары, 2010 // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2678. Инв. № 9499.

¹⁴Определенные сложности вызывает поиск мест раскопок 1926 г. под руководством П.П. Ефименко. Несмотря на то, что им был составлен план, последующим экспедициям он не был известен, и они работали без учета его перекопов. При этом к 1969 г., когда был составлен второй план могильника, линия берега сильно изменилась. Выйти из положения позволяет тот факт, что в раскопе II 1969 г. были зафиксированы следы раскопок П.П. Ефименко. При наложении планов 1926 г. на планы 1969–1972 гг. и 2009 г. выяснилось, что единственный вариант местоположения раскопок П.П. Ефименко, при котором в них не попадали погребения, изученные позднее, и при котором его раскопы попадали в раскоп II 1969 г. и практически не задевали другие раскопы, представлен на рисунке 1 (см.: *Трубнокова Н.В., Зубарева В.М., Краснов Ю.А.* Отчет о работах 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции 1969 года. С. 39).

¹⁵Воронина Р.Ф. Нижнесурская мордва IV–VIII вв. С. 156.

¹⁶Там же.

¹⁷Р.Ф. Воронина называет все захоронения с разрушенными костяками вторичными, однако в большинстве случаев их сложно отличить от обряда обезвреживания покойника, когда могила раскапывалась через определенное время и часть костей покойника оказыва-

лась нарушенной (разломанной, сдвинутой, вытащенной). Кроме того, нарушение анатомического порядка может быть вызвано и деятельностью грызунов. Отличить данные случаи друг от друга можно только с помощью детального анализа стратиграфии и планиграфии могильной ямы или антропологического исследования, что уже не представляется возможным (см.: *Воронина Р.Ф.* Нижнесурская мордва IV–VIII вв. (по материалам Ивановского могильника раскопок 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1968–1972 гг.). С. 156).

¹⁸ *Осипова Т.В.* Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. С. 50–51.

¹⁹ Там же. С. 83.

²⁰ *Трубникова Н.В., Зубарева В.М., Краснов Ю.А.* Отчет о работах 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции 1969 года. С. 58.

²¹ *Воронина Р.Ф.* Отчет 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 год. С. 7, 9–10, 12, 15.

²² Там же. С. 17.

²³ *Воронина Р.Ф.* Отчет о раскопках Ивановского могильника в 1972 г. С. 3.

²⁴ *Трубникова Н.В., Зубарева В.М., Краснов Ю.А.* Отчет о работах 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции 1969 года. С. 40.

²⁵ Там же. С. 48–49; *Воронина Р.Ф., Краснов Ю.А.* Отчет о работах 2-го чувашского отряда. С. 27.

²⁶ *Ефименко П.П.* Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы. С. 8.

²⁷ *Воронина Р.Ф.* Отчет 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 год. С. 17.

²⁸ Возможно, в некоторых случаях костные останки не сохранились.

²⁹ *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. С. 11. (Труды МАЭ; т. 5).

³⁰ *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего Средневековья). М.: Наука, 1980. С. 22. Табл. 6.

³¹ *Шитов В.Н.* Сергачский могильник «Святой Ключ» // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. С. 134–135. (Труды МордНИИЯЛИЭ; вып. 85).

³² *Гришаков В.В.* Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре. С. 103; *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. 2000. С. 201.

³³ *Гришаков В.В.* Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. Саранск: МГПИ им. М.Е. Евсевьева, 2005. С. 6–7, 11.

³⁴ *Осипова Т.В.* Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья. С. 84–88.

³⁵ *Осипова Т.В.* Погребения с разрушенными костяками Ивановского могильника (V–VIII вв.) (по археологическим исследованиям Р.Ф. Ворониной в 1970–1972 гг.) // Пензенский археологический сборник. Пенза: ПИРО, 2012. Вып. 4. С. 183.

³⁶ *Гришаков В.В.* Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. С. 6.

³⁷ *Осипова Т.В.* Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья. С. 52, 54.

³⁸ Там же. С. 57.

³⁹ *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник ... С. 11, 30–32.

⁴⁰ *Осипова Т.В.* Погребения с разрушенными костяками Ивановского могильника ... С. 181.

⁴¹ *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). С. 11.

⁴² Там же. С. 12.

⁴³ *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник ... С. 27.

⁴⁴ *Старостин П.Н.* Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 95–96.

⁴⁵ *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. 2000. С. 201.

⁴⁶ *Гришаков В.В.* О появлении первых кремаций в пензенских могильниках // Археология Поволжья. Пенза: [б/и], 2001. С. 41–42.

⁴⁷ *Лецинская Н.А.* Вятский край в пьеноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск: [б/и], 2014. С. 209. (МИА КВАЭ; т. 27).

⁴⁸ На рисунке к монографии в материалах погребения 58 (раскопки Р.Ф. Ворониной) изображена височная подвеска с вытянутым каплевидным грузиком, стержнем длиной около 4 см. В отчете она обозначена как бипирамидальная (*Воронина Р.Ф.* Отчет о раскопках Ивановского могильника в 1972 г. С. 13], а в тексте монографии как биконическая (см.: *Воронина Р.Ф.* Нижнесурская мордва по материалам Ивановского могильника (раскопки 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1969–1972 гг.) // Личный архив Р.Ф. Ворониной).

⁴⁹ *Ефименко П.П.* Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы. С. 12.

⁵⁰ «Восьмигранные», по П.П. Ефименко (см.: *Ефименко П.П.* Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы. С. 10).

⁵¹ С «грузиком тамбовского типа», по П.П. Ефименко (см.: *Ефименко П.П.* Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы. С. 10).

⁵² В отчете не упоминается форма грузика (см.: *Воронина Р.Ф.* Отчет о раскопках Ивановского могильника в 1972 г. ... С. 12).

⁵³ В отчете – бипирамидальный (см.: *Воронина Р.Ф.* Отчет 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 год. С. 13).

⁵⁴ *Воронина Р.Ф.* Нижнесурская мордва по материалам Ивановского могильника (раскопки 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1969–1972 гг.).

⁵⁵ В отчете Р.Ф. Воронина отмечает две височные подвески с бипирамидальным грузиком в погребении 49 Ивановского могильника, хотя на рисунке изображены шаровидные. В тексте монографии указано, что подвеска имеет пять оборотов, а грузик на конце – шаровидный уплощенный (см.: *Воронина Р.Ф.* Отчет о раскопках Ивановского могильника в 1972 г. ... С. 5; *Её же.* Нижнесурская мордва по материалам Ивановского могильника (раскопки 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1969–1972 гг.).

⁵⁶ Подвеска из погребения 67 Ивановского могильника в отчете упоминается с бипирамидальным грузиком, на рисунке и в тексте монографии отмечен уплощенный шаровидный грузик (см.: *Воронина Р.Ф.* Отчет о раскопках Ивановского могильника в 1972 г. ... С. 20; *Её же.* Нижнесурская мордва по материалам Ивановского могильника (раскопки 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1969–1972 гг.).

⁵⁷ *Кравченко Т.А.* Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 134, 163.

⁵⁸ Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / В.И. Вихляев, А.А. Беговаткин, О.В. Зеленцова, В.Н. Шитов. Саранск: [б/и], 2008. С. 11–12. Рис. 5: 1–3.

⁵⁹ *Гришаков В.В.* Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО, 2008. С. 83, 93, 97.

⁶⁰ Хронология могильников населения I–XIV вв. ... С. 12.

⁶¹ *Гришаков В.В.* Хронология мордовских древностей III–IV вв. ... С. 97.

⁶² Хронология могильников населения I–XIV вв. ... С. 12.

⁶³ *Голубева Л.А.* Мордва. С. 14.

⁶⁴ *Жиганов М.Ф.* Память веков. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1976. Табл. 10: 11, 18–20.

⁶⁵ *Полесских М.Р.* Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1979. Рис. 28: 1.

⁶⁶ *Жиганов М.Ф.* Память веков. Табл. 10: 13, 16, 22, 23, 25.

⁶⁷ *Белоцерковская И.В.* Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007. Рис. 8: 40, 47. (Раннеславянский мир (РСМ); вып. 9).

⁶⁸ *Воронина Р.Ф.* Нижнесурская мордва по материалам Ивановского могильника (раскопки 2-го чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1969–1972 гг.).

⁶⁹ *Белоцерковская И.В.* Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений. С. 188, 195, 201. Рис. 3: 1.

⁷⁰ Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. ... Рис. 15: 2, 4, 5. С. 97–98.

⁷¹ Рыков П. Культура древних финнов в районе р. Уза. Саратов: Нижне-Волжский ин-т краеведения им. М. Горького при Саратов. гос. ун-те, 1930. Табл. II: 3.

⁷² Гришаков В.В. Степановский могильник IV–V вв. // Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск: МГПИ, 2009. Вып. 3. Рис. 5: 4–5. С. 70–73.

⁷³ Полесских М.Р. Пензенские могильники мордвы в IV–V вв. // Советская археология. 1962. № 4. С. 182. Рис. 2: 4.

⁷⁴ Рыков П. Культура древних финнов в районе р. Уза. Табл. XV. Рис. 77.

⁷⁵ Полесских М.Р. Пензенские могильники мордвы в IV–V вв. Рис. 2: 1. С. 180–181.

⁷⁶ Воронина Р.Ф. Отчет 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции за 1971 год. С. 11.

⁷⁷ Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. Т. 25. 1901. Табл. XII: 15, 17, 18, 19.

⁷⁸ Разуваев Ю.Д. Ишугинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н.э. Воронеж: ВГУ, 1998. Рис. 6. (Археология восточноевропейской лесостепи; вып. 12).

⁷⁹ Гришаков В.В. Керамика Абрамовского могильника // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1988. (Труды МордНИИЯЛИЭ; вып. 93.). Рис. 3: 5, 7, 9; *Его же*. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. Рис. 10: 13.

⁸⁰ Воронина Р.Ф. Отчет о раскопках Ивановского могильника в 1972 г. ... С. 14.

⁸¹ Можно связать с новым витком «керамической моды», вызванным усилением черняховского влияния.

⁸² Румянцева О.С. Керамика центральной группы могильников. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007. С. 254. (ПСМ; вып. 9); Гришаков В.В. Керамика Абрамовского могильника. Рис. 4: 2, 7; *Его же*. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. Рис. 10: 4; Матвеева Г.И. Памятники начала эпохи Великого переселения народов (II–IV века н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: ранний железный век и Средневековье. М.: Наука, 2000. Табл. 6.

⁸³ Румянцева О.С. Керамика центральной группы могильников. Культура рязано-окских могильников. Рис. 3: 9, 10.

N.S. Myasnikov

ON SPECIAL FEATURES OF THE LOWER SURA GROUP OF ANCIENT MORDVA CULTURE (on the materials of the Ivankovo burial ground)

The article deals with the local features of “the ancient Mordva” culture on the materials of the Ivankovo burial ground in Nizhnee Posurye. The subject of the analysis is a uniqueness of obsequies, wally and ceramics – three major ethnocultural archaeological markers. A conclusion is drawn about the existence of important local features of this necropolis connected with its peripheral arrangement in the area of “the ancient Mordva” culture.

Keywords: archeology, “the ancient Mordva” culture, Ivankovo burial ground, era of the great transmigration of peoples.

ЧГВ, 2016 г., № 11
© А.Р. Мухамадеев

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ОБЫЧНОГО ПРАВА ВОЛЖСКИХ БОЛГАР

Автор статьи выявляет пути и особенности становления и формирования обычного права волжских болгар как обособленной группы болгарского сообщества в Среднем Поволжье. Волжские болгары пришли в этот регион с установившимися нормами обычного права, основанными на древнетюркских обычаях и традициях. Общественно-правовые нормы волжских болгар совершенствовались и развивались в местных условиях.

Ключевые слова: болгарское сообщество, волжские болгары, обычное право, древнетюркское право, преемственность.

Становление обычного права волжских болгар – это длительный процесс, датируемый как минимум с образования первых тюркских государственных объединений, например государства азиатских гуннов (хунну), расцвет которого приходится на период с III в. до н.э. до I в. н.э. Несмотря на общетюркские корни и схожие с другими тюркскими народами правовые обычаи, некоторое обособление системы норм обычного права раннесредневековых болгар можно было бы определить с первой трети VII в., когда в Приазовье и Западном Предкавказье в процессе распада Западнотюркского каганата появилось новое государственное объединение – Великая Болгария. Затем формирование обычного права болгарского сообщества в Европе продолжалось в составе Хазарского государства.

Возможность обособления норм права болгар объясняется следующими причинами. Во-первых, нет совершенно одинаковых норм обычного права даже у тесно взаимодействующих соседних или родственных народов.

Алмаз Раисович Мухамадеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: almazrm42@mail.ru.

На Кавказе, например, не имеется такой правовой системы, которая претендовала бы на всеобщее признание, несмотря на многовековое тесное соседство, а порой и близкое родство. Возьмем осетинские, кабардинские, аварские и даргинские нормы обычного права, которые, хотя и характеризуются относительным сходством, но в некоторых отношениях коренным образом отличаются друг от друга. Балкарская система обычного права обнаруживает много разительных контрастов с карачаевской системой, хотя это самые близкие, родственные народы, практически говорящие на одном языке¹.

Во-вторых, после образования Великой Болгарии продолжалось развитие обычного права при совершенно новых условиях, обусловленных созданием собственно болгарского государственного объединения. Кубрат-хан, опираясь на союз с Византией, добился полной независимости. Началось государственное строительство, возрождались разрушенные гуннами города, развивались ремесла, торговля.

Процесс продолжался на Средней Волге, где начинало формироваться новое государство. Создание единого болгарского сообщества шло путем объединения родственных, но разных племенных групп, которые переселялись на новую родину с разных территорий в разное время. Соответственно, у каждого из них имелись свои особенности и нюансы применения права. Появление нового государства требовало закрепления норм права, общих для всех племен, входивших в болгарское сообщество и признанных центральной властью.

В ходе постепенного объединения племен в Среднем Поволжье происходило дальнейшее обособление правовых обычаев и норм обычного права волжских болгар от общетюркских, воспроизводивших механизм регулирования имевшихся общественных отношений с периода древнего до первоначальных государственных образований.

Особенностью становления обычного права на начальном этапе является то, что оно выражается как юридическое действие, факт. Причем русские летописи, например, и другие источники расценивают как равнозначные факты как следующие из права, так и нарушающие его. Четкие предписания, указывающие на обычаи, типичные для того времени, содержатся в совокупности терминов текстов договоров киевских князей с византийскими императорами X в., где этот источник именуется как «ряд», «устав», «покон», «закон русский»².

Волжские болгары пришли в этот край с установившимися нормами обычного права, которые совершенствовались в местных условиях. Часто подчеркивается, что у каждого народа свое обычное право, передаваемое из поколения в поколение, что схожесть юридической природы обычного права у разных народов лишь кажущаяся³. Это означает, что норма обычного права каждого этноса, как правило, характеризуется универсальностью формулировки и имеет пространственные параметры, будучи применимой только в данном этническом социуме. Если делать акцент на особый характер системы ценностей, свойственной каждому народу, неизбежен вывод, что сфера применения каждой нормы обычного права определяется или мо-

жет быть определена раз и навсегда для той ситуации, к которой эта норма относится. В силу различных представлений разных народов о преступлении, вине, наказании область действия любой нормы обычного права будет меняться в зависимости от конкретных обстоятельств, при которых рассматривается вопрос о ее применении.

В целом, формирование и развитие права собственно Волжской Болгарии домонгольского периода можно разделить на два основных этапа: первый этап – с VIII в. до первой четверти X в., доисламский (языческий) период, второй этап – с первой четверти X в. до первой четверти XIII в., мусульманский период.

Первый этап характеризуется применением на территории государства норм обычного права волжских болгар, которые развивались и совершенствовались в данном, конкретном регионе и приспосабливались к местным условиям, особенно в областях уголовного, торгового, налогового, таможенного права и т.д. Наличие особенностей в обычном праве волжских болгар в отличие от их обычного права предыдущих этапов развития – закономерность, обусловленная приспособлением к условиям проживания на данной территории. Племена болгар, переселившиеся в Среднее Поволжье в VII–IX вв., к концу IX в. создали здесь новое государственное образование. В начале X в., к моменту появления здесь арабского посольства, Волжская Болгария являлась ранним государством, общество и система права которого развивались в совершенно других географических и климатических условиях. Непосредственное общение с финно-угорским населением и другими тюрками, ранее прибывшими в регион, средний климат, наличие на новой родине лесных массивов, близость границ к инородческим русским (викингам) и славянам, выход на бескрайние северные районы, богатые пушниной, а также многие другие обстоятельства предопределили некоторые особенности применения норм обычного права среди волжских болгар.

Второй этап обусловлен принятием волжскими болгарами на государственном уровне ислама, сопровождавшимся пересмотром системы ценностей и переходом на взаимоотношения по мусульманским законам. Вместе с тем этот переход был процессом не скорым, а постепенным. Если с момента принятия ислама форма внутригосударственных взаимоотношений Волжской Болгарии стала тождественной мусульманской (об этом говорит и факт предложения в 985 г. волжскими болгарами князю Владимиру принять ислам и т.д.), то частноправовые отношения между рядовыми общинниками долгое время оставались основанными на нормах обычного права или являлись смещением норм обычного права и шариата. Несмотря на то, что нет сведений о насильственном насаждении среди волжских болгар ислама, приобщение к мусульманской культуре сопровождалось определенными трудностями, например отказом части племенной группы сувар принять ислам.

Факт постепенного перехода волжских болгар от господствующего языческого мировоззрения, пронизывающего их жизнь и взаимоотношения от самого рождения до смерти, к мусульманской культуре подтверждается археологическими материалами. Во II–III четвертях X в. в волжско-болгар-

ских могильниках иногда в одном комплексе фиксируются проявления как язычества, так и мусульманства. В Танкеевском и Тетюшском могильниках обнаружены две могилы, где вместе захоронены язычник с вещами и, видимо, его родственник – по мусульманскому обряду. Несмотря на то, что с середины и второй половины X в., по археологическим данным, в обществе господствует ислам, элементы язычества все еще фиксируются. Даже в XI в. в этой мусульманской стране ремесленники продолжали изготавливать изделия в языческих традициях: кресала с коньковыми рукоятками, шумящие подвески с коньковыми щитками, накладки с зооморфными и антропоморфными изображениями и т.д.⁴

К моменту посещения Ибн Фадланом Волжской Болгарии в начале X в., несмотря на наличие здесь отдельных групп мусульман, исполнение ими мусульманских обрядов и законов, в целом преобладали языческие верования и соответствующие им правила поведения. Верховенство обычного права над шариатским правом, находившимся в этот период у волжских болгар в зачаточном состоянии, было очевидно.

Описывая различные ситуации и нормы поведения языческих волжских болгар, Ибн Фадлан говорит, что это их «обычай», «их правило», «таков их закон и обычай»⁵. Ибн Русте также упоминает волжских болгар, пребывающих в язычестве: «Те же из них, которые пребывают в язычестве, повергаются ниц перед каждым знакомым, которого встречают». Он же о буртасах, находящихся в процессе болгаризации, говорит, что «вера их похожа на гузов», т.е. они язычники⁶. Ал-Бекри о буртасах: «...вера их сходна с верой гузов... Одно из племен сожигает своих убитых, а другое хоронит их»⁷. О «правиле» языческих болгар оказывать почет другому человеку, кланясь «ему в землю», сообщил и Ибн Фадлан⁸.

Практически все соседние и родственные народы, исключая часть мусульманского населения и иудейской верхушки Хазарии, как к моменту принятия волжскими болгарами ислама, так и определенное время после этого оставались язычниками. Ибн Русте писал о славянах: «Все славяне – огнепоклонники»⁹. Гардизи: «Они поклоняются быкам». В «Худуд ал-алам» и у Марвази, а также у Закарийа Казвини, с ссылкой на Масуди, утверждается, что славяне поклоняются огню¹⁰. Константин Багрянородный говорил об избрании князя «турками» (уграми): «И те сделали его князем по обычаю и закону»¹¹. Ибн Русте о мадьярах: «...вера мадьяр огнепоклонническая»¹², то есть языческая. У Гардизи: «...мадьяры – огнепоклонники», ал-Бекри также трактует мадьяр как язычников: «Маджгария – идолопоклонники и титул их царя Кнда»¹³.

Ал-Бекри в XI в. по материалам Ибрагима ибн Якуба (X в.) сообщил о печенегах: «И рассказывали многие из мусульман, бывших в плену в Константинополе, что печенеги придерживались веры маджусов»¹⁴. Эдриси в первой половине XII в. писал о европейских печенегах: «...держатся тех же обычаев и нравов, что и русы, и сжигают своих мертвых»¹⁵. Еврейский путешественник Вениамин Тудельский (путешествовал в 1160–1173 гг.) сообщил о гузах: «...живут в пустыне, поклоняются ветру»¹⁶. О нравах

в Джурджании Ибн Фадлан писал: «Обычай их нищих таков, что нищий не останавливается у дверей, но входит в жилище кого-либо из них и сидит некоторое время у его огня, греясь. Потом говорит “шаканд”, что значит “хлеб”, и тогда дают ему чего-нибудь, а если нет, то он выходит»¹⁷.

Формы выражения обычного права у волжских болгар могли быть различными. Это – юридические символы, формулы, традиции, ритуалы, обряды, пословицы, песни и сказания и т.д. Идея права выражалась не словом и абстракцией, а конкретными символическими действиями, цель которых – показать их правомерность. В частности, к ним относились брачные обряды, похоронные ритуалы, аманаты как символ обеспечения мира, традиции воспитания сына не отцом, а дедом, а также наследования братом, а не сыном, символическое заколачивание совершившего непредумышленное убийство в деревянный ящик и рассечение человека, обвиненного в прелюбодеянии, на две части и т.д.

Характеризируя правовое развитие Руси в период с X в. по начало XII в., исследователи отмечают ее слабую связь с деятельностью государственной власти, нормативные акты которых носили частноправовой характер. При этом границы этих властных полномочий часто определялись интуитивно. Если в римском праве слово «закон» ассоциировалось со справедливостью, то у древних славян – с обычаем (то есть с нравственностью). Власть правителя, распространяясь на большую территорию, фактически сводилась к сбору дани и осуществлению судебных полномочий¹⁸. Примерно такое же положение дел мы обнаруживаем в Волжской Болгарии языческого периода.

Волжские болгары вплоть до проникновения в их общество вместе с религиозными нормами арабского алфавита применяли руническую письменность. Предметы, на которых сделаны рунические надписи (стены городищ, посуда кочевников и т.д.), и само их содержание свидетельствуют о широком распространении грамотности среди жителей Хазарии: грамотой владели простые строители крепостей и степные кочевники среднего достатка¹⁹.

Несомненно, что письменность у волжских болгар, как и в любом обществе, появилась прежде всего у представителей господствующих классов (для потребностей фиска, счета податей и товаров, для заключения договоров, составления государственных актов), служителей культа²⁰. Вместе с тем практически повсеместное распространение письменности в Хазарском каганате дает возможность предположить, что волжские болгары, родственные с хазарами и имевшие с ними теснейшие связи, также не отставали от них в грамотности.

Сомнительно, что предположения Б.Д. Грекова и Н.Ф. Калинина о неграмотности основного населения Волжской Болгарии в X в., включая даже самого царя²¹, могут соответствовать действительности. Сам факт того, что за царя Алмышья письма писали и читали другие лица, на что указывают исследователи, может говорить не столько о неграмотности правителя, сколько о его особом положении в обществе.

В начальный период, по мнению Г. Давлетшина, волжские болгары писали на деревянных досках, покрытых воском, и на хорошо обработанной бересте. Известная до сих пор поговорка «Тузга язмаганны сөйләмә» («Не говори того, что не написано на бересте»), с одной стороны, свидетельствует о том, что береста была у тюрков материалом для письма, с другой – отражает их безграничное уважение ко всему, что выражено письменно, то есть к письменности вообще. Даже татарское слово «язмыш» («судьба») связано с письмом и дословно означает «предписанное»²².

Вместе с тем мы также можем предположить, что условный запрет утверждать обратное или говорить наперекор написанному на бересте свидетельствует о том, что на ней могли быть отражены правовые нормы, обычаи и правила волжских болгар. Нарушение этих норм поведения и быта было недопустимо, отклонение от них считалось недействительным, не подлежало даже обсуждению.

Исходя из изложенного можем заключить следующее. В Волжской Болгарии нормы обычного права были частью общего языческого мировоззрения, основанного на общетюркских традициях. Нормы обычного права волжских болгар, как уголовно-правового, так и частноправового характера, находят много общего с общественно-правовыми взаимоотношениями в Гуннской державе, Тюркских каганатах, государственно-племенных образованиях болгарского сообщества (утригуров, кутригуров, Причерноморской Болгарии, Дунайской Болгарии и проч.), Хазарского государства и т.д. Наряду с этим здесь можно встретить только присущие волжским болгарам элементы применения норм права, особенно в части наказаний за преступления.

Литература и источники

¹ *Яхтанигов З.* Обычное право на Кавказе: вопросы источников, компиляции и рецепции // История государства и права. 2008. № 24. С. 21.

² *Некрасов М.А.* Особенности становления правового обычая в российском праве // История государства и права. 2008. № 21. С. 21.

³ *Яхтанигов З.* Указ. соч. С. 23.

⁴ *Казаков Е.П.* О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. Казань, 1993. С. 12, 19.

⁵ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьк. гос. ун-та им. М. Горького, 1956. С. 124, 130, 132.

⁶ *Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн Даста. СПб.: Тип. Императ. академии наук, 1869. С. 20, 23.

⁷ *Куник А.А., Розен В.Р.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб.: Тип. Императ. академии наук, 1878. С. 62.

⁸ *Ковалевский А.П.* Указ. соч. С. 130.

⁹ *Хвольсон Д.А.* Указ. соч. С. 33.

¹⁰ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. С. 115.

¹¹ Сочинения Константина Багрянородного «О номах» и «О народах» / предисл. Г. Ласкина. М.: Университетская типография, 1899. С. 143.

¹² *Хвольсон Д.А.* Указ. соч. С. 27.

- ¹³ Куник А.А., Розен В.В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах... С. 63.
- ¹⁴ Там же. С. 59.
- ¹⁵ Хвольсон Д.А. Указ. соч. С. 50.
- ¹⁶ Три еврейских путешественника XI и XII ст. Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахий Регенбургский. СПб.: Тип. Цедербаума и Голденблюма, 1881. С. 110.
- ¹⁷ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁸ Некрасов М.А. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁹ Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1976. С. 46.
- ²⁰ Материалы по истории Татарии. Вып. 1 / отв. ред. И.М. Климов. Казань: Таткнигоиздат, 1948. С. 178.
- ²¹ Там же.
- ²² Давлетишин Г. Булгарская письменность (раннебулгарский и домонгольский периоды) // Эхо веков. 2008. № 1. С. 29.

A.R. Mukhamadeev

ON SOME SPECIAL FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE VOLGA BULGARS' COMMON LAW

The author of the article reveals the ways and features of the Volga Bulgars' common law formation as an isolated group of the Bulgar community in the Middle Volga region. The Volga Bulgars came to this region with their established norms of common law, based on ancient Turkic customs and traditions. The socio-legal norms of the Volga Bulgars have been improved and developed under the local conditions.

Keywords: Bulgar community, the Volga Bulgars, common law, ancient Turkic law, continuity.

Статья посвящена историографическому анализу отечественных исследований по вопросам этнической, религиозной и языковой принадлежности, а также социально-экономического положения «ясачных чувашей» Казанского края. В ней подведены некоторые итоги исследования проблемы «ясачных чувашей», позволяющего выявить недостаточно изученные сюжеты.

Ключевые слова: болгарское наследие, «ясачные чувашаи», казанские татары, Казанское ханство, этническая история, отечественная историография.

С понятием «ясачные чувашаи», встречающимся в русских документах XVI–XVII вв., связан широкий круг дискуссионных вопросов, разрешение которых весьма затруднено практически полным отсутствием источников по истории Казанского ханства. Тем не менее в отечественной историографии имеется большой массив исследований, посвященных различным аспектам истории ясачного населения Среднего Поволжья в составе Казанского ханства и Российского государства. На наш взгляд, наибольший интерес представляют вопросы этнической, религиозной и языковой принадлежности, социально-экономического положения группы населения, именуемой в источниках «ясачная чуваша», поскольку политический аспект их истории получил достаточно широкое освещение. Литературу по данной проблематике условно можно разделить на дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

В дореволюционной историографии история «ясачных чувашей» не являлась предметом специального изучения. Преимущественно она рас-

Светлана Валерьевна О х о т н и к о в а – кандидат исторических наук, научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: svetlana-goncharova7@rambler.ru.

сма тривалась в непосредственной связи с историей Казанского ханства и вхождения народов Среднего Поволжья в состав Московии. Первым историческим исследованием, содержащим некоторые сведения о нетатарских народностях, проживавших на территории Казанского ханства, является работа московского дворянина А.И. Лызлова, написанная к 1692 г.¹ В его работе, хотя и достаточно редко, упоминаются чуваш и марийцы, находившиеся первоначально в подчинении казанского хана, а позднее – русского царя. Автор сообщает о помощи, оказанной русскому войску при походе на Казань в 1552 г. со стороны «черемисы горной», чувашей и мордвы, которые, «начав покоряться благочестивому царю», возводили мосты, устраивали гати на болотах и т.д.

Несколько в ином ключе написана работа профессора Казанского университета К.Ф. Фукса «Краткая история города Казани»². Опираясь на богатую источниковую и историографическую базу, автор описывает многочисленные набеги «татар» и «черемисов» (под этими названиями в источниках упоминаются марийцы и чуваш) под предводительством казанских ханов на русские земли, а также восстания ясачного населения Казанского края против гнета русских феодалов во второй половине XVI в.

Некоторые аспекты изучаемой темы (участие нетатарских народов Казанского ханства в военных действиях против русских войск, добровольное вхождение правобережных чувашей и марийцев в состав Русского государства) получили более полное освещение в книге краеведа Н.К. Баженова³.

В XIX в. появились этнографические исследования, посвященные чувашам. Автором первого этнографического очерка о быте и верованиях чувашей является уездный землемер Симбирской межевой конторы К.С. Милькович. В собранных им материалах чуваш названы потомками болгар, являвшимися до крещения язычниками и населявшими Казанский и Симбирский уезды. Ошибочными являются утверждения автора о происхождении чувашского языка от смешения сарматского языка с татарским, а также о кочевом образе жизни чувашей-язычников⁴.

Ценные замечания по истории «ясачных чувашей» содержатся в историко-этнографических трудах С.М. Михайлова (Яндуша)⁵. В них затронут вопрос о болгарском происхождении чувашей, охарактеризовано положение ясачного населения в составе Казанского ханства, приведены сведения о языческих верованиях и крещении чувашей. По мнению историка, чуваш до походов на Казань «скрывались у летописцев русских под именем татар, с которыми они проживали несколько веков в Казанском ханстве, и многие женились на их дочерях и переходили в мухаммеданскую веру, равно и татары в старину, соединяясь с чувашами, женились на дочерях сих последних, так что ныне найдется несколько деревень чуваш, происшедших от татар, и татар, происшедших от чуваш»⁶. Заслугой С.М. Михайлова является введение в научный оборот ценного документа о землевладении чувашских крестьян – «Грамоты об именовании чуваш татарами» от 10 июня 1689 г.⁷

Кроме С.М. Михайлова, встречающимся в источниках XV–XVII вв. именованном чувашей татарами интересовался И.Н. Юркин. Им высказана

точка зрения, что «татары, живущие на территории бывших Булгарского и Казанского царств, не потомки татар-монголов... а лишь магометане-чуваши». Не учитывая участие кыпчакского элемента в формировании татарской народности, автор относит татар к «потомкам предков современных чуваш, древних болгар на Волге», принявшим ислам, а категории населения, названные в документах «ясашными чувашами» и «ясашными татарами», «служилыми чувашами» и «служилыми татарами», – к этническим чувашам, разделенным русской администрацией по религиозному признаку⁸.

Большой интерес для изучения социально-экономического положения тяглого населения Среднего Поволжья представляет магистерская диссертация видного историка Н.А. Фирсова⁹. В данном исследовании автор ошибочно отнес чувашей к народам финского происхождения. Он считал, что после оседания татар в Казанском ханстве большинство его населения оказалось в зависимом положении. Вместе с тем исследователь находил поборы в пользу хана и татарских феодалов умеренными и допускал сохранение некоторой личной свободы ясачных людей. По мнению Н.А. Фирсова, от ясачных повинностей не была свободна и некоторая часть татар, «не попавшая в разряд благородных». Характеризуя вероисповедания тяглого населения Казанского ханства, историк подчеркивал, что «многие поколения оставались по-прежнему в язычестве, да и из тех, среди которых было распространено магометанство, не все изменили обычаи прежней жизни»¹⁰. В отношении чувашей автор придерживался мнения о сохранении ими своего языка и обычаев, несмотря на принятие некоторой их частью ислама. Н.А. Фирсов указывал, что после присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству чувашаи продолжали делиться на классы служилых и ясачных людей, причем последние, по его мнению, несли тяжелые повинности и подвергались произволу со стороны чиновников.

Несколько отличаются от вышеизложенных положений научные воззрения Г.И. Перетятковича. В монографии «Поволжье в XV и XVI века: очерки по истории края и его колонизации» на основе анализа большого количества документов и трудов по истории Поволжья автор характеризует хозяйство, управление, религию и язык ясачного населения Казанского ханства. В отличие от Н.А. Фирсова, Г.И. Перетяткович считал татар «племенем, господствовавшим и управлявшим остальными»¹¹. Чуваши, по его мнению, имели финское происхождение, но подверглись сильному влиянию тюркских племен, что отразилось в чертах их лица и языке. Территорией расселения чувашей автор считает преимущественно правобережье Волги, также они, на его мнению, проживали на левобережье в Арской земле. Большинство чувашей, на его взгляд, оставались язычниками, но некоторые из них являлись приверженцами ислама. Социально-экономическое положение ясачных «инородцев» в Казанском и Свияжском уездах, распространение среди них христианства рассмотрены историком в более поздней работе¹².

Сторонник воззрений об этнокультурной преемственности между булгарами и татарами Поволжья, татарский историк Ш. Марджани,

характеризуя население Казанского ханства, в своем сочинении «Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара» причисляет чувашей к угро-финским народам, проживавшим на его периферии¹³. Относительно религиозных верований чувашей и марийцев ученый замечает, что в период существования ханства они исповедовали ислам, а в составе Русского государства поверхностно приняли православие, смешав в итоге основы язычества и христианства.

Работа историка М.Н. Пинегина «Казань в ее прошлом и настоящем» носит компилятивный характер и не содержит принципиально новых взглядов. Автор относит чувашей Казанского ханства к финским племенам, платившим ясак в пользу казанской аристократии¹⁴. Освещая положение ясачного населения в составе Русского государства, он анализирует причины восстаний «инородцев» и описывает их христианизацию.

Некоторые аспекты этнополитической ситуации в Казанском ханстве освещены в труде татарского историка Г. Ахмерова «История Казани». Идеализируя положение нетатарского населения и отрицая наличие религиозного и экономического давления мусульман на язычников, автор подчеркивает, что «арские, чувашские, черемисские, башкирские племена Казанского ханства жили, как один народ» и вместе защищали Казань от «русского ига»¹⁵.

Булгарский след в происхождении чувашского народа прослежен в труде Н.А. Спасского «Очерки по родиноведению: Казанская губерния»¹⁶. Автором сделан вывод о принадлежности татар Казанского ханства к аристократическому слою, а местных «инородцев» – к податному.

В конце XIX – начале XX в. свой вклад в изучение истории «ясачных чувашей» внесли этнографы, в работах которых содержится сравнительный анализ этнографического и языкового материала. Относительно вопроса этногенеза чувашей в большинстве своем они являлись сторонниками теории о булгарском происхождении. В своих трудах В.К. Магницкий веру чувашей сопоставляет с религией русских, татар и марийцев, тем самым проливает свет на процесс перехода чувашей в состав татар¹⁷. В ходе последующего изучения данной темы этнографом сделан вывод, что татары, известные у марийцев под названием «суас», являлись на самом деле отатарившимися чувашами¹⁸. Попытка отличить чувашей, «говорящих своим особым наречием», но упоминавшихся в русских исторических источниках XVI–XVII вв. под собирательным именем «татары», от этнических татар, мордвы, удмуртов и марийцев была предпринята В.К. Магницким в работе «Чувашские языческие имена». Как признаёт автор, поставленная цель им не достигнута, так как чувашские имена оказались в значительной мере тождественны именам остальных «казанских инородцев»¹⁹.

В трудах Н.В. Никольского показано подчиненное положение чувашей-язычников по отношению к «татарам-мухаммеданам» до середины XVI в., выражавшееся в обязанности вносить дань и служить в ханском войске²⁰. После 1552 г. тяжелое положение ясачных чувашей, обложенных данью и оброком, обязанных нести также «государеву службу», усугубля-

лось произволом чиновников и феодальной верхушки. Автором прослежен процесс распространения ислама среди чувашского населения в Казанском ханстве и постепенной их христианизации в составе России. Г.И. Комиссаровым, сторонником тезиса об отатаривании левобережных чувашей, высказано мнение, что «чувашенин, принявший мухаммеданство», уже стыдился «именоваться чувашенином и говорить по-чувашски», а называл себя татаринном. На основании этого русская администрация, не вникая в суть дела, закрепила за чувашами-мусульманами, как утверждает этнограф, наименование «татары»²¹. По мнению ученого, чувашаи, относившиеся в Казанском ханстве к привилегированному классу, исповедовали ислам, тогда как представители низшего класса (ясачные чувашаи) – язычество.

Подводя некоторые итоги изучения проблемы «ясачных чувашей» в дореволюционный период, отметим, что в научных трудах этого отрезка времени, носящих скорее описательный, чем аналитический характер, оформились две полярные позиции. Часть исследователей склонялась к точке зрения о принадлежности татар Казанского края к служилому сословию, а чувашей – к ясачному населению, другая же часть включала татар в состав тяглого люда.

После революции 1917 г. начался кратковременный период относительно свободного развития национальной культуры, подстегнувший интерес исследователей к истории отдельных народов бывшей Российской империи. Становление советской историографии истории народов Поволжья неразрывно связано с именами казанских историков Н.Н. Фирсова и М.Г. Худякова. Их исследования были созданы в рамках господствовавшей до середины 1930-х гг. концепции М.Н. Покровского, содержащей негативные оценки завоевания Казанского ханства и дальнейшей русификации средневожских народов²². Свообразием отличаются взгляды Н.Н. Фирсова, изложенные в его книге «Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья»²³. Историк полагал, что тяглое население Казанского ханства, первоначально подчинившееся Москве, ощутив с установлением русского господства усиление ясачного гнета и притеснений со стороны служилых людей, пожелало восстановить независимость Казани, следствием чего и стали антимосковские выступления 1552–1557 гг. В последующем он указывал, что результатом колонизаторской политики Московии стали захват лучших земель Казанского края русскими служилыми людьми и оттеснение татар, чувашей и марийцев в наименее удобные для земледелия местности²⁴.

В монографии М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства», написанной на богатой источниковой базе, интерес представляет пятая глава, содержащая краткую характеристику податного сословия ханства²⁵. По мнению исследователя, «инородцы» (в том числе и «ясачные чувашаи») не были представлены в курултае, облагались многочисленными повинностями в пользу казны, среди которых основным являлся ясак, занимались экстенсивным пашенным земледелием. Отрицая насильственное обращение «инородцев» в мусульманство, автор сделал верный вывод об отатаривании жителей инородческих деревень, перешедших в ислам.

История ясачного населения Среднего Поволжья получила освещение и в вводной статье М.Г. Худякова к публикации писцовых книг²⁶. Высказанное в ней мнение о взимании с податного населения (к ним причислены и татары) ясака пушными мехами является ошибочным. Автором также отмечен факт усиленной пропаганды мусульманским духовенством ислама в среде марийского, удмуртского и чувашского населения. Исследователь считает, что такая практика способствовала закабалению местного населения феодалами и имела большое политическое значение.

В татарской историографии 1920-х гг. история народов Казанского ханства представлена в трудах Г.С. Губайдуллина (Г. Газиза)²⁷. Историк отмечает полиэтничность населения ханства. Основную ее часть составляли, на его взгляд, тюрки-татары, пришедшие из Золотой Орды, а остальное население – болгары, марийцы и чувашаи. Автор полагает, что представители разных этнических групп являлись в ханстве политически равноправными, периферийные народы ханства управлялись их собственными «князьями».

Лейтмотивом трудов чувашских исследователей 1920-х гг., освещавших историю народов Среднего Поволжья с позиций марксизма и теории торгового капитала, была идея о том, что поступательное развитие чувашского народа было приторможено экспансией России. Характеризуя положение нерусских народов Поволжья, С.А. Коричев односторонне отмечал лишь негативные последствия завоевания Казанского ханства: обложение населения непосильными налогами, захват лучших земель края русскими помещиками, выселение нерусских крестьян на менее плодородные территории, насильственная христианизация и русификация²⁸. Его взгляды разделял Д.П. Петров (Юман), полагавший, что чувашаи активно боролись за сохранение независимости Казанского ханства как до, так и после присоединения его земель к России²⁹. Относительно положения тяглого населения в Казанском ханстве Д.П. Петровым отмечено, что татары жили за счет чувашского земледельческого населения. Он считал, что многие чувашаи, стремясь освободиться от их гнета, переселялись на другие территории, а оставшаяся на левобережье часть этноса была отатарена. В работах М.П. Петрова (Тинехпи), имеющих своей основой ограниченный круг источников, высказаны следующие мысли: вхождение чувашей Горной стороны в состав Московии было добровольным, хотя и вынужденным актом; социально-экономическое положение чувашского населения в нем было более тяжелым, чем при монголо-татарском иге; в сравнении с финно-угорскими народами, чувашаи активнее принимали участие в народных движениях XVI–XVII вв.³⁰

Некоторые аспекты истории ясачных крестьян Среднего Поволжья были освещены в работах историка-марксиста И.Д. Кузнецова³¹. Он полагал, что смена татарской вассальной зависимости на русскую не принесла «черному люду» льгот в уплате дани, поэтому после покорения Казани «из года в год тянулись непрерывные мятежи, восстания мари и чувашей»³². Историк отметил, что чувашские ясачные крестьяне, являвшиеся по закону государственными, лишившись к XVII в. половины своей пахотной земли и

рыбных угодий, испытывая произвол местных помещиков и чиновничества, неся многочисленные повинности и платя непосильные налоги, на деле оказались в положении крепостного люда.

Вторая половина 1930-х гг. характеризуется усилением контроля над гуманитарными науками. История чувашского населения Поволжья и в этот отрезок времени не стала объектом специального исследования. Изучение царской политики в отношении поволжских народов, вошедших в состав Русского государства, входило в сферу интересов С.В. Бахрушина и К.В. Базилевича. В их работах отмечено угнетенное положение нетатарских народов ханства, сменившееся для ясачного населения края после взятия Казани эксплуатацией со стороны московских и местных феодалов³³. Авторы упоминают чувашей среди народов, боровшихся против русских войск во время штурма Казани, а также участвовавших в антимосковских восстаниях 1552–1557 гг.³⁴

Поворотным моментом в изучении истории народов Казанского ханства стало постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», повлекшее за собой признание большинством историков казанских татар потомками волжских болгар и развитие теории автохтонного происхождения чувашей. Новая концепция истории татарского народа получила отражение в сборнике статей «Происхождение казанских татар»³⁵. Она стала большим препятствием на пути объективного освещения истории чувашей Казанского ханства. Диссонанс в болгарскую теорию происхождения татар вносили противоречившие ей труды лингвиста С.Е. Малова и историка М.Н. Тихомирова.

Вопрос об этнических различиях чувашей и татар Казанского ханства обсуждался на страницах журнала «Советская этнография», вышедшего в свет в 1950 г. В статье П.Н. Третьякова он был рассмотрен в свете археологических данных. Ученым была обоснованно высказана мысль о том, что во времена существования Золотой Орды и Казанского ханства имел место постоянный приток в среду предков татарского народа кипчакских элементов, в то время как в среду предков чувашского народа эти элементы практически не проникали³⁶.

Схожие мысли изложены в статье В.Г. Егорова. Анализ языковых данных позволил ему утверждать, что решающую роль в формировании татарского языка сыграли пришлые ногайцы, куманы и крымские татары, а «современная лексика чувашского языка в своей тюркской части в основном почти вся болгарская». Лингвист полагает, что после разгрома Волжской Булгарии в XIII–XIV вв. «часть болгар, преимущественно сельское языческое население, смешивается с родственными чувашами, а другая, главным образом городская, мусульманская часть объединяется в отдельную народность и позднее составляет основное ядро населения Казанского ханства». Автор придерживался мнения о насильственной исламизации и отатаривании чувашского населения в составе Казанского ханства. Он отмечал, что «стремление к татаризации чувашей со стороны мулл и отчасти админи-

страции было настолько велико, что угрожало самому существованию чувашской народности»³⁷.

В статье Н.И. Воробьева на основе анализа этнографических данных сделан вывод о формировании чувашского народа путем смешения местных финских племен с болгарским этносом и отмечена родственная связь чувашей с казанскими татарами, являвшимися, по его мнению, прямыми потомками болгар. Н.И. Воробьев справедливо отмечал сильное татарское влияние на чувашей, ставшее причиной отатаривания значительной их части в XV–XVI вв. В качестве примера отатаренной группы этнических чувашей автором указаны молькеевские кряшены³⁸.

Положение татар и правобережных чувашей в составе Казанского ханства было рассмотрено в трудах М.Н. Тихомирова³⁹. Анализ источников позволил ему заключить, что татарское население, составлявшее господствующий слой, было немногочисленным и проживало в центральной части ханства. Чувашаи же среди народов, подчиненных Казанскому ханству, являлись одной из «оттертых на задний план национальностей» и не имели путей для своего развития. На взгляд историка, вхождение в состав России обеспечило чувашам временное облегчение от тяжелых поборов казанских феодалов и относительную защиту от татарских набегов, поэтому, несмотря на установившийся после 1552 г. тяжелый колониальный гнет, стало явлением прогрессивным. Схожие взгляды чуть ранее были изложены В.В. Мавродиным, отмечавшим угнетенное положение нетатарских народов ханства и прогрессивность их объединения с русским народом⁴⁰.

Социальное положение чувашских крестьян получило отражение в статье Т.Г. Гусева, посвященной присоединению Чувашии к России⁴¹. Согласно мнению автора, во многом сходному с концепцией М.Н. Тихомирова, чувашаи Казанского ханства, угнетенные господствовавшими татарами, «видели свое спасение» в объединении с русским народом. Указывая, что вхождение в состав России способствовало более быстрому подъему производительных сил и культуры чувашского народа, историк отмечал сохранение над ними гнета в социальном, национальном и религиозном отношении.

Анализу крестьянского землевладения, податей и повинностей ясачных людей в Казанском ханстве посвящена одна из глав кандидатской диссертации Ш.Ф. Мухамедьярова, основанная на данных русских писцовых книг второй половины XVI – начала XVII в.⁴² Характеризуя социальное положение юридически свободных крестьян, историк отмечает, что фактически они находились в крепостной зависимости от феодалов. К податному населению ханства, обложенному ясаком и многочисленными повинностями, историк относил только представителей нетатарских народностей края – удмуртское, марийское и чувашское население. Татары, согласно привлеченным им летописным сведениям, стали ясачными лишь в составе России. Данный взгляд получил развитие в его последующих работах⁴³.

Первыми обобщающими исследованиями по истории чувашского народа XIV–XVII вв. стали рукописи И.П. Панькова⁴⁴. Публикации, отразив-

шие взгляды ученого, вышли в свет позднее⁴⁵. Подчеркивая участие кыпчакского элемента в этногенезе татар, И.П. Паньков относил окончательное формирование татарского и чувашского народов к середине XV в. При этом он верно подметил, что долгое время современники, в том числе и русские летописцы, смешивали чувашей с татарами, присваивая собирательное название «татары» нерусским народам Среднего Поволжья. Ученым был поддержан тезис о постепенном отатаривании левобережных чувашей. Историк пришел к выводу, что социально-экономическое и культурное развитие чувашей ханства, основная масса которых находилась в статусе лично свободных «черных людей» и занималась земледелием, тормозилось господствующей верхушкой – татарскими феодалами. Автором дана достаточно объективная оценка тяжелого положения ясачных чувашей в составе Русского государства, проанализированы как положительные, так и отрицательные перемены, произошедшие в жизни тяглого населения Чувашского края после 1552 г.

В рамках болгарской теории этногенеза татар и традиционного для представителей казанской школы невнимания к истории других народов края в 1950–1980 гг. создавались обобщающие труды по истории татарского народа⁴⁶. Показательным в этом плане является первый том «Истории Татарской АССР», четвертая глава которого посвящена Казанскому ханству. Практически не уделяя внимания развитию нетатарских народов края, ее автор Н.Ф. Калинин утверждал, что основным населением ханства были казанские татары, значительная часть которых являлась ясачными людьми. При характеристике положения подчиненных ханству народов автор отметил, что казанские феодалы управляли чувашами, мари, удмуртами, мордвой и башкирами, «грабя и жестоко притесняя их»⁴⁷.

Своеобразным «ответом» на данное издание стал сборник статей «О происхождении чувашского народа», опубликованный по итогам научной сессии Чувашского научно-исследовательского института 1956 г., содержащий убедительные аргументы сторонников болгарского происхождения чувашей⁴⁸. На сессии чувашскими учеными был сделан вывод, что левобережные чувашаи постепенно принимали ислам и начинали именовать себя татарами, в результате чего многочисленное чувашское население Казанского уезда было поглощено татарским⁴⁹.

С 1950-х гг. изучением истории «ясачных чувашей» активно занимался В.Д. Димитриев. В статьях, опубликованных во второй половине десятилетия, им была изложена следующая точка зрения о ясачном обложении в Среднем Поволжье: «В Казанском ханстве он (ясак. – С.О.) представлял собой основной поземельно-подходный сбор (подать десятинную) с феодально-зависимого населения подчиненных народностей – чувашей, мари, удмуртов и некоторой части татар»⁵⁰. Как ясно из данного тезиса, первоначально историк относил часть татарского населения ханства к «черному человеку». Одна из его статей посвящена расширению территории расселения чувашских крестьян, происходившему с момента вхождения чувашей в состав России до начала XVIII в.⁵¹ По мнению автора, оно привело к улучше-

нию экономического положения чувашского ясачного населения, так как позволило значительно увеличить посевные площади и поголовье скота.

Некоторые разделы коллективной монографии «Чуваши: этнографическое исследование», написанные Н.И. Воробьевым, посвящены истории правобережных чувашей XIV–XVII вв.⁵² Автором неоднократно отмечено, что формирование чувашской народности на территории современной Чувашии протекало под этнокультурным влиянием казанских татар (на востоке, в районе реки Свияги) и русского народа. Особенностью отношений «трудовой части» чувашского народа с казанскими татарами в период существования ханства, по мнению Н.И. Воробьева, являлась их двойственность: с одной стороны, шло их сближение на базе общности хозяйственных интересов и борьбы против гнета феодалов, с другой – «было налицо стремление правительственной администрации и феодалов татаризовать чуваш и навязать им ислам, чему чувашаи упорно сопротивлялись». Как видно из данного тезиса, автор ошибочно относил часть татар ханства к «трудовому населению», то есть тяглуму люду. О положении чувашского крестьянства в Казанском ханстве и Русском государстве историк не высказал ничего нового.

Оценка положения ясачных чувашей содержится в монографии И.Д. Кузнецова «Очерки по истории чувашского крестьянства». По мнению автора, «чувашский народ в татарском ханстве, превращенный в рабов или же нестерпимо обремененный всевозможными поборами, к тому же притесняемый в религиозном отношении, при первой же возможности отпал от татарского ханства и подался на Русь». Положительным моментом вхождения чувашей в состав России в начальный период присоединения И.Д. Кузнецов назвал заметное облегчение ясачных тягот, в числе первых отрицательных последствий отметил экспроприацию значительной части чувашских земель в Свияжском и Казанском уездах. В XVII в. экономическая политика властей, сводившаяся к стремлению получения максимальной прибыли в царскую казну, стала причиной имущественной дифференциации и обнищания ясачных чувашей⁵³.

Некоторые аспекты истории чувашского крестьянства XVI–XVII вв. получили освещение в статьях сборника «Материалы по истории Чувашской АССР». Основываясь на архивных источниках, В.А. Нестеров отнес к территории проживания чувашей в XVI – начале XVII в. не только Горную сторону, но и левобережную часть Среднего Поволжья. Основное внимание историком уделено ухудшению экономического положения чувашских крестьян после вхождения Казанского края в состав России. Им отмечен переход царской администрации в конце XVI в. к методам прямого насилия при христианизации нерусского населения. Указанные причины, на взгляд автора, обусловили участие чувашей в крестьянском движении народов Поволжья в начале XVII в.⁵⁴ Заслугой Н.Р. Романова является вычисление количества ясачных дворов и приблизительной численности чувашей, характеристика хозяйства, землевладения, тяжелого экономического и правового положения чувашских крестьян, проживавших на правобережье Волги

в XVII в. Историк полагал, что в этот период основная масса чувашей оставалась язычниками⁵⁵.

Проблема отатаривания чувашей в XV–XVII вв. получила освещение в труде П.В. Денисова «Религиозные верования чуваш»⁵⁶. Выводы, сделанные автором на основе комплексного изучения историко-этнографических и устно-поэтических материалов, сводятся к следующим тезисам: 1) татарские феодалы и мусульманское духовенство насильственно распространяли ислам среди чувашского населения; 2) результатом этой политики стало вынужденное принятие ислама значительной частью чувашей, обитавшей в Приказанье, на левобережье и отчасти на правобережье Волги, а также массовое переселение чувашей-язычников с указанных территорий в северные районы Чувашии; 3) принятие ислама, а также усвоение чувашами татарского языка привели к тому, что не только феодальная знать, но сельское население постепенно отатаривались.

Гипотеза о татарской этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского и Свияжского уездов принадлежит казанскому историку Е.И. Чернышеву⁵⁷. Опираясь на писцовые книги второй половины XVI – начала XVII в., историк пришел к заключению, что наименование «ясачные чувашы» являлось соционимом, присвоенным ясачным татарам служилой группой, не имевшим этнического значения и обозначающим категорию ясачного населения в целом. Основными аргументами в пользу данной гипотезы автор считал следующие тезисы: 1) в самом центре этнической территории казанских татар чувашей никак не могло быть больше, чем татар; 2) в XVII в. к татарским волостям в Казанском уезде примыкали территории марийцев, а не чувашей.

Ценные выводы о социально-правовом положении нетатарских народов в Казанском ханстве были сделаны казанским историком Р.Н. Степановым. В его статьях, основанных на анализе актовых и делопроизводственных материалов, чувашы отнесены к ясачному населению, а казанские татары – к служилым людям, входящим в состав феодального сословия⁵⁸.

Завершению формирования чувашской народности в XV–XVI вв. посвящена одна из глав монографии В.Ф. Каховского «Происхождение чувашского народа»⁵⁹. Опираясь на комплексный анализ источников, ученый утверждал, что в Казанском ханстве «из трудового населения кыпчакский язык восприняли прежде всего те, кто исповедовал ислам; болгарское население левобережья постепенно отатаривалось». Различия в диалектах чувашского языка автор объяснял особенностями языка предков чувашей – болгар (окающий говор) и сувар (укающий говор). Относительно территории расселения чувашей В.Ф. Каховский придерживался точки зрения об их проживании в середине XVI в. и за пределами территории современной Чувашии – к западу от Свияги, где «ныне обитает татарское население – потомки отатарившихся чувашей»⁶⁰.

Проблема «ясачных чувашей» получила развитие в коллективной монографии «История Чувашской АССР»⁶¹. Авторами указано на общность болгарского наследия для татарского и чувашского народов. По мнению

исследователей, потомки левобережных булгар в XVI–XVII вв. назывались чувашами и лишь позднее слились с татарами. В работе отмечено, что в Казанском ханстве татары, составляя класс феодалов различного ранга, численно не преобладали. Количественный рост татарского этноса, на взгляд историков, происходил за счет ассимиляции представителей ясачного населения, прежде всего чувашей. Основными факторами, способствовавшими отатариванию чувашей, авторы считали близость чувашского языка к татарскому, общность культуры и быта татарского и чувашского народов. В работе дана подробная характеристика экономического и правового положения чувашских крестьян в составе Русского государства, освещено их участие в выступлениях против гнета феодалов и администрации.

Вопрос об именовании чувашей в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII в. «черемисами» подробно рассмотрен в одной из статей В.Д. Дмитриева⁶². На необходимость разграничения марийцев и чувашей, объединяемых одним названием «черемисы», также указывал марийский историк Г.Н. Айплатов⁶³. В данных исследованиях критерием определения этнической принадлежности выбран территориальный признак. В.Д. Дмитриевым указаны уезды правобережья Волги, в которых проживали только чувашаи или чувашаи и горные марийцы. По мнению ученых, «луговыми черемисами», «черемисами» и «черемисскими татарами» левобережья Волги в источниках названы луговые марийцы.

В русле укоренившейся в татарской историографии болгаро-татарской теории был издан коллективный труд «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». Н.И. Воробьев, автор раздела по истории формирования татарского народа, относил чувашей к аборигенному населению правобережья Волги, часть которого в результате ассимиляционных процессов в XIV – первой половине XVI в. вошла в состав современных нурлатско-кайбицкой и камскоустынской подгрупп казанских татар⁶⁴.

В статье, посвященной динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии⁶⁵, В.Д. Дмитриев утверждает, что ассимиляция кыпчаками-татарами болгаро-чувашей началась с XIII в. и усилилась с образованием Казанского ханства. По мнению ученого, особенно интенсивно принятие левобережными чувашами мусульманства и их отатаривание происходило во второй половине XVI–XVII в., так как отпадение в ислам стало формой выражения социального протеста против эксплуатации русских феодалов. За столетия массы чувашей левобережья Волги трансформировались в татар.

Упоминание «бесермен» («бусорман») в русских летописях XIV–XV вв. стало предметом изучения М.Н. Тихомирова. Историк склонялся к мнению, что под «бесерменами» источники имеют в виду мусульманское население Волжской Булгарии, отличное от татар, черемисов (марийцев) и мордвы, то есть не конфессиональную, а этническую группу, скорее всего – потомков булгар⁶⁶. Изучение письменных источников XV–XVII вв. натолкнуло удмуртского языковеда Т.И. Тепляшину на вывод об именовании до середины XVII в. одной и той же народности, проживавшей в Вятской земле

на территории Причепецкого края, и бесерменами, и чувашами. Данный факт, а также анализ топонимики бассейна реки Чепцы и района Заказанья позволили ей предположить, что предки бесермен являлись одним из тюркоязычных (булгарских) племен Волго-Камья, переселившихся впоследствии в Вятскую землю. Язык бесермен, по мнению Т.И. Тепляшиной, подтверждает их булгарское происхождение⁶⁷.

Вопрос этнической и языковой принадлежности «ясачных чувашей» Казанского края затронут татарским языковедом Г.Ф. Саттаровым в исследовании по антропонимике Поволжья⁶⁸. Подробный историко-лингвистический анализ названий деревень центральной части Казанского уезда позволил автору сделать вывод об их чувашской этимологии. Данный факт, по мнению ученого, свидетельствует о сохранении частью булгарского населения, именуемой в XVI – середине XVII в. «ясачными чувашами», языка чувашского типа. К схожим выводам позднее пришел чувашский языковед М.И. Скворцов, которым был проанализирован топонимический и антропонимический материал писцовой книги Казанского уезда 1602–1603 гг., поддающийся истолкованию на чувашской базе⁶⁹.

Казанский археолог А.Х. Халиков, со второй половины 1960-х гг. активно занимавшийся обоснованием теории булгаро-татарского этногенеза татар, являлся сторонником тезиса о вхождении в XV–XVI вв. «в результате этнической ассимиляции и мусульманизации» в состав казанских татар «черемис» (марийцев и чувашей), проживавших на окраинных землях ханства – в северных заказанских районах и волжском правобережье. Признавая участие чувашей в формировании казанско-татарской народности, автор ошибочно относил их к местному финно-угорскому населению⁷⁰.

В середине 1970-х гг. В.Д. Дмитриевым введены в научный оборот материалы многочисленных народных сказаний. Предания о происхождении некоторых чувашских селений подтвердили мнение ученого о том, что их жители пришли с левобережья Волги, с территории современного Татарстана. Они свидетельствуют о подчиненном положении чувашского населения в Казанском ханстве: «чувашаи и марийцы находились в руках татарского царя»⁷¹. В опубликованных позднее «Чувашских исторических преданиях» также прослеживаются некоторые аспекты истории чувашей Казанского ханства⁷². В изданных к 425-летию вхождения Чувашского края в состав Русского государства трудах В.Д. Дмитриев в очередной раз отметил, что основную массу сформировавшегося в период существования Казанского ханства чувашского народа составляли ясачные люди, платившие хану и татарским феодалам до 20 видов натуральных и денежных податей и пошлин⁷³.

Мнение Е.И. Чернышева об обозначении термином «ясачные чувашаи» всего тяглого нерусского населения местного происхождения получило развитие в статье казанского историка И.П. Ермолаева, основанной на материалах писцовой книги Казанского уезда 1602–1603 гг.⁷⁴ В монографии «Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII веке», посвященной изучению системы управления в регионе, И.П. Ермолаевым затронут вопрос

предоставления московским правительством ясачному населению разнообразных льгот. Данную практику он считал демагогическим приемом, реально не повлиявшим на улучшение положения нерусских народов, и связывал с сохранением экономического гнета восстания ясачных крестьян 1570–1580-х гг.⁷⁵

С начала 1980-х гг. изучение проблемы этнической принадлежности «ясачных чувашей» приобрело характер противостояния взглядов двух историков – В.Д. Димитриева и Д.М. Исхакова. В статьях В.Д. Димитриева первой половины десятилетия прослеживается четкое разделение татарского и чувашского населения Казанского ханства на служилых и ясачных людей⁷⁶. Согласно взглядам чувашского историка, большинство татар относилось к мелким служилым людям – казакам, пользовавшимся за несение военной службы земельными участками. Крестьяне нетатарских народов (в том числе чувашаи), жившие общинами на государственных землях, составляли категорию ясачных людей, обязанных платить помимо ясака различные подати. По мнению В.Д. Димитриева, в Казанском ханстве чувашаи сохраняли свои языческие верования, в связи с чем испытывали религиозный гнет со стороны татарских феодалов и мусульманского духовенства. Чувашские язычники до середины XVI в. видели в исламе религию угнетателей и сопротивлялись его распространению.

Определенной вехой в изучении проблемы «ясачных чувашей» стал выход в свет сборника статей «Болгары и чувашаи»⁷⁷. В рамках дальнейшего развития теории болгаро-чувашской преемственности чувашскими учеными, разделявшими взгляды В.Д. Димитриева, – археологами В.Ф. Каховским, Б.В. Каховским, языковедами М.Р. Федотовым и Н.И. Егоровым, литературоведом В.Г. Родионовым, этнографом В.П. Ивановым – рассмотрены этнические процессы, протекавшие в Среднем Поволжье в XV–XVII вв. Общим для них является основанное на многочисленных и разнообразных источниках заключение о том, что «ясачные чувашаи» Приказанья и Заказанья были именно этническими чувашами, при этом большинство из них, приняв ислам, вошло в состав татар. Остальные чувашаи, по мнению авторов, переселились к соплеменникам на правобережье Волги и в Закамье.

Вопросу об основании чувашскими переселенцами из Казанского уезда селений на правобережье Волги посвящена небольшая статья Л.И. Иванова, основанная на архивных материалах⁷⁸. Выводы В.Д. Димитриева о сохранении основной массой правобережных чувашей в составе Казанского ханства языческих верований и отатаривании лишь части чувашской феодальной верхушки, принявшей ислам для упрочения своего положения, археологическими данными в своем исследовании подкрепил Е.П. Михайлов⁷⁹.

Некоторые суждения В.Д. Димитриева по проблеме «ясачных чувашей» изложены в монографии «Чувашаи в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.)»⁸⁰. В данной работе автором сделано важное дополнение, конкретизирующее содержание понятия «ясачные чувашаи»: «Если в Казанском ханстве ясачных людей из татар не было, то в Русском государстве часть

татарских казаков была переведена в ясачных людей, количество которых возросло». Таким образом, по мнению историка, термин «ясачные чуваш» до присоединения Казанского ханства к Русскому государству относился только к этническим чувашам. Относительно религиозной принадлежности ясачных чувашей им отмечено, что в период существования Казанского ханства чувашские крестьяне подвергались насильственной исламизации со стороны татарских духовных и светских феодалов, а принявшие ислам постепенно отатаривались.

Попыткой с новых позиций подойти к дискуссионным вопросам этнической истории Среднего Поволжья XV–XVI вв. стали исследования казанского этнолога Д.М. Исхакова, являвшегося сторонником тюрко-татарской теории происхождения татар. В статье 1980 г. им высказано мнение о постепенном превращении «арских чуваш» бассейна реки Чепцы к началу XVII в. в «бесермен», на основании чего сделано предположение, что «бесермены» русских летописей XV в. фиксировались в источниках периода Казанского ханства и второй половины XVI – начала XVII в. как «ясачные чуваш»⁸¹. Эта тема впоследствии получила развитие в более поздних работах автора⁸².

На страницах журнала «Советская этнография» Д.М. Исхаковым были прослежены этнические процессы, влиявшие на изменение численности и расселение татар в Среднем Поволжье и Приуралье с XVI в.⁸³, представлен подробный анализ гипотез об этнической принадлежности «ясачных чувашей» левобережья Казанского края⁸⁴. Рассматривая аргументы сторонников чувашской этнической принадлежности «ясачных чувашей», автор считает избыточной фактологическую базу тезиса об отатаривании чувашского населения Казанского уезда к середине XVII в., тем самым ставя под сомнение состоятельность самой теории. Более убедительными, по мнению Д.М. Исхакова, являются доводы в пользу татарской этнической принадлежности «ясачных чувашей», изложенные Е.И. Чернышевым. Недостаточно обоснованными он называет также вышеизложенные взгляды Г.Ф. Саттарова о сохранении в Казанском уезде в XVI–XVII вв. болгарских групп с некупчакским языком и гипотезу М.В. Гришкиной и В.Е. Владыкина об этнической принадлежности «арских чувашей» к тюркизированным южным удмуртам. Последняя базируется на попытке доказать родство чувашей Арской земли с бесермянами, проживавшими в XVI – начале XVII в. в бассейне реки Чепцы и представлявшими собой, по мнению авторов, тюркизированное южно-удмуртское население⁸⁵.

В целом изучение проблемы «ясачных чувашей» в советское время имело схематический, односторонний характер. Отечественные исследователи, представленные главным образом историками казанской и чувашской школ, отстаивали полярные точки зрения, до конца 1980-х гг. практически игнорируя аргументы друг друга. При этом характерной чертой историографии советского времени было то, что при определении этнической принадлежности «ясачных чувашей» главное внимание уделялось вопросам этногенеза татарского и чувашского народов. Постепенный отход ошибочной

точки зрения о финно-угорском происхождении чувашей на задний план и осознание общности болгарского наследия для чувашей и татар позволили перейти к более объективному изучению данной темы.

С начала 1990-х гг. начался новый этап в исследовании проблемы «ясачных чувашей» Казанского края, характеризующийся освобождением от идеологических установок и расширением методологической базы исследований. Еще в конце 1980-х гг. в дискуссию об этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского края вступает чувашский этнограф В.П. Иванов. Исследования, характеризующие историческую динамику расселения и численности чувашского народа, написаны с привлечением материалов из ряда опубликованных работ В.Д. Дмитриева, поэтому содержат во многом схожую аргументацию для обоснования тезиса о чувашской этнической принадлежности «ясачных чувашей»⁸⁶. Очерчивая территорию расселения болгаро-чувашей в середине XVI в., В.П. Иванов выделяет две области их проживания: 1) центральные и северные районы современной Чувашской Республики, где после ассимиляции некоторой части горных марийцев в конце XV – начале XVI в. формируется чувашская народность с сохранением доминирующего характера болгарского компонента; 2) земли на восток от Казани вплоть до реки Вятки, входившие в состав «Чувашской даруги» Казанского уезда, большая часть болгаро-чувашского населения которой в XV–XVI вв. в результате принятия ислама отатарилась, меньшая, сохранив язычество, мигрировала на территорию Чувашии. Автор полагает, что «этноним “чуваш” в Казанском ханстве обозначал ясачных людей, в основном сельских жителей, исповедовавших языческую религию, в то время как городское мусульманское население, главным образом служивые люди, в официальных документах именовались “татарами”»⁸⁷.

В 1990-х гг. в трудах Д.М. Исхакова была сформулирована новая версия происхождения термина «ясачные чувашаи»⁸⁸. Он был приравнен автором к понятию «черный люд» и обозначал, по его мнению, «этнословное образование, локализованное на территории Булгарского вилайета, а позже Казанского ханства. В Казанском ханстве эта группа образовывала феодально-зависимую – “низовую” страту казанско-татарского этноса»⁸⁹. В отличие от Е.И. Чернышева, Д.М. Исхаков считает, что под наименованием «ясачные чувашаи» в документах XVI–XVII вв. фигурировали не только казанские татары, но и часть чувашского этноса. В остальном он придерживается взглядов своего предшественника, относя «ясачных чувашей» к татароязычному мусульманскому населению, проживавшему на основной этнической территории казанских татар и численно значительно превосходившему представителей татарского служилого сословия. Причины применения этого термина он видит в хозяйственной специфике, позволявшей русской администрации называть как чувашей, так и часть казанских татар земледельцами или «ясачными чувашами», а также в возможном существовании переходного этнического состояния между чувашами и татарами на правом берегу Волги в XVI – начале XVII в.

История формирования этнического состава населения Волго-Уральской историко-этнографической области в рамках концепций тюрко-татарского происхождения татар получила освещение в работах башкирского этнографа Р.Г. Кузеева⁹⁰. По предположениям автора, близким к выводам чувашских историков, в XV – первой половине XVI в. чуваша, проживавшие в Предкамье и на прилегающем левобережье Волги, влились в состав формирующегося казанско-татарского народа (нурлатско-кайбицкой и камскоустынской подгрупп), на правобережье чуваша смешивались с горными марийцами. К этнически смешанным этнографическим группам Р.Г. Кузеев относит бесермян, которых считает болгаро-чувашами по происхождению, говорящими на удмуртском языке. Неверным является представление автора об именовании в середине XVI в. «черемисами» не только марийцев и чувашей, а всего нетатарского населения Казанского ханства, включая удмуртов и мордву. Убедительным представляется мнение этнографа о значении термина «казанские татары»: появившись в период Казанского ханства для обозначения собственно татар, он «мог обрести, кроме этнического, и некоторое социальное или сословное звучание (то есть стать этносоционимом), так как в среде полиэтничного населения ханства татары составили, опять же по золотоордынской традиции, некий привилегированный слой, не несущий бремя податей в казну, но обязанный хану военной службой»⁹¹.

Роль нетатарских народов в исторических событиях XV–XVI вв. в Среднем Поволжье получила некоторое освещение в трудах татарского историка С.Х. Алишева⁹². Без особых на то оснований автор утверждает, что чуваша, мари, часть мордвы, удмуртов и башкир были покорены еще булгарами, а после образования Казанского ханства (С.Х. Алишев относит это событие к середине XIV в.) без применения силы оказались в его составе. Территорией расселения чувашей до завоевания Казани историк считает как правобережье, так и левобережье Волги. Все чувашское население ханства историк относит к категории ясачного, утверждая, что в чувашской среде феодалов не было. Сохранение чувашами языческих верований объяснено веротерпимостью татар-мусульман. С.Х. Алишев отмечает участие ясачных чувашей наряду с остальными народами края в выступлениях второй половины XVI в.⁹³

Некоторые аспекты социально-экономического положения марийцев, чувашей и других народов региона в составе Казанского ханства и Русского государства получили освещение в трудах марийского историка А.Г. Бахтина⁹⁴. На наш взгляд, требует весомого обоснования тезис автора о том, что казанские феодалы пытались компенсировать недостаток финансовых поступлений с Луговой стороны за счет более значительного ясачного обложения правобережных марийских, чувашских и мордовских крестьян. Кроме того, автор без веских аргументов подверг сомнению устоявшиеся в отечественной историографии положения о колонизаторских стремлениях России, захвате русскими помещиками земель ясачных крестьян и насильственной христианизации населения Среднего Поволжья.

Противоположную, излишне негативную оценку экономической и религиозной политики русского правительства в Казанском крае («татарский гнет сменился более жестоким русским») дал в своей статье чувашский историк А.В. Изоркин, придерживавшийся точки зрения о насильственном присоединении чувашских земель к Русскому государству⁹⁵.

С конца 1990-х гг. изучением этносоциальной истории Казанского ханства активно занимается казанский историк Б.Л. Хамидуллин. В его исследованиях внимание уделено развитию «тюркского периферийного населения ханства», к которому автор с оговоркой о противоречивости болгаро-чувашской теории относит и «предков чувашей». Этническая территория «зарождающегося чувашского этноса» в XV–XVI вв. Б.Л. Хамидуллиным сознательно ограничена северной частью современной территории Чувашии, о проживании чувашей в Приказанье и Заказанье не упоминается. Численность чувашского населения в составе Казанского ханства составляла, по мнению историка, приблизительно 50–80 тыс. чел. Автор придерживается точки зрения о сохранении в XV–XVI вв. основной массой чувашей языческих верований, подчеркивая при этом ощутимое, но ненасильственное влияние ислама на культуру низовых чувашей. К ясачному люду он относит как чувашей, так и большую часть казанских татар⁹⁶.

В обобщающей монографии татарского историка И.Р. Тагирова «История национальной государственности татарского народа и Татарстана»⁹⁷ история Казанского ханства, в основном ее политический аспект, изложена на основе предыдущих трудов казанских историков. Автором без указания источников приводятся данные о том, что численность населения ханства составляла около 2,5 млн чел., из них собственно татар было не более 1 млн чел. При этом казанские татары, по субъективному мнению историка, «стояли в своем развитии на голову выше других тюркских и финских племен страны»⁹⁸. Других сведений о нетатарских народах Казанского края в работе не встречается.

Интерес для изучения поставленной проблемы представляют новые наработки ученых Татарстана по истории Казанского государства, опубликованные в сборнике «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». На тщательном изучении источников и трудов предшественников основаны статьи Г.И. Аминовой⁹⁹ и Р.Ф. Галлямова¹⁰⁰, посвященные селениям и административно-территориальному делению Казанского ханства. Р.Ф. Галлямовым сделан верный вывод об именовании одной из даруг ханства «Чувашской» по причине численного преобладания в ней «ясачных чувашей». Несмотря на критику многих положений, выдвигаемых Е.И. Чернышевым, И.П. Ермолаевым и Д.М. Исхаковым, авторы придерживаются мнения об этносословном содержании термина «ясачные чуваша», понимая под «чувашами» «черный люду» из числа податного болгаро-татарского населения. В статье Д.М. Исхакова приведены подсчеты численности населения Казанского ханства к середине XVI в., итогом которых стал достаточно обоснованный показатель 0,5 млн чел. Однако историк, исходя из тезиса о существовании в ханстве ясачных татар, по-прежнему настаивает на числен-

ном преобладании татарского населения, называя татарами около 200 тыс. чел.¹⁰¹ В последующих своих работах Д.М. Исхаков, несмотря на упоминание о многонациональности населения Казанского ханства, практически не уделяет внимания истории нетатарских народов, совместно с И.Л. Измайловым относя к податному сословию подавляющее большинство татарского населения¹⁰².

Точка зрения В.Д. Димитриева по вопросу этнической принадлежности «ясачных чувашей» Казанского ханства вкратце была изложена в книге «Чуваши: этническая история и традиционная культура»¹⁰³. Более полное освещение она получила в работе «Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству»¹⁰⁴. В монографии затронут вопрос о мусульманско-татарской ассимиляции чувашского населения. По мнению историка, в первой половине XVI в. в Казанском ханстве татары составляли 20,0 % населения, чувашы – 50,0 %, марийцы, удмурты и представители других народностей – 30,0 %. Неизменным остался тезис о том, что ясачных татар в ханстве не было, из них состояли светская и духовная элита и служилый люд. Вступая в полемику с татарскими учеными Е.И. Чернышевым, И.П. Ермолаевым, Д.М. Исхаковым, В.Д. Димитриев приводит в пользу своей точки зрения убедительные аргументы: 1) документы второй половины XVI–XVII вв. левобережных чувашей называют «ясачными чувашами», используя это понятие наряду с терминами «ясачные черемисы» (марийцы) и «ясачные вотяки» (удмурты); 2) топонимы селений ясачных чувашей Казанского уезда – чувашские; 3) многие селения ясачных чувашей даруг (дорог) Казанского уезда, сохранив свои прежние названия, переселились в XVII в. в Нижнее Закамье и до настоящего времени являются чувашскими.

Статья В.Д. Димитриева «О волжско-камском и казанском этапах этногенеза чувашей» содержит обстоятельную характеристику последнего этапа, начавшегося с опустошения Булгарской земли во второй половине XIV – начале XV в. и завершившегося вхождением территории Казанского ханства в состав Русского государства в середине XVI в.¹⁰⁵ Автор утверждает, что до образования Казанского ханства на его территории татарского населения не было. Таким образом, значительная часть левобережных чувашей и чувашей в районе устья реки Свияги была отатарена за период с середины XV до XVII в. Только с XVII в. отатаренные ясачные чувашы стали называться ясачными татарами. Взгляды В.Д. Димитриева на проблему «ясачных чувашей» нашли отражение в ряде работ Г.И. Тафаева¹⁰⁶.

Аргументация В.Д. Димитриева поддержана весомыми доводами В.П. Иванова, основанными на многочисленных этнографических материалах. Исследователь по-прежнему выделяет две территориальные группы булгаро-чувашского этноса (правобережную и левобережную), основу которых «составило преимущественно сельское земледельческое булгарское население (“худые булгары”), не принявшее ислам (и отпавшее от него), вобравшее некоторое количество марийцев»¹⁰⁷. По приблизительным подсчетам автора, численность чувашей к первой половине XVI в. могла составлять 90–120 тыс. чел. Опираясь на источники, свидетельствующие о переселении

части чувашей из Казанского уезда в Закамье и на территорию нынешней Чувашии, а также на топонимические данные, автор поддерживает вывод В.Д. Димитриева: «этнонимом „чуваш” в Казанском ханстве никогда не обозначали ясачных татар. В 1565–1568 гг. “чувашаи” пяти даруг Казанского уезда были собственно чувашами же», и лишь в XVII в. отатаренные чувашаи стали именоваться «ясачными татарами»¹⁰⁸. В статье, посвященной проблеме сравнительно-сопоставительного изучения общего и особенного в этнокультурах чувашей и казанских татар, В.П. Ивановым вновь подчеркнута участие в формировании татарского этноса болгаро-чувашского компонента, и именно в этом факте автор обоснованно видит основную причину сходства и близости двух народов¹⁰⁹.

Социально-экономические аспекты истории ясачных чувашей в составе Казанского ханства и Русского государства в первом десятилетии XXI в. получили освещение в рамках диссертационных исследований О.Н. Петровой¹¹⁰, Р.Г. Насырова¹¹¹, М.А. Судакова¹¹².

Своеобразием отличаются взгляды на социально-экономическое положение ясачного населения в составе России, изложенные в исследованиях А.Г. Бахтина¹¹³. В противоречие с имеющимися фактами вступают предположения историка о том, что в Казанском крае «возникновение русского землевладения... не затрагивало земельных прав местного населения» и «можно говорить не о сгоне коренного населения со своих земель, а о соперничестве администрации и русских переселенцев с местным населением за обладание оказавшимися на тот момент бесхозными землями»¹¹⁴. Интересная, но слабо обоснованная трактовка термина «ясачные чувашаи» содержится в исследованиях А.Г. Бахтина по истории Казанского ханства¹¹⁵. Историк исходит из предположения, что в период существования ханства еще не произошло слияния болгар с пришлыми ордынскими татарами и, следовательно, не сформировался единый этнос казанских татар. Историк делает вывод об обложении ясаком всего нетатарского населения, в том числе и болгар. «Ясачные чувашаи» в его понимании – «позднебулгарское крестьянское население, которое, как и в период Золотой Орды, продолжало выплачивать ясак уже новому казанскому правительству»¹¹⁶. Существование термина «чувашаи» было обусловлено якобы отказом болгар называться «татарами».

С 2009 г. последние наработки отечественных ученых по истории Казанского ханства публикуются в ежегоднике «Средневековые тюрко-татарские государства», издаваемом Институтом истории им. Ш. Марджани. Вопросы, имеющие отношение к проблеме «ясачных чувашей», затрагивались в статьях казанских историков. С новых позиций, требующих дальнейшего обоснования, Р.Г. Галлямовым и Р.Г. Насыровым рассмотрено размещение населения в Закамье в XV–XVI вв. На их взгляд, в эпоху Казанского ханства указанные земли не пустовали и не представляли собой «дикое поле»: несмотря на соседство с ногайцами, на них существовали земледельческие поселения¹¹⁷. В статье А.Г. Ситдикова, посвященной локализации и материальной культуре археологических памятников Казанского ханства, затронут весьма актуальный вопрос о необходимости дальнейшего изучения так назы-

ваемых «черемисских кладбищ», позволяющих проследить проникновение ислама в среду местного языческого населения и процесс его тюркизации¹¹⁸. Позиции Д.М. Исхакова по вопросу этнической принадлежности «ясачных чувашей» разделяет И.Л. Измайлов, считая очевидным (без приведения аргументов), что «какие-то группы податного (подьясачного) населения, в том числе и мусульманского (или мусульмированного и тюркизированного), именовались чувашами и вотяками»¹¹⁹.

В недавних исследованиях Н.И. Егорова было предложено иное толкование термина «ясачные чувашаи». В своих суждениях языковед опирается на следующий тезис: формирование этнонима «чуваш» в татарском языке происходило на базе чувашского конфессионима *çävaç* (язычник). Опираясь данным аргументом, языковед делит болгарское население Казанского ханства на «бесермян» – мусульман и «чувашей» – язычников¹²⁰.

В монографии «Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история», содержащей подробный историографический обзор истории Казанского ханства и чувашского народа в нем, итоговая точка зрения В.Д. Дмитриева об этнической принадлежности «ясачных чувашей» изложена в рамках проведенного им критического анализа трудов представителей казанской школы. Считая мнение многих татарских авторов о существовании сословия ясачных татар в лице «ясачных чувашей» ошибочным, ученый утверждает, что «из татар в ханстве (Казанском. – С.О.) ясачных татар не могло быть и не было», так как «в Золотой Орде и во всех татарских ханствах ясачными людьми являлись только народные массы покорённых этносов»¹²¹. Касаясь вопроса о языковой принадлежности ясачных чувашей Казанского ханства, В.Д. Дмитриев указывает на недочеты в работах татарских исследователей. На его взгляд, в них не учтены различия между R-языками огуро-булгарской и Z-языками огузо-кыпчакской группы, не признано влияние болгарской цивилизации на угро-финские этносы, что отразилось в проникновении чувашских слов (чувашизмов) в венгерский, марийский, мордовский, удмуртский, коми языки.

В работе С.В. Охотниковой проведен анализ существующих гипотез по различным аспектам проблемы «ясачных чувашей» Казанского края, подведены основные итоги ее исследования и намечены перспективы изучения¹²².

На современном этапе в обсуждение проблемы «ясачных чувашей» активно включились башкирские исследователи¹²³. Согласно их концепциям, господствующий слой Казанского ханства составляли представители кочевых тюрко-монгольских племен. Чувашаи, названные ими потомками сувазов, разделены на две группы: 1) предки казанских татар – левобережные чувашаи-мусульмане, составлявшие основное население Казанского ханства и принявшие имя «татары» не ранее конца XIX в.; 2) предки современных чувашей – правобережные чувашаи-язычники.

Таким образом, с конца XVII в. по настоящее время в отечественной историографии в той или иной степени были освещены различные аспекты проблемы «ясачных чувашей» Казанского края: исследованы вопросы их

этнической, религиозной и языковой принадлежности, рассмотрены динамика численности, социально-экономическое положение и территория расселения чувашского и татарского населения в XV–XVI вв. На современном этапе учеными сделан важный вывод об общности булгарского наследия для чувашей и татар, а также намечены перспективы подробного изучения этнических составляющих, определивших уникальность и своеобразие каждого из этносов. Сближение позиций татарских и чувашских исследователей по некоторым аспектам поставленной проблемы, несомненно, способствует раскрытию «загадки» «ясачных чувашей» Казанского края.

Литература и примечания

¹ *Лызлов А.И.* Скифская история / отв. ред. Е.В. Чистякова, подг. текста и коммент. А.П. Богданова. М.: Наука, 1990. 520 с.

² *Фукс К.Ф.* Краткая история города Казани. Казань: в универ. тип., 1817. 60 с.

³ *Баженев Н.К.* Казанская история. Казань: в тип. ун-та, 1847. Ч. 1, 2.

⁴ *Милькович К.С.* О чувашах // Северный архив. 1827. Ч. 27, № 9. С. 47–67; № 10. С. 120–139; № 11. С. 210–232; [Милькович К.С.]. О чувашах: этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия / предисл. и примеч. В.К. Магницкого. Казань: Тип. Губерн. правления, 1888. 35 с.; [Милькович К.С.]. Быт и верования чуваш Симбирской губернии: Из записок уездного землемера Мильковича 1783 г. / предисл. Н.В. Никольского // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). Т. 22, вып. 1. Казань, 1906. С. 34–67.

⁵ *Михайлов С.М.* Собр. соч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.

⁶ Там же. С. 144–145.

⁷ Впервые грамота опубликована в «Казанских губернских ведомостях» 1854 г. (№ 13, часть неофициальная).

⁸ *Юркин И.Н.* Служилые татары из чуваш // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2. Инв. № 2–6. 51 с.

⁹ *Фирсов Н.А.* Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань: в универ. тип., 1866. 261 + VII с.

¹⁰ Там же. С. 16–19.

¹¹ *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках: очерки по истории края и его колонизации. М.: Тип. Грачева и К°, 1877. С. 115–230.

¹² *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века: очерки из истории колонизации края. Одесса: Тип. П.А. Зеленаго, 1882. С. 1–185.

¹³ *Мэржани Ш.* Мостэфадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. Переиздание монографии 1885 г. Казан: Татар. кит. нэшр., 1989. 415 б.

¹⁴ *Пинегин М.Н.* Казань в ее прошлом и настоящем: очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города, с прил. крат. адрес. сведений. СПб.: Тип. А.А. Дубровина, 1890. С. 25–130.

¹⁵ *Эхмерев Г.* Казан тарихы. Казан: Бзянелхак, 1909. 116 б.

¹⁶ *Спасский Н.А.* Очерки по родинovedению: Казанская губерния. Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1910. 165 с.

¹⁷ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. 268 с.; *Его же.* Несколько данных о мишарях и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях. Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1896. 15 с.

¹⁸ *Магницкий В.К.* Нечто о чувашах, татарах и мишарях // Действия Нижегород. ГУАК. Н. Новгород, 1898. Т. 3. С. 37–50.

¹⁹ *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1905. 102 с.

²⁰ *Никольский Н.В.* Народное образование у чуваш: ист. очерк. Казань: Центр. тип., 1906. 86 с.; *Его же.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках: ист. очерк // Казань: Типолитогр. Императ. ун-та, 1912. 416 с.

- ²¹ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Т. 27, вып. 5. Казань: Типолитограф. Императ. ун-та, 1911. С. 319–327.
- ²² *Покровский М.Н.* Избранные произведения: в 4 кн. Кн. 1. М.: Мысль, 1966. С. 290–296.
- ²³ *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань: Третья тип. Губ. совета, 1919. 206 с.
- ²⁴ *Фирсов Н.Н.* Колонизация Волжско-Камского края и связанная с ней политика: общий обзор. Казань: Татполиграф, 1930. 17 с.
- ²⁵ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Гос. изд-во, 1923. С. 139–196.
- ²⁶ *Худяков М.Г.* Казань в XV–XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР: Писцовые книги города Казани в 1565–68 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. VII–XXV.
- ²⁷ *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. 2. С. 71–111; *Газиз Г.* История татар. М.: Моск. лицей, 1994. 198 с.
- ²⁸ *Коричев С.А.* Заметки по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья // Труды Общества изучения местного края Чувашской автономной области. Вып. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1924. 31 с.
- ²⁹ *Петров Д.П.* 1905-мёш сұл. Чăвашсем хушшинче пулнă ёссене асăнни [1905 год. Воспоминания о событиях среди чувашей]. Чебоксары: Чувашиздат, 1925. С. 5–21; *Его же.* Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 10–22.
- ³⁰ *Петров М.П.* Доклад на I Всероссийской конференции ученых обществ и учреждений по краеведению // Чувашский край. 1922. 21, 23 февраля; *Его же.* О происхождении чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1925. 62 с.
- ³¹ *Кузнецов И.Д.* Из истории Чувашии // Советская Чувашия. М.: Соцэкгиз, 1933. С. 9–16; *Его же.* Предыстория Советской Чувашии // 15 лет Советской Чувашии. Чебоксары, 1935. С. 9–35.
- ³² *Кузнецов И.Д.* Из истории Чувашии. С. 11.
- ³³ История СССР. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII в.: учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов / под ред. В.И. Лебедева, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 364–367; История СССР: учебник для VIII класса средней школы / К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт; под ред. А.М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1940. С. 130–132.
- ³⁴ *Бахрушин С.В.* Иван Грозный. М.: Госполитиздат, 1945. 100 с.; *Его же.* Самодержавие Ивана IV. М.: Воениздат, 1946. 80 с.; *Его же.* Взятие Казани // За родную землю, XIV–XVII века. М.: Воениздат, 1949. С. 52–76; *Базилевич К.В.* История СССР от древнейших времен до конца XVII в.: курс лекций. М.: Высшая парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1949. С. 295–298.
- ³⁵ Происхождение казанских татар: Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казан. филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 г. в г. Москве (по стенограмме). Казань: Татгосиздат, 1948. 160 с.
- ³⁶ *Третьяков П.Н.* Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // Советская этнография. 1950. № 3. С. 44–53.
- ³⁷ *Егоров В.Г.* Этногенез чувашей по данным языка // Там же. С. 79–92.
- ³⁸ *Воробьев Н.И.* Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Там же. С. 66–78.
- ³⁹ *Тихомиров М.Н.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Там же. С. 93–106; *Его же.* Присоединение Чувашии к России // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. С. 104–128; *Его же.* Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 467–484.
- ⁴⁰ *Мавродин В.В.* Русское многонациональное государство и финно-угорские народы // Учёные записки / ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Л., 1948. С. 33–46.
- ⁴¹ *Гусев Т.Г.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Записки / ЧНИИ. Чебоксары: ЧНИИ, 1950. Вып. 4. С. 50–81.

⁴² *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI в.) / репринт. воспр. канд. дис. Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 276 с.

⁴³ *Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань: Гос. музей ТАССР, 1958. 27 с.; *Его же.* К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV–XVI веках // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР*. М., 1959. С. 89–122; *Его же.* К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // *Ученые записки / КГУ*. Казань, 1962. Т. 122, кн. 2. С. 143–169; *Его же.* Казанское ханство // *Очерки истории распространения исламской цивилизации*: в 2 т. Т. 2. М.: Росспен, 2002. С. 144–151.

⁴⁴ *Паньков И.П.* История чувашского народа (с древнейших времен до конца XVIII века): рукопись. Калинин, 1949 // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 284. Инв. № 687. 145 с.; *Его же.* История чувашского народа (с древнейших времен до конца XVIII в.): рукопись. Калинин, 1950 // Там же. Ед. хр. 235. Инв. № 792. 472 с.; *Его же.* Чуваши под властью Золотой Орды и Казанского ханства: рукопись. Калинин, 1952 // Там же. Ед. хр. 262. Инв. № 646. 57 с.; *Его же.* Чувашия в составе Московского государства во второй половине XVI – первой половине XVII в. 1952 // Там же. Ед. хр. 427. Инв. № 1404. 83 с.

⁴⁵ *Паньков И.П.* Чуваша в составе Казанского ханства // *Материалы по истории Чувашской АССР*. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. 1. С. 95–103; *Димитриев В.Д., Паньков И.П.* Чувашия в составе Казанского ханства // *История Чувашской АССР*: в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 53–58; *Паньков И.П.* К характеристике феодальных отношений в Чувашии в период Казанского ханства // *Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма: тезисы докладов*. Чебоксары: ЧНИИ, 1973. С. 21–23.

⁴⁶ *История Татарской АССР*. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. Н.И. Воробьева, М.Х. Гайнуллина, Х.Г. Гимади [и др.]. Казань: Татар. гос. изд-во, 1951. 660 с.; *История Татарской АССР*: в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. Х.Г. Гимади. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 550 с.; *История Татарской АССР* / под ред. З.И. Гильманова, М.К. Мухарьямова, Ю.И. Смыкова [и др.]. Казань: Татар. кн. изд-во, 1968. 719 с.; *История Татарской АССР* / под ред. М.К. Мухарьямова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. 240 с.; *История Татарской АССР* / под ред. М.К. Мухарьямова. Изд. 2-е, доп. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 256 с.

⁴⁷ *Калинин Н.Ф.* Казанское ханство (XV–XVI вв.) // *История Татарской АССР*: в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. Н.И. Воробьева [и др.]. Казань: Таткнигоиздат, 1955. С. 100–147.

⁴⁸ О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. 132 с.

⁴⁹ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 96–118; *Кузнецов И.Д.* К вопросу о происхождении чувашской народности // Там же. С. 119–126.

⁵⁰ *Димитриев В.Д.* О ясачном обложении в Среднем Поволжье // *Вопросы истории*. 1956. № 12. С. 107–115; *Его же.* К вопросу о ясаке в Среднем Поволжье // *Ученые записки / ЧНИИ*. Вып. 16. Чебоксары; Чуваш. гос. изд-во, 1958. С. 278–293.

⁵¹ *Димитриев В.Д.* К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // *Ученые записки / ЧНИИ*. Вып. 14. Чебоксары: ЧНИИ, 1956. С. 173–218.

⁵² Чуваша: этнографическое исследование. Ч. 1–2. Чебоксары, 1956–1970.

⁵³ *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 1: Чувашские кошты до двадцатого века. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 26–154.

⁵⁴ *Нестеров В.А.* Чувашия в составе Русского государства во второй половине XVI и начале XVII века: очерк социально-политической истории // *Материалы по истории Чувашской АССР*. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. 1. С. 129–149.

⁵⁵ *Романов Н.Р.* Чувашия в XVII веке. Участие чувашского народа в крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина // *Материалы по истории Чувашской АССР*. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. 1. С. 150–207.

⁵⁶ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. 408 с.

⁵⁷ Чернышев Е.И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига: Изд-во АН Латв. ССР, 1963. С. 170–183.

⁵⁸ Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сб. аспирант. работ КГУ. Право. История. Филология. Казань, 1964. С. 52–70; *Его же*. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сб. науч. работ: вторая научная конференция молодых ученых города Казани, 27–28 марта 1964 г. Казань, 1966. С. 94–110.

⁵⁹ Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 484 с.

⁶⁰ Там же. С. 378–458.

⁶¹ История Чувашской АССР: в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. С. 53–91.

⁶² Димитриев В.Д. О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII в. // Учёные записки / ЧНИИ. Вып. 27. Чебоксары, 1964. С. 118–132.

⁶³ Айплатов Г.Н. Расселение марийцев во второй половине XVI – начале XVIII в. // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1967. С. 140–146.

⁶⁴ Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамудинов. М.: Наука, 1967. 538 с.

⁶⁵ Димитриев В.Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начале XX века // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 47: История, этнография, социология. Чебоксары: ЧНИИ, 1969. С. 242–246.

⁶⁶ Тихомиров М.Н. Бесермяны в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 50–57. (Труды Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР; вып. 7).

⁶⁷ Тепляшина Т.И. О смешении терминов «чуваша» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. Вып. 40. С. 177–187; *Ее же*. Этноним «бесермяне» // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 177–188; *Ее же*. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

⁶⁸ Саттаров Г.Ф. Антропонимы Татарской АССР. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. 282 с.

⁶⁹ Скворцов М.И. Чувашский языковой материал в «Писцовой книге Казанского уезда» 1602–1603 годов // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. И.А. Андреев. Чебоксары: ЧГУ, 1988. С. 89–101.

⁷⁰ Халиков А.Х. История формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза татароязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 7–30; *Его же*. Происхождение татар Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 160 с.; *Его же*. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 224 с.; *Его же*. Кто мы – булгары или татары? Казань: Казан, 1992. 64 с.

⁷¹ Димитриев В.Д. Чувашские предания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России // Труды / ЧНИИ. Вып. 60: История, археология и этнография Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1975. С. 88–136.

⁷² Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 448 с.

⁷³ Димитриев В.Д. Навеки с русским народом: К 425-летию добровольного вхождения Чувашии в состав Русского государства. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. С. 5–13; *Его же*. Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства // Труды / ЧНИИ. Вып. 71: 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары: ЧНИИ, 1977. С. 63–91.

⁷⁴ Ермолаев И.П. Писцовая книга Ивана Болотина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста / сост. Р.Н. Степанов; под ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 5–31.

⁷⁵ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII в. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 224 с.

⁷⁶ *Димитриев В.Д.* Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI – начале XVII века // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1981. С. 3–19; *Его же.* О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации: сб. ст. М.: Наука, 1982. С. 98–107.

⁷⁷ Болгары и чувашаи: сб. ст. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1984. 160 с.

⁷⁸ *Иванов Л.И.* К вопросу об основании чувашских селений на правом берегу Волги переселенцами из Казанского уезда // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1984. С. 31–33.

⁷⁹ *Михайлов Е.П.* Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 3–23.

⁸⁰ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.

⁸¹ *Исхаков Д.М.* Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынско-тюркского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С.16–38.

⁸² *Исхаков Д.М.* О происхождении «арских князей» и их место в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: проблемы истории и культуры: материалы конференции. Вып. 1. Казань: Заман, 1995. С. 95–98; *Его же.* Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социальной структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань: Фэн, 2010. 224 с.

⁸³ *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 25–39.

⁸⁴ *Исхаков Д.М.* Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (Критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. 1988. Вып. 5. С. 140–146.

⁸⁵ *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 3–42.

⁸⁶ *Иванов В.П.* Формирование чувашской диаспоры: тезисы. Чебоксары: ЧГИГН, 1988. 12 с.; *Его же.* Общая характеристика исторической динамики расселения и численности чувашей // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. С. 12–18; *Его же.* Расселение и численность чувашей: этногеографический очерк. Чебоксары: Чуваш. респ. ин-т образования, 1992. 72 с.; *Его же.* Этническая история чувашей. Чебоксары: Чуваш. респ. ин-т образования, 1992. 68 с.; *Его же.* Этногенез и этногеография // Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧНИИ, 1993. С. 12–77; *Его же.* Чувашский этнос: проблемы истории и этнографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 156 с.

⁸⁷ *Иванов В.П.* Этническая история чувашей. С. 46.

⁸⁸ *Исхаков Д.М.* К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – середины XVI в.) // Панорама–Форум. 1995. Вып. 3. С. 195–207; *Его же.* От средневековых татар к татарам Нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.

⁸⁹ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар ... С. 97.

⁹⁰ *Кузеев Р.Г.* Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н.э. до XVI в. Препринт доклада. Уфа: Башк. филиал АН СССР, 1987. 65 с.; *Его же.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

⁹¹ *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала ... С. 112–113.

⁹² *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начала XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.; *Его же.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. 160 с.; *Его же.* Казанское ханство. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 47 с.; *Его же.* Из истории Казанского ханства. Казань, 2003. 250 с.

⁹³ Алишев С.Х. Тернистый путь борьбы за свободу (Социальная и национально-освободительная борьба татарского народа, вторая половина XVI–XIX в.). Казань: Фэн, 1999. 158 с.

⁹⁴ Бахтин А.Г. Повстанческое движение в Среднем Поволжье и Приуралье во второй половине XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 17 с.; *Его же*. Народы Горной стороны в составе Казанского ханства // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. Йошкар-Ола, 1996. № 1. С. 50–58; *Его же*. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский полиграф.-изд. комбинат, 1998. 192 с.

⁹⁵ Изоркин А.В. Сказка о «добровольном вхождении» Чувашии в состав Русского государства // Лик Чувашии. Чебоксары, 1997. С. 127–137.

⁹⁶ Хамидуллин Б.Л. Образование Казанского ханства: этнический и социальный аспекты // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 82–93; *Его же*. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 335 с.; *Его же*. Этносоциальная история Казанского ханства: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. 218 с.

⁹⁷ Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. 454 с.

⁹⁸ Там же. С. 123.

⁹⁹ Аминова Г.И. К методике составления административной карты Казанского ханства // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань, 2002. С. 117–134.

¹⁰⁰ Галлямов Р.Ф. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Там же. С. 280–316.

¹⁰¹ Исхаков Д.М. Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья // Там же. С. 141–148.

¹⁰² Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 159 с.; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. 116 с.

¹⁰³ Иванов В.П., Николаев В.В., Дмитриев В.Д. Чуваши: этническая история и традиционная культура. М.: ДИК, 2000. 96 с.

¹⁰⁴ Дмитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству: к 450-летию вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. 118 с.

¹⁰⁵ Дмитриев В.Д. О волжско-камском и казанском этапах этногенеза чувашей // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, 2004. С. 62–110.

¹⁰⁶ Тафаев Г.И. Цивилизации Среднего Поволжья в процессе трансформации: учеб. пособие. Чебоксары: Чувашия, 2010. 150 с.; *Его же*. Цивилизационный путь развития чувашского народа. Чебоксары: Чувашия, 2011. 152 с.

¹⁰⁷ Иванов В.П. Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 384 с.; *Его же*. Расселение и численность чувашей в России: историческая динамика и региональные особенности (Историко-этнографическое исследование): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2005. 46 с.; *Его же*. Этническая история // Чуваши: история и культура: историко-этнографическое исследование: в 2 т. / под общ. ред. В.П. Иванова. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 56–78.

¹⁰⁸ Иванов В.П. Этническая история чувашского народа: научный очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 88 с.

¹⁰⁹ Иванов В.П. Об этногенетических корнях различий в этнокультурах чувашей и татар // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 31–45.

¹¹⁰ Петрова О.Н. Средневожские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 341 с.

¹¹¹ Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.

¹¹² Судаков М.А. Эволюция структуры землевладения и земельные отношения в Чувашском крае во второй половине XVI – XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2006. 285 с.

¹¹³ Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 52–72.

¹¹⁴ Там же. С. 58.

¹¹⁵ *Бахтин А.Г.* Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 597 с.; *Его же.* Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. 252 с.

¹¹⁶ *Бахтин А.Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. С. 199.

¹¹⁷ *Галлям Р.Г., Насыров Р.Г.* Историческая география Закамья в эпоху Казанского ханства (к проблеме расселения в регионе в XV–XVI вв.) // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. / сост. и отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Алма-Лит, 2009. Вып. 1. С. 49–63.

¹¹⁸ *Ситдииков А.Г.* Археологические памятники Казанского ханства: локализация и своеобразии материальной культуры // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. С. 152–155.

¹¹⁹ *Измайлов И.Л.* Этносословная структура Казанского ханства // Там же. Вып. 4. С. 62–68.

¹²⁰ *Егоров Н.И.* Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2012. 52 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 10).

¹²¹ *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.

¹²² *Охотникова С.В.* «Ясачные чуваш»: некоторые итоги и задачи изучения / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2014. 36 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 16).

¹²³ История башкирских родов. Гирей. Т. 2. / С.И. Хамидуллин, Ю.М. Юсупов, Р.Р. Асылгужин [и др.]. Уфа: ШЕЖЕРЕ, 2014. С. 61–74; *Хамидуллин С.И.* «Исчезнувший» народ чуваша в этнологическом конструктивизме // Ватандаш. Уфа, 2015. № 1. С. 48–59.

S.V. Okhotnikova

“THE YASAK CHUVASH” IN NATIVE LITERATURE

The article is devoted to the historiographic analysis of home research problems of ethnic, religious and language belonging, as well as the socio-economic situation of “the yasak Chuvash” of the Kazan region. It sums up some the results of the research of “the yasak Chuvash” problem, allowing to reveal the plots studied insufficiently.

Keywords: Bulgar heritage, “the yasak Chuvash”, Kazan Tatars, Kazan khanate, ethnic history, native historiography

Статья посвящена остродискуссионной проблеме этносоциальной идентификации «ясачных чувашей», зафиксированных в русских источниках XVI–XVII вв. в левобережных районах Казанского края, их взаимоотношений со служилыми татарами, места и роли заказанских чувашей в формировании языка и культуры современных казанских татар.

Ключевые слова: «ясачные чувашаи», служилые татары, Казанский край, чувашаи, этносоциальная идентификация.

Основной целью настоящего исследования является установление пространственно-временных параметров, а также характера и направленности татарско-чувашских этнолингвокультурных взаимоотношений в Среднем Поволжье после «казанского взятия». В этой связи встала проблема этнической атрибуции мусульманского населения Казанского ханства, левобережных «чюваш» русских источников второй половины XVI–XVII вв. и испомещенных из Мещеры и Касимовского ханства служилых татар.

Средневековая история тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона все ещё полна загадок. Причина тому – крайняя скудость нарративных источников. Специалисты стремятся пополнить фактологическую базу археологическими данными, но они являются плохими помощниками в изучении сложных этнических, социальных, лингвистических, конфессиональных и прочих процессов, происходивших в регионе в так называемое «тёмное время». Между тем в Волго-Уральском регионе во II тысячелетии происходили такие масштабные события, как монгольская

Николай Иванович Егоров – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: emigulay@mail.ru.

инвазия и падение Волжской Булгарии, образование Булгарского улуса в составе Золотой Орды, пандемия бубонной чумы, разорение Среднего Поволжья в ходе противостояния Тамерлана и Токтамыша, попытки восстановления былой государственности в лице эфемерного Булгарского княжества, образование Казанского ханства и его завоевание Московским великим княжеством, русская колонизация Волго-Уральского региона... Все эти события глобального масштаба раз за разом переворачивали исторические реалии и перекраивали этнополитическую, этносоциальную, этнокультурную, конфессиональную, хозяйственно-экономическую карту региона. Крайняя скудость фактологической базы, фрагментарность и противоречивость письменных источников, неразработанность методики изучения этнополитической, этносоциальной и этнолингвокультурной истории такого сложного региона, как Среднее Поволжье, создают почву для пристрастного, подчас необъективного ее освещения.

К сожалению, тенденциозное освещение прошлого приводит к трениям между специалистами различных научных центров региона. Так, совсем недавно яблоком раздора между татарскими и чувашскими историками было пресловутое булгарское наследие: каждый тянул булгарское одеяло на себя. В конечном итоге оказалось, что оно достаточно большое и его хватает не только на чувашей и татар, но ещё и на ряд других народов.

Опыт показывает, что такого рода спорные проблемы эффективно решаются в ходе совместной работы заинтересованных специалистов. В последние годы развивается креативное сотрудничество чебоксарских и казанских ученых. Так, в апреле 2011 г. в Чебоксарах состоялось во многом знаковое событие – научный семинар «Волжская Булгария: этнокультурная ситуация и общественное развитие». Впервые за последние десятилетия ведущие специалисты Чувашии и Татарстана за круглым столом обменялись мнениями по ряду дискуссионных вопросов истории Волжской Булгарии и булгарского наследия¹. Участники семинара пришли к общему мнению о необходимости продолжения диалога чувашских и татарских коллег по спорным вопросам истории, языка и культуры народов Поволжья и Приуралья. Под давлением неопровержимых фактов казанские историки и языковеды вынуждены признать, что прямыми наследниками волжских булгар являются чувашаи. К этому следует добавить, что и современные казанские татары через посредство заказанских чувашей XV–XVII вв. имеют определенное отношение к булгарскому этнолингвокультурному наследию. А признание этого очевидного факта свидетельствует о том, что в этногенезе современных казанских татар приняли участие значительные группы аборигенного булгарского населения, которое русские источники XVI–XVII вв. однозначно называют «чуваш». Вырисовывается весьма интересная ситуация: когда эта дотатарская субстратная группа населения определяется как остатки булгар, населявших Булгарское княжество (вилаят), казанские историки согласны принять их в качестве одного из компонентов татарского этногенеза; но когда то же самое население называется «чуваш», казанские историки всевозможными ухищрениями стараются открещиваться

от них. Сначала они старались усматривать в «ясачная чуваша» русских источников второй половины XVI–XVII в. податное сословие из числа казанских татар и пропагандировали явно взятую с потолка идею, что за этносоциальным термином «ясачные чуваша» скрывается сословие ясачных татар. Но затем, осознав явную несостоятельность идеи переокрасить «ясачная чуваша» левобережья Казанского края в ясачных татар, сменили акценты и под «чуваш», зафиксированными в русских источниках XVI–XVII вв. в Заказанье, стали усматривать всех земледельцев-пахарей, то есть ясачных людей из числа бывших волжско-булгарских племён и народностей (независимо от их этнической принадлежности), покорённых в XIII в. золотоордынскими «татарами»².

Тема этнической идентификации левобережных или казанских чувашей непосредственно сопряжена с проблемами этнолингвокультурной истории Среднего Поволжья в период Средневековья и в особенности в золотоордынское (XIII–XIV вв.), постзолотоордынское (первая половина XV в.) и казанскоханское (вторая половина XV – первая половина XVI в.) время. Вопрос о том, что скрывается за термином «ясачная чуваша» в документах XVI–XVIII вв. – социальное понятие, то есть ясачное население, или же этническое, то есть чуваша, – давно рассматривается татарскими и чувашскими историками. Но в нем возникают все новые нюансы. Следует всячески приветствовать инициативу казанских историков из Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, пригласивших чувашских коллег на совместное обсуждение проблемы «ясачных чувашей». В декабре 2013 г. в Казани в рамках Всероссийской научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVI – начало XVIII в.)» работал круглый стол «Понятия “чуваш” и “ясачная чуваша” в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты»³. В форуме приняли участие ученые из Чебоксар В.П. Иванов, С.В. Охотникова и автор настоящих строк. Я пишу об этом потому, что уже сам факт проведения совместного мероприятия для обсуждения острых проблем нашей общей истории представляется весьма симптоматичным и свидетельствует о некотором сближении научных позиций и начале реального сотрудничества татарских и чувашских историков. Дорогого стоит, например, факт публикации трудов молодого казанского историка Р.Р. Исхакова в научных изданиях г. Чебоксары⁴ или, скажем, чувашского учёного Г.А. Николаева – в фундаментальных изданиях г. Казань⁵.

Собравшиеся за круглым столом татарские и чувашские гуманитарии самого разного направления заинтересованно обсудили целый ряд дискуссионных вопросов, связанных с происхождением левобережной (казанской) группы чувашей, их социальной и этноязыковой принадлежностью, взаимодействием с татарами в период Казанского ханства и русской колонизации Казанского края и т.д. Особое внимание было обращено на чувашский след в топонимии Заказанья, в традиционной соционормативной, праздничной, фольклорной культуре и мифологии казанских татар. Было отмечено, что современная система вокализма татарского языка сформировалась на чуваш-

ском субстрате и т.д. Отрадно отметить, что татарские коллеги к позиции чувашских специалистов отнеслись благосклонно и с пониманием.

Состоявшийся «круглый стол» для меня примечателен и тем, что на нем прозвучало глубоко продуманное выступление нашей молодой коллеги С.В. Охотниковой⁶, получившее высокую оценку со стороны татарских историков. На основе скрупулезного анализа доступных источников и аналитической литературы по вопросам этнической, социальной и конфессиональной принадлежности населения Казанского края в XV–XVII вв. С.В. Охотникова приходит к вполне очевидному выводу, что термином «чюваша» в русских источниках второй половины XVI–XVII вв. обозначаются этнические чуваша, составлявшие в этот период и значительно ранее большую часть населения не только Свияжского, но и Казанского уезда, включая территорию Предкамья и Заказанья. В этой связи уместно напомнить, что уже в недрах Казанского ханства в очерченном районе существовали целых три чувашские даруги: Чувашская Верхняя, Чувашская Средняя и Чувашская Нижняя. Позже они были объединены в одну даругу, названную Зюрейской. Для обозначения социальной прослойки тяглых людей из среды чувашского населения в русских источниках XVI–XVIII вв. широко использовался этносоциальный термин «ясачная чюваша». Правда, заключительный вывод С.В. Охотниковой звучит несколько витиевато: «Таким образом, упоминаемая в источниках XVI–XVIII вв. группа “ясачная чюваша”, проживавшая на территории Казанского ханства и образованного позднее Казанского уезда, представляла собой динамично развивавшуюся в этническом, языковом и религиозном отношениях группу тяглого населения, которая в указанный период времени пережила трансформацию от тюркоязычной группы язычников булгаро-чувашей до отатаренной части чёрного люда, влившейся к концу XVII в. в татарский этнос, исповедовавшей ислам и говорившей на языке кыпчакского типа»⁷.

Этот в общем-то правильный вывод нуждается в небольших корректировках. Экстраполировать сведения русских источников на социально-политическую ситуацию Казанского ханства следует очень осторожно уже хотя бы потому, что у нас нет документальных сведений о хозяйственно-экономических, этносоциальных и конфессиональных взаимоотношениях между пришлыми «татарами» и автохтонным населением в период между 1445–1552 гг. Во всяком случае, этносоциальный термин «ясачная чюваша», как, впрочем, и термин «служилые татары», является конструктом московской приказной администрации. В указанный период определение «ясачные» распространялось и на другие народы Среднего Поволжья – марийцев, удмуртов и даже отчасти на татар. В письменных источниках XVI–XVII вв. фигурируют также служилые «чюваша», а также черемисы, мордва, вотяки. Отсюда ясно, что понятие «чюваша» несомненно этническое, а социальное положение местного населения Казанского края маркируется определениями «служилый» и «ясачный».

Накопившийся за последние полвека с небольшим клубок проблем вокруг этносоциального термина «ясачная чюваша» скрупулезно распуты-

вается С.В. Охотниковой и в работе «"Ясачные чуваши": некоторые итоги и задачи изучения», вынесенной на суд научной общественности в виде доклада на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2014 г.⁸ Приступая непосредственно к обсуждению поднятых в данной работе проблем, прежде всего хотелось бы отметить, что С.В. Охотникова к анализируемой остродискуссионной теме отнеслась со всей серьезностью и проявила себя как вдумчивый и вполне зрелый историк-медиевист с широким кругозором. Доклад обрадовал меня благой вестью: на смену ушедшим в вечность корифеям нашей национальной историографии пришла достойная смена молодых и талантливых медиевистов.

Название «"Ясачные чуваши": некоторые итоги и задачи изучения», на мой взгляд, не совсем адекватно отражает основную идею доклада. С «ясачными чувашами» все понятно – это тяглые крестьяне из числа этнических чувашей, обложенных ясаком в пользу феодального государства, а конкретно – Русского, Российского. После русской колонизации Казанской земли московское правительство сохранило устоявшиеся в Казанском ханстве традиции социальной иерархии. В частности, ясачные люди были оставлены в прежнем положении. В дальнейшем система ясачного обложения модифицировалась: в последней четверти XVI в. ясак стал фиксированной денежной и натуральной податью за пользование тяглой землей. Ясак в Казанской земле второй половины XVI – начала XVII в. представлял собой, с одной стороны, феодальную ренту, так как денежный и хлебный ясаки взимались с площади пахотной земли, являющейся государственной собственностью, с другой стороны – государственный налог.

Система ясачного обложения, очевидно, сложилась в лоне Казанского ханства, а затем, во второй половине XVI в., была заимствована Русским государством. Кстати, ареал ясачного обложения совпадает с территорией Казанского ханства. Нет сомнения, история системы ясачного обложения населения требует всестороннего исследования, но в докладе рассматривается другая тема – вопрос о предметно-понятийном содержании термина «ясачные чуваше» применительно к территории Казанского уезда второй половины XVI–XVII в.

Проблема эта, в сущности, выросла на пустом месте в 60–70-х гг. прошлого века исключительно из желания некоторых казанских историков хоть как-то абстрагироваться от «назойливых» ясачных чувашей письменных источников, беспардонно «заполонивших» все пять даруг Казанского ханства. Тогда казанские историки Е.И. Чернышев, И.П. Ермолаев и другие исследователи запустили в научный оборот домисел, что за термином «ясачная чуваша» в Заказанье и Предкамье якобы скрываются «ясачные татары» и что «ясачная чуваша» – это вовсе не этноним, а соционим. Поэтому разбор историографии вопроса этнической идентификации надо начать именно с этого момента. Более ранние умозаключения о происхождении этнонима «чуваше» и его понятийном содержании к разрабатываемой в докладе проблеме прямого отношения не имеют.

С.В. Охотникова решилась представить проблему изучения «ясачная чюваша» Казанского уезда XVI–XVII вв., так сказать, во всем её великолепии. Однако такой широкий взгляд и обращение в одном небольшом (и даже в большом) докладе одновременно ко всем возможным аспектам проблемы – этнической идентификации термина «ясачные чуваша», его сословной атрибуции и социально-экономического состояния самих «ясачных чувашей» (а не термина!), их конфессиональной и языковой принадлежности, демографических процессов в Казанском крае в XV–XVII вв. – распыляет внимание, уводит от основной проблемы и, разумеется, делает работу трудной для восприятия.

На самом деле нет никакой необходимости проводить столь широкие исследования, чтобы убедиться в абсурдности надуманной атрибуции термина «ясачные чуваша» как исключительно социального термина, к тому же относящегося к податному сословию казанских татар. Ведь понятно, что термин «ясачная чюваша», зачистивший в русских актовых и иных источниках со второй половины XVI в., состоит из двух частей: первая из них – «ясачная» – отражает сословное, если хотите, социальное положение, а вторая – «чюваша» – этническую принадлежность определенной группы населения Среднего Поволжья. И этот термин стоит в одном ряду с такими однотипными конструкциями, как «ясачные черемисы», «ясачные вотяки», «ясачные татары» и проч.

Стоит только бросить «незамутнённый взгляд» на страницы первоисточников XVI–XVIII вв., станет понятно и ясно как день, что слово «чюваша» повсеместно употребляется исключительно в значении этнического наименования в одном ряду с другими этнонимами. Например, в «царском» наказе казанским воеводам 1649 г. читаем: «...и к ясашным людям: и к чюваше, и к черемисе, и к вотякам держать ласка и привет, и береженье»⁹. Там же сказано: «...и в казанских служилых татарех, и в ясачных людех – в чюваше и черемисе, и в вотяках велети шатости и измены проводывать всякими мерами тайно, чтоб было не явно»¹⁰.

В «государевом наказе» казанским воеводам Г.И. Морозову и И.А. Хилкову от 16 мая 1649 г. приказано «смотреть и беречи накрепко, чтоб в Казанский уезд в чювашские и черемисские волости и в деревни торговые всякие люди заповедных всяких товаров (здесь и далее выделено мною. – Н.Е.): пансырей и шеломов, и сабель, и железец стрельных, и лишних всяких товаров сверх проезжих грамот и таможенных памятей не возили, и кузнечного и серебряного дела чюваша и черемиса не делали, и кузнечные и серебряные снасти ни у ково б в чюваше и в черемисе, и в вотяках не было. А у кого в чюваше и черемисе, и в вотяках кузнечную и серебряную снасть проведуют, им тое чювашу, черемису и вотяков с тою серебряною и с кузнечною снастью велеть приводити в Казань. И ропсрашивая их, велети им чинити наказанье, смотря по вине. И заказати им накрепко, чтоб они вперед у себя кузнечного и серебряного дела отнюдь не делали и снастей таких у себя не держали. А железные б всякие товары: топоры и косы, и серпы, и уклад, и железа, и соль казанская и иных горо-

дов и уездов чюваша и черемиса покупали и всяких людей в торгу, докладывая их, боярина и воевод Глеба Ивановича [Морозова] и окольного князя Ивана Андреевича [Хилкова] и дьяков Василья [Нефедова] и Федора [Иванова] или кому они, боярин и воеводы, о том прикажут. Толко б им продавали торговые и всякие люди такие товары от невелика, чем мочно в год пробыть, а лишнего б вперед на запас ништо тех заповедных товаров не покупали. *А торговые б люди тех заповедных товаров без их, боярина и воевод, ведома чюваше и черемисе, и вотяком не продавали.* И заказать о том торговым всяким людям накрепко. А будет торговые и всякие люди учнут *чюваше и черемисе* такие заповедные товары продавать мимо заповеди, и боярину и воеводам Глебу Ивановичу [Морозову] и окольному князю Ивану Андреевичу [Хилкову] и дьяком Василью [Нефедову] и Федору [Иванову] на тех людях имати на государя пении против пряжняго государева указу и велети им чинить наказанье, смотря по вине»¹¹.

Приведённая здесь 8-я статья почти дословно повторяется в 8-й статье наказа казанским воеводам от 22 марта 1677 г. В аналогичной редакции она сохранена и в наказе от 21 июля 1686 г. В наказе казанскому воеводе П.Л. Львову от 31 марта 1697 г. тема запрета металлообработки и продажи заповедных товаров чувашам, марийцам и удмуртам расписана в 8-й и 9-й статьях, а за нарушение запрета на «кузнечное и серебряное дело» установлена строжайшая мера наказания – смертная казнь¹².

Надеюсь, что этих небольших цитат достаточно, чтобы убедиться в том, что сословное положение в XVI–XVII вв. выражалось термином «ясачные люди», а термин «ясачная чюваша» относился к ясачному, тяглому сословию чувашского народа, которое противопоставлялось сословию «служилых чувашей». Социальный статус в этих терминах выражается эпитетом «ясачные» и «служилые», приложенными к собственно этническому названию «чуваши».

Изучение опубликованных В.Д. Дмитриевым наказов казанским воеводам XVII в. дает историкам возможность исследовать особенности политики московского правительства в Среднем Поволжье, проявление в ней особых нормативов к служилым татарам и остальному тяглому населению. Из приведённых цитат можно сделать несколько любопытных заключений. Первое. «Чюваша» Казанского уезда наряду с другими этносами края зафиксированы во всех дошедших до нас наказах «великих государей, царей и великих князей всея Руси самодержцев», то есть в документах, исходящих из самых высоких инстанций (так что всякие оговорки об ошибках писцов устраняются). Второе. В Казанском уезде на протяжении всего XVII в. существовали целые «чювашские и черемисские волости» (кстати, в русских летописях уже с 1551 г. упоминается «Чувашская дорога»). Третье. Коль скоро в «царских» наказах казанским воеводам в течение всего XVII в. строго повелевается следить за чувашами, черемисами и вотяками, «чтоб они отпросом и обманом в Казани никакого дурна» и «измену и шатость не завели», значит, казанские «чюваша» представляли значительную силу.

Самое примечательное в этом государственном документе – отсутствие в перечне народов Казанского уезда татар. Это значит, что в Казанском уезде запрет на кузнечное ремесло и покупку заповедных товаров на татар не распространялся. Отсюда напрашивается предположение, что в Казанском крае в XVI в. собственно казанских татар ханского времени уже не было, а служилые татары письменных источников второй половины XVI–XVII вв., очевидно, являются «испомещенными» московским правительством служилыми людьми из числа татар Мещерского края.

Первым делом С.В. Охотникова проявила себя как состоявшийся аналитик: проблему «ясачных чувашей» она разубила на целый ряд более мелких вопросов, разложила их, что называется, по полочкам и постаралась дать каждому вопросу аргументированный ответ. Проблему ясачных чувашей XVI–XVII вв. она рассматривает во всевозможных аспектах: сословном и социально-экономическом, конфессиональном, лингвистическом, демографическом. В результате такого всестороннего анализа проблемы С.В. Охотникова выделяет три основные версии понятийного содержания термина «ясачная чуваша» русских источников второй половины XVI–XVII в.: этническая (этноним), социальная (соционим) и конфессиональная (конфессионим). Далее все эти три версии С.В. Охотникова подвергает скрупулезному анализу с приведением всех возможных доводов «за» и «против» каждой из них. Меня импонирует такой филигранный, беспристрастный и сугубо научный подход молодого историка к решению научной дилеммы. Обычно в спорных случаях специалисты из двух зол выбирают меньшее и в результате скатываются в дилетантизм. Опробованная С.В. Охотниковой методика анализа исторических фактов даёт возможность выбрать из нескольких возможных версий наиболее свободную от противоречий и наиболее убедительную.

Основные выводы исследования С.В. Охотниковой заключаются в констатации следующих положений:

- «ясачные чуваша» левобережья Казанского края, упоминаемые в источниках XVI–XVII вв., – этнические чуваша;
- «ясачные чуваша» XVI–XVII вв. – этносословная группа;
- «ясачные чуваша» XVI–XVII вв. – этноконфессиональная группа единого постзолотоордынского болгарского этноса, сохранившая традиционные народные верования (язычество).

В целом получается такая картина: в Предкамье и Заказанье вплоть до конца XVII в. жили чуваша-язычники, которые во второй половине XVI в. русской колониальной администрацией были записаны в тяглое сословие. Тогда же в среду ясачных чувашей были «испомещены» служилые татары.

Полученные С.В. Охотниковой выводы показывают, что проблема этнолингвокультурной индентификации средневекового населения заключается не в этнической атрибуции «ясачных чувашей» русских источников XVI–XVII вв., а, скорее, в скрупулезной разработке сложной и запутанной проблемы этноязыковой, этносоциальной, этнополитической атрибуции термина «татары», понятийное содержание которого менялось постоянно.

Уже сейчас ясно, что золотоордынские татары и татары Казанского ханства – далеко не одно и то же. Анализ письменных источников показывает, что в разное время и в различных конкретных ситуациях предметно-понятийное содержание собирательного термина «татары» менялось в весьма широком диапазоне. Мы все ещё плохо представляем себе, что скрывается за термином «татары» в русских источниках второй половины XVI–XVII в.: собственно казанские татары, то есть остатки кыпчакоязычного населения бывшего Казанского ханства, «испомещенные» московским правительством из Мещерского края в Среднее Поволжье служилые татары, или же этот термин покрывал все автохтонное население Казанского края?

После «круглого стола», организованного Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан для обсуждения проблемы «ясачных чувашей» Казанского края, я начал углубляться в письменные источники XVI–XVII вв. и пришёл к совершенно неожиданному для себя открытию.

Оказывается, что после завоевания Казани в 1552 г. и подавления народно-освободительного антиколониального движения – так называемых «черемисских войн» 1552–1557, 1571–1574, 1581–1585 гг.¹³ – в Среднем Поволжье собственно казанских татар ханского периода практически не осталось. Татарское население Казанского ханства частью погибло в ходе завоевания Казани и подавления народных восстаний, частью было пленено и уведено в Московию, частью спаслось бегством в Приуралье и Ногайскую степь¹⁴.

Народно-освободительное антиколониальное движение народов Казанского края было подавлено самым жесточайшим образом. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые сведения из первоисточников. Весной 1553 г. против повстанцев по велению царя Ивана IV был послан Д.Ф. Адашев с вятчанами и казанцами. «И Данило (Д.Ф. Адашев. – *Н.Е.*) с Вятчаны стоял по Каме и по Вятке и по Волге и побивал на перевозях во многих местах Казанских и Ногайских людей, а живых в Казань к воеводам прислал в все лето 240 человек»¹⁵. По воспоминаниям князя А.М. Курбского, движущей силой народного восстания были «оставшие князи казанские, вкупе со... прочими языки (то есть народами. – *Н.Е.*) поганскими»¹⁶. Здесь следует оговориться, что под «князьями казанскими» следует понимать всю местную национальную аристократию Казанского края независимо от этнической принадлежности. Не случайно национально-освободительное движение народов Среднего Поволжья получило название «черемисские войны», а не татарские. В сентябре 1553 г. Иван IV отправил «в Казань на Арских изменников» воевод князя С.И. Микулинского, бояр П.В. Морозова и И.В. Шереметьева, окольничего и окружничего Л.А. Салтыкова, князя А.М. Курбского и М. Воронова. Они соединились со свияжскими воеводами и выступили из Казани по Арской дороге против устроенного повстанцами на реке Меше укрепления, «и направо побережных (то есть левобережных. – *Н.Е.*) людей по Чювашской дороге и по Нагайской и по Каме и по Меше послали воевати головы, а налево и

вперед по тому же послали и в многие места послали головы воевати, и сами идучи на Арско и к Нурме и на Уржум идучи, въевали и жгли во всех местех»¹⁷. Эта краткая цитата зримо раскрывает масштабы карательных операций, предпринятых московскими властями. Действительно, «въевали и жгли во всех местех» Казанского края – от Волги до Камы и Вятки, вплоть до широты Уржума. По сведениям участвовавшего в этом походе князя А.М. Курбского, в подавлении восстания было задействовано более 30 тыс. чел. Мятежников же было порядка 15 тыс.¹⁸ Естественно, перевес сил был на стороне оснащенных новейшим для своего времени огнестрельным оружием карателей, которые восставших «побивали везде и побили на боех и в языки их поймали четных людей 6 000 человек, а в полон взяли рбят и женок Татарского полону 15 000». Окрестные села «все повыжгли и людей повыбили»¹⁹.

В 1554 г. карательные действия русских отрядов охватили всю луговую и бережную территорию «Казанского царства»: «А война их была от Казани и по Каму, а от Волги за Ошит (р. Ашит, левый приток р. Илеть. – *Н.Е.*), и за Оржум (р. Уржумка, правый приток р. Вятка. – *Н.Е.*) и на Илит (р. Илеть, левый приток р. Волга. – *Н.Е.*) и под Вятские волости (г. Вятка, ныне Киров. – *Н.Е.*), от Казани вверх по Каме пол-300 верст, а от Волги к Вятке поперег 200 верст; а ходили от Казани четыре недели; а не была война вверх по Волге по Кокшагам и по Руткам»²⁰.

Весной 1554 г., исполнив возложенную на них царем Иваном IV (Грозным) миссию, русские воеводы с войском вернулись в Москву. Однако ситуация в Среднем Поволжье всё ещё продолжала оставаться беспокойной. Уже летом в Казанском крае вспыхнули новые волнения: арские и бережные люди, объединившись с луговыми черемисами, начали подступать к Казани: «Арьских людей черных, которые государю прямы, побили многих, и на Каме рыболовей побили, и к городу к Казани приходить почали на сенокосов»²¹. В 1555 г. народные волнения перекинулись к луговым черемисам и вновь захватили Арскую дорогу. Новые волнения на Луговой стороне продолжались с весны до осени, пока мятежники не были наголову разбиты посланными из Казани войсками под командованием князей Еналия Моматова и Еналия Чигасова, стрелецкого сотника Офонки Бортенева со стрельцами, Иванки Мохнева «з жилцы с Казаньскими и с новокрещены». Были захвачены в плен князь Кебенка, Курманалий, Кулай-мырза Данин, Чебак-мурза Базтаргаев, «и иных многих князей, мурз и казаков и сотных князей, и воеводы их велели всех побить». Они вместе с другими князьями, мурзами, казаками и сотными князьями были уничтожены по приказанию казанских воевод. Лояльные московскому правительству жители Арской земли и Бережной стороны «переимали сами многих Татар, которые не прямили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приводили да сами резали их и побивали перед воеводами...»²². Осенью 1555 г. всего было перебито 1560 «именных людей» из татар²³.

В апреле 1556 г. казанский воевода князь П.И. Шуйский сообщил царю, что посланные им отряды из боярских детей, казаков, «новокрещенов» и служилых татар разрушили на Побережной стороне укрепленный Чалымский городок и перебили многих повстанцев. В мае того же года отряды князя П.И. Шуйского умирляли волнения на Арской земле, где многих мятежников «перебили», а в плен вывели «бесчисленно много». В июне казанский наместник организовал новый рейд против восставшего населения Заказанья. На этот раз карательные отряды ходили «за Арьское, за Ошит и за Уржум и к Вятке», не дойдя до реки Вятки 50 верст. «И после того Петр [Морозов] воевал десять ден и все Арские места повоевал и побил многих людей и полоном вывел бесчисленно много». Все взрослое мужское население было перебито, было взято множество пленников²⁴.

Все же волнения местного населения не стихали. В 1557 г. они перенесли на Горную сторону. Находившиеся в Среднем Поволжье московские воеводы принимали самые жестокие меры по силовому подавлению очагов повстанческого движения как на Луговой, Побережной, так и на Горной сторонах. Летописи сообщают: «А из Казани, из Свяги, и с Чебоксари писали, что приходили луговые на Арские места и на Горную сторону въ многие места, и... в всех местах их побили; и посылают ежеден ис Казани и из Свяги и с Чебоксари на Луговую воевати, и везде... воюют и здорово приходят во всю зиму и весну»²⁵.

По далеко не полным подсчетам, в ходе Казанской войны 1552 г. и подавления антимонопольных мятежей 1552–1557 гг. татарская феодальная аристократия была практически уничтожена: только осенью 1555 г. было перебито 1560 «именитых людей» – татарских князей, мурз, сотных князьков, «лучших» казаков и проч. К 1557 г., ко времени подавления восстания, «казанские люди лутчие, их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали, все извелися»²⁶.

Первоочередной задачей московского правительства после завоевания Казанского ханства была ликвидация ханского аппарата управления на местах и отстранение местных феодалов от административной власти. Даже беглое знакомство с первоисточниками невольно приводит к предубежденному вопросу: сколько же осталось в Казанском крае собственно казанских татар после продолжавшейся в течение 6 лет войны с упорно сопротивлявшимся местным населением? И осталось ли вообще?

Анализ источников приводит к нелицеприятному заключению: этническая история современных казанских татар начинается после падения Казанского ханства. Основными компонентами этногенеза современных казанских татар были автохтонные «ясачная чюваша» Закамья и Предкамья и «испомещённые» московской приказной администрацией преимущественно из Мещерского края «служилые татары».

В «государевых наказах» казанским воеводам XVII в. обнаруживаются любопытные нюансы употребления этнического термина «татары». В «царском наказе» казанскому воеводе Ю.П. Ушатому от 16 апреля 1613 г. указано взять «и казанским дворяном и детем боярским и *головам* стре-

лецким и *татарским* (здесь и далее выделено мною. – Н.Е.), и сотником стрелецким, и стрелцом, и пушкарем, и затинщиком, и князем, и мурзам, и татаром, и вотякам, и башкирцом, и всяким казанским служилым людям имянные списки за дячьёю рукою, да по тем именным спискам казанских служилых людей пересмотреть и сказать им государево цареву и великого князя Михайла Федоровича всеа Руси жалованное слово, что служба их и раденья государю и всему Московскому государству ведома, и государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Руси за их службу и раденья пожалует своим царским жалованьем, и оне бы государю служили и прямили, и правду свою свершили, на чем они души свои дали и крест целовали, и на государеву милость были надежны»²⁷. Из источника явствует, что перечисленные выше *татары, вотяки и башкирцы* относятся к категории служилых людей, причем у служилых татар есть «татарские головы».

Далее: царь повелевает «воеводе князю Ю.П. Ушатому да диеку Федору Лихачеву» «будучи им на государеве службе в Казани город ведати, и дворян, и детей боярских, и всяких служилых людей, и князей, и мурз, и татар, и вотяков, и башкирцов, и чувашу, и черемису судили и управу меж их чинили по государеву указу безволокитно вправду»²⁸.

Нет никакого сомнения в том, что перечисленные во второй статье царского наказа татары, вотяки, башкирцы, чуваша и черемисы являются реальными этносами «Казанского царства». Их сословное положение не определено. Выражение «и всяких служилых людей» может относиться к князьям и мурзам и, видимо, к татарам, хотя не исключено, что и ко всем перечисленным народам – вотякам, башкирам, чувашам и черемисам.

В статье 3 «царского» наказа казанским воеводам от 16 апреля 1613 г. читаем: «А того воеводе князю Юрию Ушатому да дяком Федору [Лихачеву] и Степану [Дичкову] беречи накрепко, чтоб в Казани на посаде и в уезде в русских людех, и в князех, и в мурзах, и в татарех, а в вотяках, а в башкирцах, и в чуваше, и в черемисе шатости и смуты никакие не было. А будет в которых русских людех, и в татарех, и в вотяках, и в башкирцах, и в чуваше, и в черемисе чае шатости и смуты, и воеводе князю Юрию Петровичю Ушатому и дяком тех русских людей и татар велеть, сыскивая, приводить перед себя, и про ту шатость и смуту их роспрашивати и розыскивати накрепко, хто какую смуту чинит»²⁹.

В «царском» наказе казанским воеводам Г.И. Морозову и И.А. Хилкову от 16 мая 1649 г. встречается любопытная информация: «Да боярину ж и воеводам Глебу Ивановичю Морозову да окольному князю Ивану Андреевичю Хилкову, да дяком Василью Нефедову да Федору Иванову взяти в Казани у боярина у Василья Петровича и у дьяка Григорья Одицова... Казанского уезду государевых дворцовых сел крестьяном писцовые и всех волостей ясаиные книги, по чему с чувашаи и с черемисы, и с вотяков ясаки збирают, и всякие государевы дела...»³⁰ Примечательно, в данном документе среди ясачного населения Казанского уезда *татары* не упомянуты, хотя чуть выше в перечне служилых людей они названы: «...и новокрещеном, и князем, и мурзам, и татаром десятни, и всяким

служилым и жилецким людем имянные списки за дьячьёю приписью...»³¹ Отсюда можно догадаться, что сословие служилых татар («новокрещены, князья, мурзы, татары десяти и всякие служилые люди») учитывалось в г. Казани, а в Казанском уезде, очевидно, никаких татар не было, хотя сохранившиеся писцовые книги показывают, что служилым татарам отводились «для кормления» земли в деревнях ясачных чувашей по Зюрейской, Арской и другим дорогам.

«Царским» наказом от 16 мая 1649 г. казанским воеводам боярину Г.И. Морозову да окольничему князю И.А. Хилкову, «да дьяком Василью Нефедову да Федору Иванову» велено взять в Казани у боярина В.П. Шереметева «прежние наказы и государевы уставные грамоты... и казанцом дворяном и детем боярским, и литве, и немцом, и черкесам, и всяким иноземцом, и новокрещеном, и князем, и мурзам, и татаром десяти (то есть списки, составленные при разборе, верстании и раздаче денежного жалованья. – Н.Е.), и всяким служилым и жилецким людем имянные списки за дьячьёю подписью, и Казанского уезду государевых дворцовых сел крестьяном писцовые и всех волостей ясачные книги, по чему с чувашей и с черемисы, и с вотяков ясаки збирают...»³²

В «царском» наказе казанским воеводам Г.И. Морозову и И.А. Хилкову от 16 мая 1649 г. также сказано: «А к иноземцом: к литве и к немцом, и к черкасом, и ко всяким иноземцом, и к новокрещеном, и к князем, и к мурзам, и к татаром, и к ясачным людем: и к чуваше, и к черемисе, и к вотяком держать ласка и привет, и береженье»³³.

В статье 6-й «царского» наказа казанским воеводам от 1649 г. читаем: «А казанских татар и чувашу, и черемису, и вотяков имати в Казань в заклад самых лутчих людей и прожиточных, которые б в татарех и в чуваше, и в черемисе, и в вотяках были крепки и владетельны, и семянисты, и кому б мочно было верить»³⁴.

Можно подозревать, что здесь под «казанскими татарами» скрываются ясачные татары бывшего Казанского ханства, но следующая статья явно показывает, что это не так: «И в казанских служилых татарех, и в ясачных людех – в чуваше и в черемисе, и в вотяках велети шатости и измены проведывать всякими мерами тайно, чтоб было не явно. Да в ком какую шатость и измену почаяют, и по тех людей посылати тайно ж асламчеев да и русских людей, кому б мочно было верить, затеев какое дело, и велети их приводить в Казань. А как их приведут, и их про шатость и про измену спрашивать и сыскивать всякими сыски накрепко. Да будет хто по роспросу и по сыску в изменном деле дойдет до пытки, и тех велети и пытать. Да что они в роспросе и с пыток на себя учнут говорить, и боярину и воеводам... о том о всем подлинно писать ко государю к Москве с нарочными гонцы. А тех воров и завотчиков велети держати по тюрьмам или по приставом до государева указу»³⁵.

В наказе казанским воеводам от имени «государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси» от 16 мая 1649 г. сказано: «А того беречь накрепко, чтоб русские люди и асламчеи, и толмачи, и приставы, и их

братья – и татарове, и черемиса ябедники молотчих людей татар и чувашу, и черемису, и вотяков не обидели и напрасные продажи и убытков им не чинили ни которыми делы»³⁶.

В «царском» наказе казанским воеводам от 16 мая 1649 г. читаем: «Да боярину ж и воеводам Глебу Ивановичю [Морозову] да околничему Ивану Андреевичю [Хилкову] и дьяком Василью [Нефедову] и Федору [Иванову] велеть смотреть над головами над татарскими («татарские головы» назначались из русских дворян и детей боярских для управления местным населением. – Н.Е.) и над стрелецкими, и над детми боярскими, и над подячими, которые бывают у всяких государевых зборов, и над прикащики, которые дети боярские бывают в государевых дворцовых селах и по приказом, и над кабацким, и над таможенным головами, и над целовалники, чтобы головы татарской татаром и чуваше, и черемисе, и вотяком, а стрелецкие стрелцом никаких налогов и напрасных продаж, и убытков не чинили ни которыми делы. А зборщики б дети боярских и подячие, и дворцовых сел прикащики в государевых во всяких зборех государевым ничем сами не корыстовались, и дворцовых крестьян, и ясаиных людей, и чувашу, и черемису, и вотяков в зборех напрасно не продавали и лишни всяких государевых доходов и посулов, и поминков с них не имали, и в том им напрасные продажи и убытков не чинили ж»³⁷.

В том же «царском» наказе казанским воеводам от 16 мая 1649 г. читаем: «Да боярину ж воеводам Глебу Ивановичю [Морозову] и околничему князю Ивану Андреевичю [Хилкову] и дьяком Василию [Нефедову] и Федору [Иванову] велеть в Казани учинить заказ крепкой и бирючем кликать многие дни, чтоб казанские всяких чинов русские люди и князи, и мурзы, и татаровья, и вотяки, и чуваша, и черемиса государевых всяких чинов русских людей и татар, и вотяков, и чуваша, и черемисы, и их жон, и детей, и помесных, и ясачных, и оброчных их земель, и бортных ухотьев, и никаких угодей ни в каких долгах в заклад себе не имали и ни в какие крепости и в кабалы не писали ни которыми делы. И однолично им о том в Казани и в казанских пригородах учинить заказ крепкой, чтоб сей государев указ всяких чинов руским людям и князем, и мурзам, и татаром, и вотяком, и чуваше, и черемисе был ведом...»³⁸

В наказе великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича казанским воеводам М.Л. Плещееву и В.Л. Пушечникову от 22 марта 1677 г. сказано: «Столником же и воеводам Михайлу [Львовичу] Плещееву с товарищи, осмотра, принять на городе наряд и в приказной полате уложеную печатную книгу и прежние великого государя наказы и указные грамоты, и приходные и расходные книги, и сметные и поместные списки денгам и хлебу, и казанцом дворяном и детем боярским, и всяким иноземцам, и новокрещеном, и мурзам, и татаром, и казанских пригородов и острогов всяким служилым людям имянные списки и десятни, и казанским же и казанских пригородов и острогов посацким и всяким жилецким имянные и уездным людям великого государя дворцовых сел крестьяном писцовые и переписные книги, по чему с ясаиных людей: с чувашаи и с черемисы, и с вотяков

ясаки и всякие доходы збирают, также и всякие дела, что есть в приказной полате...»³⁹; «Столником же и воеводам Михайлу Плещееву с товарищи, будучи на службе великого государя в Казани... И к иноземцом: к литве и к немцом, и к черкасем, и ко всяким иноземцом, и к новокрещенам, их казанским к мурзам, и к татаром, и к ясашным людем: к чюваше и к черемисе, и к вотяком держать ласка и привет, и береженье...»⁴⁰; «Стольником же и воеводам Михайлу Плещееву с товарищи велеть казанских татар и чювашу и черемису, и вотяков имать в Казани в заклад самых лутчих и прожиточных людей, которые в татарех и в чювашех, и в черемисе, и в вотяках крепки и владетелны, и семянисты, и кому б мочно верить...»⁴¹; «Да и того стольником Михайлу Плещееву с товарищи, будучи на службе в Казани, смотреть и беречь накрепко, чтоб татар и чювашу, и черемису, и вотяков руские люди и толмачи, и приставы, и татаровя, и черемиса ябедники молодчих людей татар же и чювашу, и черемису, и вотяков не обидели и напрасно продажи и убытков не чинили ни которыми делы. Да и самим им, столникам и воеводам Михайлу Плещееву с товарищи, будучи на государеве службе в Казани, иноземцом и татаром, и ясашным людем напрасных никаких продаж и убытков, и налог, и жесточи не чинить, а держать ласку и привет и государскою милостию обнадеживать»⁴².

В «царском» наказе казанским воеводам М.Л. Плещееву и В.Л. Пущеникову от 22 марта 1677 г. сказано: «Столником же и воеводам Михайлу Плещееву с товарищи, будучи на службе великого государя в Казани, велеть смотреть и беречь накрепко, чтоб в Казанской уезд в чювашские и черемисские волости и деревни торговые всякие люди заповедных всяких товаров: пансырей и шеломов, и сабель, и железец стрелных, и лишних всяких товаров сверх проезжих грамот и таможенных памятей не возили, и кузнечного и серебряного дела чюваша и черемиса не делали, и кузнечные и серебряные снасти ни у ково б в чюваше и в черемисе, и в вотяках не было. И у ково кузнечную или серебряную снасть проведуют, и им тое чювашу и черемису, и вотяков с тою серебряною и кузнешною снастью велеть приводить в Казань. И, расспрашивая их, велеть им чинить наказанье, смотря по вине. И заказать им накрепко, чтоб они впредь у себя кузнешного и серебряного дела отнюдь не делали и снастей бы никаких у себя не держали. А покупали б чюваша и черемиса, и вотяки железные всякие товары: топоры и косы, и серпы, и уклад, и железо, и соль в Казани у всяких людей в торгу. А продавали б им торговые всякие люди такие товары от невелика, чем мочно в год пробыть, и лишнего б впредь в запас никто тех заповедных товаров чюваше и черемисе, и вотяком не продавали. А однолично того смотреть и беречь накрепко, чтоб чюваша, и черемиса, и вотяки лишнего не покупали, и торговые люди никто им не продавали. И заказать о том торговым всяким людем накрепко. А буде торговые всякие люди учнут чюваше и черемисе, и вотяком такие заповедные товары продавать мимо заповеди, и столником и воеводам Михайлу Плещееву с товарищи на тех людех велеть имать на великого государя

пени против прежнего великого государя указу и велеть им чинить наказанье, смотря по вине»⁴³.

Самым примечательным в этих документах является четкое разграничение двух социальных страт населения Казанского края: в одну страту попадают «казанские дворяне», «дети боярские», «головы стрелецкие», «головы татарские», «сотники стрелецкие», «стрельцы», «пушкари», «затынщики» (русские служилые люди) и князья, мурзы, татары, вотяки, чувашаи, черемисы, башкирцы и «всякие казанские служилые люди» из числа автохтонного населения, а в другую страту – «всех волостей ясачные люди: и чувашаи, и черемисы, и вотяки» и относительно редко – татары. Таким образом, внимательное прочтение «государевых наказов» казанским воеводам показывает, что подавляющее большинство «татар» Казанского края в XVII в. относилось к категории служилых людей, среди которых были и «князья, и мурзы, и татары, и вотяки, и башкирцы, и чувашаи, и черемиса» (см. наказ 1613 г.). Вместе с тем также ясно, что основная масса автохтонного населения – чувашаи, черемисы и вотяки – относилась к числу тяглого, ясачного населения.

Дихотомия «ясачные» – «служилые» – чисто русское приобретение, причём сословие «служилые татары» появилось в недрах Великого княжества Московского.

При этом надо иметь в виду, что в Казанском ханстве автоэтнонима «татары» не было. Мусульманское население Казанского ханства называлось «татарами» прежде всего по устоявшейся на Руси традиции, где термин «татары» был собирательным и под ним подразумевались практически все известные восточные «инородцы».

Сословие «служилые татары» в Московском государстве складывается в период правления Ивана III (1462–1505 гг.), когда представители знати тюрко-татарских ханств начали поступать на службу к великому князю московскому. Они наделялись поместьями преимущественно в пределах Касимовского ханства. С конца XV в. в Московском государстве практика раздачи поместий и «жалованья» служилым татарам «по прибору» из Казанского, Астраханского, Крымского ханств и Ногайской Орды становится традиционной.

Сословная группа служилых татар окончательно формируется в Великом княжестве Московском во второй половине XV – первой половине XVI в. Эта социальная группа служилых людей стала важным инструментом в осуществлении внешнеполитических задач московского правительства. В процессе становления и территориального расширения Великое княжество Московское для осуществления эффективной интеграции в состав русского государства иноязычной периферии использовало военную силу кочевых народов – так называемых служилых татар. Без помощи сложившегося в недрах Великого княжества Московского сословия служилых татар царское правительство было не в состоянии управлять автохтонным многонациональным населением Среднего Поволжья. Поэтому служилым татарам предоставили особые привилегии: на равных с

русскими дворянами и детьми боярскими они наделялись поместьями и вотчинами, жаловались рыбными ловлями, бобровыми гонами, бортными ухояжами, перевозами, кабаками и т.д. В Казанском крае во второй половине XVI–XVII в. значительная часть экспроприированных от ясачных чувашей земель отошла служилым татарам. В обмен на услуги по защите рубежей государства, а также поддержанию порядка во вновь завоеванных землях служилым татарам гарантировалась некоторая автономия в сфере местного самоуправления, определённая свобода вероисповедания, а в социально-экономическом отношении поступившие на службу к московскому великому князю «татары» получали значительные пожалования и привилегии. Служилые татары несли административную, военную, дипломатическую, погранично-сторожевую, отчасти и полицейскую службу, а за исполнение военных и дипломатических поручений московских великих князей получали устанавливаемый государством доход с ряда территорий – вначале преимущественно с Мещерской земли, а затем с Казанского края и, наконец, со всего Среднего Поволжья.

Сословие служилых татар в Казанском крае сформировалось во второй половине XVI – начале XVII в. в основном из «переведенцев» преимущественно из Мещеры. Массовое «испомещение» переведённых из Мещерского края служилых татар в Казанском крае происходит во второй половине XVI в. уже после «казанского взятия» и подавления «татарских войн» 1552–1557 гг. Юридическое оформление пожалованных служилым татарам земель местного населения явилось составным элементом в системе мер по колонизации Казанского края. Предоставление служилым татарам «на кормление» земельных угодий и других привилегий в обмен на военную, административную и иную службу возвышало сословие служилых татар над другими этническими группами ясачного населения Казанского края. И это подспудно подготавливало условия для религиозной и этнической ассимиляции окружающего чувашского населения.

По переписным книгам 1646 г., в Казанском уезде насчитывалось 334 поместья русских служилых людей и 154 поместья служилых новокрещёных мурз и татар. В Казанском уезде в середине XVII в. поместья служилых людей в количественном отношении увеличились в два с лишним раза. Создается впечатление, что в Казанском и Свияжском уездах во второй половине XVI–XVII в. других татар, кроме служилых, практически не было.

«Ясачные чуваше» в XVI–XVII вв. проживали и на правобережье Волги в уездах Свияжском, Цивильском, Кокшайском, Ядринском, Козьмодемьянском и Курмышском, но в пылу полемики с татарскими коллегами мы это часто теряем из вида. По переписи 1625 г., численность военно-служилых людей Чувашского края выражалась в следующих цифрах: Свияжский уезд – 226 чел., Чебоксарский уезд – 64 чел. да ещё 35 тарханов; Козьмодемьянский уезд – 29 чел. да ещё 11 тарханов; Ядринский уезд – 23 тархана; Цивильский уезд – 67 тарханов; Кокшайский уезд – 6 тарханов; Курмышский уезд – 128 чел. да ещё 30 тарханов⁴⁴.

Прослеживается обусловленность этнолингвокультурных процессов в Поволжье во второй половине XVI–XVII в. от соотношения численности военно-служилого и автохтонного населения: в тех уездах, где сосредоточивалось значительное число служилого населения, автохтонное население к концу XVII в. отатарилось, а в тех уездах, где служилые татары в источниках XVII в. не зафиксированы, до сих пор проживают чуваш и марийцы.

Во второй половине XVI–XVII в. в связи со строительством пограничных линий и «засечных черт» на землях бывшего Казанского ханства московское правительство начинает «верстать на службу» проявивших лояльность представителей разных сословий из местного населения и расселяет их вдоль Кубнинской, Карлинской, Цильнинской, а позднее Симбирской засечных черт и Закамской укрепленной линии. Для организации и ведения пограничной службы в Среднее Поволжье переселяют также служилых людей из центральных районов Московского государства и «служилых татар» (мишарей) из Касимовского ханства. Таким образом сверстанные на службу «служилые чуваш» и «служилые мордва» организационно вошли в состав «служилых татар» и были освобождены от уплаты ясака. По экономическому положению сверстанные из чувашей и мордвы «служилые татары по прибору» (возможно, и включая часть мишарей) занимали промежуточное место между ясачными (тяглыми) людьми и служилыми людьми более высоких категорий – «послуживцами по отечеству», служилыми князьями, мурзами и т.д.

По мере укрепления позиций Русского государства в колонизированных регионах необходимость в службе татар-мусульман отпала, что в конце концов привело к упразднению сословия служилых татар, и они были переведены в разряд податного крестьянского сословия.

Из русских источников 1633–1697 гг.⁴⁵ можно заключить, что царское правительство полностью запрещало продавать чувашам, марийцам и удмуртам предметы вооружения и военного снаряжения: панцири, шлемы, сабли, наконечники стрел, пищали, порох, серу, а также металл, пригодный для изготовления оружия: железо, медь, свинец, олово⁴⁶. Примечательно, что в наказах казанским воеводам «татары» не упоминаются.

Установление запрета на кузнечное и серебряное дело, по представлениям В.Д. Димитриева, следует отнести к первым годам после Крестьянской войны начала XVII в. и массового волнения чувашских, марийских и татарских крестьян в 1615–1616 гг. против усиления фискального гнета, сбора запросных и пятинных денег⁴⁷. Причиной ведения запрета на занятия кузнечным ремеслом и ювелирным делом, а также на хранение металлических орудий и продажу чувашам, марийцам, удмуртам, а позднее и башкирам (после восстания 1736 г.) и другим «инородцам» таких «заповедных» товаров, как панцири, шлемы, сабли, стрельные железцы, порох, свинец и проч., являлись перманентные национально-освободительные восстания попавших под колониальный гнет народов. «Не может быть никакого сомнения, – пишет по этому поводу В.Д. Димитриев, – что эта запретительная мера царского правительства являлась реакцией на народные восстания и

была направлена на их предотвращение, своего рода профилактику и подавление классовой борьбы национального крестьянства»⁴⁸. Вызывает недоумение, почему же запрет кузнечного и серебряного дела и на ввоз заповедных товаров не распространялся на татар, казалось бы, главных виновников всех «черемисских войн» второй половины XVII в.?

Видимо, секрет кроется в том, что под термином «татары» в царских наказах казанским воеводам 1613, 1649, 1677, 1697 гг. скрываются не казанские (ханские) татары, а испомещенные из Мещерского края «служилые татары». В этой связи уместно напомнить, что именно мишари чаще всего называли себя «настоящими» или «коренными» татарами, а казанские татары чурались данного этнонима⁴⁹.

Термин «ясачные татары» в русских источниках появляется относительно поздно, главным образом во второй половине XVII в. Появление этого термина связано с процессами постепенной татаризации ясачных чувашей Казанского и Свияжского уездов. Приведу только пару примеров. В «царском» наказе казанским воеводам об управлении городом и уездом от 22 марта 1677 г. всплывают «ясачные татаровя»: «*в казанских уездах... и в ясашных волостях ясашные люди: татаровя и чуваша, и черемиса, и вотяки*»⁵⁰. В 1621 г. в Свияжском уезде «по государеву указу ясачным тотаром дается пашни на целой жеребей по десяти чети в поле, а в дву по тому ж, сена по сту копен»⁵¹.

В этой связи уместно напомнить, что эпитафии I стиля появляются в Заказанье только начиная со второй половины XVI в.⁵² (а не с XV в., как пытается убедить Д.М. Исхаков, а С.В. Охотникова ему поверила на слово), и эти собственно татарские эпитафические памятники не имеют никакого отношения к болгарским памятникам II стиля XIII–XIV вв. В Заказанье практически нет надгробных памятников на болгарском языке чувашского типа, но здесь до сих пор существует множество киреметищ. Эти и целый ряд фактов из актуальной этнографической действительности заказанских татар, особенно субэтнической группы татар-кряшен⁵³, недвусмысленно свидетельствуют о том, что заказанские «чуваша» русских источников ещё в начале XVII в. были язычниками.

Поставленные и отчасти разработанные в докладе Светланы Валерьевны проблемы показали, что центр тяжести средневековой этнической истории Казанского края и Среднего Поволжья следует перенести с надуманного вопроса о социальной идентификации «ясачных чувашей» на действительно сложную и запутанную проблему атрибуции этнического (этнополитического, этносоциального?) термина «татары» и на подлинно научное изучение средневековых этнолингвокультурных процессов в Волго-Уральском регионе.

В заключение хочу пожелать С.В. Охотниковой продолжить работу по выявлению новых документов и материалов, проливающих свет на этнолингвокультурные процессы в Среднем Поволжье в первой половине II тысячелетия н.э. и приступить к широкому освещению проблемы взаимодействия чувашей и татар в XV–XVIII вв. Благо, для такой фундаментальной

аналитической работы заложена добротная научная база. Актуальность, научная новизна, методическая безупречность аналитической процедуры, безукоризненная фундированность фактологической базой основных постулатов дают уверенность в успехе более масштабных работ по поднятой весьма актуальной проблеме.

Литература, источники и примечания

¹ Материалы научного семинара опубликованы отдельной книгой: Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы научного семинара (Чебоксары, 13 апреля 2011 г.) / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 132 с., ил. (Тюркские племена и государства Евразии в древности и в Средние века; вып. 1).

² *Галлям Р.Г.* Выступление // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. Вып. 4. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья (XVI – начало XVIII в.)» и круглого стола «Понятия „чюваш” и „ясачная чюваша” в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (г. Казань, 6 декабря 2013 г.), проведенного в рамках данной конференции / науч. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2014. С. 207, 208.

³ Материалы «круглого стола» увидели свет в четвертом выпуске сборника статей «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья».

⁴ *Исхаков Р.Р.* Крещение и христианское просвещение приверженцев традиционных верований Волго-Уральского региона в 1830–1913 годах: опыт историко-статистического анализа // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 12–33; *Исхаков Р.Р., Багаутдинова Х.З.* Быт и нравы чувашей в письмах представителей чувашской духовной интеллигенции Н.И. Ильминскому // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 190–208; *Исхаков Р.Р.* Параллели в религиозно-мифологических картинах мира и обрядовости татар и чувашей: опыт историко-этнографической реконструкции // Итоговые научные сессии 2011–2014 годов / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. С. 310–349.

⁵ *Николаев Г.А.* Мир поликонфессиональной деревни // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 6: Формирование татарской нации, XIX – начало XX в. / гл. ред. Р. Хакимов; науч. ред. И. Загидуллин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 606–614; *Его же.* Этнокультурное взаимодействие чувашей и татар // Там же. С. 621–630.

⁶ *Охотникова С.В.* Понятия «чюваш» и «ясачная чуваша» в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 4. С. 237–242.

⁷ Там же. С. 241.

⁸ *Охотникова С.В.* «Ясачные чуваша»: некоторые итоги и задачи изучения / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 36 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 16).

⁹ Цит по: *Димитриев В.Д.* «Царские» наказания казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР: сб. ст. Чебоксары: ЧНИИ, 1974. Вып. 3. С. 292.

¹⁰ Там же. С. 293.

¹¹ Там же. С. 284–419.

¹² Там же. С. 284–419.

¹³ *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. С. 528–580; *Его же.* Черемисские войны 70–90-х гг. XVI в. // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 5: Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII в.) / гл. ред. Р. Хакимов; науч. ред. И. Гилязов, Б. Измайлов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 85–103; *Ермолаев И.П., Измайлов И.Л.* Казанская война 1552–1557 гг. // Там же. С. 73–85; *Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л.* Политическая история Казанского ханства // Там же. Т. 4: Татарские государства в XV–XVIII вв. / гл. ред. Р. Хакимов; науч. ред. И. Миргалеев. Казань, 2014. С. 289–358; *Димитриев В.Д.* О предпосылках и процессе мирного присоединения Чувашии к Российскому государству // Вестник Чувашского университета. 2001. № 1–2. С. 3–26; *Ногманов А.И.* Инкорпорация татар в российское

правовое пространство во второй половине XVI – первой половине XVII в. // История татар с древнейших времен. Т. 5. С. 142–159.

¹⁴ *Әхмәтжанов М.И.* Чуаш атамасы татар тарихында // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. С. 196–221.

¹⁵ Цит. по: Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. (ПСРЛ, XIII/1). С. 231. См. также: XX/2. С. 541.

¹⁶ *Курбский А.М.* История о великом князе Московском / подг. и коммент. А.А. Цехановича // Памятники литературы Древней Руси, вторая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1986. С. 272.

¹⁷ Цит. по: ПСРЛ, XIII/1. С. 238–239. См. также: XX/2. С. 546.

¹⁸ *Курбский А.М.* Указ. соч. С. 272.

¹⁹ Цит. по: ПСРЛ, XIII/1. С. 239. См. также: XX/2. С. 546.

²⁰ Цит. по: ПСРЛ, XIII/1. С. 239. См. также: XX/2. С. 546.

²¹ Цит. по: ПСРЛ, XIII/1. С. 245. См. также: XX/2. С. 552.

²² Цит. по: ПСРЛ, XIII/1. С. 247. См. также: XX/2. С. 553.

²³ Цит. по: ПСРЛ, XIII/1. С. 247. См. также: XX/2. С. 553.

²⁴ Цит. по: ПСРЛ, XIII/1. С. 269. См. также: XX/2. С. 571–572.

²⁵ Цит. по: ПСРЛ, XIII/1. С. 282. См. также: XX/2. С. 582–583; *Котляров Д.А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI веках: у истоков национальной политики России. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2005. С. 263–265.

²⁶ Цит. по: ПСРЛ, XIII/1. С. 282. См. также: XX/2. С. 583.

²⁷ Цит. по: *Димитриев В.Д.* «Царские» наказы казанским воеводам XVII века. С. 287–289.

²⁸ Там же. С. 288.

²⁹ Там же. С. 288.

³⁰ Там же. С. 290–291.

³¹ Там же. С. 291.

³² Там же. С. 290–291.

³³ Там же. С. 292.

³⁴ Там же. С. 293.

³⁵ Там же. С. 293–294.

³⁶ Там же. С. 294.

³⁷ Там же. С. 296.

³⁸ Там же. С. 309.

³⁹ Там же. С. 316.

⁴⁰ Там же. С. 318.

⁴¹ Там же. С. 318–319.

⁴² Там же. С. 319–320.

⁴³ Там же. С. 320–321.

⁴⁴ *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. С. 47–49, 71, 72.

⁴⁵ *Димитриев В.Д.* «Царские» наказы казанским воеводам XVII века. С. 284–419.

⁴⁶ *Димитриев В.Д.* Заповедные товары и запрет кузнечного и серебряного дела в национальных районах Среднего Поволжья в XVII веке // Вопросы истории Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1977. С. 55–65 (Труды / ЧНИИ; вып. 73). *Его же.* Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 35; *Кузнецов И.Д.* Указ. соч. С. 59–61.

⁴⁷ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма. С. 237.

⁴⁸ Там же. С. 235.

⁴⁹ *Исхаков Д.М.* Историческая демография татар. Казань: Фэн, 2014. С. 90, 184.

⁵⁰ *Димитриев В.Д.* «Царские» наказы казанским воеводам XVII века. С. 322.

⁵¹ *Мельников С.* Акты исторические и юридические. Казань, 1859. С. 12.

⁵² *Юсупов Г.В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 158–161.

⁵³ См.: *Исхаков Р.Р.* Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – начало XX в.). Казань: Центр инновационных технологий, 2014. В монографии представлена исчерпывающая библиография (см.: с. 315–330); Татары-кряшены

в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): сборник материалов и документов / сост., авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исаков, Г.А. Николаев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 316 с.

N.I. Egorov

ONCE AGAIN ON THE TRANS-KAZAN YASAK CHUVASH

The article is devoted to the acute discussion problem of ethno-social identification of “the yasak Chuvash”, recorded in the Russian sources of the 16th–17th centuries in the left-bank areas of the Kazan region, their relationships with the sluzhily Tatars, the place and role of the trans-Kazan Chuvash in the formation of language and culture of modern Kazan Tatars.

Keywords: “the yasak Chuvash”, the sluzhily Tatars, Kazan region, the Chuvash, ethno-social identification.

**БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ФЕДЬКИНО
СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ
МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ 1879–1918 ГОДОВ**

В статье рассматриваются брачные отношения крестьян с. Федькино Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Источниковая база исследования – метрические книги Государственного архива Ульяновской области. Исследование кросс-брачных отношений с. Федькино охватывает период 1879–1918 гг. В статье анализируется динамика и удельный вес внутрипоселенческих и внешних браков жителей русско-чувашского с. Федькино, формирование и изменение брачного рынка, иерархия кросс-брачных отношений, динамика и удельный вес межэтнических браков.

Ключевые слова: чуваша, русские, мордва, брачный рынок, Федькино, Артюшкино, Байдулино, Сенгилеевский уезд, Симбирская губерния, внутриселенческие и внешние браки, кросс-брачные отношения, межнациональные браки.

Чуваша с. Федькино относятся к этнотерриториальной группе чувашей Симбирско-Саратовского Предволжья, сформировавшейся в XVII–XIX вв. под воздействием различных социокультурных и общественно-политических факторов. Современные исследователи относят к ним территориально-административные изменения, произошедшие в регионе, особенности социальной структуры чувашей, связанные с их принадлежностью к разряду государственных и удельных крестьян, с отсутствием национальной феодальной знати и представительства в местной администрации. Формирование группы шло в условиях инонационального окружения и тесного взаимодействия с другими этническими сообществами, что приводило к консервации национальных традиций и одновременно способствовало аккультурации чувашских крестьян. Чувашские селения, разбросанные в южной и юго-восточной части Сим-

Александр Викторович Кобзев – кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: alkobzev@yandex.ru.

бирской губернии, представляли собой локализованные группы населения в иноэтнической среде. Поэтому внутриэтническое общение между жителями соседних селений зачастую строилось на основе совместного проведения праздников, обрядов и поддержания тесных родственных связей¹. Межпоселенческие или внешние браки, между крестьянами соседних чувашских селений, были одной из форм обеспечения этнического единства.

Во второй половине XIX – начале XX в. русско-чувашское село Федькино относилось к Тереньгульской волости Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. В 1859 г. численность населения составляла 955 чел. За полстолетия она выросла в 1,7 раза, и в 1913 г. в селе насчитывалось 1675 жителей (см. *таблица 1*). В опубликованных дореволюционных статистических изданиях не дифференцирована численность чувашей и русских, проживавших в Федькино, тем не менее ее можно установить.

Таблица 1

**Динамика численности жителей с. Федькино
Сенгилеевского уезда в 1859–1913 гг.²**

Федькино		Годы				
		1859	1884	1897	1910/1911	1913
Волость		Тереньгульская				
Количество н.п. и их этнический состав				4 рс., 1 чв., 1 рс-чв.	3 рс, 1 чв., 1 рс-чв., 1 мр.	5 рс., 1 рс-чв.
Статус н.п.		деревня	село			
Культовые постройки			православная церковь			
Этнический состав н.п.			русские, чувашаи			
Количество дворов		130	184	264	315	335
Численность жителей	Мужчины	453	698	740	809	828
	Женщины	502	637	747	740	847
	Всего	955	1335	1487	1549	1675

Тереньгульская волость, к которой относилось село, была этнически неоднородной. В ней, помимо русских и чувашей, проживала мордва. В 1911 г., по данным подворной переписи, доля нерусского населения, при их общей численности в 3706 чел., составляла 33,8 %³. Из них в чувашском селе Байдулино было 1029 чел., в мордовском селе Тумкино 1902 чел. Оставшиеся от 3706 чел., 775 чел., были как раз чувашами из русско-чувашского села Федькино. В 1911 г. в этом селе насчитывалось 1549 жителей, соответственно русских из них было 774 чел. Соотношение обеих этнических групп было примерно равным. Доля чувашей равнялась 50,04 %, доля русских – 49,96 %.

При всех колебаниях численности населения, следует полагать, удельный вес русских и чувашей в с. Федькино на протяжении второй половины XIX – начала XX в. оставался в тех же пропорциях, что и в 1911 г. Это дает

нам основание рассчитать численность чувашей и русских в Федькино на середину XIX и начало XX столетия. Ретроспективно в 1859 г. в селе насчитывалось 481 чуваш и 474 русского, а в 1913 г., с учетом роста численности жителей, чувашей стало 839, русских 836 чел. В пределах волости чувашаи, так же как и мордва, были этническим меньшинством в преобладающем окружении русского населения.

Для реконструкции брачного рынка крестьян с. Федькино были использованы данные метрических книг о рождении жениха и невесты. Как правило, в метрических книгах отмечалось, из каких деревень, волостей, уездов и губерний родом жених и невеста. Социальная мобильность населения была невысокой. Браки обычно регистрировались по месту рождения жениха. Невеста являлась односельчанкой либо уроженкой другого селения. Сопоставление данных метрических книг о месте рождения жениха и невесты с данными списков населенных мест об их этническом составе позволяет реконструировать не только брачные круги, но и межэтнические (брачные) отношения.

Метрические книги с. Федькино хронологически охватывают 39 лет с одним временным пробелом за 1883 г. За это время в сельской приходской церкви было заключено 540 браков по линии жениха и 15 браков по линии невесты. В среднем в год в селе заключалось чуть более 13 браков. Максимальные показатели общего количества браков приходятся на 1881 (23), 1885 (21), 1891 (20), 1899 (20), 1908 (21) и 1913 (23) гг. Минимальные значения были зафиксированы в 1880 и 1888 (8), 1894 (5), 1904 (6) и 1915 (3) гг. (см. *график 1*). Интервалы между максимальными показателями количества браков составляют 4–9 лет: четыре года для 1881–1885 гг., шесть лет – 1885–1891, восемь лет – 1891–1899, девять лет – 1899–1908, и пять лет – 1908–1913. Практически такие же интервалы разделяют минимальные показатели общего количества браков: восемь лет для 1880–1888 гг., шесть лет – 1888–1894, 1894–1900, 1909–1915, четыре года – 1900–1904, и пять лет – 1904–1909 (см. *график 1*).

График 1

Динамика количества браков в с. Федькино в 1879–1918 гг.⁴

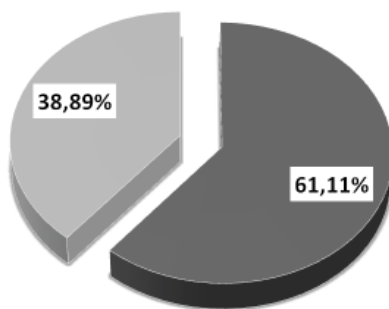
Перед началом Первой мировой войны в 1913 г. в селе было заключено рекордное количество браков – 23. Начавшаяся война вырвала значительное количество молодых мужчин из ритма мирной жизни российской деревни. Многие юноши, вступившие в брачный возраст, были мобилизованы на фронт. И в течение первых двух военных лет – 1914 и 1915 гг. – по отношению к 1913 г. в селе произошло более чем семикратное снижение общего количества браков. В 1915 г. было зарегистрировано их минимальное количество за весь наблюдаемый период. Прежде, в мирное время годовые колебания брачности были не столь резкими, а максимальное снижение количества браков – в 4 раза – было зарегистрировано в 1891–1894 гг. В остальные годы – 1881–1882, 1885–1888, 1899–1900, 1903–1904, 1908–1909 – количество браков периодически снижалось в 2–2,8 раза. На завершающих этапах войны, в 1916–1918 гг., вновь фиксируется рост их количества, брачность достигает средних показателей довоенного времени. Особенно много браков было заключено в последний, 1918 г. войны, что, видимо, могло быть связано с демобилизацией солдат и их возвращением на родину (см. *график 1*).

Браки, заключенные между жителями с. Федькино, мы будем называть внутриселенческими, а браки, заключенные с жителями других селений, внешними. Удельный вес внешних браков в 1879–1918 гг. составил 38,89 % (210), при этом доля внутриселенческих браков равнялась 61,11 % (330) (см. *диаграмма 1*).

Диаграмма 1

Общее соотношение внешних и внутриселенческих браков в с. Федькино⁵

■ Кол-во внутриселенческих браков ■ Кол-во внешних браков

В среднем в год в с. Федькино заключалось пять внешних и восемь внутриселенческих браков. Удельный вес внешних браков варьировал в пределах 12–67 %. Минимальный показатель был зафиксирован в 1917 г., тогда был заключен всего один брак, а максимальное значение приходится на 1891 и 1911 гг., когда состоялось 13 и 10 внешних браковенчаний (см. *график 2*).

Годовые колебания удельного веса
внешних и внутриселенческих браков
в с. Федькино в 1879–1918 гг.⁶

Колебания общего количества внутриселенческих браков варьировали в пределах 1–18 браковенчаний. Его максимальные показатели (13–18) наблюдаются в 1899, 1906, 1908, 1913 и 1918 гг. Большая часть браков на протяжении длительного времени колебалась в пределах 5–12 браковенчаний в 1879, 1882, 1884–1898, 1901–1905, 1907, 1909–1912, 1914, 1916–1917 гг. Минимальные показатели внутриселенческой брачности (2–4 брака) были отмечены в 1880, 1894, 1904 и 1915 гг. (см. *график 2*).

Удельный вес внутриселенческих браков колебался в пределах 33–88 %. Своих максимальных значений он достиг в 1889 и 1917 гг., правда, в числовом выражении это были не самые высокие показатели брачности – всего 11 и 8 браковенчаний. Больше всего – 18 – внутриселенческих браков было заключено в 1913 г., при этом их удельный вес составил 77,0 % (см. *график 2*).

В 1879–1918 гг. в с. Федькино на протяжении более чем 30 лет прослеживается синхронное снижение и увеличение внутриселенческих и внешних браков и, соответственно, общей брачности. В одни годы жители села заключали мало, а в другие больше и внешних, и внутриселенческих браков. В 1889–1892 и 1910–1911 гг. такие колебания были разнонаправленными (см. *график 1*).

Территориально брачный рынок села включал 27 населенных пунктов. Из них 19 селений были русскими, три селения – чувашскими, три – русско-чувашскими, одно – мордовско-чувашским, одно – мордовским. Все они находились в Симбирской губернии, а их подавляющее количество (19 н. п.) относилось к Сенгилеевскому уезду. Из Карсунского уезда было всего три селения, и пять селений из Симбирского уезда (см. *таблицы 2, 3*).

Таблица 2

**Территориальные брачные предпочтения жителей
с. Федыкино в 1879–1918 гг.⁷**

Браки жителей с. Федыкино Сенгилеевского уезда	Кол-во браков	Этнический состав	Волость	Уезд
Федыкино – Артюш-кино	37	русские, чуваши	Тушинская	Симбирский
Федыкино – Байдулино	34	чуваши	Тереньгульская	Сенгилеевский
Федыкино – Елаур	12		Сенгилеевская	
Федыкино – Старый Тукшум	11	русские, чуваши	Старо- Тукшумско- Кротковская	
Федыкино – Верхние Коки	10	мордва, чуваши	Собакинская	
Федыкино – Сенькино	4	русские, чуваши	Новодевиченская	
Федыкино – Вырастай- кино	2	чуваши	Сенгилеевская	
Итого	110			
Федыкино–Тумкино	28	мордва	Тереньгульская	Сенгилеевский

В 1879–1919 гг. из 210 внешних браков 110 было заключено с жителями семи чувашских сёл, 28 браков – с крестьянами мордовского с. Тумкино, и 72 брака – с жителями русских селений Сенгилеевского уезда. Удельный вес внешних браков, заключенных между чувашами, составил 52,38 %. У русских их доля равнялась 34,29 %. Наконец, доля внешних межэтнических браков (русские / чуваши – мордва) – 13,33 % (см. *диаграмма 2*). В последнем случае сложно сказать, сколько было заключено чувашско-мордовских и русско-мордовских браков между жителями сёл Федыкино и Тумкино. В метрических книгах приходской церкви с. Федыкино не указана этническая принадлежность жениха и невесты.

Все селения, с жителями которых были зафиксированы брачные отношения, по частотности заключенных браков можно подразделить на три группы. В первую группу вошли Артюшкино, Байдулино, Тумкино и Тереньга. В общей сложности на эти сёла приходилось 58,57 % всех внешних браков крестьян с. Федыкино. Общее количество этих браков варьировало в пределах 24–37 браков. Во вторую группу вошли такие селения, как Назайкино, Елаур, Старый Тукшум, Верхние Коки и Ясашная Ташла. На эти селения приходилось 27,14 % внешних браков, а их общее количество варьировало в границах 10–14 браков. Остальные 14,29 % внешних браков приходятся на 18 селений, которые вошли в третью группу. Общее количество внешних браков, заключенных с жителями этих сёл, колебалось в пределах 1–4 браков (см. *таблицы 2, 3, диаграмма 3*).

**Территориальные брачные предпочтения жителей
с. Федькино в 1879–1918 гг.⁸**

Браки жителей с. Федькино Сенгилеевского уезда	Кол-во браков	Этнический состав	Волость	Уезд
Федькино – Тереньга	24	русские	Тереньгульская	Сенгилеевский
Федькино – Назайкино	14		Собакинская	
Федькино – Ясашная Ташла	10		Подкуровская	Симбирский
Федькино – Молвино	3		Старо- Тукшумско- Кротковская	Сенгилеевский
Федькино – Гладчиха	3		Тереньгульская	
Федькино – Палатово	2		Аргашская	Карсунский
Федькино – Подьячевка	2		Старо- Тукшумско- Кротковская	Сенгилеевский
Федькино – Сенгилей	2		Сенгилеевская	
Федькино – Кротково	2		Старо- Тукшумско- Кротковская	
Федькино – Языково	1		Подкуровская	Симбирский
Федькино – Солдатская Ташла	1		Беклемишевская	Карсунский
Федькино – Беклеми- шево	1			
Федькино – Колесовы Выселки?	1		Собакинская	Сенгилеевский
Федькино – Ерыкла	1		Сосновская	Карсунский
Федькино – Коноплянка	1		Подкуровская	Симбирский
Федькино – Суровка	1		Старо- Тукшумско- Кротковская	Сенгилеевский
Федькино – Лапшанка	1		Мало-Борлинская	
Федькино – Большая Борла	1		Больше- Тархановская	Симбирский
Федькино – Новая Куль- метьевка	1			
Итого	72			

Диаграмма 2

Удельный вес
 моноэтнических и межэтнических внешних браков
 жителей с. Федькино в 1879–1919 гг.⁹

■ Чуваши - Чуваши ■ Чуваши / Русские - Мордва ■ Русские - Русские

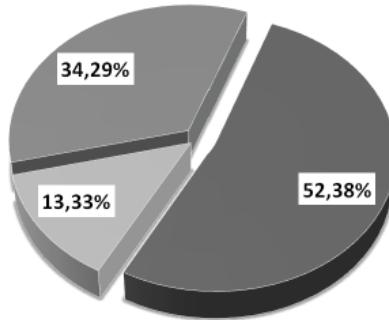

Диаграмма 3

Удельный вес внешних браков
 с. Федькино в 1879–1918 гг.¹⁰

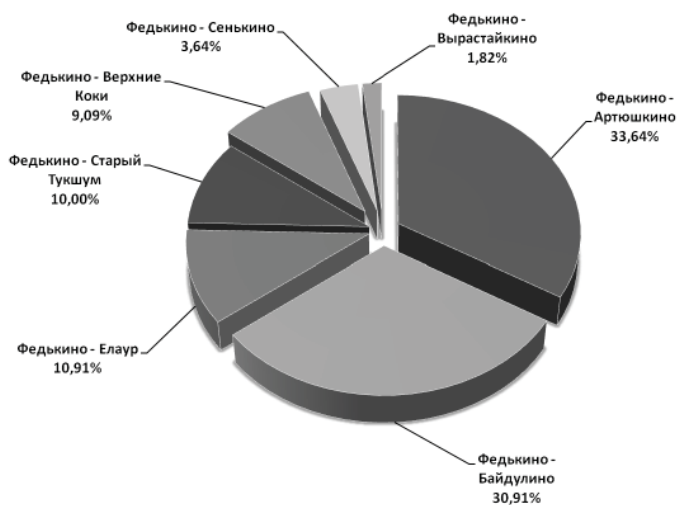
Следует обратить внимание, что в третьей группе оказались всего два селения с чувашским населением – Сенькино и Вырастайкино. Все остальные чувашские, русско-чувашские и мордовско-чувашские селения относятся к первой и второй группам с высоким удельным весом внешних браков и их общим количеством. Стоит отметить, что общее количество селений с чувашским этническим компонентом по сравнению с русскими селениями брачного круга с. Федькино было небольшим.

Ядро брачного рынка чувашей с. Федькино образовывали брачные связи с жителями сёл Артюшкино и Байдулино. На них приходилось

64,55 % всех внешних браков между чувашами. Второй по значимости брачный круг сформировали брачные отношения по линии жениха с селениями Елаур, Старый Тукшум и Верхние Коки. Удельный вес этих внешних браков составил 30,0 %. Наконец, на периферии брачного рынка чувашей с. Федькино располагались селения Сенькино и Вырастайкино. На них приходилось всего 5,46 % заключенных браков (см. *диаграмма 4*).

Диаграмма 4

Удельный вес внешних моноэтнических чувашских браков с. Федькино в 1879–1918 гг.¹¹

Самая высокая периодичность брачных отношений была характерна для территориальных пар Федькино – Артюшкино и Федькино – Байдудино. За 39 лет было заключено 37 и 34 брака, то есть в среднем такие браки заключались практически каждый год. При этом каждая третья невеста была из Артюшкино или из Байдудино (см. *таблица 2, диаграмма 4*). Периодичность брачных отношений с крестьянами селений Елаур, Старый Тукшум и Верхние Коки в среднем составляла всего один брак в три-четыре года, и лишь только каждая десятая невеста была родом из этих населенных пунктов.

Селения брачного рынка чувашей с. Федькино находились на различном удалении, и прямая зависимость между количеством браков и близостью / отдаленностью селений не прослеживается. Нет такой же прямой зависимости между общим количеством браков и административным статусом селений (деревня / село). Например, с. Артюшкино располагалось от Федькино в 20 км, а Старый Тукшум в 17 км. Оба села были смешанными по этническому составу – русско-чувашскими. Однако в территориальной паре Федькино – Артюшкино было 37 браков, а в паре Федькино – Старый Тукшум – всего 11. Деревня Байдудино находилась в 4 км от Федькино,

но браков было заключено чуть меньше, чем с жителями с. Артюшкино. Селения Елаур, Сенькино и Вырастайкино находились от Федыкино на примерно равном расстоянии – 30–35 км, но при этом общее количество браков сильно разнится. Село Елаур относилось ко второму кругу брачного рынка с. Федыкино, и между жителями сёл было заключено 12 браков. В то же время селения Сенькино и Вырастайкино были периферией брачного рынка. В общей сложности на них приходилось шесть браков. А с жителями соседней к с. Елаур деревни Алешкино федыкинцы не заключили ни одного брака.

Кроме того, прослеживается частичная корреляция между численностью жителей в населенных пунктах и количеством браков (см. *таблица 4, график 2*).

Таблица 4

**Количество внешних браков чувашей
с. Федыкино и расстояние между селениями¹²**

Браки жителей с. Федыкино Сенгилеевского уезда	Кол-во браков	Расстояние, в км	Статус н.п.	Численность населения
Федыкино – Артюшкино	37	20	село	1716
Федыкино – Байдулино	34	4	деревня	867
Федыкино – Елаур	12	30	село	2474
Федыкино – Старый Тукшум	11	17		1674
Федыкино – Верхние Коки	10	23		2119
Федыкино – Сенькино	4	31	деревня	382
Федыкино – Вырастайкино	2	35		818

В деревнях Сенькино и Вырастайкино по данным «Списка населенных мест» на 1897 г. проживало значительно меньше чувашей (382–818 чел.), чем в Артюшкино, Елауре, Старом Тукшуме и селе Верхние Коки (1674–2119 чел.). Исключением из этого наблюдения является д. Байдулино (867 чел.), для которой определяющим в выстраивании брачных отношений с жителями с. Федыкино был территориальный фактор.

В 1879–1918 гг. в с. Федыкино было заключено 330 внутриселенческих браков. В связи с тем, что в метрических книгах не указана этническая принадлежность жениха и невесты, мы не можем в точности сказать, сколько внутриселенческих браков было заключено между чувашами, а сколько между русскими. Можно предположить, что примерное соотношение внутриселенческих браков мы можем реконструировать на основе удельного веса чувашей и русских в общей структуре жителей с. Федыкино. Напомним, что в 1911 г. чувашей было 50,04 %, а русских 49,96 %. Исходя из этого основания можно допустить, что таким же как минимум было соотношение внутриселенческих браков, заключенных между чувашами и между русскими, то есть практически равным. Соответственно из 330 внутриселенческих браков 166 были моноэтническими (чуваш-

скими) и 164 русскими. При этом было заключено 110 внешних браков между чувашами и 72 внешних брака между русскими (см. *таблица 2, 3*). В свете этих данных у чувашей с. Федькино удельный вес внутриселенческих браков составил 60,14 % (166), а внешних – 39,86 % (110) (см. *диаграмма 5*).

Диаграмма 5

Удельный вес внутриселенческих и внешних браков чувашей с. Федькино в 1879–1918 гг.¹³

В свою очередь у русских с. Федькино доля внутриселенческих браков была больше – 69,49 % (164), а доля внешних браков меньше – 30,51 % (72), чем у их односельчан-чувашей (см. *диаграмма 6*).

Диаграмма 6

Удельный вес внутриселенческих и внешних браков русских с. Федькино в 1879–1918 гг.¹⁴

Чуваши чаще, чем русские, женились на невестах из других селений. Если у русских только каждая третья невеста была не из Федькино, то у чувашей почти каждая вторая. Практически при равной численности русских и чувашей последние чаще искали невест за пределами своего родного села. По-видимому, это объясняется тем обстоятельством, что чувашаи в Сенгилевском уезде, равно как и в Тереньгульской волости, были этническим мень-

шинством. Количество чувашских населенных пунктов в пределах уезда было ограничено и уступало количеству русских селений, соответственно и брачный рынок потенциально был более узким, чем у русских. В условиях преобладающего иноэтнического окружения необходимость обеспечения целостности этнического сообщества чувашей обеспечивалась за счет брачных связей не только в родном селе, но и за его пределами.

Скорее всего, и русские, и чуваша с. Федькино стремились заключать браки в рамках своей родной этнической среды. Вероятность межэтнических браков была невысокой. Если такие браки и заключались, то их общее количество было минимальным, не превышавшим в целом за весь период 2–5 зарегистрированных брачных союзов.

У русских территориально брачный рынок был более ёмким, чем у чувашей. Он включал 19 селений, а у чувашей всего семь населенных пунктов. Структура брачного рынка у русских состояла из двух брачных кругов, а у чувашей из трех. Критерием выделения брачных кругов является удельный вес внешних браков, приходившийся на другие селения. У русских первый ближайший круг или ядро образовали брачные отношения с русскими крестьянами соседних селений – Тереньга, Назайкино и Ясашная Ташла. Первые два селения располагались всего в 6,5–7,5 км от Федькино, а до Ясашной Ташлы было примерно 14 км. В совокупности доля внешних браков с этими селениями составляла 66,67 % (см. диаграмма 7). При этом каждая третья невеста была из Тереньги, каждая пятая – из Назайкино, каждая десятая – из Ясашной Ташлы.

Диаграмма 7

Удельный вес внешних моноэтнических русских браков с. Федькино в 1879–1918 гг.¹⁵

Во второй брачный круг у русских с. Федькино входило 16 селений, с крестьянами которых было заключено от одного до трех браков. С жителями десяти селений за 39 лет был заключен всего один брак (см. таблицы 2, 3). По отдельным населенным пунктам доля внешних браков колебалась в пределах 1,39–4,18 %, в совокупности она составила 33,33 % (см. диа-

грамма 7). Территориально селения второго брачного круга находились на разном удалении от Федыкино. Самыми удаленными были сёла Коноплянка и Палатово Карсунского уезда. От Коноплянки до Федыкино было 126 км, и от Палатово до Федыкино – 138 км.

Невыясненным остается вопрос об этническом составе браков, заключенных между жителями сёл Федыкино и Тумкино, в котором проживала мордва. За 39 лет между жителями сёл было заключено 28 браков. Видимо, были и чувашско-мордовские, и русско-чувашские браки, но в каком соотношении – неясно. Вряд ли будет оправданной его реконструкция на основе удельного веса русских и чувашей с. Федыкино, так же как это было сделано применительно к внутриселенческим бракам. В то же время следует полагать, что русско-мордовских браков в абсолютном выражении было больше, чем чувашско-мордовских браков, но насколько, остается вопросом, открытым для дальнейшего исследования.

Во второй половине XIX – начале XX в. в селе наблюдается положительная динамика населения. Численность жителей выросла в 1,7 раза. Село было этнически неоднородным – русско-чувашским. Ретроспективно соотношение русских и чувашей было примерно равным. За 39 лет, с 1879 по 1918 г., в приходской церкви села было заключено 540 браков. В системе брачных отношений преобладали внутриселенческие браки, при этом у русских доля таких браков была выше, чем у их соседей чувашей. Последние в условиях преобладающего иноэтнического окружения вынуждены были чаще искать невест за пределами своего села. Общая доля всех межнациональных браков, заключенных и русскими, и чувашами с. Федыкино, была сравнительно небольшой, всего 13,33 %. В среднем только каждая десятая невеста была либо не русской в случае русско-мордовских браков, либо не чувашкой в случае чувашско-мордовских браков. В самом селе как русские, так и чуваша, скорее всего, старались заключать браки внутри родной этнической среды. У чувашей с. Федыкино ядро брачного рынка образовывали брачные связи с жителями сёл Байдулино и Артюшкино. В отличие от русского населения, у чувашей брачный рынок был узким, но иерархически более сложным (трёхуровневым). Он включал семь селений, располагавшихся в относительной территориальной близости в радиусе 4–35 км. В свою очередь, русские крестьяне с. Федыкино поддерживали брачные связи с жителями 19 русских селений, находившихся на разном удалении в пределах Симбирской губернии, в Сенгилеевском, Карсунском и Симбирском уездах.

Литература, источники и примечания

¹ Симбирско-саратовские чуваша: монографическое исследование / А.П. Долгова, Г.Н. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 32–34.

² Составлено автором по материалам: Список населённых мест Симбирской губернии по сведениям 1859 года. СПб., 1863. С. 65; Список населённых мест Симбирской губернии. Симбирск, 1884. С. 26; Список населённых мест Симбирской губернии в 1896 году. Симбирск, 1897. С. 67; Список населённых мест Симбирской губернии. Симбирск, 1913. С. 205; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Симбирск, 1914. Вып. 7. Сенгилеевский уезд. С. 58.

³ Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Симбирск, 1914. Вып. 7. Сенгилеевский уезд. С. 4.

⁴ Подсчитано по: Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

⁵ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

⁶ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

⁷ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

⁸ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

⁹ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

¹⁰ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

¹¹ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

¹² Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78; Список населённых мест Симбирской губернии в 1896 году. Симбирск, 1897. 470 с.

¹³ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

¹⁴ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

¹⁵ Подсчитано по: ГАУО. Ф. 134. Оп. 11. Д. 491; Оп. 14. Д. 514–517; Оп. 21. Д. 91–95; Оп. 32. Д. 387; Оп. 38. Д. 16, 37, 57, 78.

A.V. Kobzev

MARITAL RELATIONS OF THE RESIDENTS OF FEDKINO VILLAGE OF SIMBIRSK PROVINCE BY THE DATA OF PARISH REGISTERS OF 1879–1918

The article discusses marital relations of peasants of Fedkino village, Sengileevo district of Simbirsk province. Parish registers of the State archives of the Ulyanovsk region are the research source basis. The research of cross-marriage relations of Fedkino village covers the period of 1879–1918. The article analyzes the dynamics and proportion of in-settlement and external marriages of the residents of the Russian-Chuvash village of Fedkino, the formation and change of the marital market, hierarchy of cross-marriage relations, the dynamics and proportion of interethnic marriages.

Keywords: the Chuvash, Russians, Mordva, marital market, Fedkino, Artyushkino, Baidulino, Sengileevo district, Simbirsk province, in-settlement and external marriages, cross-marriage relations, interethnic marriages.

**СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТОВ ЧУВАШИИ
КАК ЦЕНТРОВ ОРГАНИЗАЦИИ
МЕСТНОГО ХОЗЯЙСТВА
И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА (1918–1920 ГГ.)**

ЧГВ, 2016 г., № 11
© В.Н. Клементьев

В статье на примере Чувашии рассматривается овладение Советами функций по управлению местной экономикой и социально-культурным развитием в послеоктябрьский период. Раскрываются сложность и противоречивость, позитивные и негативные аспекты этого процесса в условиях отсутствия у Советов реальных властных полномочий, установившейся однопартийной диктатуры и господства политики «военного коммунизма».

Ключевые слова: Советы, Советы народного хозяйства, местное хозяйство, экономика, финансы и бюджет, социально-культурное строительство.

Согласно замыслам создателей нового социалистического государства Советам отводилась роль как органов государственной власти, так и местного самоуправления, призванных обеспечивать всестороннее развитие своих территорий. В чувашской историографии становление Советов как организующих центров экономического и социального развития специально не изучалось, хотя некоторые аспекты темы были рассмотрены в исследованиях И.Е. Петрова, А.В. Изоркина, А.М. Шорникова, В.Н. Клементьева, А.В. Ратниковой, в обобщающих трудах по истории промышленности и сельского хозяйства¹. Настоящая статья является первым таким исследованием. Ее задача – показать и проанализировать процесс овладения Советов Чувашии функциями управления промышленностью, финансами и социальной сферой. (Сфера сельского хозяйства осталась вне рамок нашего анализа.)

Непосредственно организацией управления местной экономикой Советы начали заниматься с весны 1918 г., когда происходила ликвидация

Владимир Николаевич Клементьев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: ds26263@yandex.ru.

земств и городских управ. Тогда в составе уездных Советов стали создаваться отраслевые отделы или же комиссариаты. Так, решением II Ядринского уездного съезда Советов, состоявшегося 20–23 февраля 1918 г., было признано необходимым образовать в исполкоме уездного Совета 12 отделов: технический, снабжения, общественного призрения и медицины, народного образования, финансовый, административный, военный, юридический, контрольный, земельный, общественного страхования, записей браков². По постановлению I Чебоксарского уездного съезда Советов (18–23 марта 1918 г.) в структуре уездного Совета были организованы отделы земского хозяйства (к нему перешли некоторые функции бывшей земской управы), городского хозяйства (бывшая городская управа), земельный (бывшая земельная управа), продовольственный, технический и труда, финансово-промышленный, санитарно-медицинский, общественного призрения (сфера бывших уездного попечительства и воинского присутствия), административный (бывшего управления уездной милиции), народного просвещения, военный³. Согласно постановлению III Цивильского уездного съезда Советов (26–29 мая 1918 г.) функции уездной земской управы переходили к особому коллегиальному органу – Совету земского народного хозяйства, состоящему из 6 комиссариатов: просвещения, медицинского, ветеринарного, технического (технический надзор и строительство муниципальных, промышленных и гражданских объектов и надзор дорожных сооружений), призрения, финансового во главе с членами уездного исполкома Советов⁴.

Вместо городских управ на правах отделов уездных Советов создавались Советы городских хозяйств. Первым появился Цивильский Совет городского хозяйства. Его выборы прошли 26 марта 1918 г. С 1 апреля 1918 г. начал работать Чебоксарский Совет городского хозяйства, образованный по решению I уездного съезда Советов. 4 апреля того же года был организован Алатырский комиссариат городского хозяйства. Вместо упраздненного городского совета (последний, образованный 6 марта 1918 г. был распущен за то, что выступил за присоединение г. Ядрина и Слобода-Стрелецкой волости к Васильсурскому уезду Нижегородской губернии), 28 июня 1918 г. был создан Ядринский Совет городского хозяйства⁵. Первоначально функции Советов и комиссариатов городских хозяйств заключались в ведении городского хозяйства в том русле, в каком оно было при городских думах: получение и учет недоимок и оклада оценочного сбора с частновладельческих недвижимых имуществ, выдача свидетельств на торговлю и промыслы, наложение и взыскание сборов с торговых предприятий в городах, благоустройство, образование и другие вопросы городской жизни⁶. В дальнейшем некоторые их функции перешли к отделам уездных Советов.

С весны 1918 г. началась повсеместная организация волостных Советов. В их исполкомах для решения административно-хозяйственных и социальных вопросов также создавались функционально-отраслевые отделы. Например, в волостных исполкомах Ядринского уезда это были, как правило, отделы: управления, земельный, народного образования, военный, продовольственный⁷. Хотя, впрочем, до осени 1918 г. организационная структура

уездных и волостных Советов не являлась унифицированной: разными были количество отделов, их названия, сферы компетенции.

Становление Советов как центров организации местной жизни происходило в крайне неблагоприятной обстановке – продовольственного и финансового кризиса, упадка экономики, отсутствия какого-либо опыта управления, во многом методом проб и ошибок.

Остро не хватало продовольствия. Процветала спекуляция хлебом. Цены на продукты питания быстро росли, выкачивая последние деньги у населения. В условиях продовольственного кризиса и все растущей дороговизны предметов первой необходимости советские органы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам. Так, состоявшийся в конце февраля 1918 г. Ядринский уездный съезд Советов постановил: «Ввиду надвигающегося голода запретить торговлю хлебом и вывоз хлеба из пределов уезда»⁸. По решению I Чебоксарского уездного съезда Советов в каждой волости создавались комиссии для учета всего имеющегося хлеба. Населению разрешалось оставить только необходимый минимум для пропитания и на семена, остальное подлежало изъятию в специальные продовольственные фонды, из которых хлеб нуждающиеся могли получить по норме не более 30 фунтов на едока в месяц. Волостные Советы получили право реквизиции «излишков» хлеба. Съезд также постановил использовать для нужд обеспечения продовольствием капиталы «имущего класса» и прибегнуть к сбору добровольного самообложения и принудительного займа. Назначался трёхдневный срок добровольного самообложения, в течение которого деньги должны были быть внесены «неукоснительно». Не уплатившие в срок лишались продпайка и медицинской помощи. При отказе от займа он обращался в принудительную конфискацию. Для реализации всех названных мер в каждом сельском обществе создавалась финансовая комиссия, а в волости командировались члены уездного Совета в сопровождении вооруженной охраны⁹.

Чтобы не допустить роста цен на продовольствие, принимались решения, еще больше ограничивающие его свободную продажу. Так, согласно постановлению Чебоксарского Совета городского хозяйства от 24 мая 1918 г. запрещалась продажа в лавках около пристаней печеного хлеба, мяса, яиц, молока. К данной мере прибегли для того, чтобы избежать скупки продуктов питания торговцами с последующей их перепродажей по спекулятивным ценам¹⁰. Одновременно для оказания продовольственной помощи беднейшим жителям Чебоксар Совет городского хозяйства на заседании 10 мая 1918 г. с участием членов общества «Самопомощь» принял решение просить уездный Совет изыскать средства для выдачи ежемесячных субсидий бедным горожанам на покупку муки. В этих же целях 24 мая 1918 г. на совместном заседании Совета городского хозяйства и общества «Самопомощь» приняли обращение к состоятельным горожанам с просьбой о субсидировании деньгами общества «Самопомощь» и ходатайство перед исполкомом уездного Совета, чтобы эти средства не были обращены в контрибуции и со временем возвращены их владельцам. Всего Чебоксарским Советом городского

хозяйства за апрель – май 1918 г. беднейшим горожанам на покупку муки по сниженной цене было выделено субсидий в размере 21 860 руб. 25 коп.¹¹

Исключительно тяжелым было финансовое положение. Три года войны привели к дезорганизации денежной системы. Доходная база постоянно сужалась, напротив, расходы росли на фоне разрушающейся экономики. Крайне неудовлетворительными были финансовая дисциплина и сбор налогов (только в Алатырском уезде на начало апреля 1918 г. сумма недоимки составляла 317 446 руб.)¹². Население не желало платить налоги, особенно вновь введенные. Податной инспектор Чебоксарского уезда 25 июня 1918 г. докладывал в исполком уездного Совета, что волостные Советы отказались предоставить ему какие-либо сведения о лицах, имевших в 1917 г. доход свыше 1000 руб., а также списки плательщиков, заявив, что граждане не желают признавать закон о подоходном налоге¹³. Никольский волостной Совет отказался выполнять решение Чебоксарского уездного Совета о проведении в жизнь подоходного налога, постановив: «Признать форму списка предполагаемых плательщиков подоходного налога, выработанную на съезде податных инспекторов Казанской губернии совместно с Советской властью, неприемлемой, а предполагаемое обложение граждан несправедливым»¹⁴.

Такие же проблемы возникали со сбором промыслового налога. В Чебоксарском уезде на апрель 1918 г. документов на этот налог поступило всего несколько единиц, тогда как в 1917 г. было 100¹⁵.

Недобор налогов приводил к тому, что не было средств для покрытия повседневных расходов и выплаты заработной платы. В конце апреля 1918 г. председатель исполкома Чебоксарского уездного Совета П. Бондарев сообщал в Казань, что финансовое положение уезда критическое и уже в течение трёх месяцев служащие уездных учреждений не получают никакого жалования¹⁶. В поисках денег местные Советы, пользуясь на первых порах отсутствием единой общереспубликанской налоговой политики, произвольно вводили новые налоги и повышали ставки существующих. В Алатырском уезде, например, к августу 1918 г. дополнительно к 10–15 существующим налогам было установлено еще 50 новых. Среди них такие, как налог на роскошь, единовременное поимущественное обложение и т.д. Резко были повышены ставки прежних налогов – подушного, подоходного¹⁷. Кроме того, широко применялся так называемый «красный экономический террор»: на население налагались различного рода единовременные чрезвычайные обложения и контрибуции. Они-то и стали едва ли не основным источником пополнения местных бюджетов. Как докладывал 27 августа 1918 г. членам исполкома Алатырского уездного Совета заведующий финансовым отделом, «общее финансовое положение таково, что сейчас почти весь уезд содержится за счет собранных контрибуций и красного экономического террора»¹⁸.

В связи с вышеназванными обстоятельствами возникла насущная необходимость навести порядок в организации финансового дела, искоренить практику произвольных контрибуций и различных незаконных поборов, сформировать для деятельности местных Советов устойчивую и легитимную материально-финансовую базу. 21 марта 1918 г. Народный комиссариат

финансов РСФСР разослал местным советским органам циркуляр, которым рекомендовался следующий порядок изыскания Советами денежных средств для реализации своих нужд. На удовлетворение потребностей общегосударственного значения местным Советам могли предоставляться кредиты по сметам тех учреждений, дела которых перешли в их введение. На удовлетворение потребностей местного самоуправления в их распоряжении должны были находиться все кредиты, исчисленные по земским и городским сметам. Эти источники должны были составить основные средства местных Советов. Устанавливать новые и повышать существующие налоги они могли, лишь испрашивая каждый раз на это разрешение Совнаркома. Циркуляр запрещал наложение каких-либо контрибуций¹⁹.

Указания так и остались на бумаге. На деле сохранилась практика бессистемных контрибуций, при которой, как отмечал заведующий финансовым отделом Алатырского уездного исполкома Советов, в одном селении их налагали продотряды, в другом – чрезвычайные комиссары, в третьем – вновь мобилизованные красноармейцы, в других случаях «всякого рода безответные сборы делали» комитеты деревенской бедноты²⁰.

Правовое регулирование финансовой базы Советов должен был завершить декрет СНК РСФСР от 3 декабря 1918 г. «О введении в действие Положения и Положение о денежных средствах и расходах местных Советов». Его положения вводились в качестве временных правил на всей территории Советской республики. Он четко определил источники денежных средств для нужд Советов. Их было две – местные и отпускаемые центральной властью. Потребности общегосударственные удовлетворялись за счет средств, отпускаемых из государственного казначейства, местные нужды – за счет налогов и сборов, устанавливаемых Советами. Указывались виды налогов, взимаемых на нужды местных Советов. Декрет устанавливал объем полномочий Советов различного уровня в финансовых вопросах, обязательность решений вышестоящих советских органов для нижестоящих, порядок разрешения споров между ними и жесткую дисциплину в расходовании кредитов, предоставляемых Советам за счет государственного казначейства²¹.

Однако осуществить декрет не удалось. В 1919 г. началась интенсивная концентрация главных материально-финансовых ресурсов в руках центральной власти, вызванная политикой «военного коммунизма». Проводилось их централизованное распределение. В такой системе бюджетам местных Советов не оставалось места. В 1919 г. местные бюджеты стали сливаться с центральными, а в июле 1920 г. такое положение вещей сессия ВЦИК закрепила своим постановлением. Все финансовые средства поступили в Государственный банк, который отпускал их Советам главным образом по распоряжению СНК²².

В условиях «военного коммунизма» финансовая политика в стране приобрела строго централизованный и ярко выраженный фискальный характер. В начале 1919 г. в Чувашии завершили национализацию банков. Была осуществлена унификация финансовой организации, установлено единство

кассы: сберегательные кассы и казначейства объединили с народным банком. Провели налоговую реформу. Она заключалась в замене множества налогов единым подоходно-имущественным налогом. В числе главных были также чрезвычайно-революционный и натуральный налоги на зажиточные слои, промысловый, на обеспечение семей красноармейцев, в фонд детского питания. Кроме общегосударственного революционного налога, в уездах Чувашии взимали налог на местные нужды²³.

Эффективность некоторых налогов, как, например, натурального и промыслового, была очень низкой: первого – из-за постоянного сокращения посевных площадей, второго – ввиду закрытия почти всех частных предприятий. Налоги были недопустимо высоки. Например, чрезвычайно-революционный налог и налог на местные нужды осенью 1918 г. в Алатырском уезде составили 30 млн руб. В Чебоксарском уезде чрезвычайно-революционный налог также был назначен в 10 млн руб., но затем снижен до 6 млн 219 тыс. руб.²⁴ Предполагалось, что налоги всей тяжестью лягут на «имущих». Однако, если иметь в виду, что в том же Алатырском уезде, где, по словам одного из членов уездного исполкома Советов, «буржуазный слой» населения составлял не более 1%, а среднее крестьянство – 25%²⁵, было ясно, что налоговое бремя большей частью ложилось на плечи основной массы трудового населения.

Финансовую политику новой власти призваны были осуществлять финансовые отделы исполкомов уездных Советов. Весной 1918 г. финансовое дело находилось в руках ряда учреждений: в городских и земских управах, кредитных организациях. Из них и стал формироваться новый финансовый аппарат. Как отмечалось в отчете финансового отдела исполкома Чебоксарского уездного Совета (ноябрь 1918 г.), при организации отдела «от центра не получали никаких директив» и «пользовались случайно попавшими под руку выдержками из газет и “Вестника” Комиссариата внутренних дел»²⁶.

Относительно стройную организацию финансовый аппарат уездных Советов получил только с принятием 31 октября 1918 г. Положения об организации финансовых отделов губернских и уездных исполкомов, в котором четко были обозначены их функции, права, обязанности и структура. Согласно Положению, финансовые отделы уездных исполкомов состояли из 2 подразделов: налогового и сметно-кассового. Функции первого заключались в регулировании вопросов налогообложения, разработке и сборе материалов об экономическом положении населения, разработке инструкций по налоговому делу и др. Задачами второго были рассмотрение финансовых смет и проектов доходов и расходов, предварительное обсуждение ходатайств нижестоящих Советов об отпуске им дотаций, ассигновании кредитов, контроль над финансовыми учреждениями уезда. Общая деятельность финансовых отделов сводилась к изысканию средств для удовлетворения общегосударственных и местных нужд, инструктированию волостных Советов по вопросам финансового дела, регулированию сбора налогов, разработке проектов приходно-расходных смет и наблюдению за их выполнением, заведению местными доходами, учету доходов и расхо-

дов муниципализированных и национализированных предприятий, контролю деятельности казначейства²⁷.

Фундаментальные принципы экономической политики новой власти базировались на государственном регулировании и плановом развитии экономики, ликвидации частной собственности, национализации промышленности и частного землевладения. Первые шаги в этом направлении (так называемая «красногвардейская атака» на капитал) были сделаны уже в первые послеоктябрьские месяцы. В Чувашии они начались с отчуждения типографий. В декабре 1917 г. была конфискована частная типография торгового дома братьев Таланцевых в г. Ядрин. 2 января 1918 г. исполкомом Ядринского уездного Совета было принято решение о реквизиции типографии В.И. Мартынова. То же самое произошло летом 1918 г. с типографиями К.Ф. Доброхотова в г. Чебоксары и С.Ф. Родионова в г. Алатырь²⁸. Принятие 28 июня 1918 г. Декрета СНК РСФСР о национализации промышленности создало правовую основу для перехода частных предприятий в собственность государства и резко ускорило процесс безвозмездного отчуждения фабрик и заводов. Во второй половине 1918 г. национализация крупной промышленности приобрела тотальный характер. 29 августа 1918 г. Алатырским уездным советом народного хозяйства было принято решение о национализации всех лесопильных заводов в городе и уезде. В Цивильском уезде осенью этого года были национализированы Урмарская фабрика гнутой и столярной мебели, а также крупные мельницы Абалымовых и другие предприятия. В Чебоксарском уезде к концу 1918 г. стали государственными все частные лесопильные заводы – Милютинский, Пушкарский, Кувшинский, Козловский, Криушинский и др., а также завод «Союзкредита», деревообделочный завод с металлообрабатывающей мастерской бывшей земской управы и скипидарно-очистительный завод Теплова. В Ядринском уезде 9 сентября 1918 г. были национализированы маслобойный и бездействующий винокуренный заводы, принадлежавшие семье Таланцевых²⁹. К началу 1919 г. были национализированы все мало-мальски крупные предприятия Чувашии.

Национализированные предприятия переходили в ведение Советов, а непосредственное управление ими – к рабочим и фабрично-заводским комитетам. Одним из последствий последнего стало падение трудовой дисциплины, рост хищений и злоупотреблений, резкое снижение уровня управления, а в итоге – падение производства. К тому же сами Советы на первых порах, действуя методом проб и ошибок в управлении промышленностью, наломали немало дров: хаотично национализировали предприятия, осуществляли мелочное некомпетентное вмешательство в их деятельность, издавали распоряжения, нарушавшие нормальную работу предприятий и т.д.³⁰ Не случайно в оценке президиума Алатырского уездного совета народного хозяйства первый период деятельности уездных советских органов по руководству промышленностью был охарактеризован как «стихийный» и «разрушительный»³¹. С учетом названных обстоятельств Наркомат внутренних дел 13 ноября 1918 г. разослал на места специальный циркуляр с указанием не вмешиваться Советам в дела национализированных предприятий и

не выносить решения по вопросам, касающимся их внутреннего распорядка и связанным с производством³².

Упорядочению деятельности Советов в области промышленности должно было служить образование на правах их экономических отделов уездных советов народного хозяйства (УСНХ), ответственных в своей деятельности перед исполкомами Советов. Одним из первых был сформирован в августе 1918 г. Алатырский УСНХ. В конце октября образовался Цивильский, в декабре 1918 г. – Ядринский и Чебоксарский УСНХ. Ко времени появления совнархозов уездные Советы уже имели аппарат управления промышленностью в лице отделов народного хозяйства в Чебоксарском и Ядринском уездах; комиссариатов народного хозяйства, торговли и промышленности в Алатырском и технического в Цивильском уезде³³. В функции УСНХ входили организация и регулирование экономической жизни уезда, издание по вопросам местного хозяйства в пределах своей компетенции обязательных постановлений и распоряжений, руководство деятельностью экономических отделов волостных исполкомов Советов, производство конфискаций³⁴. Чтобы уездные совнархозы могли охватить своим руководством все отрасли местной экономики, им была придана соответствующая организация. Причем структура каждого из уездных СНХ отличалась разнообразием. Алатырский УСНХ на момент своего образования состоял из отдела государственных сооружений с подотделами дорожным и строительным (функции надзора, ремонта и строительства всех гражданских сооружений), отдела топлива (доставка и снабжение топливом всех советских учреждений), промышленности (проведение национализации промышленности и контроль за деятельностью всех предприятий), товарного (распределение всех товаров в уезде, регистрация торговых заведений и контроль за ними), местного хозяйства (вопросы местного хозяйства) и бюджетно-ревизионной комиссии (рассмотрение смет государственных учреждений)³⁵. При создании Цивильского УСНХ было решено организовать отделы: топлива, деревообрабатывающей промышленности, животных продуктов, пищевых и вкусовых веществ, строительных работ, сельскохозяйственный, кооперативный³⁶. Ядринский уездный совнархоз в июне 1919 г. включал отделы механической промышленности, кожевенный, кустарный, водного транспорта, военных заготовок, городского хозяйства; комитет лесной с подотделом топлива и комитет государственных сооружений; управление мукомольно-крупяной промышленности; а также подотделы кооперативный, юрисконсультационный, информационный³⁷. Структура совнархозов не была статичной и постоянно менялась. К примеру, Цивильский УСНХ спустя почти полгода после образования к февралю 1919 г. в организационном отношении трансформировался следующим образом: отдел деревообрабатывающей промышленности был преобразован в уездный лесной комитет с включением в него отдела топлива как подотдела; строительных работ – в отдел государственных сооружений; отдел пищевых и вкусовых веществ был закрыт. В связи с условиями военного времени образовался отдел военных заготовок, а для регулирования движения на железной дороге, отправки, приемки и распределения

грузов – Шихранский отдел³⁸. Руководили работой совнархозов коллегии, формировавшиеся из числа заведующих отделами и утверждавшиеся уездными исполкомами Советов.

Овладевая экономикой, советам народного хозяйства пришлось столкнуться со множеством трудностей: не хватало опытных и квалифицированных кадров хозяйственников, необходимых материалов и оборудования, дисциплина среди рабочих была расшатана, имелись проблемы с выдачей заработной платы, национализированные предприятия без хозяйского пригляда находились в запущенном состоянии, их имущество расхищалось и разбазаривалось³⁹. Поэтому в первую очередь усилия советских органов были сосредоточены на наведении элементарного порядка на предприятиях, борьбе с хищениями и охране их имущества, восстановлении управляемости. Первым делом совнархозы взяли на учет имущество национализированных фабрик и заводов. Для этого при Чебоксарском УСНХ был создан специальный комитет лесной политики и деревообрабатывающей промышленности с задачей учета на лесопильных заводах материалов и оборудования и спасения от расхищения⁴⁰. Постановлением коллегии Алатырского уездного совета народного хозяйства предполагалось провести детальное обследование всех промышленных предприятий в уезде на наличие материалов, оборудования, состояния производственных помещений, зданий и штата работников. В этих целях были образованы 3 комиссии⁴¹. Алатырским УСНХ к 1 января 1919 г. было взято на учет имущество и изучено положение на 13 промышленных предприятиях, приняты меры по борьбе с хищениями и возвращению незаконно у них отобранного⁴².

В конце 1918 г. в интересах преодоления «митинговщины» и «безбрежного демократизма» стала изменяться система управления обобщественными предприятиями. Вместо рабочего контроля создавались заводоуправления, предусматривавшие меньшую степень коллегиальности.

Однако главным было восстановить нормальную производственную деятельность предприятий, причем в условиях отсутствия финансовых средств и специалистов. В ряде случаев это удалось сделать довольно быстро. Уже в начале ноября 1918 г. заработала бумажная фабрика графа Рибопьера при с. Большая Слобода Алатырского уезда. К февралю 1919 г. в названном уезде были запущены 8 из 13 лесопильных заводов, чугуно-литейный завод Растригина и ряд других предприятий, а также 15 крупных мельниц. В том же году в Алатыре, несмотря на трудности военного времени, была построена электростанция на освещение 2602 лампами⁴³.

Общегосударственное значение имело восстановление на полную мощность работы маслобойного завода в Ядринском уезде (хотя он и находился в номенклатуре Казанского губернского СНХ, но был в непосредственном управлении Ядринского УСНХ). За первое полугодие 1919 г. предприятие было приведено в полную годность, укомплектовано специалистами и рабочими. К осени 1919 г. оно работало на 5 прессах при 112 рабочих; удалось также наладить деятельность старого кожевенного завода в с. Чиганары и открыть еще 2 новых небольших кожевенных предприятия⁴⁴.

В Чебоксарском уезде к весне 1919 г. была восстановлена работа деревообделочного завода и металлообрабатывающих мастерских. Уездный СНХ сумел получить для них заказ от ВСНХ на производство молотилок и веялок, а от Нижегородского оружейного завода – рамы и дверей. Несмотря на отсутствие обещанных денег и помощи от губернских органов, собственными силами удалось запустить многие лесопильные заводы, кожевенный завод в Чебоксарах (бывший Таврина), черепичную мастерскую, принадлежавшую прежде земской управе. Усилиями совета народного хозяйства от губернского СНХ был получен кредит в 125 тыс. руб. на развитие промышленности в уезде⁴⁵.

Совнархозам в области промышленного строительства приходилось заниматься многосторонней деятельностью: изысканием финансовых средств для предприятий, обеспечением их оборудованием, кадрами рабочих и специалистов, заказами, снабжением сырьем, пуском в ход бездействующих фабрик и заводов. Но стать полноценными и реально действующими субъектами управления промышленностью на местах им было не суждено. В условиях «военного коммунизма» советское управление экономикой приобрело черты сверхцентрализации и зарегулированности, администрирования и принуждения к труду. Беспредельно расширились полномочия центральных органов. Даже средние предприятия передавались из уездного в губернское подчинение. Например, спиртоводочный завод, бывший Зарубина, в Посадско-Сотниковой волости Чебоксарского уезда был взят в ведение Казанского губернского продовольственного комитета. В сентябре 1919 г. Чебоксарский деревообделочный завод был передан губернскому лесному комитету. К нему же перешли Козловский лесозавод и лесопильный завод Чебоксарского «Союзкредита» (бывший Ефремовых). Кожевенный завод в с. Янгильдино Чебоксарского уезда оказался во ведении губернского комитета кожевенной промышленности⁴⁶.

Рождалась тяжелейшая болезнь советской экономики – «главкизм» – мелочное распоряжение огромным числом предприятий нескольких десятков отраслевых главков ВСНХ, осуществлявших руководство предприятиями каждой отдельной отрасли и ведавших распределением производимой ими продукции.

Усиление централизации и детальной регламентации проявилось и в отношении мелкой промышленности и кустарей. В ведение исполкомов Советов перешли сотни водяных, ветряных и паромукомольных мельниц, крупорушки, маслобойки, шерстобойки и другие мелкие предприятия. На каждом из них было занято не более 1–2 работников. В январе 1919 г. Чебоксарским совнархозом было вынесено решение «о трестировании смоляно-скипидарных предприятий и централизации всего кожевенного производства в руках совнархоза»⁴⁷. В ноябре 1920 г. все мелкие предприятия были подвергнуты национализации, а их работники перешли на положение государственных служащих. Применительно к кустарям проводилась политика насильственного объединения в трудовые артели и производственные кооперативы. В период Гражданской войны в Чувашии совнархозами, ку-

старно-кооперативными отделами и отделами военных заготовок уездных исполкомов, экономическими отделами волостных исполкомов Советов было создано 146 артелей, объединивших более 6 тыс. кустарей⁴⁸, которые должны были работать по государственным заказам и не имели права покупать сырье и продавать продукцию; снабжение и реализация были централизованы и включались в общегосударственные планы. Советские органы со своей стороны должны были заниматься поиском заказов, сырья и рынков сбыта для мелкой и кустарной промышленности. И это возлагало на Советы непосильное бремя экономических задач и было дополнительным фактором бюрократизации управления: только мелких предприятий в Чувашии в 1919–1920 гг. насчитывалось до 2150⁴⁹.

Политика «военного коммунизма» и Гражданская война в итоге привели к замиранию хозяйственной жизни, остановке многих предприятий. В таких условиях сужалось поле деятельности советских органов управления промышленностью. Назрела объективная необходимость сокращения объема их функций и упрощения организационных структур. В августе 1919 г. президиумом Ядринского уездного совета народного хозяйства было принято постановление «О слиянии производственных отделов УСНХ в один общий отдел УСНХ». Данное решение обосновывалось тем, что отделы уездного совнархоза: механический, химический, кожевенный, кустарный, текстильно-волоконный – и подотделы (кооперативный и инструкторский) не выполняли в полном объеме возложенных функций из-за отсутствия материалов, средств и специалистов. Поэтому все отделы упразднились как самостоятельные единицы и объединялись в один общий отдел⁵⁰. С 1 января 1920 г., согласно постановлению Казанского губернского совета народного хозяйства, Ядринский УСНХ с сокращением штата сотрудников был переименован в экономический отдел⁵¹. Такое же решение 17 января 1920 г. было принято в отношении Чебоксарского уездного совета народного хозяйства⁵².

А коллегией экономического отдела Цивильского уездного совета 23 января 1920 г. было решено ходатайствовать перед Казанским губернским советом народного хозяйства об упразднении отдела и «оставлении только дорожно-строительного подотдела и уездлескома (уездного лесного комитета. – В.К.), так как «текущая работа заключается исключительно в дорожно-строительном подотделе и уездлескоме. На будущее время рассчитывать на развитие промышленности не приходится, а потому коллегия признала существование экономотдела в целом бесполезным»⁵³.

Переход предприятий из частных рук в собственность государства вследствие неоправдавшихся надежд на рабочее самоуправление и слабости профсоюзов привел к тому, что функции организации труда и социальной жизни трудящихся пришлось взять на себя органам государственной власти. Данная задача была возложена на отделы труда уездных Советов. Организационно они стали оформляться после принятия 2 августа 1918 г. СНК РСФСР Положения об отделах труда. Они имели двойное подчинение: являясь органами Народного комиссариата труда на местах, в своей деятельности отчитывались перед уездными Советами⁵⁴. В широком плане

в компетенцию отделов труда входило регулирование взаимоотношений между администрациями предприятий и работниками, наблюдение за исполнением норм социального законодательства, организация мер социальной защиты и охраны труда, учет и распределение рабочей силы, вопросы трудовой дисциплины. Кроме того, они руководили организацией профсоюзов на предприятиях, фабричных инспекций⁵⁵. Как правило, они состояли из 3 подотделов: общего (общераспорядительного); социального обеспечения и охраны труда; распределения и учета рабочей силы. При отделах действовали тарифно-контрольные комиссии, под их контролем работали инспектора труда и технического надзора⁵⁶.

Из всех подотделов наибольшую нагрузку несли подотделы социального обеспечения и охраны труда. Уже в первый период существования новая власть приняла целый комплекс социальных законов и об охране труда. Среди них самые важные – декреты о 8-часовом рабочем дне (был опубликован 1 декабря 1917 г.), о страховании на случай безработицы (23 декабря 1917 г.), о биржах труда (19 февраля 1918 г.), об инспекции труда (23 мая 1918 г.), об обязанности предприятий предупреждать об увольнении за две недели (5 сентября 1918 г.), о еженедельном непрерывном 42-часовом отдыхе (9 сентября 1918 г.) и Положение о социальном обеспечении трудящихся (31 октября 1918 г.). Последним вводилось обязательное государственное страхование для всех трудящихся и обеспечение всех случаев утраты заработка или работы и ограниченной трудоспособности. Согласно Положению назначались пенсии по утрате трудоспособности, пособия по болезни, на погребение, по беременности, на кормление ребенка, по безработице, по уходу за детьми до 12-летнего возраста в случае смерти кормильца⁵⁷. Декрет от 28 октября 1918 г. еще больше расширил сферу социального обеспечения – выплата пособий предполагалась по 11 пунктам, дополнительно к прежним: при инвалидности, по случаю беременности и родов, по уходу за ребенком, а также пенсий: членам семей за смерть кормильца, по инвалидности⁵⁸.

Контролем за исполнением и реализацией этих декретов и законов должны были заниматься отделы труда в лице подотделов социального обеспечения и охраны труда, а непосредственными исполнителями должны были стать профсоюзы. Последние плохо справлялись с возложенными на них задачами, чему способствовали их слабость, малочисленность, плохая организация и индифферентное отношение к ним рабочих. Поэтому отделам труда во всех направлениях социальной защиты приходилось в основном работать самостоятельно, без помощи профсоюзов⁵⁹. В сфере деятельности отделов включалось: создание инспекций труда, организация профсоюзов и комиссий по охране труда при них, обследование предприятий и учреждений на предмет соблюдения законов о социальном обеспечении и охране труда, прием заявлений о назначении пенсий и пособий, разбор жалоб и разъяснение положений социального законодательства. Они же занимались социальным страхованием после того, как к ним перешли в первом полугодии 1919 г. дела больничных касс и касс безработных⁶⁰. Наиболее активно и результативно работал отдел труда в

Алатырском уезде, самом развитом в Чувашии в промышленном отношении. Его подотделом социального обеспечения и охраны труда в 1919 г. было проверено 34 учреждения и 9 предприятий на соответствие зарплаты прожиточному минимуму, учтено количество застрахованных рабочих и служащих. Им же была оказана за период с 1 апреля по 1 октября 1919 г. денежная помощь 586 лицам на сумму 252 765 руб. 24 коп., проведена проверка страхования домашней прислуги и привлечены к взносу платежей 22 прислугодержателя⁶¹. Подотдел открыл бюро врачебной экспертизы с задачей определения степени утраты трудоспособности и права инвалидов на пенсию. При подотделе была создана секция охраны труда, которая проверяла условия труда и жизни рабочих. За первое полугодие 1919 г. она обследовала 42 предприятия⁶². Алатырский уездной отдел труда также осуществлял работу в области социальной статистики: вел учет тарифных договоров и работающих на предприятиях лиц несовершеннолетнего возраста, подсчитывал стоимость продуктов питания и товаров первой необходимости и на этом основании определял прожиточный минимум⁶³. При отделе действовали тарифно-конфликтная и информационно-конфликтная комиссии. Первая занималась разбором жалоб и проверкой правильности определения тарифов: вторая – разъяснением застрахованным их прав и обязанностей, рассмотрением жалоб по поводу неправильного начисления пенсий и пособий⁶⁴.

При реализации социального законодательства отделам труда приходилось преодолевать массу препятствий, связанных с отсутствием соответствующих традиций и кадров по социальной работе, правовым нигилизмом, технической отсталостью и крайне низким санитарно-гигиеническим уровнем фабрик и заводов, тяжелым финансовым положением в стране, недостатком настойчивости со стороны центральных органов при проведении декретов и законов в жизнь⁶⁵. Нужно отметить и равнодушное отношение администрации предприятий к выполнению социальных законов. Так, в отчете инспектора труда Ядринского уезда о его работе за период с 17 октября 1919 г. по 1 февраля 1920 г. было отмечено, что, посетив 38 предприятий и учреждений, он предъявил 298 требований по охране труда. При повторной проверке оказались выполненными лишь 73 его предписания, а 225 остались на бумаге. Во многих учреждениях и предприятиях просто забыли, где находятся листы замечаний, составленные инспектором⁶⁶.

К этому следует добавить, что среди части советских руководителей сложилось убеждение: если «трудящиеся стоят у власти», то «защита интересов прав трудящихся уже отжила и отошла в область преданий». Именно так выразился член исполкома Чебоксарского уездного Совета Вальдман, выступая на V уездном съезде Советов в марте 1919 г. в прениях по докладу отдела труда. По его мнению, главные задачи отделов труда – «распределение и передвижение людей по ([рабочим]. – В.К.) местам и выработка норм оплаты труда»⁶⁷.

Самыми распространенными нарушениями нормативных актов в области социального законодательства, в части, касающейся охраны тру-

да, являлись несоблюдение декретов о 8-часовом рабочем дне и о 42-часовом еженедельном отдыхе, оплата труда ниже установленных тарифов, использование детского труда⁶⁸. Вот как, например, обстояло дело с соблюдением законов об охране труда на лесопильном заводе Красного поселка им. В.И. Ленина в Алатырском уезде. Инспектор труда, посетив его 20 ноября 1919 г., в своем отчете отметил, что в нарушение законов женщины и подростки допускаются к ночным работам; служащие и рабочие не пользуются сощобеспечением и не имеют о нем понятия. На предприятии не были организованы фабрично-заводской комитет и тарифно-нормировочная комиссия. Зарплату рабочие получали не по ставкам, а по условиям администрации; таким же порядком производилось увольнение рабочих⁶⁹.

И такого рода явления были широко распространенными, что подтверждается фактами из отчета Чебоксарского отдела труда V уездному съезду Советов, прошедшему в марте 1919 г. За неисполнение, игнорирование декретов СНК РСФСР и обязательных постановлений, касающихся охраны труда, отделом были наложены штрафы на руководителей уездного совета народного хозяйства, отдела народного образования, волостных исполкомов Советов – Карамышевского, Покровского, Алымкасинского, Яндашевского, также Чебоксарского городского продовольственного отдела, Милютинского лесозавода и лесозавода кредитных и ссудо-сберегательных товариществ и ряда других организаций⁷⁰.

Со второй половины 1919 г. деятельность отделов труда в области социальной работы минимизировалась до крайнего предела – она стала ограничиваться лишь выдачей денежной помощи. Этому способствовали тяжелейший экономический кризис и война, которые лишали отделы труда возможности проводить в полной мере задуманные мероприятия социального характера⁷¹.

Помимо социальных, на отдел труда были возложены чисто «профессиональные» аспекты организации труда: контроль над спросом и предложением трудовых ресурсов, обеспечение предприятий рабочей силой, учет всего трудоспособного населения, в особенности квалифицированных специалистов, регистрация безработных, координация работ по проведению трудовой повинности и некоторые другие задачи. Всем этим занимались подотделы учета и распределения рабочей силы⁷². До первой половины 1919 г. главным в их деятельности была борьба с безработицей. Только в Чебоксарах число безработных в мае 1918 г. достигло 500 чел., не считая не имевших работы беженцев, которых в городе тогда проживало более 1000⁷³. В целях ликвидации безработицы отделами труда открывались так называемые корреспондентские пункты, ведавшие учетом безработных и назначением их на работу. Такие пункты были открыты в городах, также в некоторых сельских населенных пунктах: в Чебоксарском уезде – в д. Козловка, в Алатырском – в с. Порецкое и с. Промзино⁷⁴. Совместно с отделами народного образования принимали меры по организации различных профессиональных курсов для безработных. В Алатырском уезде, например, с сентября 1919 г. стали действовать курсы по подготовке бухгалтеров,

счетоводов, машинисток⁷⁵. В Ядринском уезде были открыты курсы профессиональной подготовки для выпускников школ, не нашедших работу⁷⁶.

Со второй половины 1919 г. проблема безработицы начала терять свою актуальность. Появилась задача наполнения действующих предприятий рабочей силой, так как низкая зарплата и продовольственный кризис в городах привели к массовому уходу рабочих в деревню, а крестьяне, будучи обеспеченными продуктами, не хотели идти на заводы⁷⁷. Поэтому теперь отделы труда были озабочены не размещением безработных, а ликвидацией дефицита рабочей силы путем вербовки на предприятия и возвращением промышленных рабочих из сельской местности. Достигалось это путем мобилизации через сельские Советы и волостные исполкомы Советов и милиции. Труд стал принудительным и обязательным для всего взрослого населения. Еще в сентябре 1918 г. был принят декрет о запрещении безработным отказываться от предложенной работы. В декабре 1918 г. ВЦИК ввел трудовую повинность для всех граждан, в том числе и для школьников. Вводились трудовые мобилизации; для отраслей и учреждений, обслуживающих нужды армии, – военный режим⁷⁸. На отделы труда возлагалась задача принятия мер принуждения к труду, решение вопросов, связанных с введением и осуществлением всеобщей трудовой повинности. Кроме того, для практического воплощения закона о всеобщей трудовой повинности были созданы уездные, волостные комитеты и сельские комиссии по всеобщей трудовой повинности, подчинявшиеся исполкомам Советов. Только таким путем – всеобщего принуждения к труду – можно было обеспечить более или менее сносное функционирование экономики в условиях отсутствия какой-либо материальной заинтересованности в производительном труде, резкого падения дисциплины.

С первых шагов новая власть проявила ярко выраженное стремление сделать свою политику социально ориентированной. Другое дело, что объективная ситуация, сложившаяся в Гражданскую войну, не позволила многое воплотить в жизнь. Задачи социальной работы и защиты населения были возложены на отделы социального обеспечения уездных Советов. Само название их подразделов – пенсионно-пайковый, охраны детства, охраны материнства и младенчества, охраны старости и инвалидности, помощи увечным воинам, опекуно-наследственный и т.п. – показывает тот большой круг вопросов, которые приходилось им решать. А это – обеспечение и обслуживание нетрудоспособных граждан, призрение несовершеннолетних сирот и опекунская защита, охрана материнства, борьба с нищенством, устройство ночлежек, детских домов и яслей, оказание помощи пострадавшим от стихийных бедствий, помощи семьям призванных на войну и т.д.

Социальная деятельность Советов возникла не на пустом месте. Отделы социального обеспечения продолжили многогранную деятельность земств, государственных органов и общественных организаций «старого режима» по призрению: уездных попечительств по призрению семей солдат, взятых на военную службу, попечительств детских приютов, сиротских судов, комитетов Красного Креста и т.д. Приняв весной – летом 1918 г. дела

от бывших воинских присутствий и попечительств по призрению семей солдат и матросов, находящихся на военной службе, они тотчас приступили к мерам по назначению пенсий инвалидам войны, выдаче пайков семьям убитых, без вести пропавших и находящихся в плену. Так, отделом социального обеспечения Алатырского уездного Совета со времени его организации, с 15 марта 1918 г., по 31 декабря 1918 г. было разрешено 1075 пенсионных дел солдат царской армии («староармейцев»). В этот период он выдал семьям «староармейцев» различных пособий в сумме 200 тыс. руб. с числом пайков около 25 000. Кроме того, отделом с марта 1918 г. по август 1919 г. было рассмотрено 1 240 дел на выдачу пайков и пособий семьям погибших и без вести пропавших⁷⁹. В Чебоксарском уезде с апреля 1918 г. по ноябрь 1918 г. отделом социального обеспечения было выдано семьям солдат, призванных на войну в 1914–1917 гг., пособий на 759 437 руб. И семьям солдат, не вернувшихся с военной службы, – 294 399 руб⁸⁰. В Ядринском уезде в период с 1 декабря 1918 г. по 12 апреля 1919 г. денежные пособия получили 7 279 семей царской армии с числом пайков 28 904 на сумму 28 998 руб.⁸¹

Декретом СНК РСФСР от 26 декабря 1918 г. было введено материальное обеспечение и для семей красноармейцев. Пособия назначались по 60 руб. в месяц на каждого нетрудоспособного члена семьи, но не более 300 руб. на семью⁸². Сохранялось материальное обеспечение инвалидов-«староармейцев». Размер их пенсий с 1 февраля 1919 г. был увеличен: при полной потере работоспособности – до 3000 руб. в год (согласно ранее действовавшему закону от 25 июня 1912 г. он был 1125 руб. в год), от 70 до 100 % – до 2 100 руб. (прежде 450 руб.), от 40 до 70 % – до 1 200 руб. (первоначально 198 руб.), от 15 до 40 % – до 450 руб. (ранее 66 руб.). В таких же размерах назначались пенсии семьям солдат, умерших от причин, вызванных военной службой, или пропавших без вести⁸³.

В целях правильной организации и систематического обеспечения пособиями семей красноармейцев и «староармейцев» некоторыми отделами социального обеспечения, как, например, Чебоксарским, был учрежден штат инспекторов – обследователей семейного и материального положения военнослужащих на местах. Они занимались составлением точных списков имеющих право на паек⁸⁴.

Отделами социального обеспечения применялись и иные формы оказания материальной помощи семьям военнослужащих. В частности, семьям красноармейцев, не имевших своего жилья, выдавались квартирные пособия. В Чебоксарском уезде на семью из двух человек оно составляло 30 руб. в месяц, на каждого следующего члена семьи добавлялось еще 7 руб. 50 коп.⁸⁵ Выдавалась также денежная помощь на поддержку хозяйств семей добровольцев, ушедших в Красную армию⁸⁶.

Непростые задачи стояли перед Советами в области защиты прав и интересов детей-сирот и борьбы за ликвидацию детской беспризорности. Эти проблемы особенно обострились в условиях войны и экономического упадка. Сразу же после организации отделов социального обеспечения встал вопрос о необходимости увеличения количества учреждений детского

призрения – приютов и детских домов. В первом же отчете о своей деятельности, датированном 18 мая 1918 г., исполкому Цивильского уездного Совета комиссариатом призрения (предшественник отдела социального обеспечения) было отмечено: «...теперь же в уезде необходимо организовать учреждения призрения – приют, главным образом для детей увечных воинов и детей-сирот, не менее как на сто мест; кроме того, при приюте нужна одноклассная школа на 60 учащихся. Под здание приюта предполагается занять один из корпусов местного монастыря»⁸⁷. В докладе комиссара призрения на Алатырском уездном крестьянском съезде Советов (21–22 мая 1918 г.) говорилось: «...комиссариат обращает серьезное внимание на организацию новых приютов. Приюты предполагается устроить в сс. Порецкое и Промзино, меры к этому приняты. Каждый на 50 человек»⁸⁸. Большая программа строительства детских учреждений была намечена Ядринским отделом социального обеспечения. В 1919 г. в уезде предполагалось открыть 16 детских домов и 50 летних детских яслей. Однако представленные сметы на их строительство не были поддержаны губернскими властями⁸⁹.

Из-за отсутствия средств многое из задуманного Советами так и осталось в проектах. Тем не менее Чебоксарскому уездному Совету удалось к марту 1919 г. открыть дополнительно к существовавшим с дореволюционных времен 2 детским приютам (в Чебоксарах – на 35 девочек, в д. Новородионовка Богородской волости – на 20 детей) детдом им. Луначарского в Мариинском Посаде на 25 детей от 8 до 18 лет и дом ребенка «Трудовая коммуна» в Чебоксарах при Владимирской женской общине на 25 воспитанников в возрасте до 7 лет⁹⁰. В Алатырском уезде к ноябрю 1919 г. действовали 4 детдома: по одному – в Алатыре и с. Промзино, два – в с. Порецкое. Вновь открытыми были один из порецких и промзинский детские дома⁹¹. В 1919 г. в Ядринском уезде функционировал приют для беспризорных детей, в котором содержалось 55 ребятишек⁹². Существовал детский приют и в г. Цивильск, образованный на базе земского Ольгинского детского приюта трудолюбия и местного монастырского⁹³.

В соответствии с поставленными в те годы общественными целями и задачами образование и воспитание в детских учреждениях пытались построить в «духе социализма» и внедрения коммунистических идей на основе полного равенства и трудовой самостоятельности. В них были организованы детские советы, куда входили представители детей, и их президиумы – исполнительные органы. А в Чебоксарском детском доме им. В.И. Ленина (бывший детский приют) создали детский товарищеский суд и открыли швейную мастерскую (1/3 часть дохода от нее поступала в фонд детского дома)⁹⁴.

В тяжелейших условиях войны Советы старались принимать меры, направленные на улучшение условий жизни и качества образования воспитанников детских домов и приютов. Показательны в этом отношении усилия отдела социального обеспечения исполкома Ядринского уездного Совета. 7 декабря 1918 г. по рассмотрении вопроса «Об улучшении жизни приютских детей» намечен следующий комплекс мероприятий: рекомендовано врачу систематически посещать приют и следить за состоянием здоровья

детей; ввиду того, что приютские дети остались без всякой обуви, постановили обратиться в реквизиционную комиссию с просьбой предоставить шерсть по твердым ценам для теплой обуви; в связи с тем, что надзирательница приюта и ее помощница не отвечали своему назначению, решено было пригласить в качестве воспитательниц двух лиц с педагогическим образованием; вынесено также решение открыть для приютских детей дошкольного возраста детский сад⁹⁵.

Согласно декретам СНК РСФСР от 14, 26 сентября и 10 ноября 1918 г., в уездах Чувашии с конца 1918 г. стали проводиться сборы в фонд детского питания. В Алатырском уезде они взымались в виде отчислений с заработка работников всех советских учреждений, промышленных предприятий и транспорта и артелей; в сельской местности отчисления в фонд носили характер обязательного налога⁹⁶. Создание этих фондов дало возможность установить более высокие нормы питания в приютах, детских домах и садах.

Совершенно новым направлением социальной работы в послеоктябрьский период стала организация охраны материнства и младенчества. Оно курировалось соответствующими подотделами отделов социального обеспечения и проявлялось в заботе о детях до трех лет и их матерях путем выдачи материальной и продовольственной помощи, организации молочных кухонь, яслей, домов для грудных детей, матери и младенца⁹⁷. Одной из главных забот было обеспечение нормальным пайком кормящих грудью матерей. Отделом социального обеспечения Чебоксарского уездного исполкома Советов, в частности, было выдано на эти цели за первую половину 1920 г. денежных пособий в сумме 607 990 руб.⁹⁸ Подотделом охраны материнства и младенчества Ядринского отдела социального обеспечения со второй половины 1919 г. в городе стала проводиться регистрация всех кормящих грудью матерей для выдачи им ежемесячных пособий на кормление на период до достижения ребенком девятимесячного возраста⁹⁹. В 1919 г. здесь пытались организовать страхование материнства через создание так называемых материнских касс с задачей обеспечить работающих матерей пособием в размере обычного заработка в течение последних двух месяцев беременности и в течение такого же времени после родов¹⁰⁰. В январе 1919 г. в Ядрине и уезде провели учет семей с детьми до трех лет для выдачи им сахарного песка¹⁰¹. По решению Алатырского уездного Совета в уезде кормящим грудью матерям было назначено пособие в размере 75 % заработка матери и 75 % минимальной ставки для данной местности¹⁰².

Другое важнейшее направление охраны младенчества и материнства – уменьшение смертности среди грудных детей. Для этого в Алатыре был организован Дом матери и ребенка, в Чебоксарах – Дом грудного ребенка, куда принимались грудные дети-сироты и где роженицы могли получать консультации у врачей, произвести осмотр младенца¹⁰³. Учреждения с аналогичными задачами – «Убежище для рожениц» и детская консультация «Капля молока» – предполагалось создать в Ядрине¹⁰⁴.

Не менее актуальными были задачи, связанные с оказанием помощи пожилым людям, оставшимся без попечения, а также инвалидам. Для рабо-

ты с этой категорией населения в отделах социального обеспечения были образованы специальные структуры – подотделы старости и инвалидности. В отношении пожилых людей деятельность названных подотделов сводилась главным образом к открытию домов старости. Так, в Чебоксарском уезде к весне 1919 г. на базе прежних богаделен (Чебоксарская городская на 25 чел., Церковно-Благовещенская в Чебоксарах на 5 чел., Мариинско-Посадская на 20 и богадельня им. Е.М. Волчковой в д. Козловка на 6 чел. – были организованы два дома старости в Чебоксарах и один в Мариинском Посаде¹⁰⁵. На 1 октября 1920 г. в них содержалось 66 чел.¹⁰⁶ В Алатырском уезде к январю 1919 г. были открыт приют для стариков в с. Порецкое; расширены существовавшие с дореволюционных времен богадельня и приют в Алатыре¹⁰⁷. На 1 января 1919 г. число проживавших в них составляло 43 чел.¹⁰⁸ 19 стариков в январе 1920 г. содержалось в двух домах старости в Ядринском уезде¹⁰⁹.

Большого внимания требовали к себе инвалиды. В 1918–1920 гг. их количество в уездах Чувашии резко возросло в связи с возвращением участников Первой мировой и Гражданской войн. Специальная государственная помощь касалась в основном инвалидов-участников военных действий и выражалась в пенсионном обеспечении, бесплатном обучении профессиям, организации инвалидов артелей и их субсидировании, устройстве общежитий для них и ряде других мероприятий. В этом направлении отделом социального обеспечения Чебоксарского уездного Совета в период с декабря 1917 г. по март 1919 г. были приняты следующие меры. Со всеми врачебными и приемными покоями была достигнута договоренность об оказании помощи по долечиванию инвалидов. Для ремонта ортопедической обуви с 1 февраля 1919 г. в Чебоксарах открыли специальную мастерскую, а для обучения инвалидов ремеслам – учебно-показательную корзиночно-мебельную мастерскую им. Л.Д. Троцкого. Обучавшиеся в ней снабжались бесплатным пайком, одеждой и обувью. Исполком Чебоксарского уездного Совета обратился с воззванием к инвалидам создавать трудовые артели и сельскохозяйственные коммуны¹¹⁰. В Алатырском уезде в целях обучения ремеслу инвалидов войны была открыта сапожно-шапочная мастерская. Они имели возможность быть направленными в близлежащие города, где имелись учебные мастерские, для овладения различными профессиями, получать стипендии и бесплатно проживать в общежитиях¹¹¹. Для инвалидов войны в уездном центре была открыта бесплатная столовая с чайной, организована трудовая артель¹¹². В Ядринском уезде инвалидам-воинам оказывалась помощь в долечивании их в городской больнице и отправке за протезами в Москву и Казань. За время с 1 мая 1919 г. по 31 января 1920 г. за счет средств отдела социального обеспечения в эти города за протезами были отправлены 22 чел. Отделом в первом полугодии 1919 г. были составлены сметы на строительство трех домов инвалидов с мастерскими, однако губернский отдел социального обеспечения утвердить их отказался¹¹³. Такая же судьба постигла проект Цивильского уездного Совета об открытии дома инвалидов и мастерской¹¹⁴.

В значительной мере через подотделы старости и инвалидности проводились мероприятия по ликвидации нищенства. При соответствующем подотделе Чебоксарского уездного отдела социального обеспечения действовало так называемое распорядительное бюро по борьбе с нищенством. Оно занималось регистрацией всех нищих в уезде и организовывало работу открытых в Чебоксарах в марте и апреле 1919 г. советского дома бесприютных и распределителя нищих с двумя отделениями: в г. Мариинский Посад и в д. Козловка. Нищие в них получали временный приют, пищу и одежду. А после выяснения причин, толкнувших на путь нищенства, они направлялись в соответствующие учреждения: старики – в дома старости, увечные – в дома инвалидов, дети – в детдома, трудоспособные – в отделы труда для назначения на работу¹¹⁵.

Иные меры для борьбы с нищенством применялись Алатырским отделом социального обеспечения. Здесь не стали открывать распределители нищих и ночлежные дома, а возложили на комитеты деревенской бедноты обязанность снабжать нищенствующих продуктами питания: либо бесплатно, либо по самой минимальной цене. Данное указание выполнялось почти всеми комбедами уезда¹¹⁶.

В условиях хозяйственной разрухи и войны резко увеличилось число бедствующих и нищенствующих; в уездах Чувашии наблюдался большой наплыв беженцев и пленных. Среди мер по оказанию помощи беднейшим слоям населения советскими органами практиковались бесплатная выдача муки и продовольствия, выделение денежных субсидий на покупку продуктов питания, открытие бесплатных столовых и другие мероприятия. Так, исполкомом Чебоксарского уездного Совета в период с марта по апрель 1918 г. беднейшим жителям выплачены денежные пособия в размере 28 174 руб.¹¹⁷ Чебоксарским Советом городского хозяйства предоставлена в течение апреля – июня 1918 г. беднейшим горожанам на покупку муки по удешевленной цене денежная субсидия в размере 21 860 руб.¹¹⁸ Алатырским отделом соцобеспечения весной 1918 г. была открыта бесплатная столовая, в которой в среднем в день отпускалось бедным жителям Алатыря до 350 обедов¹¹⁹. Всего в период с 9 мая по 29 октября 1918 г. ею было организовано 66 770 бесплатных обедов. С ноября 1918 г. по решению отдела соцобеспечения число ежедневных бесплатных обедов увеличилось более чем в 2,5 раза. Кроме того, в распоряжение волостных комитетов деревенской бедноты отделом было перечислено по 500 руб. в каждую волость для организации бесплатных обедов. На все это Симбирским губернским отделом соцобеспечения уезду выделено 15 тыс. руб.¹²⁰

Острой проблемой были беженцы и бывшие военнопленные. В декабре 1918 г. – весной 1919 г. на территории Чебоксарского уезда находилось более 1 150 беженцев, Алатырского – около 900 чел., Ядринского – 500, Цивильского – свыше 130 чел.¹²¹ Основной контингент военнопленных размещался в двух уездах: в Чебоксарском при регистрации в феврале 1919 г. их оказалось 950 чел., в Алатырском – 700 чел.¹²² Для работы с ними с декабря 1918 г. при уездных Советах стали создаваться отделы (коллегии, комиссии)

по работе с пленными и беженцами – «упленбежи». В круг ведения этих органов входило: в отношении так называемых «вражеских пленнх» – учет и регистрация, расквартирование, продовольственное и вещевое снабжение, медицинская помощь, назначение на работы, контроль за правильностью оплаты их труда, подготовка и наблюдение за эвакуацией и все вопросы, касающиеся их быта; в отношении русских пленнх и беженцев, возвратившихся из-за границы, – прием, наблюдение за деятельностью эвакуационных и распределительных пунктов и размещением больных по лечебным учреждениям и их содержанием, а также все вопросы, связанные с их нуждами и бытом; в отношении беженцев, находящихся в России, – все вопросы, связанные с подготовкой их к реэвакуации, организации возвращения на родину¹²³. Со второй половины 1919 г. все дела, касающиеся беженцев и пленнх, были переданы либо в отделы социального обеспечения, либо в отделы управления уездных исполкомов Советов, а коллегии упленбежей ликвидированы¹²⁴.

Основные действия советских органов по поддержке беженцев на практике сводились к оказанию продовольственной и денежной помощи, обеспечению жильем и работой. Так, отделом пленбежа Чебоксарского уездного Совета были открыты в Чебоксарах для беженцев 3 общежития. Им выдавались продовольственные пайки (с декабря 1918 г. по март 1919 г. на это израсходовано почти 25 тыс. руб.), открыли для них специальную столовую. Из трудоспособных беженцев была сформирована трудовая артель. Работники отдела выезжали в селения уезда для проверки положения беженцев¹²⁵. Ядринским уездным исполкомом Советов принимались меры по организации для беженцев общественных работ – таким образом до трехсот беженцев удалось занять на строительстве железнодорожного пути близ станции Вурнары. В период с мая 1919 г. по январь 1920 г. им была оказана продовольственная помощь и помощь одеждой, составившая в денежном выражении 53 909 руб.¹²⁶ Большой комплекс мер по работе среди беженцев был намечен Алатырским отделом соцобеспечения на заседании 10 декабря 1918 г.: 1) беженцев, проживающих в Алатыре, разместить в детдомах и убежищах; 2) волостным Советам предоставить работу проживающим в селениях трудоспособным беженцам; 3) срочно затребовать от волисполкомов сведения о числе беженцев, нуждающихся в размещении и выдаче пайков; 4) просить губернский отдел соцобеспечения об отпуске аванса в размере 100 тыс. руб. для помощи беженцам¹²⁷.

Аналогичной по содержанию была деятельность советских органов среди военнопленнх: выяснялись их нужды, оказывалась посильная материальная помощь. В Чебоксарах для особо нуждающихся открыли бесплатную столовую. Отделу пленбежа исполкома Чебоксарского уездного Совета удалось получить 1 500 комплектов одежды на обмундирование военнопленнх. В уезде в помощь военнопленнх 19 января 1919 г. был устроен однодневный денежный сбор (кружечный и по подписным листам). Кроме того, отдел провел добровольную запись военнопленнх в артель строительных работ¹²⁸. По решению президиума исполкома Ядринского

уездного Совета от 24 января 1919 г. было предложено всем служащим учреждений и организаций города и уезда перечислить однодневный заработок в поддержку вернувшихся из Германии и Австрии пленных¹²⁹.

После революции из земств в ведение Советов перешло и школьное дело. Возник новый советский аппарат управления образованием. В первой половине 1918 г. появились комиссариаты просвещения и уездные советы по народному образованию. Последние представляли собой совещательные органы и органы общественного контроля, куда входили чиновники от просвещения, представители учителей, родителей и учащихся¹³⁰. Во второй половине 1918 г. вместо них появились отделы народного образования уездных и волостных исполкомов Советов. На них было возложено решение всех вопросов развития образования и руководство культурно-просветительскими учреждениями, проведение в жизнь декретов ВЦИК и СНК по просвещению и культуре.

Организационная структура отделов народного образования в каждом уезде имела свои особенности, но, как правило, они состояли из 3–4 отделов: к примеру, Чебоксарский в первой половине 1919 г. – из школьного, дошкольного и внешкольного; Ядринский – из отделов единой школы, внешкольного, финансово-правового, социального воспитания¹³¹. Во всех уездных советских органах управления образованием были созданы подразделения по работе среди национальных меньшинств. В Алатырском это был мордовский подотдел, в Чебоксарском – русская секция и секция мари, в Ядринском – школьная русская секция, в Цивильском – школьная русская и школьная мусульманская секции¹³².

Исходя из провозглашенной цели «превращения школы из орудия классового господства в орудие коммунистического перерождения общества», перед местными советскими органами в области образования была поставлена задача создания «новой советской школы», основанной на принципах всеобщего бесплатного светского обучения, единой трудовой школы, новой системы воспитания. В достижение этих целей ВЦИК и СНК приняли декреты и распоряжения: об отделении школы от церкви, о единой трудовой школе, о перестройке гимназий и высших начальных училищ в школы второй ступени, о введении новых учебников, о введении трудовых процессов и т.д.¹³³ Местные Советы должны были воплотить их в жизнь. Они приступили к таким мерам, как проведение бесплатного и обязательного образования, создание дошкольной и расширение сети школьных учреждений, полное осуществление принципов единой трудовой школы, всесторонняя государственная помощь образовательным учреждениям, широкое развитие профессионального образования, привлечение грудящихся к активному участию в деле просвещения и культурного строительства, подготовка новых кадров работников просвещения и «перевоспитание школьных работников, на которых чувствуется печать бюрократического воспитания старого режима», в духе коммунизма¹³⁴.

Со стороны Советов уделялось пристальное внимание развитию образования. Несмотря на тяжелые условия, они стремились сделать все воз-

можно для удовлетворения насущных нужд школы. Так, III Алатырский уездный съезд Советов (18–23 июня 1919 г.) поручил исполкому «вменить в обязанность всем Советам установить теснейший контакт с отделом народного образования», принять все меры по развитию общедоступности обучения (в частности, заготовить необходимое количество продовольственных продуктов для введения во всех школах в 1919/20 учебном году горячих завтраков, снабдить школы обувью и одеждой, сельхозорудиями и инструментами), передать в ведение отдела народного образования для размещения школ помещицы усадьбы, возбудить ходатайство перед «высшей властью» о бесплатном отпуске леса для постройки школ и учреждений культуры¹³⁵. V Ядринский уездный съезд Советов, состоявшийся 10–14 июня 1919 г., постановил: «Приложить максимум энергии в деле развития сети дошкольных, школьных и внешкольных учреждений, добиваться проведения в этих учреждениях принципа общедоступности, открыть мастерские для изготовления учебных пособий и мебели¹³⁶. (Выступая на съезде, заведующий уездным отделом народного образования отметил такую деталь: «В своих работах отдел встречает сочувственное отношение со стороны уика, который щедро дает средства. Не было ни одного случая, чтобы он отказал в отпуске денежных средств»¹³⁷). На V Цивильском уездном съезде Советов (март 1919 г.) решено, чтобы все школы и внешкольные учреждения были обеспечены топливом в первую очередь, чтобы школьным работникам дрова для отопления их жилья отпускались по себестоимости. Он постановил: ввиду недостатка школьных зданий возбудить ходатайство перед Наркоматом просвещения и военным комиссариатом о разрешении использовать воинские бараки на станции Шихраны под школы. Съезд одобрил и принял все просьбы и предложения уездного отдела народного образования¹³⁸.

Уже в первые годы советской власти, несмотря на очень сложную ситуацию, существенно расширилась сеть образовательных учреждений. В Чебоксарском уезде, например, с 1 марта 1918 г. по 1 марта 1919 г. вновь открылись 24 школы (число начальных школ увеличилось со 182 до 206, количество классов в них – с 324 до 436)¹³⁹. В Цивильском уезде с 1 января 1919 г. по 1 марта 1919 г. было открыто 39 новых школ первой ступени (их число возросло с 192 до 231, классов в них – с 319 до 423)¹⁴⁰. До 70 новых школ вступило в строй в 1919 г. в Ядринском уезде¹⁴¹. Под школы по решению Советов передавались лучшие здания. Так, постановлением Мариинско-Посадского городского Совета для размещения вновь открытых школ отводились капитально отремонтированные бывшая городская управа и богадельня, дом богатых горожан братьев Шороновых; для организации ботанических садов при школах – сады местных купцов¹⁴². Кроме общеобразовательных учреждений, открывались специальные профессиональные школы, а также ремесленные отделения, трудовые классы, мастерские. Это было связано с требованием проводить в образовании принципы трудового обучения и единой трудовой школы. В Чебоксарском уезде в 1919 г. были открыты 4 ремесленные школы, кузнечно-слесарная и столярно-токарное отделения. Функционировали классы трудовых процессов в школах второй

ступени: в Мариинском Посаде, Чебоксарах, Яндашеве, Бичурине; корзиночная мастерская при школе с. Покровское, переплетная – в с. Тюрлема¹⁴³. В Ядринском уезде было создано 20 профессиональных школ-мастерских¹⁴⁴.

Развивалась и система дошкольного образования. В этой сфере Советам пришлось действовать на «целинном поле». Здесь же удалось достигнуть и наибольших результатов. К началу 1920 г. в Ядринском уезде было 18 детских садов, которые посещали до 700 детей, в Цивильском и Чебоксарском уездах в 1919 г. действовало 26 детсадов¹⁴⁵.

Требовала своего решения проблема педагогических кадров. По отношению к новой власти большая часть учительства заняла настороженную и даже враждебную позицию. В массе своей они разделяли идеи эсеров и Чувашского национального общества. Всероссийский учительский съезд, на котором присутствовали и учителя Чувашии, отказался признать советскую власть. Чтобы привлечь на свою сторону работников школы, советское правительство и его органы на местах использовали метод кнута и пряника. С одной стороны, 2 января 1918 г. СНК ассигновал 12 520 тыс. руб. для выдачи единовременных пособий учителям, а в июне 1918 г. был опубликован декрет «О нормах оплаты учительского труда»¹⁴⁶. С другой стороны, применялись меры репрессивного характера. Например, прошедший в июне 1919 г. VI Чебоксарский уездный съезд Советов принял решение «искоренять из среды учительства неприспособленные к новой жизни элементы»¹⁴⁷. Неудивительно, что задача подготовки новых кадров работников образования стала одной из приоритетных в деятельности Советов. Для этого открывали различные курсы по подготовке и переподготовке учителей. Одногодичные курсы подготовки педагогов школ первой ступени с 1919 г. стали действовать в Ядринском и Цивильском уездах¹⁴⁸. Кроме того, в Ядрине были педагогические курсы по дошкольному образованию и курсы по вопросам трудовой школы, издавался педагогический журнал «Трудовая школа», работала районная учительская библиотека¹⁴⁹. Отделами народного образования работники просвещения направлялись на учебу и для повышения квалификации в губернские центры: на инструкторские курсы; по социальному воспитанию; рациональному питанию и т.д.¹⁵⁰

В сферу деятельности отделов народного образования входили также вопросы культурного строительства (это направление курировалось подотделами внешкольного образования). Задачи Советов заключались в том, чтобы проводить соответствующие организационно-практические мероприятия по развитию системы культурно-просветительских учреждений, аккумулировать на эти цели материально-финансовые ресурсы, обеспечивать кадрами. Решая проблемы культурно-просветительской работы, уездным Советам приходилось в основном рассчитывать только на собственные силы, так как губернские органы финансировали лишь расходы на образование. Несмотря на огромные затруднения с финансами, Советы стремились находить средства на культуру, прежде всего на развитие ее материальной базы. Так, в Цивильском уезде с весны 1919 г. по октябрь 1920 г. число народных домов (Домов культуры) возросло с 8 до 20, библиотек – с 20 до

91¹⁵¹. В Ядринском уезде количество народных домов с 1919 г. по февраль 1920 г. увеличилось с 12 до 19, клубов-читален – с 12 до 20¹⁵². В Ядрине были открыты музей наглядных пособий, уездная центральная библиотека и совет пролетарской культуры, состоявший из 4 секций (библиотечная, народные дома и клубы; школа взрослых чтений и курсов; музыкально-драматическая). В уезде работали кинематографические аппараты¹⁵³: 2 стационарных и 1 передвижной. В Алатырском уезде во всех волостях были открыты районные библиотеки. Их число в течение 1919 г. увеличилось с 25 до 45¹⁵⁴. В Чебоксарском уезде были открыты 2 районных Дома культуры: в д. Козловка и с. Акулево, при каждом из них были театр, хор и оркестр. Для подготовки работников в сфере культуры и образования в Чебоксарах был открыт Пролетарский народный университет с семью факультетами (политико-правовой, общегуманитарный, агрономический, политехнический, искусств, счетоводческий, школа для неграмотных и малограмотных). Доступ в него был открыт для всех лиц, достигших 18 лет¹⁵⁵.

Новая власть так стремилась преуспеть в деле культуры и просвещения народных масс, что не всегда принятые ею решения согласовывались с реальными возможностями, а в некоторых случаях отличались откровенным прожектерством. Показательны в этом отношении задачи, поставленные III Цивильским уездным съездом Советов (май 1918 г.): «Скорейшим образом ввести всеобщее обучение», осуществив его в пятилетний срок¹⁵⁶. Очень ярко желание решить одним махом проблемы повышения образовательного и культурного уровня страны проявилось в декрете Совета народных комиссаров «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г. Статья I декрета гласила: все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязывается научиться грамоте на родном или русском языке. В уездах Казанской губернии был назначен шестимесячный срок ликвидации безграмотности (в Чебоксарском уезде эта мера охватывала население в возрасте от 14 до 30 лет). Работе по ликбезу был придан характер массовой кампании. Ее возглавили уездные чрезвычайные комиссии по ликвидации безграмотности (угра-мобучи), в волостях – волостные комиссии, куда вошли члены волисполкомов Советов, заведующие волостными отделами народного образования, представители ячеек РКП(б), комсомола и профсоюзов. В осуществление указанного выше декрета СНК уездные исполкомы Советов должны были издать обязательное постановление о посещении неграмотными школ грамотности, обязать волостные исполкомы и сельские Советы привлекать в порядке трудовой повинности грамотных граждан, предоставить помещения под пункты ликбеза и оборудовать их¹⁵⁷.

Непосредственно все работы по ликбезу проводили секции при волостных отделах народного образования во главе с инструктором. Состояли они прежде всего из учителей, а также учащихся старших классов школ второй ступени, которые регистрировали и обучали неграмотное население¹⁵⁸. Неграмотные подлежали обучению в порядке трудовой повинности. Причем уклоняющиеся или противящиеся вовлекались в школы ликбеза че-

рез органы правопорядка. Они могли привлекаться к уголовной ответственности и принудительным работам, лишаться нормировочных продуктов, подвергаться другим мерам наказания¹⁵⁹. В тех случаях, когда удавалось добиться аккуратного посещения занятий, результаты были: слушатели в состоянии были усвоить письмо крупным шрифтом, сносно разбираться в чтении печатного текста¹⁶⁰. Но в целом декрет о ликвидации безграмотности провалился, так как был поспешным, для его выполнения не было ни достаточной материальной базы, ни достаточного количества кадров. Репрессивные меры мало что дали. Крестьянство в школы грамотности не пошло, в том числе и по той причине, как свидетельствует один из архивных документов, что среди крестьян существовало убеждение: «как только сделаемся грамотными, так станешь коммунистом»¹⁶¹.

Первые послеоктябрьские годы были очень важными с точки зрения формирования типологических черт советской политической системы. Идея отца-основателя Советского государства о Советах как о законодательствующих и «работающих корпорациях» одновременно не была воплощена в жизнь: ни подлинными органами государственной власти, ни реальными субъектами управления своей территории и местного хозяйства они не стали. Свою роль в этом сыграли: политическая власть, принятие решений, главные рычаги управления сосредоточились в руках Коммунистической партии. Сложившаяся в период «военного коммунизма» сверхцентрализация, строго отраслевая и жестко вертикальная система управления экономикой привели к тому, что промышленность – основа экономического потенциала любого локуса – оказалась вне контроля и не была подчинена местным Советам. Не случайно к концу Гражданской войны деятельность советов народного хозяйства приняла чисто номинальный характер. Не стали Советы в полной мере организующими центрами местной жизни еще и потому, что не имели собственного бюджета и самостоятельных источников финансирования. В этом отношении их предшественники – земства, располагающие собственной материально-финансовой базой, были способны более эффективно решать вопросы местной жизни. В наибольшей мере свой созидательный потенциал Советам удалось реализовать в социальной сфере, хотя и здесь их возможности ограничивались крайне сложной экономической ситуацией. В конечном итоге сформировавшиеся в годы Гражданской войны такие отличительные черты советской системы, как отсутствие у Советов реальных властных полномочий по управлению социально-экономическими процессами, неспособность реализовать себя как настоящие хозяева своей территории, стали системными характеристиками Советского государства во весь период его существования.

Литература и источники

¹ *Петров И.Е.* Чувашия в период военной иностранной интервенции и Гражданской войны. Вып. 2. Чебоксары, 1959; *Его же.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. Чебоксары, 1961; *Изоркин А.В.* Из истории ликвидации частновладельческих имений и организации первых совхозов Чувашии (1917–1920 гг.) // Вопросы истории социалистиче-

ского преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары, 1985. С. 98–110; *Шорников А.М.* Из истории сельскохозяйственных коммун Чувашии // Из истории Чувашии советского периода. Чебоксары, 1991. С. 53–68; *Клементьев В.Н.* Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1920 г.) // Личность, общество, власть в истории Чувашии, XX век. Чебоксары, 1927. С. 70–127; *Ратникова А.Р.* Деятельность волисполкомов на территории Чувашии в 1917–1927 гг.: исторический опыт и уроки: дис... канд. ист. наук. Чебоксары: ЧГУ, 2011; Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. Чебоксары, 1989; История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978.

² Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 27. Л. 3 об.

³ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 29. Л. 4–4 об., 24.

⁴ Там же. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 9. Л. 361.

⁵ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; Д. 36. Л. 47; Д. 42. Л. 32.

⁶ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.

⁷ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 94. Л. 16.

⁸ *Петров И.Е.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. С. 173.

⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 23, 33, 49.

¹² Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 13. Л. 28.

¹³ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 30. Л. 90.

¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 41 об.

¹⁵ Там же. Д. 30. Л. 103.

¹⁶ Там же. Л. 115.

¹⁷ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 24. Л. 17, 23.

¹⁸ Там же. Л. 20 об.

¹⁹ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 3. Л. 18–19.

²⁰ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 24. Л. 20 об.

²¹ Декреты советской власти. М., 1968. С. 128–143.

²² *Алещенко Н.М.* Московский совет в 1917–1941 гг. М., 1976. С. 177.

²³ *Петров И.Е.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. С. 306; ГИА ЧР. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 214. Л. 81.

²⁴ Там же. Д. 24. Л. 23; Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 61.

²⁵ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.

²⁶ Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 20. Л. 43.

²⁷ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 58; Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 20. Л. 43.

²⁸ История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. 1. С. 73–74.

²⁹ Там же. С. 75–77.

³⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 11. Л. 199 об.

³¹ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 26. Л. 28.

³² Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 11. Л. 199 об.

³³ История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. 1. С. 72–73.

³⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 116. Л. 26.

³⁵ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

³⁶ Там же. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 11. Л. 94.

³⁷ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 116. Л. 26.

³⁸ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 7. Л. 187 об.

³⁹ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 233. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 47. Л. 26.

⁴¹ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 26. Л. 28.

⁴² Там же. Л. 118; Д. 25. Л. 63.

⁴³ Там же. Д. 26. Л. 118; *Петров И.Е.* Чувашия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Вып. 2. С. 264.

⁴⁴ *Петров И.Е.* Чувашия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Вып. 2. С. 265.

- ⁴⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 47. Л. 16, 18.
- ⁴⁶ *Петров И.Е.* Чувашия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Вып. 2. С. 266–267.
- ⁴⁷ *Петров И.Е.* Чувашия в первые годы диктатуры пролетариата. С. 261.
- ⁴⁸ Там же. С. 298.
- ⁴⁹ *Петров И.Е.* Чувашия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Вып. 2. С. 275.
- ⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 111. Л. 136. Д. 214. Л. 53.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 160.
- ⁵³ Там же. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 53. Л. 72.
- ⁵⁴ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 214. Л. 1; Д. 290. Л. 41.
- ⁵⁵ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 66; Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 116. Л. 47.
- ⁵⁶ Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 161. Л. 8; Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 214. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 99; Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 161. Л. 13.
- ⁵⁸ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 100.
- ⁵⁹ Там же. Л. 96.
- ⁶⁰ Там же. Л. 99; Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 174. Л. 176.
- ⁶¹ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 26. Л. 79; Д. 25. Л. 126.
- ⁶² Там же. Д. 26. Л. 78.
- ⁶³ Там же. Л. 82–83.
- ⁶⁴ Там же. Л. 80; Ф. 243. Оп. 1. Д. 290. Л. 42.
- ⁶⁵ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 214. Л. 100; Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 25. Л. 126; Д. 26. Л. 78.
- ⁶⁶ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 101.
- ⁶⁷ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 70.
- ⁶⁸ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 26. Л. 79.
- ⁶⁹ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 174. Л. 177.
- ⁷⁰ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 67.
- ⁷¹ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 100 об.; Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 290. Л. 42.
- ⁷² Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 161. Л. 12; Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 174. Л. 175.
- ⁷³ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 24. Л. 25.
- ⁷⁴ Там же. Д. 47. Л. 25 об.; Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 214. Л. 6.
- ⁷⁵ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 26. Л. 81.
- ⁷⁶ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 97.
- ⁷⁷ История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. 1. С. 32; ГИА ЧР. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 161. Л. 12.
- ⁷⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 97.
- ⁷⁹ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 25. Л. 121.
- ⁸⁰ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 10. Л. 28 об.
- ⁸¹ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 116. Л. 31.
- ⁸² Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 43. Л. 72.
- ⁸³ Там же. Л. 71.
- ⁸⁴ Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 66. Л. 86.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.
- ⁸⁷ Там же. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 8. Л. 200.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 244. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.
- ⁸⁹ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 89.
- ⁹⁰ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 15 об.; Д. 43. Л. 72.
- ⁹¹ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 174. Л. 175; Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 25. Л. 29.
- ⁹² Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 34. Л. 70.
- ⁹³ Там же. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 8. Л. 200.
- ⁹⁴ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 72; Д. 10. Л. 29.
- ⁹⁵ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 45. Л. 20.
- ⁹⁶ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 24. Л. 29; Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 60. Л. 642.

- ⁹⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 72.
- ⁹⁸ Там же. Д. 42. Л. 9.
- ⁹⁹ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 92.
- ¹⁰⁰ Там же. Д. 35. Л. 36.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 214. Л. 92.
- ¹⁰² Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 174. Л. 175.
- ¹⁰³ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 72; Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 174. Л. 175.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 35. Л. 37–39.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 13. Л. 43 об.
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 42. Л. 7.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ¹⁰⁸ Там же. Д. 25. Л. 120.
- ¹⁰⁹ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 90.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 72; Д. 42. Л. 7.
- ¹¹¹ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 25. Л. 30.
- ¹¹² Там же. Д. 26. Л. 34.
- ¹¹³ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 89.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 30. Л. 108.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 74; Д. 41. Л. 88.
- ¹¹⁶ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 49.
- ¹¹⁹ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 16. Л. 64.
- ¹²⁰ Там же. Л. 3, 11.
- ¹²¹ Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 100. Л. 15 об.; Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 25. Л. 30; Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 91; Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 30. Л. 109.
- ¹²² Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 100. Л. 15; Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 60. Л. 466.
- ¹²³ Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 100. Л. 6–6 об.
- ¹²⁴ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 111. Л. 105.
- ¹²⁵ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 97; Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 100. Л. 15 об.
- ¹²⁶ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 111. Л. 107; Д. 214. Л. 91.
- ¹²⁷ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 16. Л. 62.
- ¹²⁸ Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 100. Л. 15–15 об.; Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 47.
- ¹²⁹ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 147. Л. 62.
- ¹³⁰ Там же. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.
- ¹³¹ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 7. Л. 159; Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 116. Л. 43.
- ¹³² Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; Д. 116. Л. 43; Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 36. Л. 183.
- ¹³³ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 44.
- ¹³⁴ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 36. Л. 183; Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 43. Л. 44.
- ¹³⁵ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 111. Л. 24.
- ¹³⁶ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 34. Л. 124–125.
- ¹³⁷ Там же. Д. 116. Л. 46.
- ¹³⁸ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 36. Л. 187.
- ¹³⁹ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 13. Л. 44.
- ¹⁴⁰ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 36. Л. 138 об.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 116. Л. 43 об.
- ¹⁴² Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 47. Л. 69.
- ¹⁴³ Там же. Ф. Р-7. Оп. Д. 47. Л. 13.
- ¹⁴⁴ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 214. Л. 68 об.
- ¹⁴⁵ *Петров И.Е.* Чувашия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Вып. 2. С. 300.
- ¹⁴⁶ Советы за 50 лет. М., 1967. С. 139.
- ¹⁴⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 47. Д. 15 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 36. Л. 187.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 116. Л. 43–44.

- ¹⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 116. Л. 43 об. – 44.
- ¹⁵¹ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 36. Л. 183; Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 66. Л. 16.
- ¹⁵² Там же. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 116. Л. 44; Д. 214. Л. 68 об.
- ¹⁵³ Там же. Д. 116. Л. 44.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 111. Л. 9; Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 147. Л. 164.
- ¹⁵⁵ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 47. Л. 13 об.
- ¹⁵⁶ Там же. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 8. Л. 72.
- ¹⁵⁷ Там же. Д. 72. Л. 19.
- ¹⁵⁸ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 68. Л. 44.
- ¹⁵⁹ Там же. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 53. Л. 60; Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 68. Л. 156, 190.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 185.
- ¹⁶¹ Там же. Д. 61. Л. 24 об.

V.N. Klementyev

FORMATION OF SOVIETS OF CHUVASHIA AS CENTERS FOR ORGANIZATION OF LOCAL ECONOMIES AND SOCIOCULTURAL CONSTRUCTION (1918–1920)

On the example of Chuvashia, the article gives consideration of mastering by Soviets the functions on management of local economies and sociocultural development during the post-October period. It reveals the complexity and discrepancy, positive and negative aspects of this process under the conditions of absence of real powers of authority by Soviets, established one-party dictatorship and domination of the “military communism” policy.

Keywords: Soviets, Councils of national economy, local economies, economics, finances and budget, sociocultural construction.

ЧГВ, 2016 г., № 11
© И.И. Бойко

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК»
И ЧУВАШЕВЕДЕНИЕ

За 10-летие со дня выхода «Чувашский гуманитарный вестник» занял свое место в научном пространстве. В статье рассматриваются основные направления публикаций авторов журнала, отмечаются инициативы, которые не были характерны в силу разных причин для предшествующих гуманитарных изданий. В частности, речь идет о таких проблемах, как место и роль гуманитарных исследований в республике, обмен мнениями специалистов по материалам изданных монографий, о значении такого рода публикаций, как рецензии на вышедшие труды. Заметно расширился круг исследователей, труды которых после публикации в журнале внесли заметный вклад в разработку важных научных проблем.

Ключевые слова: «Чувашский гуманитарный вестник», гуманитарное сообщество Чувашии, обсуждение опубликованных трудов, роль рецензий в научной работе, тематическое разнообразие журнала.

В 2016 г. чувашская гуманитарная наука отмечает 10-летие издания, призванного стать своеобразной площадкой для публикации оригинальных тематических исследований, историографических и источниковедческих изысканий, ввода в научный оборот интересных архивных документов. Задумывалось, что обязательным элементом «Чувашского гуманитарного вестника» (ЧГВ) – такое название было присвоено новому журналу – станут квалифицированные рецензии, дискуссии и обсуждения по опубликованным монографиям и сборникам, исторические очерки и др. Следует сразу же отметить, что журнал Чувашского государственного института гуманитарных наук начал выходить не «в чистом поле»: периодические издания, именуемые «Вестником», с 1995 г. выпускает Чувашский государственный университет, с 1997 г. – Чувашский государственный педагогический университет. Не следует игнорировать и собственный

Иван Иванович Б о й к о – доктор исторических наук, главный научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: boyko2003@yandex.ru.

опыт издания 105 выпусков «Ученых записок» и «Трудов» гуманитарного института, но все-таки они не имели такой смысловой нагрузки, которая изначально предполагалась у ЧГВ. Кроме того, с середины 1950-х гг. эти книги в основном были тематическими, посвящались отдельным проблемам истории, филологии, искусства и др. Оба упомянутых вузовских «Вестника» включены в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Иначе говоря, такая ситуация предполагает достаточно высокий уровень публикаций, помещенных в «Вестники». Отдавая должное их вкладу в развитие гуманитарных наук в Чувашии, отметим, что форматы подобных журналов не предполагают такого широкого исследовательского поля, которое стало естественным для издания гуманитарного института. Дело не только в более разнообразной тематике публикаций «Чувашского гуманитарного вестника». На мой взгляд, стремление опираться на актуальность, слабую изученность проблем, анализируемых в журнале, фундаментальность источниковой базы, хорошее знание историографического поля, логичная подача материала, жесткая последовательность в поддержке высокого уровня предлагаемых текстов позволили изданию найти свою нишу в интеллектуальном пространстве.

Я не являюсь специалистом в науковедении, имею некоторую подготовку в истории (в основном советского и постсоветского периодов) и этносоциологии, поэтому мои мысли по поводу нашего журнала постараюсь ограничить обозначенными направлениями, лишь отчасти затрагивая статьи и другие публикации по смежным историческим темам. Кроме того, мне интересны материалы по обсуждению проблем гуманитарного научного сообщества в Чувашии и книги Н.И. Егорова и А.П. Леонтьева, а также публикации некоторых документов, исторические портреты и ряд других сюжетов.

Так получилось, что ЧГВ начал выходить после основного потока «сенсационных открытий» перестроечных лет. Речь идет о ряде книг, статей, в которых история, культура Чувашии обрастали самыми разными, нередко примитивными мифами, опиравшимися в основном на «новое прочтение», зачастую отрывочное и несистематическое, документальных источников, а в большей степени – на бескрайнюю фантазию авторов. При этом речь идет не только о древнейших этапах, но и времени средневековой и новейшей истории Чувашии и чувашского народа. С этой точки зрения журнал оказался практически освобожден от задачи противодействия подобным измышлениям, которым, кстати сказать, противостоять нелегко, да и практически невозможно, поскольку авторы в основном не приемлют научных аргументов, а апеллируют к чувствам, огульно критикуют исследования, созданные в советский период, считая всех научных работников того времени безработными исполнителями заданий КПСС. Возможность свободной публикации таких сочинений дала простор для их бурного разрастания, но лишённые солидной источниковой базы, весомых научных аргументов, они в большинстве своем перешли в разряд закономерно забытых. Но было бы

неверно утверждать, что с этой точки зрения в начале второго десятилетия XXI в. все обстоит благополучно: некоторые из авторов продолжают попытки «пересмотра» истории, но пришли другие времена, когда необходимы аргументированные доказательства своих точек зрения, среди населения снизился интерес к подобным публикациям. Серьезным изданиям теперь нет необходимости выступать в роли пожарных, что неблагоприятно и неблагоприятно для исследователей.

Безусловно, высказанное мнение не свидетельствует об отсутствии среди гуманитариев Чувашии различных, зачастую полярных точек зрения на те или иные события и явления в сфере истории и культуры, оценку масштабных личностей и их вклад в развитие, например, государственности Чувашии, науки и т.п. Но такие дискуссии в основном идут в общепринятых академических рамках. ЧГВ с этой точки зрения повезло, его редколлегия и авторы работают в нормальном рабочем режиме.

Прежде чем вести речь о проблемах, стоящих перед нашим изданием, отметим, что вопросы научного познания злободневны для всего российского гуманитарного сообщества, собственно, они всегда неотрывны от исследовательской практики. Одним из наиболее предметных свидетельств этому является материал заседания редколлегии журнала «Отечественная история» (ныне «Российская история»), опубликованный в 2008 г. (№ 5) под рубрикой «Каким быть журналу?». Большое внимание в ходе этого разговора уделялось методам исторического исследования, критериям достоверности научного знания, переосмыслению историографической традиции, взаимоотношению исторической науки и социальной практики и др. Как отметил в своем заключительном слове главный редактор издания А.Н. Медушевский, журнал, как лаборатория научных исследований, должен стать центром обмена опытом, новыми идеями, которые невозможны без дискуссионной атмосферы, различных точек зрения (с. 38). Такой подход, безусловно, приемлем и для ЧГВ с учетом собственных региональных особенностей.

Следует сделать еще одно предварительное замечание, которое свидетельствует о расширении круга исследователей, материалы которых публикуются в журнале. Собственно, такой подход не является чем-то оригинальным, редакция любого научного издания заинтересована в привлечении интересных авторов, статьи которых вписываются в проблематику рассматриваемых проблем, содержат новые фактические материалы, отличаются интересными подходами, развивая методологию и методику исследований и т.д. С этой точки зрения сотрудничество с коллегами из научных учреждений Казани выглядит объяснимым и правильным, и, на первый взгляд, этому не стоило уделять особое внимание. Но дело в том, что в силу объективных и субъективных причин, связанных с разными точками зрения на этногенез чувашского народа и историю Волжской Болгарии, чувашского языка и др., научные контакты представителей двух соседних республик были практически заморожены и сводились в основном к заочной полемике. Конечно, с точки зрения развития науки ситуация была абсурдной. По инициативе руководства Чувашского гуманитарного института сложивши-

еся отношения начали пересматриваться в сторону налаживания творческих контактов, пусть и в дискуссионной форме. В Чебоксарах и Казани были проведены круглые столы по актуальным как для чувашских, так и для татарских исследователей вопросам. На страницах научных изданий, выпускаемых в обеих республиках, стали появляться публикации коллег. Подобной площадкой стал и ЧГВ. В нескольких номерах вышли статьи А.Р. Мухамадеева, Р.Р. Исхакова, Х.З. Багаутдиновой, сотрудников Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Такое развитие событий трудно было представить в совсем недавнее время. На мой взгляд, гуманитарным научным сообществом Чувашии подобный шаг воспринят с пониманием и поддержкой. В любом случае, обсуждение самых спорных научных проблем гораздо плодотворнее игнорирования аргументов оппонентов. И, как показывает накопившийся опыт, такой подход начинает укрепляться, по крайней мере, об этом можно судить по публикациям в ЧГВ. С этой точки зрения журнал выполняет важную миссию, которую необходимо развивать и в дальнейшем. Другое дело, что такой подход вовсе не означает отсутствия дискуссий по спорным вопросам истории, археологии, языкознания и т.п. Главное, чтобы они были, а авторы статей и других публикаций придерживались академических требований в ходе отстаивания своих точек зрения. Как показывают немногочисленные пока примеры, подобный подход полностью реализуется в публикациях коллег из Татарстана на страницах ЧГВ.

По инициативе ответственного редактора журнала Г.А. Николаева в двух номерах ЧГВ исследователи из Чувашии делились своими взглядами на ситуацию, сложившуюся в гуманитарном сообществе республики, высказывали свои точки зрения на его достижения и перспективы развития, отвечая на вопросы анкеты, подготовленной редактором¹. Были высказаны мнения о причинах отсутствия научных дискуссий, о необходимости междисциплинарных исследований, о критериях оценки научных трудов и других вопросах. Безусловно, невозможно было при этом обойтись без размышлений о кадровых проблемах и месте гуманитарного института в решении не только названных, но и всех смежных проблем. На мой взгляд, во всех высказанных мнениях интегрирующей линией явно или завуалированно был сюжет о кадрах гуманитариев, как закладывавших основы научного познания, так и развивавших его в последующее время. Логичной была озабоченность ситуацией с кадровым насыщением науки в современный период.

Готовых и легких рецептов повышения уровня исследований в различных сферах гуманитарных наук, конечно, не существует, и все участники обмена мнениями об этом прекрасно знают, но была проявлена солидарность по ряду позиций, в том числе когда речь шла о необходимости повышения уровня рецензирования как на уровне подготовки рукописей, так и уже опубликованных работ. Вопрос этот не так прост, как может показаться на первый взгляд, и сложность нередко определяет не только немногочисленность специалистов, которых можно было бы привлечь к оценке труда другого исследователя. Существует и другая сторона. Рецензий у нас

пишется много, но большинство из них носит комплиментарный характер, их авторы уходят от объективных оценок, которые не могут не нести критический заряд в адрес коллеги, с которым сложились хорошие личные отношения, а замечания в адрес конкретных недостатков труда нередко воспринимаются как личная критика. Так сложилось, и сложилось ненормально. Нам зачастую не хватает умения слушать и слышать друг друга, как об этом написал в анкете Г.А. Николаев. Обсуждение этого вопроса в журнале, высказывание различных точек зрения дают основание для утверждения, что среди представителей чувашских гуманитариев закрепляется подобный взгляд, что следует быть более объективными к трудам коллег, а от комплиментарности, как от балласта в науке, следует избавляться последовательно и твердо. Это один из важных шагов на пути укрепления позиции чувашского гуманитарного сообщества не только как научного, но и культурного и общественного явления.

Лучшим доказательством того, что данный обмен мнениями не остался в рамках благих пожеланий, является изменение реальной ситуации, которое проявляется в расширении круга обсуждаемых проблем, появлении объективных замечаний на публикуемые труды, высказывании различных точек зрения и т.д. Публикации в ЧГВ доказывают, что эта линия продолжает укрепляться, но подробнее об этом далее.

Первым реальным опытом обсуждения опубликованного труда стал разговор представителей различных отраслей гуманитарных наук, высказывавших свое мнение о книге А.П. Леонтьева и Н.И. Егорова «Откуда мы? Куда идем? Беседы под древом познания. Книга 1» (Чебоксары, 2012). Книга состоит из 53 интервью, в ходе которых А.П. Леонтьев, в ту пору главный редактор газеты «Хыпар», и доктор филологических наук Н.И. Егоров рассуждают о разнообразных проблемах истории и культуры чувашского народа. Наверное, точнее высказался сам Н.И. Егоров, который отметил, что «основным лейтмотивом книги являются, пожалуй, размышления о судьбе чувашского народа, роли в его жизни культуры, в течение тысячелетий обеспечивающей его витальность»². В ответах на вопросы журналиста известный языковед еще раз подтвердил приверженность своей точке зрения, зачастую спорной, не только на важные сюжеты истории чувашей и чувашского языка, но и на проблемы современного развития народа, его культуры, языка. Его мысли нередко по-хорошему провокационны, хотя у их автора имеются серьезные оппоненты. Ответственному редактору журнала удалось привлечь к дискуссии представителей филологии, истории, философии, социологии, искусствоведения – всего 7 человек. Каждый из них нашел свою тему обсуждения, и разговор получился весьма интересным, хотя сразу же должен отметить, что все эти сюжеты мало пересекались друг с другом. Повторюсь: круг тем, поднятых Н.И. Егоровым, весьма разнообразен, и, уверен, очередные 7 человек также нашли бы о чем поговорить, отталкиваясь от мыслей авторов, не затрагивая уже сказанного. Как в таких случаях говорят, наши недостатки являются продолжением наших достоинств. Но, говоря о недостатках, я имею в виду не многогранность таланта Н.И. Егорова,

а те трудности, которые возникают при обсуждении его концепций. Но не это главное в данном разговоре. В рассматриваемом контексте важнее то, что ЧГВ стал площадкой для подобного обсуждения, и можно утверждать: прецедент создан. Сразу оговорюсь, что в истории института обсуждение изданных рукописей, и достаточно регулярное, имело место. Речь идет об изданных трудах ЧНИИ, которые рецензировались, по крайней мере, двумя специалистами, и затем шел их разбор на заседаниях ученого совета института. Это был полезный и поучительный опыт не только для авторов и редакторов уже вышедших сборников, но и для будущей работы. Но все-таки это был другой жанр, он не предполагал публикации обсуждения, оно было внутренним делом института. В данном случае вопрос вынесен на публичное рассмотрение, и эта тема гораздо шире, чем разговор только по данной книге. Речь идет о важности и необходимости таких дискуссий, ведь коллеги Н.И. Егорова и А.П. Леонтьева отстаивали свои точки зрения и, озвучивая их, зачастую полемизировали с авторами книги. У некоторых из них подобное «несогласие» составляет значительную часть предложенных рассуждений. Например, Ю.В. Яковлев дает характеристику не только отдельным положениям авторов, но и структуре книги, он предлагает более выигрышные, по его мнению, подходы при анализе некоторых проблем. Текст С.В. Охотниковой не так обширен по сюжетному охвату материалов книги и посвящен анализу некоторых спорных вопросов истории формирования и развития чувашского этноса в XIII – первой половине XVI в., в частности болгаро-чувашская преемственность; языковая и религиозная принадлежность болгар в домонгольский и золотоордынский периоды; положение населения Волжской Булгарии в составе Золотой Орды; этническая принадлежность упоминаемых в русских источниках «чуваша» левобережья Казанского края. С.В. Охотникова во многом солидарна с Н.И. Егоровым, но у нее есть свое видение названных тем, она апеллирует к другим исследователям, находя поддержку или критику позиций автора. Еще более ограничен с тематической точки зрения сюжет, которому посвятил свои размышления Г.Н. Плечов. Речь идет о взаимоотношениях известных деятелей чувашской культуры – просветителя И.Я. Яковлева и историка, этнографа, основателя первой чувашской газеты «Хыпар» Н.В. Никольского в конце XIX – начале XX в. На взгляд Г.Н. Плечова, Н.И. Егоров и А.П. Леонтьев, формируя «спорные и односторонние выводы с необоснованным обвинительным уклоном в сторону И.Я. Яковлева», не опираются должным образом на достоверные источники. Для доказательства этого тезиса Г.Н. Плечов обращается к ряду документов, которые, с его точки зрения, были проигнорированы как в обсуждаемой книге, так и в монографии А.П. Леонтьева «“Хыпар”: минувшее и настоящее: факты, события, личности, судьбы» (Чебоксары, 2011). Рассмотрение этого вопроса было невозможным без учета особенностей развития Симбирской чувашской школы, без анализа исторических событий этого периода, в частности становления национально-демократического движения чувашей и др. Наверное, нет особого смысла говорить о мнениях других участников обсуждения, хотя они также интересны, дискуссионны,

достойны публичного обсуждения на страницах журнала. Понятно, моей целью не является выяснение «правильности» или «неправильности» тех или иных конкретных точек зрения – ценность такой дискуссии заключается в самой дискуссии, ее содержательности. Ещё раз замечу, что подобные отклики на опубликованное издание не стали традиционным фактом исследовательской деятельности гуманитариев Чувашии, речь идет практически о первом опыте. Наверное, можно было бы говорить о более выборочном подходе к анализируемым сюжетам с точки зрения их важности, проблемности для науки, но инициатор публикации, ответственный редактор журнала, на мой взгляд, сознательно предоставил участникам обсуждения свободную трибуну, не ограничивая их в выборе сюжетов. Собственно, это было достаточно трудно сделать, зная не только многоплановость интересов Н.И. Егорова, но и некоторые проблемы в подборе исследователей, которые могли бы высказать квалифицированную точку зрения по обсуждаемым вопросам. Полагаю, что у Г.А. Николаева первый опыт «комом» не вышел, наоборот, с точки зрения как содержательной, так и организационной большинство задуманного отвечает поставленной задаче.

На мой взгляд, одним из важных шагов по развитию творческих замыслов историков различных направлений является поддержка историографических исследований. Невозможно осмысление поставленных задач без достаточно полного анализа трудов предшественников. Важно не просто критическое переосмысление того, что сделано в советский период. Важно, как уже отмечалось, объективную оценку тем авторам, которые стремились и стремятся к «сенсационным» открытиям, дать «правильным» прочтением и трактовкой документов. С удовлетворением подчеркну, что в «Гуманитарном вестнике» подобные работы появились. В первую очередь хочу отметить статьи известного исследователя деятельности правомонархических партий в России Е.М. Михайловой и специалиста по аграрной истории Чувашии Е.В. Касимова³. В труде Е.М. Михайловой предпринята попытка рассмотреть основные направления, предпринимаемые историками правомонархического движения в России с начала 1990-х гг. Автор последовательно отмечает как достижения, так и нерешенные проблемы, подчеркивая, что их скопилось весьма значительное количество. Особое внимание обращено на важность региональных исследований, что позволит углубить представления об особенностях деятельности правомонархических партий. На мой взгляд, данная статья представляет собой весьма плодотворный образец историографического анализа, в ходе которого дана характеристика не только конкретным исследованиям, но и результативности методологических подходов, используемых авторами анализируемых трудов. Рассматривая труды исследователей коллективизации в Чувашии, Е.В. Касимов предложил собственную периодизацию историографии данной проблемы и последовательно рассматривает особенности каждого этапа, тенденции исследовательских поисков и достижения коллег. Особо хочу отметить подход автора как при рассмотрении отдельных этапов, так и при анализе конкретных работ. Е.В. Касимов справедливо замечает, что в советский период

оценки целей и задач коллективизации, ее конкретного проведения и итогов не могли выйти за рамки, очерченные партийными документами, но в его работе нет уничижительных оценок предшественников, и этим она положительно отличается от заявок «на истину» многих «ниспровергателей» советской истории. Действительно, в эту эпоху проблема коллективизации была одной из изучаемых, но многие авторы лишь иллюстрировали партийные положения об этом сложном, противоречивом процессе, которому надолго суждено стать дискуссионным. Резкие оценки таких трудов имели бы под собой серьезное основание, но Е.В. Касимов не пошел по этому весьма популярному в начальный этап постсоветского периода пути. На основе изучения практически всех трудов по проблеме автор дает их обобщенную характеристику по наиболее важным направлениям, подводит некоторые итоги изучения и ставит исследовательские задачи. Статьи как Е.М. Михайловой, так и Е.В. Касимова написаны в академической традиции, их авторы стремятся к объективности, выдержанности и последовательности, уровень изложения материала соответствует высоким требованиям, которые предъявляются к авторам ЧГВ.

Опыт этносоциологических исследований в Чувашии анализирует В.П. Иванов⁴. Их история в республике ведет свое начало в 1930-е гг., когда был создан Чувашский НИИ, и в советский период исследования этнокультурных и лингвосоциологических процессов были хоть и нечастыми, но достаточно регулярными. Проводятся они и после 1991 г., в том числе на грантовой основе. Автор обращает внимание на возможность использования полученных результатов в оптимизации проблем, накопившихся в этнокультурной сфере.

Историографической проблематикой наполнена статья археолога Н.С. Мясникова «Итоги и перспективы изучения археологических памятников I–VIII вв. нашей эры в северо-восточной части Приволжской возвышенности: этнокультурный аспект», в которой автор анализирует довольно большой круг исследований по исследуемым вопросам и обозначает круг задач, решение которых позволит дать более четкое представление о критериях разграничения культурных комплексов, расположенных на территории Чувашского плато⁵.

В этом же жанре написана статья, подготовленная Н.М. Ивановой, о развитии социологии региона⁶. Следует отметить, что социология в Чувашии не имеет таких традиций, как, например, языкознание, история, археология и другие гуманитарные науки, и с этой точки зрения было очень важно определить основные поиски коллег и точки роста, выходы на решение не только местных, но и более масштабных проблем. Думаю, что с этой задачей автор справился. Особенно важно сказать, что в публикации подчеркивается плодотворная включенность социологов Чувашии в общероссийскую проблематику как индивидуально, так и творческими коллективами.

С некоторой долей условности к историографическим трудам можно отнести статью В.Д. Дмитриева «Небольшие дополнения к моим печатным трудам»⁷. В ней маститый представитель чувашской исторической на-

уки уточняет положения некоторых своих опубликованных работ, нередко дискутируя с высказываниями своих «вольных или невольных» оппонентов. Некоторые сведения, выявленные в свое время В.Д. Дмитриевым, привлекали интерес не только коллег-историков, но и, как говорится, широкой общественности, некоторые представители которой высказывали свои мнения в письменной или устной форме. В качестве примера приведем ставшую расхожей точку зрения на первое упоминание Чебоксар в русских летописях под 1371 г., а не 1469 г. Первая дата нередко упоминалась не только в статьях, претендующих на роль исторических исследований, но и в публикациях в СМИ, на различных конференциях и т.п. В своей работе В.Д. Дмитриев подробно осветил эту проблему и дал сведения о целях поездки московского великого князя Дмитрия Ивановича в Золотую Орду в 1371 г. Подобные уточнения дали весомые доказательства правоты В.Д. Дмитриева не только по данному вопросу, но и по другим интересным сюжетам, получившим различные толкования как в научной среде, так и в кругу любителей собственной интерпретации исторических событий и фактов.

Рассмотрим далее некоторые циклы статей исторического направления, опубликованные в журнале. Если вести речь об исследованиях по археологии, то следует отметить, что их всего две, и о цикле, конечно, говорить преждевременно. О статье Н.С. Мясникова речь шла выше, а в публикации Н.С. Березиной анализируется конкретный керамический комплекс в Заволжье, что дает основание предполагать о сходстве керамических материалов комплекса Кукшумская V с рядом культур в северной части Среднего Поволжья и датировать их IV тысячелетием до н.э.⁸ Статья Н.С. Березиной вносит свой вклад в сложную проблему датировки и атрибутики археологических культур. Наверное, в журнале проблемы археологии могли быть освещены более полно, но следует иметь в виду отдельные сборники и книги, издаваемые институтом по своему плану помимо журнала, а также достаточно малочисленные силы археологов. Возможно, необходимо более активно привлекать авторов из других исследовательских центров, в том числе представляющих соседние регионы, хотя на этом пути имеются трудности как финансового, так и организационного характера.

С этой точки зрения более благополучной выглядит ситуация с привлечением авторов, исследующих историю Волжской Болгарии: в журнале опубликованы четыре статьи по данной проблематике, и наличие этих публикаций обеспечили авторы, работающие в Рязани и Казани, – И.А. Гагин и А.Р. Мухамадеев⁹. Не являясь специалистом в данной области, воздержусь от оценки содержания работ коллег, отмечу, что подобное сотрудничество определенным образом помогло компенсировать отсутствие собственных исследователей по важнейшему периоду в истории Чувашии, а также чувашского и татарского народов. Необходимо подчеркнуть, что четырьмя статьями сложившаяся историографическая лакуна не ликвидируется, остается еще очень много проблем, требующих дальнейшей разработки и уточнения. Иначе говоря, данные публикации не только решили

конкретные историографические задачи, но и наглядно подчеркнули отставание чувашских историков в разработке важного исторического направления.

В целом можно констатировать, что дореволюционная история Чувашии нуждается в расширении круга исследователей, разрабатывающих различные проблемы этой эпохи. Например, по истории XVI–XVII вв. в журнале опубликованы 2 статьи В.Д. Дмитриева¹⁰, но наш выдающийся коллега ушел из жизни, и понятно, что его если не полноценная, то частичная замена потребует определенного времени и усилий его учеников В.Д. Кочеткова, А.А. Чибиса и Д.В. Басманцева, которые в своих публикациях на страницах различных изданий показали незаурядный потенциал исследователей, специализирующихся на истории Чувашии и Поволжья феодальной эпохи. Еще более пессимистична ситуация с разработкой исторических сюжетов XVIII–XIX вв. и публикацией материалов в «Вестнике». Этому периоду посвящены статьи Е.П. Погодина и А.К. Салмина¹¹, в свое время научных сотрудников института. Оговорюсь, что в статье Е.П. Погодина фактический материал, относящийся к концу XVII в., единичен, и по этой причине считаю, что больше оснований отнести ее к XVIII–XIX вв., но это не умаляет важности данных, приведенных в публикации.

Проблемам истории XIX – начала XX в. также посвящены 2 статьи, авторами которых являются Г.А. Николаев и Р.Р. Исхаков¹². В этих материалах исследуются этнокультурные проблемы народов Среднего Поволжья, связанные с противоречивыми процессами ассимиляции и христианизации. Не разбирая подробно основные положения, выдвинутые исследователями, отмечу, что полученные данные опираются на скрупулезную работу с источниками. Особо хочу с этой точки зрения отметить труд Г.А. Николаева, который привлек данные государственной, земской, церковной статистики, фольклорные материалы. Такой подход может быть очень плодотворным, и автор умело это доказал, пользуясь разнородными сведениями, которые дают возможность выявить целостную картину сложного процесса взаимодействия различных этносов в средневожской деревне. Отмечу еще одну важную особенность публикации. Автор, в отличие от многих коллег, не исключает из анализа русских, что делает изучаемый процесс более объемным и соответствующим реальности. Данная статья, безусловно, вносит важный вклад в разработку конкретной исторической проблемы, но, кроме того, ее содержание показывает возможности высококвалифицированного использования комплекса источников разного происхождения. В работе нашего коллеги из Казани рассмотрены сюжеты об обращении в православие последователей традиционных религий Волжско-Уральского региона, которые до сего дня вызывают споры у приверженцев и критиков этих действий со стороны государственной власти и Русской православной церкви. И та, и другая работы не ограничены территориями современных республик и областей, что дает возможность делать выводы и обобщения на более доказательном материале. Отмечу еще одну важную черту обеих статей: они написаны на стыке двух отраслей исторической науки: соб-

ственно истории и этнологии. Это еще раз доказывает плодотворность таких комплексных подходов.

Большой интерес представляют исследования советского периода. С конца 1980-х гг. многие сюжеты этого времени, оценки исторических личностей, событий были подвергнуты решительным пересмотрам, чаще всего необоснованным, о чем мы уже упоминали выше. Поэтому в журнале хотелось и хочется видеть публикации, базирующиеся на значительном источниковом материале, учитывающие различные точки зрения, имеющиеся в настоящее время. Кроме того, необходимо постепенно ликвидировать тематические лакуны, скопившиеся по разным причинам: идеологическим, источниковедческим, методологическим и др. На мой взгляд, определенная часть подобных проблем в ЧГВ начала решаться. Хотелось бы обратить внимание читателей на циклы статей, направленные на решение крупных научных задач. Во-первых, речь идет об исследованиях проблем национально-государственного строительства в Чувашии. Сразу же отмечу, что эти вопросы были достаточно востребованы и в советское время, в институте была задумана монография по данной тематике, основным автором которой был А.В. Изоркин. Этот труд не был завершен, в том числе и по причине серьезного пересмотра исследовательских взглядов на эти сюжеты со второй половины 1980-х гг. При этом выходили статьи и книги, в которых в той или иной степени рассматривались отдельные этапы строительства Чувашской автономии, деятельность различных структур, как государственных, так и общественных, вклад известных личностей в развитие национально-государственного строительства и т.п. В постсоветское время постепенно были написаны и вышли в свет труды Е.К. Минеевой, В.Н. Клементьева, В.П. Иванова, В.В. Орлова, С.В. Щербакова, В.Г. Ткаченко и др., в которых анализировался процесс становления и развития государственности не только в Чувашии, но и в соседних регионах. Исследовательское пространство начало постепенно сокращаться, но остался ряд вопросов, по которым ЧГВ выступил, опубликовав статьи В.Н. Клементьева¹³. В одной из них исследовалась проблема формирования местных бюджетов как одного из элементов национально-государственного строительства. Следует отметить, что таким образом была затронута важнейшая проблема становления государственности в первые годы советской власти, которая, кстати, сопровождает как центральную, так и региональные власти России и в постсоветское время. Практически о схожих проблемах еще до публикации статьи В.Н. Клементьева в ЧГВ писал В.В. Орлов¹⁴, и одновременно в «Вестнике» было издано исследование Е.В. Касимова¹⁵. Надо признать, что проблемы функционирования финансового механизма малопопулярны у гражданских историков, хотя важность его для понимания работы всей системы государственного управления никто не отрицает. Трудно сказать, с чем это связано, возможно, в этой проблеме больше экономической истории, необходимы специфические и весьма сложные познания. Нельзя не подчеркнуть отсутствие традиции у историков в изучении действия рыночных законов, которые в годы нэпа, хотя и ограниченно,

но работали. Собственно, теперь это и не так важно, главное, этот сюжет не остался вне внимания авторов «Вестника». Конечно, тема требует дальнейших поисков, но следует констатировать, что неплохой задел в исследовании значительной тематической лакуны в ЧГВ сделан.

В других статьях В.Н. Клементьева рассмотрены различные сюжеты национально-государственного строительства, при этом в двух из них автор рассматривает события в Чувашии на фоне процессов в целом в России и Поволжско-Уральском регионе, что дает рассмотреть ситуацию более масштабно и понять характер движения за самоопределение в первые годы советской власти. В другой статье автора рассмотрена практически неизученная национально-языковая политика в Чувашии с 1917 г. до образования Чувашской автономной области. Таким образом, несмотря на достаточно обширную историографию данной предметной области исследования, автор нашел свою нишу. Другое дело, что по некоторым сюжетам у него имеются оппоненты, но в нашу задачу не входит разбор этих споров, поскольку в ЧГВ они практически не нашли место для публикации в виде статей, имеется лишь рецензия В.Н. Клементьева на книгу С.В. Щербакова.

Важным шагом в раскрытии некоторых страниц Великой Отечественной войны стали публикации Д.А. Захарова¹⁶. Такие работы стали возможны в связи с доступностью некоторых документов, закрытых для исследователей в советский период. При этом нельзя не сказать, что отдельные вопросы по военнопленным из Чувашии уже поднимались Г.А. Александровым, который также пользовался рассекреченными материалами. Были публикации и по строительству на территории Чувашии оборонительных укреплений в первые месяцы Великой Отечественной войны, но сюжеты эти обширны, и можно говорить лишь о подступах к их разработке, поэтому статьи Д.А. Захарова стали новым словом в познании малоизвестных страниц большой и важной проблемы.

В ЧГВ нашли место несколько публикаций по социологии, в том числе работы, анализирующие этнокультурные процессы. Речь идет о статьях И.Е. Ильина, В.Г. Харитоновой, а также о совместной работе Н.М. Ивановой и И.Е. Ильина¹⁷. Некоторые из этих материалов близки к трудам этнологов, изучающих те же явления со своей точки зрения. Проблему социокультурной адаптации мигрантов в Чувашии разрабатывает в своей работе В.П. Иванов¹⁸. Данные проблемы социологии и этносоциологии находят свое отражение в монографиях авторов, сборниках статей и т.д., и названные выше труды показывают направления, по которым институт ведет исследования, а читатели могут получить вполне цельное представление об этом.

В работах этнологов, опубликованных в «Вестнике», имеются классические этнографические описания, в которых речь идет о родовых обрядах у закамских чувашей, о проводах в рекруты, об особенностях формирования этнотерриториальной группы чувашей Оренбуржья¹⁹ и т.д. Особо хотелось бы выделить статью японского исследователя М. Гото о традиционной религии чувашей²⁰, которая, так же как и работы немецкого филолога Э. Винклера, американского историка и тюрколога П. Голдена, венгерского

академика А. Рона-Таша, является свидетельством стремления редакции расширить рамки сотрудничества, привлечь на страницы журнала интересных зарубежных ученых, разрабатывающих проблемы, имеющие непосредственное отношение к истории и культуре Чувашии, чувашского народа. Если же вернуться к М. Гото, то следует отметить, что автор, сотрудник славянского исследовательского центра в Хоккайдском университете, приезжал на стажировку в Чувашию, жил в деревне, изучал чувашский язык, религию народа, которая была массовой до его христианизации.

В ряде публикаций речь идет о вопросах, которые в той или иной степени имеют отношение к проблеме менталитета. Имеются в виду статьи Г.А. Николаева, О.Н. Терентьевой, А.В. Кобзева, Н.И. Егорова²¹. И если у Н.И. Егорова непосредственно заявлена тема ментальности, то у других авторов она исследуется в контексте конкретных сюжетов об анализе ценностей, этноконфессиональных стереотипов, взаимооценок представителей разных народов, исповедующих различные религии и др. Не вдаваясь в проблемное поле поднимаемых вопросов, отмечу, что такой интерес вполне обоснован. На мой взгляд, важными являются многомерная проблема «измерения» ментальности, использование разноплановых источников, которые дадут возможность повысить уровень их репрезентативности и позволят уйти от комплиментарной характеристики «своих» народов. Актуальным при этом представляется сравнительный анализ, и он удачно продемонстрирован в работах Г.А. Николаева и А.В. Кобзева. Через отношение к богатству марийских, мордовских, удмуртских и чувашских крестьян первый из авторов исследует их духовно-нравственные позиции, влияние на традиционный тип существования развивающихся в деревне товарно-денежных отношений. В следующей статье Г.А. Николаев, а в своей работе А.В. Кобзев анализируют дихотомию «свой – чужой» у крестьян, принадлежащих к разным конфессиям. Еще раз подчеркну, что я не анализирую содержательную часть публикаций, речь идет о современных подходах к решению проблем, по крайней мере, в гуманитарном поле Чувашии. Речь в том числе идет и об использовании нетрадиционных источников для раскрытия подобных сюжетов, какими, например, являются материалы судебных дел по уголовным преступлениям на религиозной почве, которые стали источниковой базой для работы А.В. Кобзева. Исследование О.Н. Терентьевой опирается на чувашские фольклорные материалы, с этой точки зрения оно весьма добротное, но сравнительный анализ углубил бы выводы автора. Статья Н.И. Егорова показательна и как попытка высказать свою точку зрения по сложной проблеме, что важно и для достижения научной истины, и для позиционирования журнала. Публикация статей четырех авторов показала возможности и ограничения исследователей при анализе такого явления, как менталитет.

В журнале имеются разделы, которые предусматривают публикацию «малых жанров», а именно: «Историческое краеведение», «Исторические портреты», «Чувашеведение в лицах». Здесь помещаются небольшие по объему материалы, посвященные конкретным сюжетам, представляющим

интерес для читателей. С этой точки зрения ЧГВ имеет преимущества перед «Вестниками» вузов, которые в силу своих задач не могут включать в содержание подобные материалы.

Кроме того, «Вестник», хотя и не является археографическим изданием, предполагает и публикацию документов, также интересных не только ученым, но и краеведам, учителям, студентам, всем лицам, интересующимся историей и культурой края – словом, широкому кругу читателей. На мой взгляд, в этом также состоит тематическое преимущество ЧГВ, и с той точки зрения, что подобное доведение документов для реальных и потенциальных пользователей предоставляет достаточно удобный путь от хранилища до реального человека. Составление и издание специальных сборников документов занимают обычно длительный этап, иногда возникают трудности с соблюдением тематического подбора и т.п. «Вестник» позволяет сделать это эффективнее. Другое дело, что речь пока идет о единичных документах и не стоит обольщаться возможностями ЧГВ в этом отношении, но отдельные и весьма полезные шаги он позволяет осуществлять. Например, вызывает интерес публикация выступления директора института В.Д. Дмитриева на координационном совещании Отделения истории АН СССР, которое проходило 25 июня 1986 г. в Москве²². Во-первых, читатель получает информацию, что отделения Академии наук СССР осуществляли координационную деятельность научных исследований не только в подведомственных им учреждениях. В то же время из текста публикации можно узнать, что не всегда эта деятельность была полезной и эффективной, возможно, в большей степени являлась формальной и контролирующей. На совещании в 1986 г. В.Д. Дмитриев говорил об одностороннем подходе к освещению истории СССР дореволюционного периода, когда в академических изданиях абсолютное внимание уделяется только «русской истории», а если и есть изложение истории других народов, то с преобладанием фактографии. Он обращал внимание на необходимость изучения истории всех народов СССР, по крайней мере «в порядке обобщения, наладить исследование закономерностей развития всех регионов СССР»²³. В его выступлении также шла речь о своеобразных трактовках истории татарскими исследователями, их ошибочных, по мнению В.Д. Дмитриева, представлениях об этногенезе татарского и чувашского народов. Эта небольшая публикация дает достаточно материала об оценке общей ситуации в организации исторической науки в стране, о взаимодействии «центральной» и «региональной» науки, о конкретных противоречиях в трактовке важных исторических сюжетов татарскими и чувашскими ученым и т.д.

Следует отметить и такой раздел журнала, как «Новая зарубежная литература». В нем помещаются аннотации иностранных работ, имеющих непосредственное отношение к чувашеведению. Чаще речь идет об исследованиях турецких и венгерских коллег. Особняком стоят в данном разделе выдержки из дневниковых записей венгерского музыковеда и фольклориста Ласло Викара. В 2002 г. в Будапеште на 404 страницах вышла его книга «На этом и на том берегу Волги» об экспедициях в Поволжье с целью соби-

рания музыкального фольклора в местах проживания исторических соседей венгров. В «Вестнике» опубликованы разделы о нахождении его в Чувашской АССР в 1964, 1966 и 1968 гг.²⁴ Профессиональные записи музыковеда с характеристикой исполняемых песен постоянно перемежаются с описанием бытовых особенностей чувашской провинции, своеобразия местного гостеприимства, высшим уровнем которого нередко становилось обязательное употребление спиртных напитков. Докучают иностранцев и бытовые неудобства, разбитые дороги, своеобразное отношение к иностранцам, в том числе сердечная, но обременительная забота²⁵ и др. Читая эти страницы, полные уважения к талантливым исполнителям народных песен, самоиронии и критического отношения к нашей советской действительности, понимаешь, что в то время они не могли быть изданы, подобный взгляд со стороны полезен, хотя иногда и обиден. В целом, удивительное чтение, сопровождаемое к тому же грамотными комментариями и примечаниями.

Далее остановимся на таком важном разделе «Вестника», как рецензирование. С точки зрения создания творческой атмосферы, требовательности не только к чужим, но и к своим текстам этот вопрос является одним из существенных, и выше об этом уже говорилось. В ЧГВ организован постоянный раздел, в котором специалисты делятся своим мнением об опубликованных книгах, изданных как в институте, так и в других учреждениях, и не только в Чувашии. Главное при выборе издания, о котором будет написана рецензия, – его актуальность: тематически оно должно быть интересно для специалиста по истории и культуре Чувашии и чувашского народа. Работа может выйти в свет в Чебоксарах, Саранске, Йошкар-Оле, Казани и т.д. Имеются рецензии и на труды, опубликованные за рубежом. В качестве рецензентов привлекаются специалисты вне зависимости от их места работы, учитывается только их квалификация и знание обсуждаемой проблемы. В 10 номерах «Вестника» опубликовано свыше 60 рецензий на издания, охватывающие практически все разделы гуманитарных наук. Нельзя утверждать, что абсолютное большинство рецензий написано в критическом духе, они в основном объективны, в них отмечены как удачные авторские находки, так и недоработки. Главное, что система оценки трудов, выпущенных коллегами, создана и работает, что очень важно для творческого функционирования научного сообщества. Следует к этому добавить, что с 2011 г. в журнале начали публиковаться отзывы на научные доклады, которые готовятся к ежегодным итоговым научным сессиям института. Рецензенты (их обычно 2 или 3 человека) выступают со своей точкой зрения, поддерживают, критикуют авторов докладов, затем наиболее удачные рецензии выходят на страницах ЧГВ. Пожалуй, можно констатировать, что создана система рецензирования научных трудов, которой, конечно, можно дать различные рекомендации, но главное в том, что она работает и является органичным элементом гуманитарного сообщества.

Еще об одной задаче, решить которую помогает ЧГВ. Речь идет об информации о научных изданиях на иностранных языках. На страницах «Вестника» чаще всего появляются аннотированные сведения о статьях и

книгах, имеющие непосредственное отношение к чувашскому языкознанию. Конечно, хотелось бы, чтобы в этом перечне были труды и по другим гуманитарным наукам, но здесь возникают сложности, чаще всего субъективного порядка, в связи с отсутствием специалистов, свободно владеющих иностранными языками.

Наконец, следует отметить, что по традициям научных журналов ЧГВ помещает публикации о юбилеях ведущих исследователей, а также отдает дань ушедшим из жизни. Для этого в «Вестнике» существуют два раздела: «Наши юбиляры» и «Памяти коллег».

Если попытаться сделать какие-либо обобщения, то можно с уверенностью утверждать, что «Чувашский гуманитарный вестник» состоялся как полноценное научное издание. В нем не только публикуются оригинальные статьи по актуальным проблемам гуманитарной науки, но дана возможность для обмена мнениями, дискуссий. Привлечение авторов из других регионов и зарубежных стран расширяет исследовательские горизонты, повышает авторитет издания. Отмечу также, что без творческих и организационных усилий ответственного редактора «Вестника» его издание было бы проблематичным.

Литература

- ¹ Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 181–191; № 6. С. 150–157.
- ² Там же. 2014. № 9. С. 163.
- ³ Михайлова Е.М. Правомонархическое движение начала XX в. в отечественной и региональной историографии: современные подходы // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 75–95; Касимов Е.В. Коллективизация сельского хозяйства Чувашии как научная проблема: историографические заметки // Там же. 2010. № 5. С. 24–42.
- ⁴ Иванов В.П. Этносоциологические исследования в Чувашской Республике: вехи пройденного пути // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 61–69.
- ⁵ Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 6. С. 3–19.
- ⁶ Иванова Н.М. Социология региона: опыт и тенденции исследований // Чувашский гуманитарный вестник. 2014. № 9. С. 112–131.
- ⁷ Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 143–157.
- ⁸ Березина Н.С. О миграционных процессах в неолите – энеолите Поволжья во второй половине IV тыс. до н.э. (на примере токсского керамического комплекса Мукшумской V стоянки Чувашского Заволжья) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 3–14.
- ⁹ Гагин И.А. Волжская Болгария и мир кочевых народов в X–XII вв. // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 12–20; Мухамедеев А.Р. Политика хазарского правительства в Среднем Поволжье: суварский фактор (первая половина X века) // Там же. 2013. № 8. С. 20–30; Его же. Проявление власти и особенности статуса правителей в начальный период развития Волжской Болгарии // Там же. 2014. № 9. С. 3–9. Его же. Особенности наказаний за уголовные преступления в Волжской Болгарии доисламского периода // Там же. 2015. № 10. С. 27–35.
- ¹⁰ Дмитриев В.Д. Информация московского правительства о русском протекторате над Казанским ханством и о присоединении его к России, переданная дипломатами священной Римской империи // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 17–23; Его же. О чувашах в Сибирском ханстве // Там же. 2011. № 6. С. 3–17.
- ¹¹ Погодин Е.П. Подряды и откупа купцов Чувашии в XVII–XIX веках // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 3–22; Салмин А.К. Санкт-Петербург XVIII века и чувашаши // Там же. 2009. № 4. С. 58–78.

¹² *Николаев Г.А.* Средневолжская деревня в конце XIX – начале XX века: этническая ситуация и ассимиляционные процессы // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2009. № 4. С. 79–98; *Исхаков Р.Р.* Крещение и христианское просвещение приверженцев традиционных верований Волго-Уральского региона в 1830–1913 годах: опыт историко-статистического анализа // Там же. 2012. № 7. С. 12–33.

¹³ *Клементьев В.Н.* Чувашия и проекты укрупнения регионов РСФСР в первой половине 1920-х гг. // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2006. № 1. С. 21–37. *Его же.* Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917–1919 год) // Там же. 2007. № 1. С. 23–44; *Его же.* Проблемы конструирования системы местных бюджетов в практике национально-административного строительства Чувашской автономной области (1921–1925) // Там же. 2012. № 7. С. 34–51; *Его же.* Национально-языковая политика советской Чувашии: становление и характерные тенденции (ноябрь 1917–1920 г.) // Там же. 2015. № 10. С. 36–50.

¹⁴ *Орлов В.В.* Формирование местного бюджета Чувашии и финансирование программ ее социально-экономического развития в годы нэпа // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2006. № 1. С. 38–61.

¹⁵ *Касимов Е.В.* Кредитная политика Советского государства как инструмент регулирования сельскохозяйственного производства в Чувашии в годы НЭПа // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2012. № 7. С. 52–68.

¹⁶ *Захаров Д.А.* Репатриация советских военнопленных в 1944–1945 годах (по материалам Чувашской АССР) // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2009. № 4. С. 99–112; *Его же.* Уроженцы Чувашии в немецком плену в годы Великой Отечественной войны // Там же. 2010. № 5. С. 43–68; *Его же.* Военно-инженерное строительство на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны // Там же. 2011. № 6. С. 18–29.

¹⁷ *Ильин И.Е.* Образ жизни крестьянства Чувашии как предмет социологического анализа // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2006. № 1. С. 96–105; *Харитонов В.Г.* Культурный потенциал населения Чувашской Республики в 1995–2006 годах: опыт апробации методики «Социологический портрет региона» // Там же. 2007. № 1. С. 70–84; *Иванова Н.М., Ильин И.Е.* Современная этнокультурная ситуация и межнациональные отношения в Чувашской Республике // Там же. 2012. № 7. С. 123–142.

¹⁸ *Иванов В.П.* Некоторые проблемы социокультурной адаптации мигрантов в полиэтническом пространстве Чувашской Республики // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2014. № 9. С. 36–54.

¹⁹ *Егорова О.В.* Обычаи и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней в среде закамских чувашей // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2006. № 1. С. 62–74; *Петров И.Г.* Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX – начало XX в.) // Там же. 2015. № 10. С. 51–87; *Родионов В.Г.* К проблеме реконструкции чувашского обрядового комплекса *сү* // Там же. 2007/2008. № 3. С. 53–62; *Иванов В.П., Михайлов Ю.Т.* Чувашское население Оренбургского края: формирование этнотерриториальной группы, этнокультура, динамика численности // Там же. 2007/2008. № 3. С. 63–79.

²⁰ *Гото М.* Историческое превращение традиционной религии чувашей // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2009. № 4. С. 3–24.

²¹ *Николаев Г.А.* Богатство в системе социально-нравственных ценностей волжского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2009. № 4. С. 25–57; *Его же.* Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: «свои» и «чужие» // Там же. 2010. № 5. С. 138–159; *Терентьева О.Н.* Динамика ценностных представлений чувашей (на материале фольклора) // Там же. 2011. № 6. С. 125–149; *Кобзев А.В.* Этноконфессиональные стереотипы в повседневной жизни дореволюционного российского общества (по судебным-следственным материалам Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX века) // Там же. 2013. № 8. С. 46–61; *Егоров Н.И.* К проблеме определения границ предметно-понятийного поля терминов «ментальность» и «менталитет»: этнокультурный аспект // Там же. 2014. № 9. С. 10–35.

²² *Чувашский гуманитарный вестник*. 2012. № 7. С. 166–170.

²³ Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 168.

²⁴ Там же. 2007/2008. № 3. С. 142–186.

²⁵ Там же. С. 170.

I.I. Boyko

THE “CHUVASH HUMANITARIAN BULLETIN” SCIENTIFIC JOURNAL AND THE CHUVASH STUDIES

In a decade from the date of publication, “The Chuvash humanitarian bulletin” took its place in the scientific field. The article considers the main directions of publications of the journal authors, initiatives not characteristic due to various reasons for the previous humanitarian editions are noted. In particular, the question is about such issues as the place and role of humanitarian researches in the republic, exchange of opinions of experts on the materials of monographs, about the value of such publications, as reviews of published works. The circle of researchers, whose works after the publication in the journal made a noticeable contribution to the research of important scientific problems, has been considerably extended.

Keywords: “The Chuvash humanitarian bulletin”, humanitarian community of Chuvashia, discussion of published works, role of reviews in scientific work, thematic variety of journal.

ЧГВ, 2016 г., № 11
© И.Г. Петров

БРАЧНАЯ НОЧЬ И ОПОВЕЩЕНИЕ О НЕВИННОСТИ НЕВЕСТЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ

Среди обрядов жизненного цикла свадебный ритуал отличается особым разнообразием и является одним из ярких проявлений традиционной культуры. Большое место среди них занимали различные символические действия, направленные на обеспечение продления рода, благополучие и богатство молодых, защиту жениха и невесты от сглаза и порчи и т.д. Своими корнями такие магические практики уходят в толщу тысячелетий и имеют тесную связь с древнейшими религиозно-магическими представлениями. К числу архаических и практически забытых обрядов свадебного цикла относится и обряд первой брачной ночи. В настоящей статье в динамической последовательности и вариативности рассматриваются основные элементы постельного обряда, который бытовал в чувашской деревне в середине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: чувашы, обрядовая культура, свадебные обычаи и обряды, целомудрие и девственность, брачная ночь.

Специальных, монографических работ, посвященных разностороннему и детализированному анализу свадебной обрядности чувашей в ее историческом развитии, с учетом этнических и локальных (этнографических, этнотерриториальных и т.п.) особенностей, пока нет. Исключение, пожалуй, составляют монография А.А. Осипова о свадебном обряде и музыкальном фольклоре верховых чувашей¹, а также научные сборники и коллективные монографии, рассматривающие культурно-бытовые особенности этнотерриториальных групп чувашей, в которых так или иначе затрагиваются вопросы брака и брачной обрядности². Значительный задел по данному вопросу имеется в работах А.К.Салмина³. Тем не менее сведения о чувашском свадебном ритуале, которые отличаются

Игорь Георгиевич Петров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; e-mail: ipetrov62@yandex.ru.

друг от друга полнотой или научной достоверностью, обильно разбросаны в литературных, архивных источниках, изданиях периодической печати. По широте и глубине охвата темы источники не равнозначны. В одних о чувашской свадьбе имеются лишь общие сведения, без привязки к какой-либо местности (губернии, уезду, населенному пункту), в других описания чувашской свадьбы носят вполне конкретный характер и содержат значительный фактический материал. Некоторые из этих источников позволяют конкретизировать многие архаические, вышедшие из бытования обрядовые комплексы, имеющие отношение к чувашской свадьбе, и получить о них целостное представление. К таковым относится обряд первой брачной ночи. К сожалению, в большинстве историко-этнографических исследований о чувашах данный ритуал не упоминается или рассматривается лишь в общих чертах. Из новейших исследований более основательное освещение этот вопрос получил в работах А.К. Салмина⁴. Между тем игнорирование данного сюжета в этнографических исследованиях существенно обедняет процесс изучения чувашской обрядовой культуры и не позволяет достичь полноты исторической реконструкции крестьянской обыденности. Наша задача – рассмотреть особенности данного обрядового комплекса, дополнить знания новыми сведениями, извлеченными из литературных, архивных источников, а также из материалов полевых исследований.

Начнем повествование с традиционных представлений чувашей о девичьей чести (целомудрии), а затем перейдем непосредственно к ритуалу первой брачной ночи. В чувашской деревне, где патриархальные устои были достаточно сильны, традиционная мораль большое значение придавала сохранению добрачной девственности. Особенно это касалось девушек, достигших совершеннолетия. Потеря девственности и рождение внебрачного ребенка расценивались как тяжкий грех. Соблюдение этих неписаных правил осуществлялось благодаря контролю со стороны родителей и сельского общества. Уличенные в добрачных связях парень и девушка подвергались общественному порицанию: молодой человек лишался права жениться на другой девушке, а девушка, пойманная на грехе, надолго оставалась незамужней, потому что полюбить и взять в жены такую девицу считалось постыдным и позорным. Незавидным было положение забеременевшей или родившей ребенка девушки в семье, поскольку это считалось большим позором для рода и семьи. Ее всячески осуждали и ругали, нагружали тяжелой домашней работой, не пускали в общество сверстниц, избегали общения с провинившейся, не приглашали её на посиделки, не допускали в хороводы и на другие молодежные увеселения. За ними, аналогично как за гулящими женщинами, надолго закреплялись уничижительные прозвища: *аскӑн*, *аскӑнчӑк* «распутница, блудница», *юхха* «развратница, шлюха», *кёрт йытти* «сука» и т.д. Подчеркивая, что своим поступком девушка навлекла на семью несмысленный позор, ее постоянно укоряли и родственники: *ят варлать* «честь замарала», *ашишӗпе амӑшӗн ятне пӑх сӗрнӗ* «имя (честь) матери и отца измазала фекалиями»⁵. В д. Захаркино Абдулинского района Оренбургской области о девушке, забеременевшей вне брака, презрительно отзывались: *майрака тух-*

на «рог появился» или *çăмартине туса кайнă* «снесши яйцо, вышла замуж». А пензенские чувашки давали такую характеристику: *вусна каять* «с возом выходит замуж», *мечĕ/арбуз йăтса качча каять* «мяч/арбуз неся, выходит замуж», *хĕрĕх чĕрнелĕ* «имеющая сорок ногтей»⁶. В целях публичного осуждения оступившейся девушки прибегали также к символическим актам позорящего свойства, например ворота её дома мазали дегтем.

Впрочем, в некоторых селениях к добрачным половым связям молодежи отношение было более терпимым. Не во всех случаях родившая до брака девушка заслуживала всеобщее презрение. Такая девушка ценилась, так как подчеркивала свою способность к продолжению человеческого рода: «Никаких доказательств девственности молодой не предъявляется, да она и не имеет, по-видимому, морального, с чувашской точки зрения, значения. Не беда, даже если девушка родит до брака, а иногда такая даже предпочитается, как доказавшая свою способность к деторождению»⁷. В Ядринском уезде парни говорили: «До брака не грех. Только в браке – грех». Если и бывали случаи добрачных связей, то они происходили по взаимной любви. В такой ситуации родители, как правило, старались поскорее сыграть свадьбу и замять случай, получивший огласку⁸.

Святость целомудрия невесты подчеркивается в произведениях чувашского фольклора. В зимний праздник *Сурхури* молодые люди, например, пели так:

<i>Сорхори, Сорхори!</i>	Овечий дух, овечий дух!
<i>Сорăхсам питек туччăр-и,</i>	Овцы ягнились бы,
<i>Арăмсам ача туччăр-и,</i>	Женщины рожали бы детей,
<i>Хĕрсем хĕсĕр полччăр-и!</i> ⁹	Девушки были бы девственны!

Эти же мотивы имеют место в свадебных песнях, которые исполняются дружками жениха:

<i>И, хĕрĕх пус, хĕрĕх пус,</i>	И, сорок копеек, сорок копеек,
<i>Хĕрлĕх тавраш мĕнле-ши?</i>	Сохранилась ли (у невесты) девственность?
<i>Хĕрлĕх тавраш мĕнле-ши,</i>	Сохранилась ли (у невесты) девственность,
<i>Каччă савăнмалла-ши?</i> ¹⁰	Будет ли радоваться жених?

<i>Эпир те илес хĕрсене</i>	Девушек, которых мы берем (в жены),
<i>Каччă та алли тивминчĕ.</i>	Пусть не коснулись руки парня.
<i>Каччă та алли тивнĕ пулсан</i>	Если коснулись руки парня,
<i>Авкаланĕ хура çĕлен пек.</i>	Будет извиваться черной змеей.
<i>Каччă та алли тивмен пулсан</i>	Если не коснулись руки парня,
<i>Саркаланĕ сарă хăмăш пек</i> ¹¹ .	Развернется, как желтый камыш.

Если же девушки не соблюдали общепринятых правил, вели распутную жизнь, то их всячески высмеивали и пели непристойные песни:

У колеса с двенадцатью спицами
Спицы начали шататься.
У девушек этой деревни
Промежности расширены¹².

Другим действенным регулятором добрачного поведения молодежи были чувашские обрядовые традиции, в том числе свадебные. В чувашской деревне до середины XIX в., а в некоторых местах и до начала XX в. в свадебном ритуале присутствовал обряд публичного освидетельствования порочности или непорочности невесты. Структурно он являлся одним из обязательных компонентов обряда первой брачной ночи – *хёве хупни* (букв.: запираение на секрет)¹³. Это был крайне ответственный момент для новобрачной и ее семьи. Если невеста не могла подтвердить невинность, ее семью и род покрывал несмываемый и вечный позор.

Как правило, «постельный» обряд проводился после прибытия невесты в дом жениха и ее «окручивания» (*пуç сырни*), то есть проведения ритуала перехода невесты в статус замужней женщины. Его смысл заключался в том, что в присутствии участников свадебного торжества с невесты срывали покрывало (*пёркенчёк*), снимали девичий головной убор (*тухья*), а затем снохи или другие женщины-родственницы (свахи, посаженные родители и т.д.) надевали на нее женский головной убор (*сурпан* или *хушпу*). В прошлом у чувашей во время этого обряда, вероятно, происходила не только смена головного убора, но и нательного платья. Об этом любопытное замечание Г.Ф. Миллера: «У невесты в доме жениха на подклеть не водят, но делается то в жениховом доме, куда все гости на другой день или по прошествии нескольких дней поднимаются и, собравшись, невесту убирают в женское платье, а потом новобрачную пару спать кладут вместе»¹⁴. Справедливость данного свидетельства подтверждается и тем, что в старину рубахи у женщин четко подразделялись на женские и девичьи. При этом у каждой имелись особенности орнаментации, прежде всего на груди и рукавах¹⁵.

В зависимости от местных традиций обряд «окручивания» мог происходить как в деревне невесты, так и в деревне жениха. Только после этого молодых можно было отправить на брачное ложе¹⁶. Такого порядка ранее придерживались очень строго. Не случайно Н.В. Никольским по этому поводу сообщается следующее: «По убеждению чуваш, пока не выполнен установленный отцами и дедами брачный ритуал и пока на голову молодой не возложен еще сурбан, молодые не могут вступить в супружеские отношения, хотя бы были венчаны»¹⁷. С утверждением среди чувашей православной веры и христианских традиций обряд брачной ночи стал проводиться после венчания в церкви. Однако данного правила чувашаи придерживались не всегда.

Проведение обряда брачной ночи (*хёве хупни*) не ограничивалось строгими временными рамками. Все зависело от конкретной ситуации. Если свадьбу играли днём, новобрачных запирали в клеть лишь на короткое время (от получаса до нескольких часов)¹⁸. Если же свадебный кортеж прибывал в дом жениха под вечер, то их запирали на всю ночь до следующего утра¹⁹.

Брачная постель для молодых готовилась в каком-либо неотапливаемом помещении, обычно в клетке или амбаре. Такое предпочтение объяснялось тем, что благодаря этому происходило магическое стимулирование урожайности зерновых и плодovitости скота. По народным представлениям, этому способствует кровь, пролившаяся при дефлорации, обладавшая

мощным оплодотворяющим свойством²⁰. Аналогичные представления, вероятно, были свойственны чувашам. Подтверждение этому находим в сочинении А. Фукс: «Сусеки нарочно сделаны и насыпаны хлебом к свадьбе. У чуваш всегда помещают молодых в амбарах с хлебом, чтобы жить богато и в изобилии»²¹. Такой же выбор был характерен для восточнославянских народов. Например, русские постель для новобрачных устраивали на гумне, в овине, амбаре, клети, то есть в местах, где обрабатывали и хранили зерновые²². Стелили постель на соломе, около головы ставили мешки с зерном²³, под постель клали ржаные снопы, овес, хмель, то есть растения, обладающие семантикой плодородия²⁴. Кроме клети и амбара, у чувашей случаи приготовления брачной постели отмечены в доме жениха²⁵, чулане²⁶, в доме соседей или родственников²⁷. Однако есть основания полагать, что выбор дома и придомовых помещений является результатом трансформации обряда, так как в большинстве случаев у чувашей первое совместное ложе для новобрачных готовили в нежилом помещении, а именно в клети или амбаре.

До брачного ложа молодых провожал старший дружка (*мӑн кӗрӳ*)²⁸, по другим сведениям, это могли быть старший дружка и две свахи²⁹, старший дружка, поддружье и свахи³⁰, старший дружка, старший брат и сноха жениха³¹, глава свадебного поезда (*туй пуç*), музыкант-волынщик и родственники молодых³², все участники свадьбы³³. В Присвияжье новобрачных сопровождали две снохи (*инкӗшӗсем*) и одна из участниц свадебного поезда (*туй арӑмӗ*), то есть исключительно женщины. Одна из снох перед молодыми подметала веником дорожку, другая вела за собой новобрачных. *Туй арӑмӗ*, завершающая процессию, несла хлеб, масло, пиво и водку³⁴. Как видим, состав сопровождающих мог быть достаточно разнообразным и зависел от местных традиций. Однако следует полагать, что в аутентичном формате чувашской свадьбы главенствующую роль в проводах молодых играли старший дружка (в иных вариантах: глава поезда) и свахи.

Примечательно также, что число провожающих должно было быть нечетным (3, 5, 7, 9 человек). Войти в амбар или клеть в четном количестве не полагалось³⁵. В нечетном же составе приходили чуваша к невесте свататься, ее родителям и родным подносили подарки и угощения. Преследовали в связи с этим одну цель – «уйти из этого дома в парном количестве, то есть нечет превратить в чет»³⁶.

Проводы в комнату с брачным ложем нередко совершали под громкий шум и музыку: играли на волынках, били в барабаны, пели свадебные песни, танцевали, хлопали в ладоши³⁷. По мнению ученых, шумовое сопровождение в данной ситуации выполняло двоякую функцию: с одной стороны, выступало в качестве оберега, средства для отпугивания злых духов³⁸, с другой – «подчеркивало значимость переживаемого момента, делало его гласным для односельчан»³⁹. Нередко участники свадьбы в это время распевали песни и частушки довольно откровенного (эротического) содержания. Они исполнялись для того, чтобы новобрачных подготовить к первой брачной ночи и снять с них психологическое напряжение.

Определенные требования предъявлялись к «постельницам» – лицам, в чьи обязанности входило приготовление брачной постели. Во-первых, они выбирались из числа самых близких родственников⁴⁰, во-вторых, должны были пользоваться авторитетом, отличаться добропорядочностью, быть многодетными и благополучными в семейной жизни и т.д. В соответствии с народными представлениями, эти люди через контакт с постелью магическим образом «передавали» молодым те или иные качества и способствовали установлению между ними прочных супружеских отношений. Например, у башкирских чувашей постель для новобрачных всегда готовили замужние женщины, имеющие детей, после выполненной работы им полагалось на ней «повалиться» и требовать у жениха выкуп. В благодарность за услугу жених преподносил им небольшие подарки или одаривал деньгами⁴¹. В д. Средние Алгаши Верхнетимерсянской волости Симбирской губернии, по Д. Месарошу, постель для молодоженов готовили живущие в согласии и любви супруги-родственники⁴².

С прибытием на место провожающие тщательно осматривали помещение и постель на наличие посторонних предметов, способных вызвать «порчу» или другие несчастья: преждевременную смерть, бездетность, несогласие в семье и т.д. Таковыми считались спрятанные с вредными намерениями заколдованные вещи: сломанная иголка, нить, кости птиц и животных, узелок с кладбищенской землей, собачья или кошачья шерсть и др. Приготовленную для новобрачных постель, разобрав, осматривали и только после этого заправляли снова. Эту процедуру могли провести сами молодые, оставшись наедине⁴³. Подобные меры предосторожности предпринимались и русскими. Чтобы уберечь молодых от сглаза, принято было брачное ложе обходить с рябиновой веткой, под постель прятать ухват и кочергу (Архангельская губ.), сковороду (Вятская губ.), в изголовье класть кнут (Новгородская губ.)⁴⁴.

Следуя давно установившимся традициям, в помещение для новобрачных приносили еду. Обязательными кушаньями были непечатый хлеб (*пусламан çăкăр*), непечатый сыр (*пусламан чăкăт*), в качестве напитка – домашнее пиво (*сăра*), иногда водка. Принесенную еду и питье новобрачные должны были отведать в отсутствие посторонних лиц. В этом был определенный смысл: совместная трапеза означала единение и начало новой (семейной) жизни. Оставшийся после брачной ночи хлеб считался сакральным, и его никогда не выбрасывали. По сведениям информаторов, им скармливали домашних животных, чтобы те принесли богатое потомство⁴⁵. В отдельных местах для молодых вместе с хлебом и другой пищей приносили мед и масло. Кусочки хлеба поочередно обмакивали в блюда с медом и маслом, угощали ими молодых, произнося традиционное пожелание: *Пыл пек тутлă пурăнăр, çу пек çемсе пулăр!* «Живите сладко, как мед, будьте добрыми (отходчивыми), как масло!»⁴⁶.

Во время укладывания молодых в постель участники обряда прибегали к разнообразным действиям магического характера, посредством которых стимулировалось не только чадородие, но и зачатие ребенка того или

инога пола. Чтобы первенец был мужского пола, на перину предварительно клали мальчика⁴⁷. Относительно этого у Г.И. Комиссарова имеется следующее пояснение: «Это своего рода обряд. Выражает он пожелание, чтобы спанье молодых на этой перине не было бесплодным, а принесло им детей, притом же мальчиков»⁴⁸. Для зачатия мальчика также под перину клали мужскую одежду (шапку, штаны, рубаху) или предметы с выраженной «мужской» семантикой – нож, топор, молоток, вожжи, ружье и т.д. В других локальных вариантах, чтобы родился ребенок мужского пола, женщина до соития сажала на колени мальчика без штанов и давала ему грудь, носила сорочки женщин, родивших много мальчиков, надевала на себя мужские штаны или мужской головной убор. Если же новобрачные первенцем хотели увидеть девочку, то в постель или под подушку клали что-нибудь из женского рукоделия – прялку, веретено, челнок и т.д. По другим источникам, чтобы зачать девочку, жена или муж до совокупления повязывали головы платком, а если мальчика – надевали шапку или картуз⁴⁹. Наряду с одеждой в магических целях иногда использовали женские украшения, в частности украшение из монет на кожаной или холщовой основе – *сурпан џакки*. Его своеобразная символика нашла отражение в следующем поверье: «Если класть ее под подушку, то обязательно родятся дети»⁵⁰. В таком же контексте символика данного украшения закрепила в приметах на сновидения: «Если под голову на ночь класть *сурпан џакки*, то родится мальчик»⁵¹, «Если повесишь его на себя, то станешь тяжелой (то есть беременной)»⁵².

Аналогичные обряды, направленные на зачатие ребенка того или иного пола с помощью «мужских» и «женских» предметов, в том числе и одежды, бытовали у других народов. Так, удмурты во время проведения постельного обряда у присутствующих мужчин забирали шапки, а у женщин платки или фартуки, а затем бросали их на постель или прятали под подушку новобрачных⁵³. У башкир, чтобы родился мальчик, супруги спали, положив под подушку железную стрелу (*ык*)⁵⁴. В рассмотренных выше действиях просматривается перенесение магических свойств на предметы с «половой» семантикой. По народным представлениям, «мужские» или «женские» предметы, которые клали под постель перед брачной ночью, обеспечивали рождение младенца того или иного пола. В них, несомненно, скрыты древние пережитки контактной магии.

Для «программирования» желаемого пола новобрачные руководствовались пространственными категориями «правое» и «левое». Как известно, в мифологии и традиционном мировоззрении многих народов мира «правое» устойчиво ассоциируется с мужским началом, а «левое» – с женским. Поэтому, чтобы у молодой рождались мальчики, муж должен был ложиться справа от жены, и наоборот⁵⁵. Семантически схожие взгляды на «правое» и «левое» бытовали в постельном обряде славянских народов. В русской традиции, чтобы первенец был мальчиком, в брачную ночь молодая ложилась справа от мужа, у его правой руки⁵⁶.

Свахи и дружка раздевали только молодого, тогда как молодая раздевалась без их присутствия⁵⁷. В то же время есть сведения, что раздевать жениха

заставляли невесту прилюдно⁵⁸. Этим символически выражалось признание ею главенства мужа в семье и своего подчиненного положения. Потому что, согласно крестьянской морали, благополучная семейная жизнь достигается покорностью жены мужу. В этом же контексте, вероятно, следует рассматривать широко распространенный среди чувашей обычай разувания мужа, т.е. освобождения его ног от обуви. Примечательно, что разувание мужа женой в качестве древнего брачного ритуала упоминается в первой русской летописи – «Повести временных лет». Среди русских этот ритуал широко бытовал и в последующие столетия⁵⁹. Смысл чувашского обряда заключался в том, что жена совершала коленопреклонение перед мужем и поочередно снимала с его ног сапоги или другую обувь. В знак благодарности в сапог муж прятал серебряную монету, которую жена забирала себе⁶⁰. А в с. Альшеево Буинского уезда Симбирской губернии новобрачная после разувания, забрав монету, голенищем сапога слегка ударяла новобрачного по голове⁶¹.

Присутствующие также наблюдали, кто первым ляжет в постель или обнимет другого, и вместе с тем делали вывод, кто в семье станет главным: «В брачную ночь, когда ложатся в постель, как жених, так и невеста соревнуются в том, кто первым обнимет другого. Кто первым обнимет свою половину, тот и будет править домом»⁶².

После этого свахи и дружка угощали молодых пивом и с пожеланиями счастья и благополучия укладывали в постель. В Присвияжье молодых сначала угощали хлебом с маслом, затем – пивом или водкой, после чего, повелев обниматься, сталкивали на приготовленную постель. Затем провожающие удалялись, закрывая дверь, желали молодым обзавестись потомством. Деликатность переживаемого момента исключала прямые и откровенные намеки, поэтому пожелания произносились со скрытым подтекстом: *Иккён выртса виççён тӑмалла пултӑр!*⁶³ «Двоим ложиться и втроём встать!»; *Иккён выртса виççён тӑрӑр!*⁶⁴ «Ложась вдвоем, встаньте втроем!». Угощение новобрачных сыром также содержало намек на прочные супружеские отношения: *Чӑкӑт пек хытӑ пултӑр!* «Пусть будет крепок, как сырок»⁶⁵. По мнению А.К. Салмина, в данном пожелании сырок ассоциируется с фаллосом⁶⁶. Иногда такие пожелания носили шуточный характер, но с тем же скрытым смыслом. Перед тем как уйти, женщина-родственница обращалась к жениху со следующими словами: *Çавӑнта, çӳлӗк çинче, çӑм кунти пур, çавна шыра!* «Там, на полке, есть лукошко с шерстью, поищи!»⁶⁷. В некоторых же случаях допускались вполне прямые и откровенные пожелания: *Выртни вырӑнлӑ пултӑр, тӑртни тӑрӑс пултӑр, тунни ывӑл пултӑр!* «Возлежание пусть будет уместным, стыковка пусть будет правильной, а сделанное увенчается рождением мальчика!»⁶⁸. А в с. Старый Чувашский Адам Чистопольского кантона Татарстана по этнографическим записям С.Н. Юренева 1929 г., прежде чем молодых уложить в постель, новобрачному задавали один и тот же вопрос: *Арӑм тутлӑ-и, эрех-и?* «Жена слаще или водка?». После положенного обычая ответа: *Арӑм* «Жена» – гости немного пели, плясали и, закрыв амбар на замок, уходили в избу, где продолжали веселье⁶⁹.

Новобрачных не оставляли одних в клеті. По обычаю, из числа родственников обязательно выбирали сторожа. Им мог быть младший брат новобрачной, старший брат, дядя и др. У Т.М. Акимовой об этом сообщается следующее: «Вечером молодых уводили в клеть, где было сложено имущество невесты, и запирали. Недалеко оставался брат невесты или еще какой-нибудь родственник, который и караулил ее всю ночь»⁷⁰. Назначение сторожа, очевидно, носило обереговую функцию. В его обязанности входила охрана покоя новобрачных от людей со злым умыслом и загулявших гостей. В некоторых случаях функции сторожа выполняли те же люди, которые провожали молодых в клеть, а именно свахи и старший дружка: «Дружка и обе свахи, стоя у дверей, дожидаются, где спят новобрачные, и при том беспрестанно поют и пьют до тех пор, пока по прошествии получаса ожидающим женщинам позволено будет туда войти»⁷¹. Об этом же пишет В.А. Сбоев: «Гости пируют между тем в избе, а свахи поют и пьют около клетки, где положены новобрачные. Как скоро деревянная, довольно хитро устроенная запорка клетки отопрется, свахи, дружка и поддружье входят к молодым»⁷².

Следующим широко распространенным обрядовым элементом свадьбы являлся обычай «будить» или «поднимать» молодых. Во время брачной ночи к молодым несколько раз подходил старший дружка, стучался в дверь и спрашивался о том, состоялся ли половой акт. Происходило это в форме вопроса: *Пулчѣ-и?* «Получилось?»; *Турѣр ѣсе?* «Сделали дело?». На третий раз, получив утвердительный ответ, в сопровождении брата и снохи жениха он входил в клеть. Молодые вставали, открывали дверь, после чего их облачали в новые одежды и вели умываться⁷³. В Чистопольском кантоне Татарстана к молодым также приходили несколько раз и задавали вопрос: *Пулчѣ-и, пулмарѣ-и?* «Было ли, не было?». После этого участники процессии заходили в клеть, пели несколько куплетов, плясали, затем молодых снова запирали на ключ и возвращались в избе. На третий раз, когда новобрачный, наконец, отвечал: *Пулчѣ* – «Было», они снова заходили к молодым и продолжали веселье. Затем новобрачных одевали в новые платья и уводили в дом, где молодая приступала к раздаче подарков родственникам жениха⁷⁴.

По обычаю, распространенному у многих народов России, в том числе у народов Урало-Поволжья, дефлорация девушки в первую брачную ночь была обязательной. О свершившемся факте должны были знать все участники свадебного торжества. Прежде всего их интересовало, сохранила невеста свою девственность или нет. Оповещение родни и гостей о данном факте происходило языком символов (символических или обрядово-игровых действий) или путем демонстрации простыни или ночной рубашки.

Одним из широко распространенных способов символического оповещения о целомудренности или порочности невесты было угощение родственников невесты пивом в целом или дырявом сосуде⁷⁵. У Г.Ф. Миллера об этом имеется следующее пояснение: «Ежели невеста сохранна, то пьют и веселятся весьма много; буде же не сохранна, то дружка, взявши чарку, проверчивает на оной дыру и, зажав оную пальцем, из оной гостям подносит: тогда питье, кто оное из гостей примет, из той чарки потечет на пол,

и тем приключившееся несчастье каждому явно бывает. Невесте при том так стыдно бывает, что она потом гостям и глаз своих не кажет»⁷⁶. Если же новобрачная сохранила целомудрие, ее родителям и родственникам подавали пиво в целых ковшах или стаканах, то есть без каких-либо изъянов. В некоторых чувашских селениях подношение родственникам пива в дырявом ковшике в виде рудимента сохранилось вплоть до начала XX в. Гаврилова Татьяна Захаровна (1916 г.р.), жительница с. Суккулово Ермакеевского района Республики Башкортостан, на этот счет высказалась достаточно категорично: *Хёрё таса килмен пулсан хёр инкёшёсене шайтак куркана сара ёс-теретчё*⁷⁷ «Если невеста оказывалась нечестной, ее снохам подавали пиво в дырявом ковшике». Таким образом, здесь мы видим прямую ассоциацию дырявой посуды для питья с утраченной преждевременно девственностью.

Другим символом несохранной девственности в народной традиции был хомут. Таковым он, вероятно, стал потому, что олицетворял предмет, имеющий форму полого круга. Кроме того, надевание хомута на человека у многих народов выступало «знаком общественного порицания»⁷⁸. Поэтому его очень часто использовали на свадьбах как знак позора и бесчестья. При обнаружении потери девичьей невинности русские надевали хомут на молодую и ее мать, а в некоторых случаях и на отца. В таком виде их водили по улице, всячески насмехались, пели непристойные песни⁷⁹. Прилюдное наказание родителей невесты посредством надевания на них хомута было воспринято и чувашами⁸⁰. Источником заимствования, очевидно, послужила русская свадебная традиция.

Еще одним способом оповещения были действия позорящего характера в отношении родственников новобрачной: «Если же, к несчастью, они найдут молодую не таковую, как об ней думали, то в то же время прорезывают сзади на исподнем платье свахи круглую большую дыру (это платье носят замужние чувашки на ногах, как и их мужчины); а у сродников молодой перерубают все гужи у лошадиной запряжки, а у телег тяжести и оглобли»⁸¹.

Своеобразным знаком извещения о «честности» или «нечестности» невесты, по свидетельству А. Фукс, являлось демонстративное поведение свекра во время угощения гостей домашней лапшой (*салма*), приготовленной молодой. Если сноха оказалась «нечестна», свекор не притрагивался к еде и распорядился выкинуть ее собакам. «Здесь новобрачная начала у печки месить салму, ей все помогали, и салма скоро была готова; ее поставили на стол пред свекром, принесли несколько длинных деревянных рогулёк, наподобие вилок, и этими рогульками вынимали из чашки салму и ели все с таким благоговением, как небесную амброзию (это знак, что молодая вышла замуж девицей благополучно, а в противном случае свекор велит салму бросить собакам)»⁸².

Как указывалось выше, о целомудренности девушки могла свидетельствовать брачная простыня или ночная рубашка со следами дефлорации. Эти вещи показывали всем присутствующим и демонстрировали при этом всеобщее веселье и удаль: «Если молодая оказалась невинною, то подруги тотчас же берет *signa* ея *innocentia* (знаки её невинности. – *И.П.*),

торжественно вносит их в избу и с отчаянным удалством пляшет, показывая эти *signa* всем родным молодого и молодой»⁸³. Аналогично поступали чувашаи Ядринского уезда: «На свадьбах в некоторых местностях в подражание русским свахи выносят в известный день на показ гостям *signa innocentia* молодой. Отсутствие их вызывает насмешки над родителями молодой: им подается пиво в ковшичке с дырочкой, зажатой рукой подносящего»⁸⁴. У чувашей с. Казанлы Вольского уезда Саратовской губернии при «благополучном исходе» брачной ночи сваха также показывала гостям рубашку новобрачной, а родственники жениха приступали к разбиванию глиняных горшков: «Утром сваха свидетельствовала невестину рубашку, затем били горшки и опять пиروвали»⁸⁵. Разбивание горшков или битье посуды имело широкое распространение на русской свадьбе. Семантику этого ритуала исследователи объясняют неоднозначно. Одни считают, что исходной целью этого обряда является создание шума для отпугивания нечистой силы. Другие, исходя из того, что целый сосуд символизирует девственность невесты, ее разбивание рассматривают как коллективное соучастие в ее дефлорации. Как отмечает Е. Мадлевская, «битье горшков утром после брачной ночи – практически повсеместно бытовавшее у русских действие – являлось метафорой дефлорации»⁸⁶. Кроме того, разбивание посуды являлось символом завершенности, «окончателности совершившегося действия или принятого решения и их законности»⁸⁷.

В других традициях после брачной ночи у чувашей молодая три раза обходила и целовала участников свадьбы, затем кланялась мужу и подносила ему стакан вина. Если молодая была невинна, муж на подносе подносил тестю ее ночную сорочку, выпивал вино и с размаху разбивал стакан об пол. В противном же случае на шею тестя он надевал хомут⁸⁸. Разбивание рюмки после брачной ночи в знак того, что невеста «честна», было распространенным явлением среди чувашей Западной Сибири (юга Тюменской области)⁸⁹.

Впрочем, бывали ситуации, что о невинности невесты узнавал очень узкий круг людей: свекровь и другие близкие родственники новобрачной, в основном женщины. Это происходило посредством демонстрации им так называемого «платка невинности» – *хёрлѣх тутърѣ*. Этот платок невесте вручали непосредственно накануне брачной ночи⁹⁰. В такой ситуации факт честности или нечестности молодой оставался в строжайшей тайне: «Нецеломудрие невесты является предметом знания только свахи. Обличительным средством целомудрия или нецеломудрия является *хёрлѣх тутърѣ*, который невеста приготовляет заранее и осматривает только сваха»⁹¹. В других случаях о своем целомудрии молодая сообщала через посредников: «Свою невинность молодушка открывает своей матери через сноху, которая была на свадьбе и с которой посылает платок, свидетельствующий, что она была невинна и что теперь только со своим мужем потеряла невинность. Платок этот называется *хёрлѣх тутърѣ*»⁹². Источники показывают, что порой допускались акты публичной демонстрации платка невинности: «Платок есть гордость для родственников невесты, а потому они часто пляшут, развевая платок в воздухе»⁹³. Особую радость родствен-

ники невесты выражали тогда, когда на платке имелись следы крови, доказывающие ее целомудрие⁹⁴.

Опасаясь всеобщего позора, подружки и родители невесты прибегали к различным хитростям, чтобы скрыть ее «нечестность». В силу интимности этого вопроса современные информаторы всячески избегают разговора на эту тему. По чувашам таких свидетельств практически нет в литературных и архивных источниках. Поэтому о народных способах скрывания «нечестности» невесты можно судить, используя только сравнительный материал. Так, в Вологодской губернии, если невеста не сохранила целомудрие, родители невесты заблаговременно резали дворового голубя и его кровью пачкали исподнее белье, квасцами натирали срамные губы, спаивали жениха до бесчувственного состояния, чтобы он потерял бдительность и не заметил обмана⁹⁵. В некоторых случаях родственницы тайно передавали невесте ночную сорочку, испачканную кровью. Поэтому, чтобы предотвратить подлог, свахи сами раздевали невесту до исподней рубашки и собственноручно надевали новую сорочку. А в Черниговской губернии с невесты снимали серьги, украшения, из волос вынимали шпильки и т.д., то есть следили за тем, чтобы на ней не осталось «лишних» предметов, с помощью которых можно совершить обман⁹⁶.

Таким образом, невинность и целомудрие входили в число важнейших характеристик, свидетельствующих о добропорядочности молодых людей, достигших совершеннолетия. Однако, согласно традиционным моральным устоям, более строгие требования предъявлялись к девушкам как хранительницам домашнего очага и будущим матерям. Добрачного целомудрия в чувашском селе добивались как строгим соблюдением норм морали, так и благодаря родительскому контролю и силе общественного мнения⁹⁷. Другим действенным рычагом контроля являлись обрядовые традиции, в особенности свадебные. В традиционной свадебной обрядности чувашей вплоть до второй половины XIX – начала XX в. строго соблюдался обряд первой брачной ночи, в структуре которого важное место занимал ритуал публичного освидетельствования невинности или порочности невесты. Соблюдение этого обряда не только поддерживало моральные устои и нормы добропорядочности в сельском обществе, но и являлось залогом семейного счастья и крепости семейных уз.

Литература и источники

¹ *Осипов А.А.* Чувашская свадьба: обряд и музыка свадьбы вирьял: моногр. исследование. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 206 с.

² *Ведерникова Т.И., Фокин П.П., Ягафова Е.А.* Этнография Самарской Луки. Самара: Самар. регион. фонд «Полдень. XXI век», 1996. 150 с.; *Ягафова Е.А.* Самарские чувашы: историко-этнографические очерки, конец XVII – начало XX в. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998. 369 с.; *Чуваши Самарской Луки: моногр. исследование / А.П. Долгова, Г.Н. Иванов, Г.Б. Матвеев, А.А. Осипов, Г.Ф. Юмарт, Е.А. Ягафова.* Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 160 с.; *Симбирско-саратовские чувашы: история и культура: моногр. исследование / А.П. Долгова, Г.Н. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин.* Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 274 с.; *Ягафова Е.А.* Чувашы Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотер-

риториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. 530 с.; *Черных А.В., Каменских М.С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб.: Маматов, 2014. 272 с.; Чуваши Присвияжья: история и культура / А.П. Васильева, А.П. Долгова, В.П. Иванов, И.Е. Ильин, М.Г. Кондратьев [и др.]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 303 с.; *Матвеев Г.Б., Федотова Е.В.* Чуваши юга Тюменской области. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 288 с. и др.

³ *Салмин А.К.* Народная обрядность чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. 339 с.; *Его же.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.; Традиционная культура чувашей: тексты (Материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук) / подг. к изд. А.К. Салмин. СПб.: филол. фак-т СПГУ, 2014. 358 с.

⁴ *Салмин А.К.* Народная обрядность чувашей. С. 139–144; *Его же.* Система религии чувашей. С. 259–263.

⁵ *Егорова О.В.* Этнография детства чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – первой трети XX в.: традиционная родильная обрядность и социализация ребенка: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2010. С. 401.

⁶ Там же. С. 400–401.

⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед.хр. 572. Л. 26 об.

⁸ *Салмин А.К.* Система религии чувашей. С. 262.

⁹ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии (ИОАИЭ). Казань, 1911. Т. 27, вып. 5. С. 392.

¹⁰ Полевые материалы автора (ПМА). 2002. РБ, Бижбулякский р-н, д. Кистенли-Богданово, Васильева Ю.В. (1939 г.р.), Кононова В.В. (1954 г.р.).

¹¹ *Вуколов-Эрлик Ф.Н.* «Нарспи»: музыкальная драма по одноименной поэме К.В. Иванова / предисл. и подг. текста по авторской рукописи А.А. Кондратьева. Уфа: Гилем, 2002. С. 51.

¹² *Салмин А.К.* Народная обрядность чувашей. С. 141; *Его же.* Система религии чувашей. С. 261.

¹³ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 17. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1950. С. 4.

¹⁴ *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то: черемис, чуваш, вотяков ... СПб.: Тип. Императ. академии наук, 1791. С. 76.

¹⁵ *Гринкова Н.П.* Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту (по материалам русской одежды) // Советская этнография. 1936. № 2. С. 21–54; *Ее же.* Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике // Советская этнография. 1935. № 1. С. 21–54; *Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П.* Чувашский костюм: от древности до современности: науч.-худож. изд. М.; Чебоксары; Оренбург, 2002. С. 58, 112–113; *Петров И.Г., Никонова Е.Е.* Признаки половозрастной стратификации в чувашской женской одежде // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10, № 4 (26). С. 1275–1284.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 572. Л. 26.

¹⁷ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: 3-я типография, 919. С. 76.

¹⁸ *Миллер Г.Ф.* Указ соч. С. 77; *Михайлов С.М.* Чувашские свадьбы // Собр. соч. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 89.

¹⁹ *Прокопьев К.П.* Брак у чуваш // ИОАИЭ. Казань, 1903. Т. 19, вып. 1. С. 29–30; *Тимофеев Г.Т.* Тăхăръял: этнографи тёрленчĕкĕсем, халăх сăмахлăхĕ, сырсă пынисем, сырусемпе асаилĕсем [Десятиселье: этнографические очерки, фольклорные материалы, дневниковые записи, письма и воспоминания]. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2002. С. 174; *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. С. 81.

²⁰ *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография / пер. с нем. К.Д. Цивиной; прим. Т.А. Бернштам, Т.В. Станюкович, К.В. Чистова. М.: Наука, 1991. С. 336; *Кагаров Е.Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 8. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 160.

- ²¹ *Фукс А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. С. 4.
- ²² *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984. С. 44.
- ²³ *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 336.
- ²⁴ *Шангина И.И.* Русские девушки: иллюстр. энциклопедия. СПб.: Азбука-Классика, 2007. С. 310; *Баранов Д.* Брачная ночь // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстр. энциклопедия. СПб.: Искусство-СПб., 2005. С. 82.
- ²⁵ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С. 76.
- ²⁶ *Михайлов В.И.* Обычаи и обряды чуваш // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 17, вып. 2. СПб.: ИРГО, 1891. С. 22; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. Л. 451.
- ²⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 332. Л. 117.
- ²⁸ *Магнитский В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собраны в некоторых местностях Казанской губернии Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. С. 206.
- ²⁹ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С. 77.
- ³⁰ *Сбоев В.А.* Чувашаи в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С. Орлова, 1865. С. 38.
- ³¹ Традиционная культура чувашей: тексты. С. 16.
- ³² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 332. Л. 117.
- ³³ [*Милькович К.С.*] О чувашах: этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия / с предисл. и примеч. В.К. Магницкого. Казань: Тип. губ. правления, 1888. С. 12.
- ³⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Л. 127–129.
- ³⁵ Там же. Ед. хр. 358. Л. 35.
- ³⁶ *Салмин А.К.* Система религии чувашей. С. 226, 227.
- ³⁷ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С. 77; [*Милькович К.С.*] О чувашах: этнографический очерк неизвестного автора. С. 12.
- ³⁸ *Кагаров Е.Г.* Указ. соч. С. 159; *Гура А.В.* Брачная ночь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 259.
- ³⁹ *Зорин Н.В.* Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. С. 90.
- ⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 332. Л. 117.
- ⁴¹ ПМА. 1994. РБ, Ермакеевский р-н, с. Суккулово, Гаврилова Т.З. (1916 г.р.).
- ⁴² *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Пер. с венг. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 350.
- ⁴³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 332. Л. 117–118.
- ⁴⁴ *Баранов Д.* Указ. соч. С. 82.
- ⁴⁵ ПМА. 2005. РБ. Стелибашевский р-н, с. Тятербашево. Петрова Ю.Ф. (1937 г.р.).
- ⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. Л. 451.
- ⁴⁷ *Комиссаров Г.И.* Указ. соч. С. 363.
- ⁴⁸ Там же. С. 419.
- ⁴⁹ *Петров И.Г.* Одежда в родинных обрядах чувашей: историко-этнографические очерки. СПб.: Свое изд-во, 2015. С. 24–25.
- ⁵⁰ Чувашаи: история и культура: ист.-этногр. иссл.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 368.
- ⁵¹ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 11. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1936. С. 204.
- ⁵² Чăваш халăх пултарулăхĕ: сăнавсемпе ёненÿсем, тĕлĕксем [Чувашское народное творчество: приметы и поверья, сновидения]. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2009. С. 317.
- ⁵³ *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Ижевск, 1995. С. 42.
- ⁵⁴ *Давлетшина З.М.* Декоративные изделия в обрядах жизненного цикла башкир. Уфа: Типограф-У, 2012. С. 21.
- ⁵⁵ *Егорова О.В.* Указ. соч. С. 92.

⁵⁶ Толстая С.М. Правый-левый // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 236.

⁵⁷ Чувашский фольклор / сост. И.С. Тукташ. Чебоксары: Гос. изд-во Чуваш. АССР, 1941. С. 67.

⁵⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. Л. 357–358, 451.

⁵⁹ Шангина И.И. Указ. соч. С. 313; Зорин Н.В. Указ. соч. С. 90.

⁶⁰ Магницкий В.К. Указ. соч. С. 206–207; Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш / сост. архиепископом Никонором. Казань: Типолитограф. Императ. ун-та, 1910. С. 30; Месарош Д. Указ. соч. С. 351; Традиционная культура чувашей: тексты. С. 293; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Л. 294–297; Ед. хр. 211. С. 57; Ед. хр. 572. Л. 26 об. Ед. хр. 623. Л. 85–85 об.

⁶¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 358. Л. 35.

⁶² Месарош Д. Указ. соч. С. 315, 351.

⁶³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Л. 129; Ед. хр. 215. Л. 357; Ед. хр. 285. Л. 299.

⁶⁴ Чувашский фольклор. С. 67; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 211. Л. 57.

⁶⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. Л. 59.

⁶⁶ Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. С. 139–140; *Его же*. Система религии чувашей. С. 259.

⁶⁷ Месарош Д. Указ. соч. С. 350.

⁶⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. Инв. № 4587. Л. 59.

⁶⁹ Там же. Отд. III. Ед. хр. 429. Л. 195.

⁷⁰ Акимова Т.М. Чуваши с. Казанлы Вольского уезда Саратовской губернии. Старое и новое. Духовная культура // Труды Нижне-Волжского областного научного общества. Вып. 34, ч. 4: Этнографический сборник. Саратов, 1926. С. 32.

⁷¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 77.

⁷² Сбоев В.А. Указ. соч. С. 38.

⁷³ Традиционная культура чувашей: тексты. С. 16; Салмин А.К. Система религии чувашей. С. 260.

⁷⁴ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 429. Л. 196.

⁷⁵ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 1. СПб.: Императ. акад. наук, 1799. С. 44; Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 76–77; [Милькович К.С.] О чувашах: этнографический очерк неизвестного автора. С. 13; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 572. Л. 26 об.

⁷⁶ Миллер Г.Ф. Указ. соч. С. 77.

⁷⁷ ПМА. 1994. РБ. Ермакеевский р-н, с. Суккулово. Гаврилова Т.З. (1916 г.р.).

⁷⁸ Белова О.В. Хомут // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 458.

⁷⁹ Мадлевская Е. Девственность // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: иллюстр. энциклопедия. С. 175; Белова О.В. Хомут. С. 458.

⁸⁰ Салмин А.К. Система религии чувашей. С. 263.

⁸¹ [Милькович К.С.] О чувашах: этнографический очерк неизвестного автора. С. 13.

⁸² Фукс А. Указ. соч. С. 68.

⁸³ Сбоев В.А. Указ. соч. С. 38.

⁸⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 572. Л. 26 об.

⁸⁵ Акимова Т.М. Указ. соч. С. 32.

⁸⁶ Мадлевская Е. Указ. соч. С. 174.

⁸⁷ Зорин Н.В. Указ. соч. С. 91–92.

⁸⁸ Салмин А.К. Система религии чувашей. С. 263.

⁸⁹ Матвеев Г.Б., Федотова Е.В. Указ. соч. С. 133.

⁹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 332. Л. 117–118.

⁹¹ Там же. Ед. хр. 174. Л. 171.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. Ед. хр. 332. Л. 357–358.

⁹⁴ Там же. Л. 118.

⁹⁵ *Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века.* Тамбов: РГНФ, ФГБОУ ВПО ТГУ, 2015. С.123.

⁹⁶ *Мадлевская Е. Указ. соч. С. 173.*

⁹⁷ *Безгин В.Б. Указ. соч. С. 121.*

I.G. Petrov

WEDDING NIGHT AND ANNOUNCEMENT VIRGINITY OF BRIDE IN THE CHUVASH BRIDAL RITUALISM

Among the ceremonies of life cycle, the wedding ritual differs in a special variety and is one of bright manifestations of traditional culture. A big place among them was occupied by various symbolical actions aimed at providing extension of generation, wellbeing and wealth of young marrieds, defend the groom and the bride from malefice and hex, etc. Such magic practices throw back to thickness of millennia and have close connection with the most ancient religious and magic perceptions. The ritual of the first marriage night also belongs to the number of archaic and almost forgotten ceremonies of the wedding cycle. In the dynamic sequence and variability, this article considers the basic elements of bed ceremony, which prevailed in the Chuvash village in the middle of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

Keywords: the Chuvash, ceremonial culture, wedding customs and ceremonies, chastity and virginity, wedding night.

ЧГВ, 2016 г., № 11
© Э.Е. Лебедев

О СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЁН
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматическая категория времени глагола в чувашском языке представляет собой совокупность форм, образованных как аналитическим, так и синтетическим способами и передающих помимо основного временного значения дополнительные семы, к которым относятся такие, как индирективность, категоричность, длительность и др. В статье предпринята попытка выявить структурные взаимоотношения между формами глагольных времен в чувашском языке.

Ключевые слова: категория времени глагола, прошедшее категорическое время, плюсквам-перфект, настоящее-будущее время.

Категория времени глагола занимает одно из центральных мест в ряду других глагольных категорий во всех тюркских языках. Грамматические формы, составляющие эту категорию, играют важную роль в процессе создания и передачи высказывания, так как в сознании коммуниканта действие обычно связывается со временем, когда оно происходит. В тюркских языках, в частности в чувашском языке, формальное выражение времени совершения действия имеет в целом obligatory характер в тех случаях, когда предикат высказывания эксплицируется при помощи финитной глагольной формы. Система временных форм глагола в упомянутых языках отличается многовариантностью. Чувашский язык не является здесь исключением. В передаче временных значений могут участвовать как специально предназначенные для этого морфемы (включая их сочетания), так и формы другой глагольной категории – так называемые причастия. Кроме этого, в образовании форм времени глагола могут быть задействованы аналитические формы с участием вспомога-

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

ных глаголов. В значении этих форм часто присутствуют дополнительные семы, указывающие на характер протекания действия, его временную соотношенность с другими действиями, модальную оценку обязательности его совершения, уверенность или неуверенность в факте его совершения говорящим лицом и др. В соответствии с наличием или отсутствием во временной форме тех или иных дополнительных сем она вступает в структурные отношения с другими формами, образуя с ними особую систему глагольных времен. Цель настоящей статьи – описать основные составные компоненты категории времени в чувашском языке и выявить, насколько это возможно, их структурные взаимосвязи.

История изучения категории времени глагола в чувашском языке начинается с первых работ по его грамматике. В «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка» (СПб., 1769) описаны формы настоящего, прошедшего и будущего времени¹. Дано их спряжение по лицам, правда, только в утвердительной форме. Образование отрицательной формы показано лишь на примере настоящего времени².

Более подробное изучение данной категории глагола встречаем в работах Н.И. Ашмарина, где описано большое количество временных форм. Так, во второй части «Материалов для исследования чувашского языка» (Казань, 1898), называемой «Учение о формах», речь идёт о следующих временах чувашского глагола: настоящее-будущее, будущее, прошедшее действия, прошедшее состояния, предварительное действия, предварительное состояния, прошедшее многократное или несовершенное³. Уже в названиях, данных Н.И. Ашмариным этим формам, отражены их основные значения. Форма настоящего-будущего времени, например, судя по названию, имеет способность передавать значение не только настоящего, но и будущего времени, что указывает на то, что семантика этой формы характеризуется более широкими временными рамками, чем у формы обычного настоящего времени, передающего только актуальное действие. Среди временных форм, которые рассматриваются Н.И. Ашмариным в этой работе, мы видим только те, которые образуются синтетическим путем – путем присоединения аффиксов. Их описание дается при помощи парадигм спряжений без подробного разбора значений, ими передаваемых.

В другом фундаментальном труде «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (Симбирск, 1923) временные формы глагола изучаются под другим углом зрения. Подобный подход мы назвали бы сейчас функционально-семантическим. Подробно описываются передаваемые данными формами значения и смыслы. При этом Н.И. Ашмариным выявлено 12 форм времени глагола. К формам, которые были им описаны в «Материалах», добавлено еще пять образованных аналитическим путем, при помощи вспомогательного глагола *пул* «быть, являться». Каждое значение проиллюстрировано богатым языковым материалом⁴.

Среди вопросов, стоящих перед исследователями чувашского языка, наиболее актуальным является вопрос о составе категории времени глагола. Если в первых работах по чувашской грамматике авторы отмечали, как пра-

вило, три основные временные формы (прошедшее, настоящее и будущее время), то впоследствии количество этих форм в разделах, посвященных чувашскому глаголу, значительно увеличилось. Н.И. Ашмарин рассматривает 12 временных форм глагола, часть которых образована аналитическим способом. В связи с тем, что в чувашском языке существует тенденция к уменьшению количества временных форм, которые активно использовались бы в речи, некоторые из отмеченных в «Опыте» Н.И. Ашмарина форм у последующих авторов не приводятся, по той причине, что стали малоиспользуемыми и перешли в разряд архаичных. К ним можем отнести, например, будущее 2-е (*кайнӑ пулӑн* «я буду ушедшим»), прошедшее многократное состояния 1-е (*каятӑ пулнӑ* «он уходил было»), прошедшее многократное состояния 2-е (*кайнӑ пулатчӑ* «он уходил было»), настоящее-прошедшее (*кайнӑ пулатӑн* «(ты) был ушедшим»)⁵.

Как видим, практически все формы времен, переставшие употребляться в речи, являлись аналитическими, то есть налицо тенденция к большей сохранности синтетических форм. Помимо этого обстоятельства на постепенный выход из употребления в речи тех или иных форм влияет семантический фактор. Значения подобных форм, как правило, содержат в себе семы, ограничивающие выполнение действия какими-либо дополнительными условиями. Например, значение настоящего-прошедшего времени (по терминологии Н.И. Ашмарина) передает значение не просто действия, происходящего в настоящем времени (или постоянно), но и сопутствующего ему состояния (перфект): *Эс кайнӑ пулатӑн* «Ты бываешь ушедшим». Естественно, коммуниканту в данном случае проще выразить свою мысль формой настоящего времени: *Эс каятӑн* «Ты уходишь», что приводит к постепенному вытеснению формы, семантически более сложно организованной.

Современные исследователи чувашского языка не включают аналитические формы времен в систему данной категории глагола. Возможно, кроме В.Г. Егорова, у которого в списке форм все же присутствует так называемое будущее сложное время (*кайнӑ пулӑн* «я буду ушедшим»). Конечно, большая их часть, в силу указанных выше причин, стала малоупотребительной и по праву выведена из общего ряда временных форм. Однако, как нам кажется, на подобное отношение к аналитическим формам времени в чувашском языке еще повлиял стереотип о том, что чувашский язык является синтетическим по своему типу и потому аналитические формы не должны включаться в систему его грамматических форм.

Существует определенный разнобой в использовании названий временных форм разными авторами. Так, форма прошедшего времени с показателями *-рӑ/-рӑ-, -тӑ/-тӑ-, -чӑ* в трудах исследователей чувашского языка называется прошедшим временем действия (Н.И. Ашмарин), прошедшим очевидным (М.Р. Федотов), прошедшим категорическим (В.Г. Егоров), прошедшим однократным (Н.А. Андреев, Л.П. Сергеев) временем⁶. Подобный разброс существует и в отношении названий других временных форм. Ученые, давая то или иное название, старались выделить наиболее существенный семантический признак формы. Упомянутая выше форма

прошедшего времени, например, характеризуется семантикой очевидности и относительной непродолжительности. Этим и объясняется присутствие в названии слов «очевидное», «однократное» и т.д. Но, на наш взгляд, наиболее подходящим названием этой формы является «прошедшее категорическое время», которое, во-первых, отражает обе указанные выше семы, а во-вторых, употребляется и в грамматиках других тюркских языков⁷. Необходимо название для каждой временной формы иметь ёмкое, чтобы оно отражало основные его значения. При этом важно учитывать терминологические традиции, сложившиеся в тюркологии, и стремиться, насколько это возможно, к единообразию.

В современных грамматиках чувашского языка выделяют в основном следующие формы времени глагола (о терминах, которые, по нашему мнению, необходимо использовать в отношении этих форм, речь пойдет в соответствующих разделах): настоящее-будущее время (показатели *-(a)t-/(e)t-*, *-(a)ççĕ/(e)ççĕ*), будущее время (*-ă/-ĕ-*), прошедшее категорическое время (*-рă/-рĕ-*, *-тă/-тĕ-*, *-чĕ*), прошедшее неопределенное время (*-нă/-нĕ*), прошедшее многократное время (*-аттă/-еттĕ-*, *-атчĕ/-етчĕ*), давнопрошедшее категорическое время (*-саттă/-сеттĕ-*, *-саччĕ/-сеччĕ*), давнопрошедшее неопределенное время (*-нăччĕ/-нĕччĕ*)⁸.

В целом, состав категории времени глагола, который представлен выше, отражает языковые факты чувашского языка. Однако прежде чем перейти к описанию каждой временной формы, необходимо привести некоторые замечания.

Во-первых, по нашему мнению, к вышеуказанным формам необходимо добавить еще одну, образованную аналитическим путем. Это форма с показателем *-нă/-нĕ* + вспомогательный глагол *пул* «быть, являться». В отличие от других аналитических форм времени, которые практически перестали употребляться в речи современных чувашей, эта форма вполне продуктивна: *Тухтар астăваймасть вара амăшине мĕнле пытарнине, вăл хай те чирлĕ **выртнăй пулнăй*** (Илпек) «Тухтар и не помнит, как хоронили его мать, он и сам (тогда) **лежал** больной». То, что в ее образовании участвует не специальная морфема, а сочетание морфемы со вспомогательным глаголом, не должно быть поводом не включать эту аналитическую форму в ряд временных, так как, по сути, вспомогательный глагол выполняет здесь служебную функцию, то есть функцию морфемы.

Существуют некоторые сомнения в отношении наличия в этом ряду форм с показателями *-нă/-нĕ* и *-нăччĕ/-нĕччĕ*. Дело в том, что форма на *-нă/-нĕ* помимо предикативной может выполнять и адъективную функцию. Не случайно эту форму в грамматиках чувашского языка называют также «причастием прошедшего времени»⁹: *Следователь кĕтнĕ хĕрарăм ситнĕ иккен* (Мранькка) «Женщина, **которую ожидал** следователь, оказывается, пришла». Фактически передача этой формой значения прошедшего неопределенного времени является лишь одной из выполняемых ею функций – функцией предикатива. В нашем исследовании, следуя сложившейся традиции, мы все же выделяем ее в ряду других временных форм, но с упо-

мянутой оговоркой. Форма же с показателем *-нӑччӗ/-нӗччӗ* представляет собой форму на *-нӑ/-нӗ* в функции предикатива, осложненную аффиксом прошедшего времени *-ччӗ*.

Подобное можем сказать и о форме с показателем *-аканччӗ*, которая образована от формы причастия настоящего времени на *-акан/-екен*. По своему значению она соответствует прошедшему многократному (или длительному) времени, то есть передает значение действия, которое происходило в прошлом на протяжении большого отрезка времени: *Шихранов кун пекех ир килнине хуралсӑ астумастчӗ-ха, мӗншӗн тесен вӑл чи первой бригадӑсене тухса каяканччӗ, ял сӑннисем ёсе тухнине тӗрӗслетчӗ* (Ухли) «Сторож и не помнил, чтобы Шихранов приходил так рано, потому что он в первую очередь **обходил** бригады, проверял выход сельчан на работу». Считаем возможным указывать эту форму в системе временных форм глагола, отмечая, что она образована при помощи показателя другой глагольной категории.

Некоторые чувашские исследователи включают в категорию времени форму деепричастия с показателем *-са/-се*, называя ее прошедшим неочевидным или неопределенным временем¹⁰. Действительно, эта форма может выполнять функцию предиката, хотя при этом не способна принимать аффиксы лица. Значение, передаваемое ею, соответствует значению, которое имеет форма с показателем *-нӑ/-нӗ*. Но существует одна причина, по которой мы не включаем эту форму в разряд форм категории времени глагола: использование показателя *-са/-се* в предикативной функции территориально ограничено, фактически это явление представляет собой диалектизм.

Категория времени глагола в чувашском языке наибольшее выражение находит в изъявительном наклонении. Собственно изъявительное наклонение конституируется только при помощи временных форм, так как не имеет другого специального формального показателя. Именно поэтому во всех грамматиках чувашского языка категория времени описывается в разделе индикатива. В настоящей статье также ограничимся изъявительным наклонением, но при этом нужно иметь в виду, что категория времени присутствует, пусть в усеченном виде, и в косвенных наклонениях. В чувашском языке она может выражаться при помощи морфемы *-ччӗ* и вспомогательного глагола *пул* «быть, являться» (*кайтӑттӑмччӗ, каймалла пулат, каяшӑнччӗ* и др.).

При изучении системы категории времени в чувашском языке, на наш взгляд, нельзя ограничиться перечислением значений и смыслов форм, составляющих эту категорию. Важно выявить, насколько это возможно, структурные взаимосвязи между ними в рамках указанной системы. В этом случае мы получим наиболее объективное описание данного фрагмента грамматической структуры исследуемого языка. Настоящая статья представляет собой попытку подобного описания. Применение тех или иных терминов в качестве названий временных форм глагола в этой статье обусловлено стремлением автора к единообразию: данные термины традиционно используются как в европейском, так и в тюркском (в частности, в турецком) языкознании.

1. Настоящее-будущее время

Эта временная форма образуется при помощи показателей *-(a)m/-* *-(e)m-*, *-(a)ççё/-* *-(e)ççё*: *килетёп* «прихожу», *пуçлатён* «начинаешь», *кураççё* «видят» и др. Название этой формы отражает тот факт, что значение, передаваемое ею, может как совпадать с точкой ориентации в настоящем времени, так и следовать за ней. Собственно, при помощи этой формы может выражаться и действие, которое строго не привязано к какому-либо временному отрезку, так называемое постоянное действие. Функционально эта форма совпадает с турецкой формой «широкого» времени (*geniş zaman*). Но в отечественной тюркологии по отношению к ней закрепился термин «настоящее-будущее время», который в чувашском языкознании в свое время использовал В.Г. Егоров¹¹.

Таким образом, форма настоящего-будущего времени может передавать три значения:

1) значение настоящего актуального действия – действия, происходящего в настоящий момент:

Акё эп каллех Сантёр кукка патне çёнё савё-юрё çырса тултарнэ тетрадь илсе каятён (Артемьев) «И вот я опять **несу** дяде Александру тетрадь с новыми песнями и стихами»;

– *Санран ыр ёхпар кётетён*, – *вёслерё сáмахне министр* (Вутлан) «– **Жду** от тебя хороших вестей, – закончил свою речь министр»;

2) значение действия, которое произойдет в будущем (при этом в значении присутствует сема категоричности, обязательности его совершения; часто в качестве дополнительных указателей на время совершения действия выступают слова, имеющие соответствующие временные значения):

– *Паян вилет*, – *татса калать Элентей*. – *Тёлёкне куртём* (Илпек) «– Сегодня **умрет**, – как отрезал Элендей, – я сон видел»;

Энё те чáвашене пёлетён! Вёсен чаплэ космонавт пур! Энё те космонавт пулатён! (Лисина) «Я тоже знаю о чувашах! У них есть известный космонавт! И я стану космонавтом!»;

3) значение постоянного, обычного действия, совершаемого на протяжении длительного времени:

Тоцк ялэ – пысáк та паллэ ял. Унта çёр киле яхён, тáват çёр сын пурáнат (Алексеев) «Деревня Тоцк – большая и известная деревня. Там около ста дворов, **живет** четыреста человек»;

Медицина сынна шáмэ туберкулезёнчен сыватмалли меслетсем сахал мар пёлет (Збанацкий) «Медицина **знает** немало способов излечения людей от туберкулеза костей»;

Энёшкасси илемлэ ыра́нта ларать. *Икё енче сём вёрман кашлат* (Мранькка) «Энешкасы **расположены** в красивой местности. По обеим сторонам шумит дремучий лес».

Отрицательный статус формы этого времени образуется посредством присоединения к основе аффикса *-мас/-мес-*.

Çук, нимле хыпар та илтмен патша. Халер чирё сарáлса пыни çинчен те шухáшламать вáл, *нумай пулмать Витебск хулинче вилнё пиччёшё*

Константин Павлович *пирки те пйшйрханмасть* *шак самантра* (Уяр) «Нет, никаких вестей не слышал государь. Он **не думает** о распространении холеры, **не переживает** в этот момент даже о своем старшем брате Константине Павловиче, недавно умершем в Витебске»;

Ман шутпа, эфир кунта вярса мённе пачах пёлместпёр (Турхан) «По-моему, мы здесь даже **не представляем**, что такое война».

2. Будущее время

Показателем этой формы является аффикс *-й/-ё*. Некоторые исследователи считают, что будущее время в чувашском языке имеет нулевой аффикс и что аффиксы лица присоединяются непосредственно к основе глагола¹². Мы придерживаемся другого мнения и в отношении показателей данной временной формы солидарны с М.Р. Федотовым¹³: *пырйп* «приду», *пёлён* «узнаешь», *кайё* «пойдет» и др.

Вай шак ялсемех пулсан эпё айна тепре курма кирлэ, тен, кам пёлет, эфир паллашса-тушлашса та каййайр? (Артемьев) «Если она из этой деревни, то наверняка снова ее увижу, кто знает, может, мы **познакомимся и подружиться?**»;

Тен, хйсан та пулин ху та хушана тухйн (Уяр) «Возможно, когда-нибудь и сам **выйдешь** в хозяева»;

Бвайлён сймахё хыссян суресен айна та сын шутёнчен кйларса пйрахёс (Мранькка) «Если делать, как говорит сын, то и его **перестанут считать** человеком»;

– *Чунна кйларса илён!* – *кайшкарать Кобылин мучи* (Алексеев) «– Душу из тебя **выну!** – кричит дед Кобылин».

Как видно из примеров, в значении формы будущего времени имеются дополнительные семы неуверенности, предположительности. По признаку уверенности-неуверенности в совершении действия значение данной формы противопоставлено значению формы настоящего-будущего времени.

Отрицательный статус формы образуется с помощью показателя *-м-*:

Тете, пёр сётел синчи сйкар-тавартан уйрйлмййр (Илпек) «Брат, **не будем делить** хлеб-соль с одного стола»;

Тунй ёс харамсар сухалмё тесе хйине хй ёнен терме, тытнй шухйшине турре кйларма, хйине хй хавхалантарма сймахне тупсах пырать... (Гордеев) «Убеждать себя в том, что дело его зря не пропадет, осуществлять задуманное, воодушевлять себя самого он находит нужные слова».

Часто наблюдается сочетание формы отрицательного статуса с аффиксом невозможности:

Сук, тйванйм, савйн нек сйткйна ураган укереймён (Збанацкий) «Нет, родимый, такого жадюгу не свалишь с ног (досл.: **не сможешь свалить**)».

Интересно отметить, что в отрицательном статусе форма будущего времени также может передавать действие, в котором говорящий уверен:

Мэр и. Ман юрату та ёмёр сунмё! *Сакна ан ман, Леонид* (Вутлан) «Мэр и. И моя любовь вовек **не угаснет!** Не забывай об этом, Леонид».

3. Прошедшее категорическое время

Для обозначения данной формы нами выбран термин, активно употребляемый в современной отечественной тюркологии¹⁴. Этот термин встречается и у В.Г. Егорова¹⁵. Являясь достаточно емким и отражая основные характеристики передаваемого значения, он более всего подходит для этой формы, которая выражается при помощи показателей *-рă/-рĕ-, -тă/-тĕ-, -чĕ: ыйтрăм* «я спросил», *илчĕ* «он взял», *килтĕн* «ты пришел» и др.

Значением этой формы является непродолжительное действие в прошлом, в факте совершения которого у говорящего нет никаких сомнений. Следовательно, двумя основными семами этого значения являются непродолжительность и категоричность:

Шерккейне Элентей иккĕшĕ те ун патнелле пĕр харăс пĕшкĕнчĕс (Илпек) «Шерккей с Элендеем оба разом **склонились** к нему»;

– *Чугун сул та хыватăн-и?* – *Николай каланине пўлсе темисен пĕр харăс ыйтрĕс ачасем* (М. Ухсай) «– И железную дорогу прокладываешь? – одновременно **спросили** несколько ребят, перебив Николая»;

Санаторие эсир мĕнле ёмĕт тытса лартрăр? (Збанацкий) «Для чего (досл.: с какими намерениями) вы **построили** санаторий?».

Однако форма прошедшего категорического времени в чувашском языке может передавать и значение относительно продолжительного действия. При этом на длительность действия часто дополнительно указывают слова со значением какого-либо промежутка времени:

Сул синче тăршишĕпех шухăшласа пытăм та санна таврăнсанах калаçас терĕм... (Турхан) «Я всю дорогу **думал** и решил, как только вернусь, поговорить с тобой»;

Кĕтерук, а́на тарăхтарасшăнах-и, тен, урама, улаха та тухмасăр пурăнчĕ (Мранькка) «Кедерук, то ли чтобы досадить ему, не появлялась ни на улице, ни на посиделках».

Отрицательный статус формы передается посредством аффикса *-ма/-ме:*

Çăкăрне вăл тытса та пăхмарĕ (Уяр) «К хлебу он даже **не притро- нулся**»;

– *Пырас текеннисене илмерĕм, хам илес тенисем – хама тиркерĕс, – тавăртăм эпĕ а́на куçран пăхса* (Артемьев) «– Тех, кто хотел пойти за меня, **не взял**, а те, кого хотел сам взять в жёны, отвергли меня, – ответил я, глядя ей в глаза».

4. Прошедшее субъективное время

Подобное название данной временной формы используется в работах по грамматике турецкого языка¹⁶. По нашему мнению, оно точнее отражает ее функционально-семантическое содержание. В традициях чувашского языкознания в отношении этой формы использование таких терминов, как прошедшее состояния, прошедшее неопределенное, прошедшее неочевидное и др.¹⁷ Значение прошедшего субъективного времени передается при помощи формы с показателем *-нă/-нĕ*, которая в грамматиках чувашского языка называется причастием прошедшего времени. В действительности

функциональная нагрузка этой формы шире. Помимо адъективной функции, она может выполнять функции предикатива, субстантива и адвербу-ма¹⁸. Именно в функции предикатива эту форму обычно включают в ряд форм категории времени глагола. В отличие от большинства других временных форм, она не способна принимать аффиксы лица: *эӗ килӗ* «я пришел», *эсӗ килӗ* «ты пришел», *вӑл килӗ* «он пришел» и др.

Значением формы прошедшего субъективного времени является действие, которое произошло в прошлом, но не было непосредственно наблюдаемо говорящим. Другими словами, это индирективное действие:

Ак ӗнтӗ Крымри инсе тусем хыӗнчен хӗвел курӑнса кайӑн (Збанацкий) «И вот из-за далеких Крымских гор выглянуло солнце»;

Дора мӗн ҫамраӗкран вырӑссене хирӗҫ кӗрешиӗ (Вутлан) «Дора с юных лет **боролась** против русских»;

Ҫав вӑхӑтран Степанида пуҫпа аптӑрама, арпаима тытӑнӑн – кашни ачанах Ванюк вырӑнне хунӑ (Алексеев) «С тех пор Степанида будто тронулась умом – каждого ребенка **принимала** за Ваню».

Другим значением этой формы является значение перфекта – это действие, которое было совершено в прошлом, но его результат наблюдается в настоящем:

Аслӑ урам тинӗ, анчах тротуар хӗррипе таҫтан шӑнкӑртатса шыв юкса анать (Григорьев) «Главная улица **высохла**, но по краю тротуара откуда-то с журчанием течет ручей»;

Алакӗсене урам енчен йӗс тыткӑчӑсем лартӑн (Илпек) «На дверях со стороны улицы **установили** медные ручки».

Отрицательный статус образуется при помощи показателя *-ман/-мен*:

Мӗн ӗмӗтленни яланах сыпӑнса пыман ҫав (Артемьев) «О чем мечтал, не всегда **сбывалось**»;

Пирӗн килте кукӑль тавраш никам та пӗҫермен! (Мранькка) «У нас дома никто не **пек** пиров!»

5. Прошедшее постоянное действие (неопределенный имперфект) I

В грамматиках чувашского языка данную форму обычно называют прошедшим многократным или прошедшим несовершенным временем¹⁹. Мы предпочитаем использовать термин «прошедшее постоянное действие», так как он отражает тот факт, что выражаемое в значении действие производится «безотносительно к его началу и концу» и «не связано с какой-либо конкретной ситуацией»²⁰. Другими словами, эта форма передает значение постоянного действия в прошлом, происходившего на протяжении большого отрезка времени, что в современном турецком языкознании обозначается термином «неопределенный имперфект»²¹.

Образуется она сочетанием аффиксов настоящего-будущего и прошедшего категорического времени *-аттӑ/-еттӗ-, -атчӗ/-етчӗ*: *пурӑнат-тӑм* «я жил», *вӗренеттӗн* «ты учился», *пӗлетчӗ* «он знал» и др.

Вӑл ҫулсенче ӗнтӗ эпир, студентсем, аслӑ япаласем ҫинчен ҫеҫ тавлашаттӑмӑр (Лисина) «В те годы мы, студенты, **спорили** только о высоких материях»;

Революциччен эсир пирён тире виçё хут сёвекенсем патёнче çакан нек тёрйашаттар-и? (Збанацкий) «У тех, кто до революции с нас три шкуры сдирал, так вы старались?»;

Лашасем утланса выртмана каяттёмёр. Кукук авётнине **итлеттёмёр**... (Уяр) «Уезжали верхом на конях в ночное. Служали кукование кукушек...».

Часто присоединяется аффикс прошедшего времени *-ччё*, который является дополнительным указателем на давность совершения действия:

Сын патёнче апат ларса çиме вётанаттёнччё (Турхан) «Ты стеснялся у кого-либо обедать».

Данная форма также способна в отдельных случаях передавать значение непостоянного длительного действия, которое прекращается в момент возникновения другого действия:

Энё тёлёкре каллах Тамарёна курсаттём, çавённа вётанас килместчё (Артемьев) «Во сне я снова увидел Тамару, поэтому мне **не хотелось просыпаться**»;

Малтан ура пакёлчак таран кёна путатчё. Ёне патне çитнё çёре чёркусци курёнмиех анса кайма тытёнччё (Гордеев) «Сначала ноги **взяли** (в трясине) лишь по щиколотку. Когда приблизился к корове, начал проваливаться по колено».

Отмечено также функционирование этой формы в значении действия, которое должно было произойти в ближайшем будущем:

Эх, анкё-минкё энё, хам хёрах ураллй иккенне мансах кайнй, кёсех чикеленсе ўкеттём (М. Ухсай) «Эх, остолоп же я, забыл, что одноногий, чуть было **не опрокинулся**».

Форма отрицательного статуса образуется по аналогии с настоящим-будущим временем с помощью показателя *-мас/-мес*:

Малтанхи кунсенче Тимрук урама та тухмастчё, пёрте те кёместчё... (Илпек) «В первое время Тимрук ни на улице **не появлялся**, ни в дом **не заходил**...».

6. Прошедшее постоянное действие (неопределенный имперфект) II

Образуется присоединением к форме причастия настоящего времени с показателем *-акан/-екен* аффикса прошедшего времени *-ччё*. Эта форма не спрягается, поэтому если есть необходимость указать лицо исполнителя действия, то используются личные местоимения: *энё каяканччё* «я (обычно) ходил», *эсё вулаканччё* «ты (обычно) читал», *вёл килекенччё* «он (обычно) приходил» и др.

Что касается ее значения, то, как и в случае с формой на *-аттё/-еттё-*, *-атчё/-етчё*, она означает постоянное действие в прошлом, действие, которое происходило как обычно, в силу установившихся традиций. Других значений и смыслов у этой формы не обнаружено:

Хайне мухтанй чухне Николай ёсне пёрахах итлекенччё, халё ёна та итленё-итлеменех ирттерсе ячё (Уяр) «Раньше Николай, когда его хвалили, **слушал**, бросив все дела, сейчас даже это пропустил мимо ушей»;

Хёрүллэ ёс чун хавалне сёклекенччэ, темле йывёр хуйха та кайтах сямйлатаканччэ (Артемьев) «Спорое дело, бывало, **поднимало** настроение, **облегчало** любое тяжкое горе»;

Пирён енче кашкърсем тутй пулаканччэ, вёсем сынна тапанныне астусах та каймасёсё (Илпек) «В наших краях волки обычно бывают сыты, не помнится, чтобы напали на людей».

Образование отрицательного статуса у этой формы отличается от других временных форм. Здесь применяется способ, характерный для именных форм, – использование отрицательного слова *мар* «не»:

Пёр тумлам эрех сытнй сын та сук, анчах кашниех мён те пулин калать – унччен ёскё-сикё вэхатёнче сес сынсем тумтирне йўле яраканччэ, чёлхене саварта сыртса тйракан марччэ (М. Ухсай) «Никто не пил даже капли спиртного, но каждый что-нибудь да говорит – раньше только после выпивки люди становились нараспашку, **не держали язык за зубами**».

7. Давнопрошедшее время (плюсквамперфект) I

Эта форма состоит из сочетания показателя деепричастия *-са/-се* с аффиксами прошедшего категорического времени *-тй/-те-, -чэ: пурансаттйм* «я жил», *пёлсеттён* «ты знал», *кайсаччэ* «он ушел» и др.

Значением ее является действие, которое произошло до наступления другого действия в прошлом либо произошло давно безотносительно других действий. Это значение соответствует значению плюсквамперфекта в некоторых европейских языках (например, в немецком):

Паян эфир кунта вёрман хатёрлес ёсне пухансаттймёр... (Турхан) «Сегодня мы здесь **собрались** было по поводу заготовки дров»;

Аста кайма тухсаттйн, ыйтса пёлме юрать пулсан? (Илпек) «Куда направлялся, если можно спросить?»;

Лаша туянас тесеттём. Лашасёр пурнйс пурнйс-и вёл пирён пек сыннйн? (Уяр) «Я **хотел** лошадь **купить**. Какая жизнь нам без лошади?»

Показатель *-ма/-ме* участвует в образовании отрицательного статуса этой формы, однако в этом статусе она практически не встречается:

Эсё киле каймасаттйн-и вара? – *Кайсаттйм та, каялла таврайнтйм*²² «Разве ты **не уходил** было домой? – Ушёл было, но вот вернулся».

8. Давнопрошедшее время (плюсквамперфект) II

Передавая в целом то же самое значение, что и предыдущая форма давнопрошедшего времени, эта форма гораздо чаще используется в речи чувашей. И если форма с показателем *-саттй/-сеттё-* может означать только действие, которое говорящий либо наблюдал, либо уверен в его совершении, то форма с показателем *-нйччэ/-нёччэ* имеет большие функциональные возможности: она может передавать и опосредованное, индирективное действие: *эпё курнйччэ* «я видел было», *эсё таврайннйччэ* «ты вернулся было», *вёл тухнйччэ* «он вышел было» и др.

Юрй кёвелекен сынсем сапла туйймлй пуласёсё тенине илтнёччэ эпё (Григорьев) «Я **слышал (раньше)**, что сочинители песен бывают так чувствительны»;

Лаша чунё туянма пустарнйччĕ, хоспотин пристав (Уяр) «Копил было, чтобы купить какую-нибудь лошаденку, господин пристав».

Отрицательный статус образуется при помощи аффикса *-манчĕ/-менчĕ*:

Кунта вӑл харкашуран урӑх нимĕн те кĕтменчĕ (Мранькка) «Кроме ссоры, ничего от этого он и не ожидал».

9. Давнопрошедшее время (плюсквамперфект) III

Это аналитическая форма времени, составленная сочетанием формы с показателем *-нӑ/-нӗ* и вспомогательного глагола *пул* «быть, являться», оформленного тем же показателем: *пӑхнӑ пулнӑ* «смотрел», *килнӗ пулнӑ* «пришел», *ыйтнӑ пулнӑ* «спросил» и др.

Так же как и все формы, имеющие в своем составе показатель *-нӑ/-нӗ*, данная форма является безличной. Ее значение содержит в себе семантику стандартного плюсквамперфекта, описанную нами в предыдущих разделах. По мнению В.Г. Егорова, форма этого времени указывает на то, что «рассказчик сам не был очевидцем тех событий, о которых он рассказывает»²³.

Сыруне темиҫе кун каялла ҫырнӑ пулнӑ (Григорьев) «Письмо было написано несколько дней назад»;

Куӑӑ сӑлтавӗ ҫакӑнта: пӗр пилӗк ҫул каялла, ҫартан таврӑнсассӑнах, Илюш Осип Ермолаевичӑн Маруҫ ятлӑ тӑн-тӑн пӗллӗ мӑнукӗ патне хӑтана пынӑ пулнӑ (Емельянов) «Причина смеха вот в чем: лет пять назад, вернувшись из армии, Илья приехал было сватать статную внучку Осипа Ермолаевича Марусю»;

Дмитрий Ильич ёлӗкрех хӑй те кунта тухтӑрта ёҫленӗ пулнӑ (Збанацкий) «Дмитрий Ильич раньше и сам работал здесь врачом».

Отрицательный статус формы по существующим правилам образуется посредством отрицательного аффикса *-ман/-мен*, присоединяемого к ее первому компоненту:

Ҫав вӑхӑтра Муҫҫан аслӑ ывӑлӗ те ҫуралман пулнӑ-ха (Элкер) «В то время у Моисея еще и старший сын не родился».

Система времени чувашского глагола в индикативе является много-составным образованием, включающим множество форм. Данные формы не могут существовать без определенных взаимосвязей внутри конституируемой ими категории. В первую очередь необходимо отметить, что все выявленные формы времени структурно делятся на две большие группы по способу их образования: группа производных форм, образуемых при помощи одного аффикса, и группа производных форм, образованных при помощи сочетания аффиксов либо аналитическим путем.

Подобное разделение временных форм глагола в чувашском языке непосредственно связано с их функционально-семантическим содержанием. Дело в том, что те формы, которые являются производными, составляют группу времен, *ориентированных на настоящий момент*. Прошедшее категорическое и прошедшее субъективное время передают значение действия в прошлом, которое является таковым по отношению к настоящему моменту. Разница между ними состоит в оппозиции директивности-индирективности

(очевидности-неочевидности). При этом, если прошедшее категорическое время, как правило, имеет значение кратковременного или непродолжительного во времени действия, то значение формы прошедшего субъективного времени индифферентно к выражению длительности. Значения настоящего-будущего времени могут охватывать большой отрезок времени. В него включаются как настоящий момент и период, следующий за настоящим моментом, так и период, не ограниченный временными рамками, – это значение постоянного действия. Наконец, будущее время передает значение действия, которое произойдет за настоящим моментом, но, в отличие от формы настоящего-будущего времени, здесь в значении присутствует сема неуверенности в его совершении.

Производные же формы относятся к группе форм времени, *ориентированных на прошлый момент*. К ним относятся две формы неопределенного имперфекта, передающие значение постоянного действия в прошлом, и три формы плюсквамперфекта. В рамках этой группы значения формы неопределенного имперфекта демонстрируют временное совпадение с периодом ориентации, а значения форм плюсквамперфекта – предшествование ему по времени. Форма неопределенного имперфекта I при передаче значения действия, которое должно было произойти в прошлом («чуть было не»), указывает на отрезок времени, следующий за моментом (или периодом) ориентации в прошлом.

Таким образом, обе группы форм времени представляют собой строго выстроенную систему и соотносятся друг с другом по признаку ориентированности их значений на определенный момент или период. Внутри же каждой из этих групп существуют свои, более частные взаимоотношения. Они также определяются значениями форм и характеризуются оппозициями по признакам директивности-индирективности, кратковременности-длительности, категоричности-некатегоричности и др.

Литература

¹ Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка (репринтное издание). Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 2011. С. 47–48.

² Там же. С. 50.

³ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 2: Учение о формах (морфология). Казань, 1898. С. 291.

⁴ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923. С. 171–236.

⁵ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. С. 171–236.

⁶ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 2. С. 292; *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3. С. 95; *Андреев Н.А.* Чăваш чĕлхи стилистики. 2-мĕш пайĕ. С. 95–96; *Сергеев Л.П.* Глагол. С. 363–364.

⁷ *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 230–231.

⁸ *Матвеев Т.М.* Грамматика чувашского языка: морфология; *Тимухха Х.* Чăваш чĕлхин грамматика; *Егоров В.Г.* Глагол. С. 151–240; *Андреев Н.А.* Чăваш чĕлхи стилистики. 2-мĕш пайĕ; *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи. Морфологи; *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3.; *Сергеев В.И.* Хальхи чăваш чĕлхи: морфологи; *Сергеев Л.П.* Глагол. С. 352–400.

- ⁹ *Сергеев Л.П.* Глагол. С. 382–386.
- ¹⁰ *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3. С. 106–108.
- ¹¹ *Егоров В.Г.* Глагол. С. 187–190.
- ¹² *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литературă чĕлхи: морфологи. С. 239.
- ¹³ *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3. С. 89–95.
- ¹⁴ *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 230–231.
- ¹⁵ *Егоров В.Г.* Глагол. С. 192–195.
- ¹⁶ *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. С. 231–233.
- ¹⁷ *Матвеев Т.М.* Грамматика чувашского языка: морфология; *Тимухха Х.* Чăваш чĕлхин крмматики.; *Егоров В.Г.* Глагол. С. 151–240; *Андреев Н.А.* Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пайĕ; *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литературă чĕлхи: морфологи; *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3; *Сергеев В.И.* Хальхи чăваш чĕлхи: морфологи; *Сергеев Л.П.* Глагол. С. 352–400.
- ¹⁸ *Лебедев Э.Е.* Функционально-семантические особенности причастия на *-нй/-нĕ* в чувашском языке // Чувашский гуманитарный вестник. № 3. 2013. С. 112–125.
- ¹⁹ *Матвеев Т.М.* Грамматика чувашского языка: морфология; *Тимухха Х.* Чăваш чĕлхин крмматики; *Егоров В.Г.* Глагол. С. 151–240; *Андреев Н.А.* Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пайĕ; *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литературă чĕлхи: морфологи; *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. 3; *Сергеев В.И.* Хальхи чăваш чĕлхи: морфологи; *Сергеев Л.П.* Глагол. С. 352–400.
- ²⁰ *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб., 2011. С. 332.
- ²¹ Там же. С. 332–334.
- ²² *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. С. 206.
- ²³ *Егоров В.Г.* Глагол. С. 200.

E.Y. Lebedev

ABOUT THE VERBAL TENSE SYSTEM OF THE CHUVASH LANGUAGE

The grammatical category of the verbal tense of the Chuvash language represents a set of the forms composed both in the analytical and synthetic way, and expressing besides the main temporary meaning additional semes to which referrers such as evidentiality, categoricity, duration, etc. In the article there are attempts to determine structural relations among the Chuvash verbal tense forms.

Keywords: category of the verbal tense, past definite tense, plusquamperfectum, present and future tense.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПРИНЯТИЕ ИМ КОНСТИТУЦИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 2000 ГОДА

ЧГВ, 2016 г., № 11

© М.В. Демидов

В статье исследуются историко-правовые аспекты становления законодательного органа Чувашской Республики – Государственного совета – после того, как в октябре 1993 г. была прервана деятельность Советов народных депутатов всех уровней. В ней подробно рассматривается процесс формирования Государственного совета Чувашской Республики путем всеобщих выборов, которые проходили в несколько этапов. Анализируется структура и социальный состав нового парламента Чувашии, работа Государственного совета по подготовке и принятию новой Конституции Чувашской Республики.

Ключевые слова: Конституция РФ, Конституция Чувашской Республики, Государственный совет Чувашской Республики, парламент, законодательный орган, закон, Президент Чувашской Республики, указ, постановление, депутат, выборы.

Целью данного исследования является проведение комплексного анализа историко-правовых аспектов формирования нового законодательного органа Чувашской Республики, исходя из положений Конституции Российской Федерации 1993 г., предусматривающей построение системы как федеральных, так и региональных органов государственной власти на основе принципа разделения властей. Работа также ставит своей целью выявление и исследование факторов, повлиявших на процесс подготовки и принятия новой Конституции Чувашской Республики.

Формированию нынешней системы законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе и Чувашской Республики, предшествовали коренные преобразования системы представительных органов власти в Российской Федерации в начале 90-х гг. прошлого века. Так, Указом Президента Российской Федерации от 21 сентя-

Михаил Васильевич Демидов – доктор юридических наук, заведующий кафедрой административного и финансового права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации; e-mail: mvdemidov@yandex.ru.

бря 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»¹ было прервано осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. До начала работы нового двухпалатного парламента – Федерального собрания Российской Федерации, которое должно было формироваться путем всеобщих выборов в соответствии с Положением о федеральных органах власти на переходный период, подготовленным на основании проекта Конституции, одобренного Конституционным совещанием 12 июля 1993 г., и до принятия Федеральным собранием на себя соответствующих полномочий необходимо было руководствоваться указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации. В то же время полномочия представительных органов власти в субъектах Российской Федерации на тот момент сохранялись.

Следующим шагом на пути организации новой системы органов государственной власти в России стало принятие Президентом Российской Федерации 22 октября 1993 г. Указа «Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации». Указом было утверждено Положение «Об основных началах организации и деятельности органов государственной власти краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы»² и рекомендовано республикам в составе Российской Федерации осуществить реформу органов государственной власти с учетом положений Указа.

21 октября 1993 г., еще до принятия Указа Президента РФ, был принят Закон Чувашской Республики «О реформе высшего органа государственной власти и местных Советов народных депутатов в Чувашской Республике»³. Он установил реформировать высший орган государственной власти – Верховный Совет Чувашской Республики – и местные Советы народных депутатов. При этом в законе было предусмотрено, что до избрания нового высшего органа представительной государственной власти Чувашской Республики и местных органов представительной власти сохраняются полномочия Верховного Совета Чувашской Республики и местных Советов народных депутатов за исключением распорядительных функций, которые были возложены на Совет министров Чувашской Республики и соответствующие местные администрации.

В порядке реализации положений указанного закона семнадцатой внеочередной сессией Верховного Совета Чувашской Республики двенадцатого созыва 24 ноября 1993 г. были приняты законы «О Государственном Совете Чувашской Республики» и «О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики». Одновременно были внесены соответствующие изменения и дополнения в действующую тогда Конституцию Чувашской Республики.

Закон «О Государственном Совете Чувашской Республики»⁴ и Конституция Чувашской Республики определили статус Государственного совета Чувашской Республики как постоянно действующего представительного за-

конодательного органа государственной власти Чувашской Республики. При этом количество депутатов парламента республики сокращалось с 200 до 47; 28 из них избирались по административно-территориальным округам, а 19 – по территориальным округам.

Государственный совет Чувашской Республики избирался сроком на 4 года. В законе особо было оговорено, что он вступает в силу с момента избрания Государственного совета Чувашской Республики.

Для формирования нового законодательного органа на 13 марта 1994 г. были назначены выборы депутатов Государственного совета Чувашской Республики. В результате 13 и 27 марта (состоялось повторное голосование) были избраны только 28 депутатов, что не позволило сформировать полномочный законодательный орган. Согласно действующему законодательству, сессии Государственного совета могли быть правомочными, только если на них присутствуют не менее двух третей установленного количества депутатов Государственного совета.

Результаты повторных выборов депутатов Государственного совета Чувашской Республики 2 июня 1994 г. позволили определить кворум для начала работы законодательного органа республики первого созыва. Своим постановлением от 21 июня 1994 г. он, рассмотрев представление Комиссии мандатной и по вопросам депутатской этики, признал полномочия 33 депутатов, избранных 13, 27 марта и 2 июня 1994 г. В таком составе (33 депутата из 47 предусмотренных законодательством) Государственный совет мог в полном объеме осуществлять возложенные на него Конституцией Чувашской Республики полномочия.

Для завершения формирования Государственного совета на 27 ноября 1994 г. был назначен еще один тур выборов. Одновременно вновь избранный состав парламента республики 26 августа 1994 г. принял Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Чувашской Республики „О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики”»⁵. Этим законом из части 2 статьи 42 было исключено положение о том, что избранным по большинству голосов считается кандидат в депутаты, получивший при повторном голосовании не менее 25 % от числа голосов граждан, внесенных в списки избирателей. Таким образом, 4 декабря 1994 г. в результате проведения последнего этапа повторного голосования на основе Закона в новой редакции были доизбраны остальные 14 депутатов Государственного совета.

Однако Президент Чувашской Республики Н.В. Федоров посчитал неправомерными действия парламента республики по внесению изменений в действующее выборное законодательство. В связи с этим он обратился с запросом в Конституционный суд Российской Федерации, требуя признать не соответствующей Конституции Российской Федерации указанную норму закона «О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики». В результате Конституционный суд РФ своим постановлением от 10 июля 1995 г. признал порядок введения в действие части 2 статьи 42 Закона от 24 ноября 1993 г. (в ред. от 26.08. 1994) применительно к формированию Государственного совета первого созыва не соответствующим

Конституции РФ, ее статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 и 32 (часть 2), поскольку изменение правил подсчета голосов в ходе одних выборов привело к нарушению равенства граждан при осуществлении ими права избирать и быть избранными в органы государственной власти.

Таким образом, полномочия 14 депутатов законодательного органа республики, доизбранных в ноябре – декабре 1994 г., были досрочно прекращены. В то же время Конституционный суд подчеркнул, что данный факт не ставит под сомнение легитимность Государственного совета и не затрагивает полномочий депутатов, избранных до введения в действие Закона от 26 августа 1994 г. о внесении изменений и дополнений в закон «О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики».

В окончательном своем составе Государственный совет Чувашской Республики сформировался после выборов 8 декабря 1995 г. Во всех 14 округах городов Чебоксары, Новочебоксарск, Шумерля, а также Порецкого и Шумерлинского районов выборы были признаны состоявшимися и действительными. В результате 12 депутатов, из 14 сложивших свои полномочия досрочно, повторно избрались в состав парламента республики.

На первой сессии Государственного совета, состоявшейся 21–22 июня 1994 г., был принят Регламент сессии парламента, который был вскоре признан утратившим силу в связи с принятием уже 5 июля 1994 г. Регламента законодательного органа республики. На ней были решены основные организационно-кадровые вопросы: были избраны Председатель Государственного Совета и его заместители.

Для принятия предварительных организационных решений, касающихся распорядка деятельности парламента республики, был образован Президиум Государственного Совета, куда по должности вошли Председатель Государственного Совета, его заместители, председатели комитетов законодательного органа и три депутата, избранные по административно-территориальным избирательным округам. Также парламента образовал Комиссию мандатную и по вопросам депутатской этики и семь комитетов, которые являлись постоянно действующими органами: по законодательству, законности и межгосударственным связям; по бюджету, налогам, сборам и банкам; по аграрным вопросам и продовольствию; по экономической политике, предпринимательству, промышленности, строительству, транспорту, энергетике и внешнеэкономическим связям; по культуре, образованию, науке, межнациональным отношениям, информационной политике и связи; по охране здоровья, экологии и природопользованию, по делам женщин, семьи и молодежи, физкультуре и спорту; по вопросам деятельности органов местного самоуправления и общественных объединений.

Законом Чувашской Республики от 3 апреля 1998 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Чувашской Республики» был увеличен количественный состав Государственного совета до 87 депутатов. При этом все они, начиная с нового созыва, избирались по одномандатным избирательным округам с равной численностью избирателей.

Выборы депутатов Государственного совета Чувашской Республики второго созыва состоялись 12 июля 1998 г. В назначенный день голосования были избраны 64 депутата из 87. Повторные выборы прошли 1 ноября 1998 г., в результате которых были доизбраны 23 депутата, что позволило сформировать парламент республики в полном составе.

В числе депутатов, избранных в Государственный совет республики второго созыва, было 74 мужчины, что составляло 85 % от их общего числа, и 13 женщин (15 %). Их возрастной состав (на момент избрания) характеризовался следующими данными: до 30 лет – 1 депутат (1,2 %); от 30 до 50 лет – 50 депутатов (57,5 %); от 50 до 60 лет – 27 (31 %), и старше 60 лет – 9 депутатов (10,3 %). Средний возраст депутатов составил 48 лет.

Национальный состав избранных депутатов отражал интересы представителей большинства национальностей, проживающих на территории Чувашской Республики. В парламент были избраны представители 6 национальностей.

Депутатский корпус второго созыва имел достаточно высокий образовательный уровень: 84 депутата, или 97 %, были с высшим образованием. В их числе 3 имели ученую степень доктора наук и 5 – кандидата наук.

Многие из избранных депутатов имели опыт парламентской работы: 17 ранее избирались депутатами Верховного Совета Чувашской АССР различных созывов, 11 работали в составе Государственного совета первого созыва. Среди них 24 являлись депутатами районных и городских Собраний депутатов.

Первоначально проведение первой организационной сессии законодательного органа республики второго созыва планировалось на 22 июля 1998 г. Однако из-за бойкотирования работы парламента группой депутатов во главе с лидером республиканской организации КПрФ В.С. Шурчановым на открытие первой сессии собрались только 53 депутата при необходимом минимальном кворуме 58. Причину своего бойкотирования работы Государственного совета они объясняли тем, что, по их мнению, Центральная избирательная комиссия Чувашской Республики неправомерно зарегистрировала в качестве депутатов Государственного совета Л.П. Куракова, Э.А. Аблякимова и 13 глав местного самоуправления.

Жалоба депутата Государственного совета В.М. Ижедерова о неправомерной регистрации отдельных депутатов в начале августа 1998 г. была рассмотрена Верховным судом Чувашской Республики, который в удовлетворении требований депутата отказал. В качестве основания Верховный суд республики привел тот факт, что еще в феврале 1998 г. Верховный суд РФ дал разъяснение, что в федеральном законодательстве не существует ограничений на избрание депутатами глав местного самоуправления. Депутаты Л.П. Кураков и Э.А. Аблякимов также выполнили все требования закона, сложив с себя полномочия. Таким образом, суд определил, что у Центральной избирательной комиссии не было оснований отказать им в регистрации.

Принятие 12 декабря 1993 г. новой Конституции Российской Федерации стало исторической вехой в развитии российской государственности. Конституция стала законодательной базой для упорядочения всей системы федеративных отношений и, в частности, принятия конституций республик, уставов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов. Таким образом, во всех республиках развернулась активная работа по принятию новых конституций и приведению в соответствие Конституции РФ действующих основных законов субъектов Федерации.

В Чувашской Республике на момент принятия Конституции России действовала Конституция 1978 г. с внесенными в нее 8 поправками. Многие ее положения вступили в противоречие не только с отдельными положениями Конституции РФ, но и с нормами федеральных законов. В связи с этим ключевым направлением в деятельности Государственного совета с момента его формирования стала работа по разработке и принятию новой Конституции Чувашской Республики.

На второй сессии Государственного совета первого созыва 15 июля 1994 г. было принято постановление «О Конституционной комиссии Чувашской Республики»⁶, которым рекомендовано Президенту Чувашской Республики образовать Комиссию по подготовке проекта новой Конституции Чувашской Республики под своим председательством на основе равного представительства органов законодательной и исполнительной власти. Одновременно от Государственного совета в состав этой комиссии были предложены депутаты В.С. Шурчанов, Л.П. Кураков, Н.В. Селиванов, В.А. Тимофеев, А.П. Фадеев, А.М. Чепаксина, Б.М. Яковлев.

В связи с этим Президент Чувашской Республики своим Указом от 3 августа 1994 г. «О подготовке проекта новой Конституции Чувашской Республики»⁷ образовал Конституционную комиссию. Ее председателем был определен президент Чувашии Н.В. Федоров. В ее состав также входили два заместителя председателя комиссии и 19 членов.

Конституционная комиссия обладала широкими полномочиями. Она могла привлекать для работы на платной основе ученых, экспертов, специалистов, представителей общественных объединений, запрашивать необходимую информацию и сведения у государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений. Уже к 1 октября 1994 г. она должна была представить президенту республики рабочий вариант проекта Конституции.

За время своего функционирования Конституционная комиссия провела 9 заседаний. На них рассматривались различные проекты Конституции Чувашской Республики. Так, 13 февраля 1995 г. она приступила к рассмотрению проекта Конституции, внесенного президентом. Было решено в течение месяца со дня его официального опубликования провести его всенародное обсуждение. Государственному совету был предложен порядок принятия новой Конституции, который предусматривал его принятие Государственным советом по взаимному согласию с президентом или же через всенародное голосование – референдум Чувашской Республики.

На девятой сессии Государственного совета 25 апреля 1995 г. был рассмотрен вопрос о ходе подготовки проекта новой Конституции. После его обсуждения депутатами было принято решение о внесении на рассмотрение парламентариев республики представленного Конституционной комиссией проекта новой Конституции, а работа Комиссии считалась завершенной.

Конституционная комиссия осуществляла свои полномочия в течение 9 месяцев. Таким образом, несмотря на непростую ситуацию, связанную с политической нестабильностью в республике, нововведениями законодательства Российской Федерации, депутаты посчитали, что Конституционная комиссия в целом выполнила свою задачу.

В соответствии с Законом Чувашской Республики от 16 июня 1995 г. «О порядке принятия Конституции Чувашской Республики и введения ее в действие»⁸ Государственным советом 31 января 1997 г. было принято постановление «О проекте Конституции Чувашской Республики»⁹, которым было признано целесообразным провести всенародное обсуждение проекта основного закона республики. Законопроект был опубликован в газетах «Хыпар», «Советская Чувашия», «Республика» и «Чăваш Ен», а также в городских и районных газетах на русском и чувашском языках.

В организации обсуждения законопроекта активное участие приняли все средства массовой информации. Кроме того, указанный проект закона был направлен органам местного самоуправления для рассмотрения и обсуждения на собраниях (сходах), конференциях граждан, в трудовых коллективах, общественных объединениях.

В ходе обсуждения проекта Конституции Чувашской Республики непосредственно в Государственный совет, органы местного самоуправления, средства массовой информации поступило около 2 500 замечаний и предложений. Комитетом Государственного Совета по законодательству, законности и межгосударственным связям они были систематизированы и обобщены.

Одновременно проект Конституции Государственным советом был направлен на экспертизу в Государственно-правовое управление Администрации Президента Российской Федерации, Правовое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Правовое управление Центральной избирательной комиссии России, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и другие научные учреждения. От них поступило 9 официальных заключений, в которых содержались анализ проекта Конституции и предложения по устранению имеющихся в нем недостатков.

По инициативе Государственного совета 3 апреля 1997 г. в г. Чебоксары была организована и проведена научно-практическая конференция на тему «Проект Конституции Чувашской Республики: концепция, пути ее развития». В ее работе приняли участие представители научных кругов, руководители правоохранительных органов, общественных организаций и движений Чувашской Республики. Участниками конференции были тщательно

проанализированы как концепция основного закона республики в целом, так и ее отдельные разделы, главы и статьи. Ими было внесено более 200 замечаний, предложений и поправок.

2 июля 1997 г. на сессии Государственного совета был рассмотрен вопрос об итогах всенародного обсуждения проекта Конституции Чувашской Республики. После его обсуждения для доработки проекта Конституции была создана согласительная комиссия, в состав которой вошли депутаты Государственного совета и представители Президента Чувашской Республики. Таким образом, депутатам Государственного совета первого созыва к концу срока своих полномочий так и не удалось принять новую Конституцию республики.

Доработка и принятие нового основного закона Чувашской Республики стали главной задачей в деятельности Государственного совета второго созыва. Процесс его принятия шел очень сложно и многотрудно. В течение 1999–2000 гг. было проведено 7 сессий парламента, на которых в качестве основного обсуждался вопрос, связанный с принятием новой Конституции республики.

Так, на сессии Государственного совета 2 апреля 1999 г. был рассмотрен вопрос «О ходе работы над проектом новой Конституции Чувашской Республики». Заслушав информацию Председателя Государственного Совета «О ходе работы над проектом новой Конституции Чувашской Республики», депутаты отметили в целом положительную работу парламента по организации подготовки проекта Конституции Чувашской Республики и по его всенародному обсуждению. На ней же постановлением законодательного органа была образована временная комиссия в составе 14 депутатов для доработки проекта новой Конституции с учетом предложений и замечаний граждан, органов государственной власти и общественных объединений, заключений правовых служб федеральных органов государственной власти. Комиссии было рекомендовано привлечь для оказания правовой помощи юристов-государствоведов и других специалистов в области права и завершить работу над законопроектом не позднее 1 мая 1999 г.

В порядке реализации решения парламента по инициативе Комитета по законодательству 29 апреля 1999 г. в Государственном совете было проведено парламентское слушание по проекту новой Конституции Чувашской Республики. В нем приняло участие более 200 чел. – депутаты Государственного совета, Собраний депутатов районов и городов, представители Администрации Президента, Кабинета министров, Верховного суда, Арбитражного суда, Прокуратуры, Министерства внутренних дел, других министерств и ведомств Чувашской Республики, а также члены экспертного совета Государственного совета, представители научной общественности и высших учебных заведений, политических партий и общественных объединений, трудовых коллективов.

В принятых рекомендациях участники слушания констатировали, что Конституция Чувашской Республики является основой, на которой зиждется вся правовая система республики. Ее отсутствие негативно сказывается

на социально-экономической ситуации в Чувашии, существенно ослабляет режим законности и правопорядка, не способствует реализации в полном объеме основных прав и свобод граждан. Поэтому, по мнению участников парламентских слушаний, следует ускорить процесс принятия новой Конституции, поскольку она должна способствовать созданию необходимых условий для осуществления дальнейшей правовой реформы и реализации принципов федеративного государственного устройства, разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, эффективной работы органов местного самоуправления, правоохранительных и контрольных органов.

Однако и на десятой сессии Государственного совета 8 июля 1999 г. варианты проектов Конституции, подготовленные временной комиссией и Комитетом по законодательству, не нашли поддержки. Тогда для окончательного обобщения поправок к тексту проекта новой Конституции было принято решение о создании согласительной комиссии в составе Президента Чувашской Республики, Председателя Государственного совета, Председателя Кабинета министров, председателей комитетов и руководителей депутатских групп парламента, Председателя Верховного суда Чувашской Республики и Прокурора Чувашской Республики.

Заседание согласительной комиссии состоялось в декабре 1999 г. В ходе обсуждения проекта Конституции была отмечена необходимость при его доработке учесть основные положения Федерального закона от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», а также предложения и замечания к проекту, высказанные депутатами. На заседании было решено продолжить работу над проектом новой Конституции.

Заметным шагом на пути продвижения процесса принятия новой Конституции Чувашии стала девятнадцатая сессия Государственного совета, которая состоялась 16 июня 2000 г. Первым в повестке дня стоял вопрос «О проекте Конституции Чувашской Республики». Парламентарии обсудили предложенный согласительной комиссией проект основного закона. После длительных дебатов Государственный совет принял постановление, в котором указал:

«1. Принять в первом чтении проект Конституции Чувашской Республики с учетом поправок к статьям 72, 78, 80 проекта Конституции Чувашской Республики, высказанных депутатами на девятнадцатой сессии Государственного Совета Чувашской Республики.

Указанные поправки учесть при рассмотрении проекта Конституции Чувашской Республики во втором чтении.

2. Направить проект Конституции Чувашской Республики Президенту Чувашской Республики, депутатам Государственного Совета Чувашской Республики, в комитеты Государственного Совета Чувашской Республики, Верховный суд Чувашской Республики, Арбитражный суд Чувашской Республики, Прокурору Чувашской Республики, представительным органам

самоуправления районов и городов Чувашской Республики для внесения поправок к нему.

3. Согласительной комиссии, образованной решением Государственного Совета Чувашской Республики от 8 июля 1999 года, доработать проект Конституции Чувашской Республики с учетом поступивших предложений и замечаний и внести его на рассмотрение Государственного Совета Чувашской Республики»¹⁰.

Двадцать вторая сессия Государственного совета, состоявшаяся 1 ноября 2000 г., полностью была посвящена вопросам принятия Конституции республики. В повестку дня сессии были включены два вопроса: «О проекте Конституции Чувашской Республики» и «О проекте Закона Чувашской Республики „О порядке введения в действие Конституции Чувашской Республики”».

После жарких дискуссий депутаты договорились рассмотреть каждую поправку к проекту Конституции в отдельности и проголосовать за них, а затем проголосовать за принятие Конституции в целом. Разногласия возникли при обсуждении вопросов о совмещении должности Президента Чувашской Республики с должностью руководителя высшего исполнительного органа государственной власти – председателя Кабинета министров Чувашской Республики; о числе депутатов, работающих на профессиональной постоянной основе; о принципах формирования Контрольно-счетной палаты; об утверждении схемы управления Чувашской Республикой; об определении структуры высшего исполнительного органа государственной власти Чувашской Республики.

Отстаивая эти поправки, депутаты пытались обосновать свои позиции интересами обеспечения эффективного управления Чувашской Республикой и поступательного социально-экономического, культурного развития республики. В этой сложившейся сложной ситуации Президент Чувашской Республики взял слово на заседании парламента и огласил, что им принят Указ от 1 ноября 2000 г. следующего содержания:

«Исходя из того, что Конституция Чувашской Республики должна приниматься прежде всего в интересах народа, проживающего в республике, носителем и единственным источником власти является народ, который, участвуя в референдумах, выражает и осуществляет свою власть непосредственно, граждане имеют право непосредственно решать наиболее важные вопросы государственной жизни, а также руководствуясь статьей 3 Конституции Российской Федерации, статьями 12–16 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, статьями 4, 11, 14 и 15 Закона Чувашской Республики „О референдуме Чувашской Республики”, абзацем первым статьи 5 и абзацем первым статьи 10 Закона Чувашской Республики „О порядке принятия Конституции Чувашской Республики и введения ее в действие”, постановляю:

1. Провести всенародное голосование (референдум) Чувашской Республики по проекту Конституции Чувашской Республики в день проведения муниципальных выборов 14 января 2001 года.

2. Вынести на всенародное голосование проект Конституции Чувашской Республики, разработанный Конституционной комиссией Чувашской Республики и одобренный Государственным Советом Чувашской Республики 1 ноября 2000 года.

3. Текст проекта Конституции опубликовать в средствах массовой информации для всеобщего ознакомления населения.

4. Включить в бюллетень для голосования на референдуме Чувашской Республики вопрос в следующей формулировке: „Вы за принятие предлагаемого текста Конституции Чувашской Республики?“.

5. Кабинету Министров Чувашской Республики обеспечить финансирование мероприятий по организации и проведению всенародного голосования (референдума) Чувашской Республики»¹¹.

Данный указ Президента в последующем был опубликован во всех ведущих средствах массовой информации республики. В порядке его реализации Центральной избирательной комиссией республики был утвержден календарный план основных мероприятий по подготовке и проведению референдума. Телевидение и печатные средства массовой информации стали широко освещать эту тему в своих передачах и газетах. Они помещали отклики и предложения слушателей и читателей по варианту принятия Конституции Чувашской Республики.

21 ноября 2000 г. открылась внеочередная двадцать третья сессия Государственного совета Чувашской Республики. На ней предполагалось рассмотреть проекты законов о республиканском бюджете на 2001 г. и о внесении ряда изменений в налоговое и финансовое законодательство республики. По предложению президента республики в повестку дня сессии был включен также вопрос «О проекте Конституции Чувашской Республики».

Президент выступил с сообщением о том, что к нему обратилась группа депутатов Государственного совета (54 депутата) с просьбой отменить Указ о проведении референдума и предоставлении возможности принятия Конституции Чувашской Республики депутатами Государственного совета. Парламентарии в своем обращении к президенту писали: «...Нас, большинство депутатов Государственного Совета Чувашской Республики, глубоко волнует зашедший в тупик процесс рассмотрения проекта Конституции Чувашской Республики. К сожалению, острая полемика на двадцать второй сессии Государства Чувашской Республики в отношении ограничения сроков пребывания на должности Президента Чувашской Республики не служит интересам республики, ее жителей. Было бы большой ошибкой стремиться сформулировать статьи Основного Закона, ориентируясь на предстоящие через год с небольшим президентские выборы. Всем должно быть известно, что с правовой точки зрения выборы Президента Чувашской Республики будут проходить в соответствии с тем федеральным законом, который будет действовать на время предстоящих и дальнейших президентских выборов, хотя мы убеждены, что об этом прежде всего надо было бы спросить у наших избирателей.

С другой стороны, мы считаем не лучшим решением проведение референдума по проекту Конституции Чувашской Республики. К тому же для

этого потребуются значительные материальные финансовые затраты. В целях выхода из создавшейся ситуации, сближая позиции большинства депутатов, заинтересованных в принятии Конституции Чувашской Республики, мы предлагаем депутатам в соответствии с рекомендациями экспертов и представителей Приволжского федерального округа на предстоящей сессии Государственного совета Чувашской Республики скорректировать не имеющие юридического значения дискуссионные нормы. В свою очередь, мы просим Вас отменить свое решение о назначении референдума по проекту Конституции Чувашской Республики. Все это позволило бы установить в обществе спокойствие и стабильность, сосредоточить усилия народа на решении насущных вопросов в жизни республики»¹².

В своем выступлении президент отметил, что считает возможным, с учетом обращения депутатов Государственного совета, включить в повестку дня внеочередной сессии вопрос о проекте Конституции и рассмотреть его, не закрывая сессию, на следующем заседании Государственного совета. В связи с этим внеочередная двадцать третья сессия Государственного совета была созвана 30 ноября 2000 г. Комитет по законодательству рекомендовал Государственному совету принять конкретное решение по обращению президента, то есть принять поправку к части 3 статьи 69 в следующей редакции: «Ограничения на занятие должности Президента Чувашской Республики устанавливаются только в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законом». Президентом была поддержана данная редакция.

После принятия указанной поправки президент тут же, на сессии, подписал указ «Об отмене Указа Президента Чувашской Республики от 1 ноября 2000 года № 91»¹³, касающегося проведения референдума в республике по проекту Конституции. Затем депутаты подавляющим большинством приняли Конституцию Чувашской Республики в целом («за» – 74, «против» – 2, «воздержалось» – 0). Также ими единогласно было принято постановление Государственного совета «О принятии Конституции Чувашской Республики».

Таким образом была завершена многолетняя работа по разработке и принятию новой Конституции Чувашской Республики. Его принятие стало главным достижением в работе депутатов Государственного совета второго созыва. Конституция Чувашской Республики вступила в силу 10 декабря 2000 г. после официального ее опубликования.

Новая Конституция Чувашской Республики правовой статус Чувашской Республики определила так: «Чувашская Республика – Чувашия есть республика (государство) в составе Российской Федерации»¹⁴. В ней также были урегулированы вопросы о государственных языках, о действии Конституции Российской Федерации и федеральных законов на территории республики, порядке организации и деятельности органов законодательной и исполнительной власти республики, судебных органов и прокуратуры, вопросы административно-территориального устройства республики, местного самоуправления, развития экономических отношений, а также защиты

прав и свобод человека и гражданина. Также она регламентировала и упорядочила другие общественные отношения, складывающиеся в процессе политической и социально-экономической жизни Чувашии.

В результате проведенного исследования нормативных правовых актов, принятых органами государственной власти в 90-х гг. прошлого века и в 2000 г., а также анализа политико-правовой ситуации того периода представляется возможным сформулировать следующие основные выводы по работе.

1. Процесс становления нового законодательного органа был сопряжен значительными трудностями, возникшими при установлении правовой основы его формирования и в ходе организации и проведения выборов депутатов Государственного совета Чувашской Республики первого созыва. На выборах 13 марта 1994 г. и после проведения повторного голосования 27 марта не удалось сформировать полномочный законодательный орган. К тому же полномочия 14 депутатов, доизбранных на повторных выборах в июне 1994 г., были досрочно прекращены в связи с решением Конституционного суда РФ. В итоге в окончательном своем составе Государственный совет Чувашской Республики был сформирован только после выборов 8 декабря 1995 г.

2. В тот период непростые взаимоотношения сложились между законодательной и исполнительной ветвями власти Чувашской Республики, что не способствовало тесному взаимодействию этих органов власти по ключевым вопросам социально-экономического развития республики, а также эффективному функционированию всей системы органов власти республики.

3. Сложившаяся политическая ситуация не лучшим образом содействовала плодотворной и согласованной работе над проектом новой Конституции. В результате затянувшийся процесс принятия Конституции Чувашии, начавшийся с августа 1994 г., когда была сформирована Конституционная комиссия, был завершён только к концу 2000 г. путем принятия 30 ноября новой Конституции Чувашской Республики и вступлением ее в силу 10 декабря 1994 г.

Литература и источники

¹ О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.09.1993 г. № 1400 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.

² Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации (вместе с «Положением об основных началах организации и деятельности органов государственной власти краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформ»: Указ Президента Российской Федерации от 22.10.1993 г. № 1723 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 43. Ст. 4089.

³ О реформе высшего органа государственной власти и местных Советов народных депутатов в Чувашской Республике: Закон Чувашской Республики от 21.10.1993 // Советская Чувашия. № 215. 1993. 26 октября.

⁴ О Государственном Совете Чувашской Республики: Закон Чувашской Республики от 24.11.1993 г. // Законы и постановления, принятые на 16–17 сессиях Верховного Совета Чувашской Республики 12 созыва: сборник. 1993. 5 декабря.

⁵ О внесении изменений и дополнений в Закон Чувашской Республики «О выборах депутатов Государственного Совета Чувашской Республики»: Закон Чувашской Республики от 26.08.1994 г. // Правительственный вестник. 1994. № 26.

⁶ О Конституционной комиссии Чувашской Республики: Постановление Государственного Совета ЧР от 15.07.1994 г. № 33 // Ведомости Государственного Совета ЧР. 1994. № 1.

⁷ О подготовке проекта новой Конституции Чувашской Республики: Указ Президента ЧР от 03.08.1994 № 75 // Правительственный вестник. 1994. № 21.

⁸ О порядке принятия Конституции Чувашской Республики и введения ее в действие: Закон Чувашской Республики от 16.06.1995 г. № 13 // Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики. 1995.

⁹ О проекте Конституции Чувашской Республики: Постановление Государственного Совета ЧР от 31.01.1997 г. № 587 // Ведомости Государственного Совета ЧР. 1997. № 16.

¹⁰ О проекте Конституции Чувашской Республики: Постановление Государственного Совета Чувашской Республики от 16.06.2000 г. № 425. "Официальный сайт Государственного Совета Чувашской Республики <http://gov.cap.ru/>.

¹¹ О проведении всенародного голосования (референдума) Чувашской Республики по проекту Конституции Чувашской Республики: Указ Президента ЧР от 01.11.2000 г. № 91 // Чăваш Ен. 2000. № 40. 4 ноября.

¹² Информационные материалы о деятельности Государственного Совета Чувашской Республики второго созыва. Официальный сайт Государственного Совета Чувашской Республики <http://gov.cap.ru/>.

¹³ Об отмене Указа Президента Чувашской Республики от 1 ноября 2000 г. № 91: Указ Президента ЧР от 30.11.2000 г. № 110 // Собрание законодательства Чувашской Республики. 2001. № 1–2. Ст. 18.

¹⁴ Конституция Чувашской Республики (ред. от 19.04.2016): (принята Государственным Советом ЧР 30.11.2000) // Собрание законодательства ЧР. № 11–12. Ст. 442.

M.V. Demidov

ORGANIZATIONAL FORMATION OF THE NATIONAL COUNCIL OF CHUVASH REPUBLIC AND ADOPTION OF THE CONSTITUTION OF CHUVASH REPUBLIC OF 2000 BY IT

The article studies the historical and legal aspects of formation of the legislative body of Chuvash Republic – the National Council, when the activity of the Soviets of People's Deputies of all levels has been discontinued in October 1993. There is a detailed consideration of the formation process of the National Council of Chuvash Republic by means of general election, which took place in several stages. The structure and social membership of the new parliament of Chuvashia, the work of the National Council on preparation and to adoption of the new Constitution of Chuvash Republic are analyzed.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitution of Chuvash Republic, National Council of the Chuvash Republic, parliament, legislature, law, President of Chuvash Republic, decree, resolution, deputy, elections.

ЧГВ, 2016 г., № 11
© И.К. Кугураков

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЁННАЯ
ИСКУССТВУ

Ю.В. Викторов принадлежит к немногочисленной когорте видных деятелей науки, искусства и просвещения. Педагогика, искусствоведение, художественное творчество – основные области приложения его таланта. Эрудиция и компетентность в сложных вопросах чувашского искусствоведения снискали ему высокий профессиональный авторитет среди деятелей искусства и широкого круга культурной общественности.

Ключевые слова: Ю.В. Викторов, искусствоведение, художественная педагогика, преподаватель-консультант, монографии, книги-альбомы, станковая графика, выставки, общественная работа.

Целеустремленный труженик» – пожалуй, это самые точные и емкие слова, которыми можно охарактеризовать многогранную научную и творческую деятельность Юрия Васильевича Викторова, кандидата искусствоведения, профессора, члена Союза художников России, заслуженного деятеля искусств Чувашской Республики и Российской Федерации, лауреата Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, почетного гражданина Мариинско-Посадского района Чувашской Республики.

Желание стать художником пришло к нему в детские годы (родился 12 сентября 1941 г. в д. Итяково Мариинско-Посадского района). После средней школы готовился к поступлению в Чебоксарское художественное училище. Однако случайные обстоятельства (перенос сроков вступительных экзаменов в связи с предстоящим ремонтом) помешали осуществлению задуманных планов. Стремление к скорейшему обретению профессии вы-

Игорь Константинович Кугураков – научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: kugurakov@mail.ru.

Ю.В. Викторов. 2003

нуждает его подать заявление в Канашский финансовый техникум. По его окончании он более двух лет работает по избранной специальности, сначала в должности старшего инспектора Министерства финансов Марийской АССР, затем начальника отдела государственных доходов Звениговского райфинотдела. Открывались заманчивые перспективы карьерного роста, но заложенный от природы творческий потенциал не давал ему покоя и требовал выхода, и Юрий Викторов в 1963 г. поступает на художественно-графический факультет Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Привыкший ко всему относиться с максимальной ответственностью, он с отличием оканчивает учебное заведение и с осени 1968 г. приступает к педагогической работе в родном вузе в должности преподавателя кафедры изобразительных искусств. Вел занятия по рисунку, живописи, композиции и истории искусств. Кроме того, молодой художник-педагог под влиянием своего наставника В.П. Авраменко много и увлеченно трудится в области станковой графики, разрабатывает историческую тематику в линогравюре («Атменевское восстание», «М.И. Калинин в Алатыре», «Портрет И.Я. Яковлева» и др.), участвует в выставках произведений чувашских художников. Одновременно зарождается интерес к искусствоведению и творчеству современных мастеров изобразительного искусства республики. Желание углубленно заниматься этими вопросами приводит Юрия Васильевича в очную аспирантуру на кафедре истории искусств Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Подготовленный им научный реферат, естественно, был связан с чувашским искусством. Однако научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор П.К. Суздалев – для диссертационного исследования посоветовал отойти от темы ре-

ферата и сосредоточить внимание на русском искусстве рубежа XIX–XX вв. Так, в конце осени 1971 г. Викторов буквально с нуля берется за изучение жизненного и творческого пути Д.А. Щербиновского (1867–1926) – ученика П.П. Чистякова и И.Е. Репина по Петербургской академии художеств.

Многое сделал диссертант для того, чтобы вернуть имя и дело незаслуженно забытого в отечественном искусствознании талантливого живописца и авторитетного педагога в художественную культуру современности. Благодаря его обстоятельным журнальным публикациям и ряду статей в научных сборниках мы можем по достоинству оценить творческое наследие Дмитрия Анфимовича и его вклад в подготовку нескольких поколений известных российских и советских художников – от Ефима Честнякова до Александра Дейнеки. Кропотливая работа в библиотеках, архивах и музеях Москвы, Ленинграда, Саратова, Пскова, Калуги, Тамбова и ряда других городов, а также встречи-беседы с известными советскими художниками – бывшими учениками Щербиновского по Строгановскому училищу и ВХУТЕМАС (Высшим художественно-техническим мастерским) дали свои результаты – 14 октября 1974 г. Юрий Васильевич успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения.

Вернувшись к преподавательской работе в Чебоксарах, он активно включился и в художественную жизнь республики. На страницах местных газет и журналов регулярно появляются его статьи о творчестве чувашских художников, обзоры тематических и персональных выставок. Им пишутся вступительные статьи к каталогам, на радио и телевидении появляются циклы передач, посвященные мастерам изобразительного искусства. Серьезными искусствоведческими работами молодого ученого стали очерки о художниках Владимире Чуракове («Героические будни») и Петре Павлове («Земля и люди»), опубликованные в книге «Лауреаты премии Комсомола Чувашии имени М. Сеспеля» (1979).

Напряженная искусствоведческая, педагогическая и главным образом административная работа в качестве декана художественно-графического факультета (1976–1982) вызывает желание определенных жизненных перемен, и в 1982 г. по направлению Министерства просвещения СССР Юрий Васильевич соглашается на командировку в столицу Монголии, в город Улан-Батор, где два учебных года работает преподавателем-консультантом в педагогическом институте. Учебная работа Ю.В. Викторова была связана с чтением лекций, проведением практических занятий, консультаций, зачетов и экзаменов по рисунку, живописи, истории искусств, руководством педагогической практикой, курсовыми и дипломными работами и т.д. Им были уточнены программы по рисунку и живописи, разработана профиограмма (модель специалиста). По циклу предметов кафедры рисования и черчения составлен проект нового учебного плана художественно-графического факультета. В целях улучшения профессиональной подготовки будущих специалистов в учебный план были включены: скульптура, школьное декоративное дело с элементами художественного конструирования и композиция (с разработкой учебных программ по ним). Велась также научно-методическая,

научная и творческая работа. На каждый учебный год составлялись планы работы теоретического и методологического семинара кафедры, были написаны три раздела для коллективного труда преподавателей кафедры – книги для студентов «Учебный рисунок». Совместно с прикрепленным преподавателем Ц. Ядамжавом подготовлено к изданию учебно-методическое пособие по изобразительному искусству для учителей начальных классов школ Монгольской Народной Республики (МНР). Совместно с народным художником Монголии Г. Одоном и заведующим кафедрой рисования и черчения С. Жамцем руководил студенческими творческими работами и подготовкой художественной выставки к Международной студенческой научно-практической конференции «Научно-исследовательская работа студентов – необходимое условие повышения качества подготовки специалистов».

До его приезда на кафедре не читались лекции по узловым вопросам рисунка и живописи. Необходимость их чтения доказана практикой работы художественно-графических факультетов педвузов СССР. Была разработана тематика лекций, которые начали читаться на всех курсах. На кафедре оживилась научно-исследовательская и творческая работа студентов. Организованно и при активном участии всех членов кафедры проводились занятия теоретического и методологического семинара. Более того, для художников-педагогов факультета по его инициативе начали проводиться еженедельные «творческие дни».

За время командировки Юрий Васильевич активно сотрудничал с Домом советской науки и культуры (ДСНК), где в клубе «Палитра» им ежемесячно читались лекции по изобразительному искусству для монгольских художников, студентов пединститута и художественного училища. Помимо ДСНК, им читались лекции в Ленинском клубе, Институте усовершенствования учителей, в советских школах Улан-Батора. В составе лекторской группы парткома при Посольстве СССР в МНР Ю.В. Викторов неоднократно выезжал с лекциями в другие города страны.

Несмотря на занятость работой в качестве преподавателя-консультанта в педагогическом институте и разными видами общественной деятельности, Юрий Васильевич находит время для создания своего изобразительного «рассказа» о древней стране. Произведения этого цикла ценны тем, что они доносят до нас неповторимый колорит и своеобразный дух Монголии. Автор сумел искренне и с большой любовью поведать о людях и природе далекой экзотической страны. Помимо графических портретов и акварельных пейзажей, особый раздел в «монгольском» цикле Юрия Викторова составляют линогравюры. Они созданы на основе натуральных рисунков, впоследствии переработанных в сложные композиционные листы: «Автопортрет с монгольскими коллегами», «Зима в горах», «Будущие учителя», «Памятники Улан-Батора», «Думы старого монгола», «Сухе-Батор». В мае 1984 г. в Улан-Баторе успешно прошла персональная выставка творческих работ Юрия Викторова, посвященная 60-летию провозглашения МНР. В планах работы ДСНК она называлась «Монголия глазами советского художника».

Осенью того же года под названием «Пути дружбы. Монгольские мотивы» выставка была показана в Чебоксарах.

По итогам работы в заграничной командировке Юрий Васильевич был отмечен как советской стороной, так и монгольской. За проведение персональной выставки и активную помощь в работе клуба «Палитра» он награжден Почетной грамотой представительства Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами в МНР и ДСНК в Улан-Баторе. Награжден также Почетной грамотой парткома при Посольстве СССР в МНР. ЦК Монгольского революционного союза молодежи наградил его нагрудным знаком «Передовой воспитатель молодого поколения», сопроводив текстом: «За плодотворный труд и с благодарностью отмечая достигнутые успехи в воспитательной работе с подрастающим поколением». Строки из другого наградного документа: «Советский специалист, кандидат наук, доцент тов. Виктор Ю.В. Министерством народного образования МНР награждается Почетной грамотой за большой вклад и ценную помощь в учебно-воспитательной и научно-исследовательской работе в Монгольском государственном педагогическом институте и подготовку специалистов высшей квалификации, за укрепление братской дружбы между монгольским и советским народами».

Юрий Васильевич рассказывает: «Свое пребывание в Монголии вспоминаю с величайшей благодарностью судьбе. Для меня открылся незнакомый ранее мир древней страны с ее историей, самобытной культурой и национальными героями, с ее вековыми народными традициями и обычаями и, естественно, с ее уникальной природой. Да и климат там особенный – резко континентальный: лето сухое и жаркое, а зима холодная и малоснежная, но солнечная... Все монголы, которые меня окружали, работали или общались со мной, были беспредельно доброжелательными людьми, любящими свою родину и благодарными Советскому Союзу за всестороннюю помощь».

Возвращение домой после заграничной командировки позволило Ю.В. Викторову многое переосмыслить и наметить новые творческие горизонты. Основными направлениями его профессиональной деятельности вновь становятся педагогическая работа и искусствоведение. Он продолжает активно выступать в периодических изданиях по проблемам чувашского изобразительного искусства в жанре художественной критики. При этом в нем крепнет внутренняя потребность сосредоточиться на больших, ранее не затрагивавшихся в чувашском искусствоведении темах, тем более для такой работы у него уже был накоплен значительный материал. Первым в ряду современных мастеров кисти, намеченных для монографического исследования, стал народный художник Чувашии Федор Прокофьевич Осипов, которого ученый безмерно уважал как большого художника и глубоко порядочного человека. Но предстояло завершить ранее начатую работу. Во второй половине 1980-х гг. на основе диссертационного исследования им была написана монография о жизни и творчестве Д.А. Щербиновского, получившая благожелательные отзывы крупнейших художников и специалистов страны, включая президента Академии художеств СССР Б.С. Угарова.

**Выступление Ю.В. Викторова
на своей персональной выставке в ЧГХМ. 6 февраля 1992 г.**

Издательство «Изобразительное искусство» заключило с автором договор и, подготовив книгу к печати, проанонсировало ее в своих планах. Однако экономические проблемы «перестроечного и постперестроечного» времени неоднократно затягивали ее выход, а после развала государственного издательского дела вопрос об издании книги отошел на неопределенное время. По этому поводу искусствовед М.Г. Кондратьев пишет: «Отложенная автором на потом первая монографическая рукопись, думается, ждет своего издания: несомненно, что подобная работа, как всякое истинно академическое исследование подлинных ценностей отечественной культуры, как и само искусство, сохраняет свою ценность».

Эти многолетние отсрочки, безусловно, огорчали искусствоведа, но он был увлечен уже начатой работой над монографией о Федоре Осипове. Несмотря на разницу в возрасте, художника и его биографа связывали теплые дружеские отношения. Люди, знающие свое дело, взвешенные в суждениях и оценках, неизменно благожелательно настроенные к окружающим, всегда привлекали Юрия Васильевича как человека и ученого. Так случилось и осенью 1987 г., когда Викторов, выполняя просьбу руководства Чувашского государственного художественного музея, встретился в Ленинграде с Петром Гавриловичем Кипарисовым, которого высоко ценил по картине «К.В. Иванов слушает песню». Это первое личное знакомство с живописцем и его работами в мастерской оказало неизгладимое впечатление на Юрия Васильевича и повлияло на ход выполнения его прежних творческих планов. Сначала появилась газетная статья «С Чувашией в сердце», положившая начало исследованию обширного творческого наследия нашего земляка, потом вступительная статья к каталогу, а когда Кипарисов ушел из жизни, Юрий

Васильевич счел своим долгом в память о выдающемся художнике в первоочередном порядке закончить начатое монографическое исследование.

Напряженный научный труд длительное время сочетался с основной работой на художественно-графическом факультете. В 1993 г. Викторов принял важное для себя решение – перейти на работу в Научно-исследовательский институт (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) старшим научным сотрудником отдела искусствоведения. Правда, в 1996 г., в связи с подготовкой к открытию аспирантуры по искусствоведению, Юрия Васильевича попросили вернуться в педагогический университет на должность заведующего кафедрой теории и истории искусств и рисунка (с сохранением совместительства в ЧГИГН). Без сомнения, начинался один из самых плодотворных периодов в жизни юбиляра. Он по-прежнему активно публиковал газетно-журнальные статьи, где было немало творческих портретов мастеров изобразительного искусства и обзоров художественных выставок. С 1993 по 1997 г. вел ежегодные обозрения художественной жизни республики в научных изданиях ЧГИГН и Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. Руководил работой аспирантов – трое из них стали кандидатами искусствоведения, защитив диссертации в Москве. Не оставлял без внимания научную работу в отделе искусствоведения. Нарботанный за эти годы материал получил свое зримое воплощение на рубеже тысячелетий. Монографии «Петр Кипарисов: художник и педагог» и «Федор Осипов: жизнь и творчество» вышли в 1999 и 2000 гг. Книга-альбом «Анатолий Брындин: скульптор-монументалист» появилась в 2001 г.

Эти труды, как и большинство других публикаций Юрия Викторова, изданы под грифом Гуманитарного института. В основе их появления лежит личный выбор искусствоведа, поскольку в данном случае речь идет о людях, духовно близких автору. Но даже в тех случаях, когда объектом исследований становилось творчество мастеров, доселе мало знакомых, Викторов не изменяет своему подходу. Он стремится если не полюбить, то понять глубинную суть художественных произведений и их создателей. Им внимательно исследуются мельчайшие детали биографии и жизненные условия, в которых формировались творческие личности и проходило дальнейшее развитие их мастерства в искусстве.

Убедительным примером, доказывающим правоту изложенного вывода, стала многолетняя исследовательская работа ученого над монографией об Элли Михайловиче Юрьеве, ушедшем из жизни 17 января 2001 г. На основании Указа Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова от 24 марта 2001 г. № 26 «Об увековечении памяти Юрьева Э.М.» в комплексе мер по сохранению и пропаганде творческого наследия выдающегося художника Кабинет министров Чувашской Республики постановил: «Чувашскому государственному институту гуманитарных наук подготовить и издать монографию о жизни и деятельности Юрьева Э.М.» Эта ответственная работа была поручена Ю.В. Викторову. Подступом к монографии стал очерк «Элли – значит мастер», опубликованный в I томе Библиотеки Прези-

дента Чувашской Республики «Выдающиеся люди Чувашии» (2003). Присущие этому очерку высокие профессиональные качества, взвешенность суждений и глубина искусствоведческого анализа в более масштабном объеме перешли в монографию «Элли Юрьев. Художник и время», изданную в серии «Замечательные люди Чувашии» (2005). Столь емкое название этого большого научно-исследовательского изыскания о художнике, много и плодотворно трудившемся в различных жанрах и видах пластических искусств, говорит о широчайшем историко-культурном контексте, в котором автор рассматривает творческое наследие мастера. Неординарная личность Элли Михайловича чрезвычайно сложна для монографического исследования, но Юрий Викторов успешно справился с поставленной задачей.

В 2006 г. увидел свет альбом «Вагиз Камалетдинов. В поисках истины: живопись», подготовленный к изданию при активном участии Юрия Васильевича. Крупной работой искусствоведа стал иллюстрированный биографический справочник «Союз чувашских художников» (2008), знакомый с творчеством более 50 профессиональных художников и мастеров художественных промыслов. Автор показывает, что новое творческое объединение, созданное в 1993 г., значительно обогащает современную художественную жизнь республики.

В 2011 г. Викторов выступил в качестве составителя, научного редактора и автора семи очерков в 9-м томе Библиотеки Президента Чувашской Республики «Мастера изобразительного искусства». В этом издании опубликованы его статьи: о М.Г. Григоряне – «На чувашской земле я не чувствую себя чужим», Н.А. Енилине – «С безграничной любовью ко всему чувашскому», П.Г. Кипарисове – «Его сравнивали с Суриковым», В.Л. Немцеве – «Хочу воспеть все наше, чувашское», Ю.Н. Николаеве – «Плакат – искусство всеобъемлющее», Ф.П. Осипове – «Моя жизнь – устремленность», В.Д. Чуракове – «Продолжатель лучших традиций реалистической живописи». Примечательно, что здесь же помещен очерк М.Г. Кондратьева о творческом пути Юрия Васильевича – «Он изнутри знает процесс художественного труда».

Надо отметить, что творческая судьба большинства мастеров, о которых поведал Юрий Васильевич со страниц своих книг, очерков и статей, настолько богата разнообразными событиями, а их искусство столь многогранно, что ученому невольно приходилось идти на жесткий отбор публикуемого материала. На основе таких ранее накопленных, но по ряду причин не опубликованных мыслей и документальных материалов в 2014 г. им осуществлен большой проект – «И.Я. Яковлев в изобразительном искусстве». Для претворения в жизнь этого замысла Юрием Васильевичем на протяжении ряда лет самым скрупулезным образом собирался обширнейший фактологический материал, который столь же тщательно подвергнут критическому анализу. В конце книги, как всегда, находится исчерпывающий справочный аппарат. Не удивительно, что от этой работы веет какой-то особой добротностью и фундаментальностью, присущими лучшим творениям ученого. Из других исследований, посвященных отражению в изобразительном ис-

кусстве образов выдающихся людей Чувашии, необходимо назвать научные статьи: «Образ В.И. Чапаева в изобразительном искусстве» (1988), «Михаил Сеспель в изобразительном искусстве» (2011), «Портретные образы чувашских композиторов в изобразительном искусстве» (2012). Заслуживает внимания и очерк «Чебоксары, воспетые влюбленным сердцем художника», опубликованный в книге-альбоме «Медведев Вольт Яковлевич» (1914).

За долгие годы трудовой деятельности на ниве искусствоведения и художественной педагогики, помимо перечисленных работ, Ю.В. Викторовым подготовлены сотни газетно-журнальных публикаций, десятки вступительных статей для буклетов, справочников, каталогов, учебных пособий, специализированных научных сборников и т.д. Многие статьи искусствоведа увидели свет в «Краткой чувашской энциклопедии» (2001) и многотомной «Чувашской энциклопедии» (2006–2011).

Особой страницей в биографии Ю.В. Викторова стало открытие по его инициативе и стараниями двух художественных галерей у себя на малой родине – в г. Мариинский Посад (1999) и в с. Октябрьское (2000). В них представлены произведения живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства многих мастеров изобразительного искусства Чувашской Республики.

С 1984 по 1990 г. Ю.В. Викторов был членом научно-методического совета по художественно-графическим дисциплинам Министерства просвещения РСФСР, в разные годы – членом ученого совета НИИ при Совете министров Чувашской АССР и ученого совета ЧГПИ–ЧГПУ, с 2009 по 2016 г. – членом коллегии Министерства культуры Чувашской Республики.

В 1978 г. Юрий Васильевич отмечен знаком «Победитель соцсоревнования 1977». За успешную работу по подготовке кадров в 1979 г. награжден Почетной грамотой Министерства просвещения СССР, ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, в 2015 г. – медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой».

I.K. Kugurakov

LIFE DEVOTED TO ART

Yu.V.Viktorov belongs to the not numerous cohort of eminent representatives of science, art and education. Pedagogics, art criticism, artistic creativity are the main areas of application of his talent. Erudition and competence in complex issues of the Chuvash art criticism won a high professional weight among the people of art and the community of the cultural general public.

Keywords: Yu.V.Viktorov, art criticism, art pedagogics, teacher-consultant, monographs, book-albums, easel graphics, exhibitions, public work.

ЧГВ, 2016 г., № 11

© К. Адягаш. Рец. на: Róna-Tas András, Berta Árpád. *West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian*. Part I–II. *Turcologica*. Band 84. Harrassovitz Verlag. – Wiesbaden, 2011. – 1496 s. [Рона-Таш А., Берта А. Западный древнетюркский. Тюркские заимствования в венгерском. Части I–II. Висбаден: Harrassovitz Verlag, 2011. 1496 с. (Туркологика. Т. 84.)]

В рецензируемом труде¹ представлен соответствующий самому современному уровню венгерского и мирового исторического языкознания XXI в. историко-лингвистический анализ тюркских заимствований в венгерском языке с приложенными к нему тюркскими и венгерскими историко-лингвистическими и финно-угроведческими исследованиями, необходимыми для этимологической интерпретации анализируемых слов; этот труд является, таким образом, исключительным по своей значимости синтезом. С выходом данной работы в свет в 2011 г. завершился исследовательский период, длившийся более десяти лет. После смерти Арпада Берты в написании монографии принимал участие Ласло Карой, доцент Майнского университета, а в начале работы участвовали сотрудники кафедры алтаистики Сегедского университета и члены Сегедской тюркологической академической исследовательской группы Венгерской академии наук. Чтобы объективно оценить результаты и значимость этой комплексной работы, необходимо хотя бы схематично проследить пройденный венгерской тюркологией путь в исследовании данной темы.

Научная дисциплина о тюркских заимствованиях в венгерском языке является, можно сказать, ровесником сравнительно-исторического языкознания. Появление в течение примерно полутора столетий исследований ряда ученых [Fischer 1747, Gyarmathy 1799, Horváth 1833, Vámbéry 1870, Budenz 1873, Szinnyi 1920, Munkácsi 1882, 1884, 1902 и др.], посвященных изучению тюрко-венгерских языковых связей и сопоставлению тюркских и венгерских слов, привело к созданию принадлежавшего перу Золтана Гомбоца первого монографического исследования круга указанных выше проблем. Эпохальное произведение Гомбоца «Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache» [Gombocz 1912] стал первоисточником для современной исторической тюркологии и тюрко-венгерской контактологии. С данной работы устанавливается традиция классификации тюркских заимствований в венгерском языке на три хронологических слоя на основе фонетических критериев (ранние – до обретения родины; «средние» – кумано-кыпчакские; эпохи османо-турецкого завоевания). С этого времени чувашскому языку, предполагаемому прямому потомку (как когда-то указал З. Гомбоц) болгаро-тюркского языка-донора, отводится особая с точки зрения методики роль при этимологическом анализе слов, относящихся к раннему слою. Впоследствии возникла мысль, согласно которой ранние тюркские заимствования в венгерском языке могут наглядно иллюстрировать основные изменения в фонетической системе тюркского языка в древнетюркский период его истории.

Работа Гомбоца послужила толчком практически для всех тюркологов XX в. к созданию все новых и новых этимологических исследований, но наиболее значительный шаг вперед на пути к всеобъемлющему изучению названной темы был сделан Лайошем Ли-

Клара А д я г а ш и – профессор Института славистики Дебреценского университета, доктор Венгерской академии наук (Венгрия); e-mail: klara.agyagasi@gmail.com.

¹ Рецензия опубликована в: *Nyelvtudományi Közlemények*. – 2012. – Т. 108. – С. 443–461, 468–470. Пер. с венг. Ю. Дмитриевой (далее – Ю.Д.). Научную редакцию выполнила А.П. Долгова.

гетти. Лигети ставил задачу проанализировать каждое рассматриваемое венгерское слово на широком тюркском историко-лингвистическом и лингвогеографическом фоне (вместе с их возможными алтайскими связями) и определить его возможный фонетический облик в языке-доноре. Вместе с тем систематической работой над реконструкцией форм в языке-доноре он не занимался. С помощью своей филигранной филологической методики, характеризующейся строгим применением сравнительно-исторического метода, и анализа различных данных с точки зрения исторической фонетики и истории письма он создал в 20–60-х гг. XX в. наиболее полный цикл документированного материала по тюркской исторической лексикологии на основе рассмотрения тюркских заимствований в венгерском языке, что позднее было обобщено им в двух томах на 480 и 430 страницах и дополнено исследованием личных имен древнетюркского происхождения, опубликованным отдельным изданием [Ligeti 1977, 1979].

С начала 60-х гг. параллельно с этим шла работа над историко-этимологическим словарем венгерского языка (ИЭСВЯ = TESz), изданным в трех томах [Benkő 1967–1976]. Хотя словарные статьи о тюркских заимствованиях в венгерском языке в этом коллективном труде составляла Жужа Какук, научным рецензентом был Лайош Лигети. ИЭСВЯ, будучи по своей сути обобщенным сводом по исторической лексикологии, открыл хорошие перспективы для дальнейших исследований по теме. В свод были включены все считавшиеся тюркскими по происхождению заимствования, обнаруженные к тому времени, и обширная тюркская база данных, дополненная сведениями о венгерских формах из диалектных и исторических источников, то есть параллельной венгерской базой данных. Такое обилие материала позволяло реконструировать облик слов в языке-доноре, и раскрылся поразительный факт: подавляющее большинство тюркских заимствований не соответствует чувашским фонетическим критериям, а признаки, ранее считавшиеся явлениями чувашского характера (к примеру, часто встречающаяся спирантизация ауслатных гуттуральных звуков), по всей видимости, представляют собой результат тюрко-венгерских параллельных изменений. По мнению Лигети, слово, формально не имеющее на себе чувашского маркера, по своему происхождению булгаро-тюркским не является. Установление языка-донора стало затруднительным. В целом же в ИЭСВЯ определены древнетюркские заимствования чувашского типа, заимствования древнетюркского происхождения и заимствования предположительно древнетюркского происхождения, а словообразовательным особенностям тюркских форм в нем внимание не уделено вовсе.

Исходя из сказанного, можно понять, почему Лигети в следующей большой монографии [Ligeti 1986] ставит акцент на рассмотрение фонетических критериев тюркских языков (огузских и кыпчакских) (которые могли бы, наряду с языком – предком чувашского, выступать в качестве языка-донора) на историческом фоне времён тюрко-венгерских языковых связей, основываясь на особенностях процессов конвергенции в звуковых составах тюркских и венгерского языков. Он анализирует словопроизводство лексем, образованных добавлением венгерских морфем к заимствованиям из тюркских языков, опираясь при раскрытии морфологической структуры форм из языков-доноров на труды по тюркской этимологии Дёрфера [Doerfer 1963–1975], Клаусона [Clauson 1972] и Рясänen [Räsänen 1969]. Новшеством монографии 1986 г. стало определение времени заимствований, которое, по мнению автора, распространяется и на эпоху династии Арпадов. Несмотря на все старания, Лигети не удалось решить проблему языка-донора, так как он не сумел заполнить существовавшую в те времена лауну в исторической реконструкции и определении языковых ветвей, языков и диалектов внутри тюркской семьи языков. Из-за отсутствия ясности в этом вопросе им не мог быть поставлен естественный вопрос о том, какая информация о правенгерском языке содержится в древнетюркских заимствованиях в венгерском языке, представляющих собой наиболее ранний источник сведений о венгерском языке в его историческом прошлом; точнее, каким образом можно реконструировать оппозицию фонологических систем двух вступивших в контакт друг с другом языков?

Тюркские заимствования в венгерском языке содержатся в переработанном и изданном на немецком языке ИЭСВЯ (EWUng). Несмотря на то, что к этому моменту по сравнению со временем появления более ранних работ большой шаг вперед сделали исто-

рическая тюркология [Dankoff–Kelly 1982–85, Erdal 1991], исследование болгаро-тюркской языковой ветви [Róna-Tas 19 82, 1986²] и методология лингвистической контактологии [Johanson 1992], EWUng отличается только включением обзора новой этимологической литературы.

И наконец, подошла очередь анализа концепции рецензируемой книги. В изложенной нами информации о предшествующих фактах представлены стоявшие перед составителями этого труда неизбежные задачи, требующие новых решений. Первейшая из них – установление языка-донора, такое же значение имеет определение исторических словообразовательных моделей, отраженных в словах.

Само название монографии говорит уже о многом. Тем, что в качестве предмета в основном названии вынесен западный древнетюркский язык, а вопрос о тюркских заимствованиях в венгерском языке обозначен только подзаголовком, авторы заявляют, что в центре внимания – западный древнетюркский язык, описание его осуществляется на основе изучения тюркских заимствований в венгерском языке как источника лингвистического материала. Это означает также, что западный древнетюркский и есть язык-донор. Концепцию западного древнетюркского языка Андраш Рона-Таш изложил в своей статье в 1998 г. Согласно ей, это не просто территориально определенный языковой вариант древнетюркской эпохи, на котором говорили в Восточной Европе и в примыкавших к ней регионах (в таких, как, например, Кавказ) с V в. до татарского нашествия. Он не был гомогенным, а представлял собой слабый союз возникших ранее языков и диалектов, в которых в процессе взаимных контактов в течение длительного времени на просторной, но общей территории происходили определенные сходные изменения [Róna-Tas 1998: 619–620]. Такое понимание языка-донора означает, что метод обработки может быть только строго индуктивным, при этом венгерские данные в качестве языковых фактов составляют исходную точку исследования, а не наоборот, как это происходило ранее, когда были попытки подгонять венгерские соответствия к звуковому облику взятых из языков разных тюркских языковых ветвей слов. Авторы отталкиваются от венгерской звуковой формы слов, начав с их фонетического, структурного, морфологического анализа, доходят до варианта языка-реципиента, затем переходят к формам и их особенностям в языке-доноре, из совокупности которых вырисовываются изоглоссы, структурирующие западный древнетюркский язык в пространстве и во времени. Основываясь на подобном методе исследования, можно решить все остальные новые задачи монографии: произвести реконструкцию правенгерской и древнетюркской фонетических систем, периодизацию языковых контактов, фонетическую реконструкцию форм слов в языке-доноре и языке-реципиенте, реконструкцию встречающихся в заимствованиях исторических словообразовательных моделей. Необходимое условие для решения всех названных задач – этимологическая база данных, содержащая, кроме фактов венгерского литературного языка и диалектных данных, и информацию об изученных венгерских словах-заимствованиях из всех членов тюркской языковой семьи всех периодов истории языка, извлеченных из выявленных на сегодняшний день письменных и устных источников.

Структура монографии следующая. В I томе в качестве первой главы помещено введение, объем которого из-за того, что само произведение большое, тоже значительный. В нем содержатся обзоры истории исследования тюркских заимствований в венгерском языке (с. 3–11) и трудов по тюркской исторической лексикологии (с. 11–17). Затем следует вторая глава, в которой представлен исторический фон языковых контактов (с. 19–39). В ней авторы пишут о появлении в Восточной Европе тюрков, а также иранцев, готов и славян, о прибытии сюда венгров. Что касается венгров, здесь проанализированы встречающиеся в источниках названия этого народа, ранние письменные источники о венграх, рассмотрены их передвижения в Восточной Европе. Под конец сделан обзор сведений о Карпатском бассейне до обретения венграми нынешней родины, о тюрко-венгерских связях в Карпатском бассейне после обретения родины. Третья глава – это этимологический глоссарий, описывающий структуру лексикона (с. 41–49). Четвертая глава I тома – словарь («Лексикон»), содержащий словарные статьи о лексемах, начинающихся на буквы от А до К (с. 53–618).

² Избранную аннотированную библиографию на болгаро-тюркскую тему в венгерской тюркологии см.: Dmitrieva – Agyagási 2001.

II том продолжает лексикон, словарные статьи на буквы L–Z помещены на страницах 619–1008. В пятой главе монографии³ излагается историческая фонология венгерского языка (с. 1011–1146). В шестой – проводится фонологическая реконструкция западного древнетюркского языка на основе венгерских данных, в связи с чем она озаглавлена «Западный древнетюркский и венгерский [языки]» (с. 1071–1146). Название седьмой главы представлен как вопрос: «Кто, где и когда говорил на западном древнетюркском [языке]?» (с. 1147–1176). В ней особое внимание уделяется проблемам пространства и времени, культуры и экономики, названы этнические группы, которые могли говорить на этом языке: авары, дунайские болгары, болгары и хазары. Остальные четыре главы монографии составляют научный аппарат издания: тематические списки слов, индексы⁴, в первом из которых перечислены отвергнутые авторами монографии этимологии слов, считавшихся ранее в литературе тюркскими по происхождению (с. 1179–1238). Далее следует индекс встречающихся в монографии восточнотюркских слов (с. 1239–1251), индекс проанализированных западнодревнетюркских слов (с. 1252–1260), индекс подвергнутых рассмотрению монгольских слов (с. 1261–1271), список венгерских слов финно-угорского происхождения (с. 1272–1293), список финно-угорских и угорских реконструкций венгерских слов, список небесспорных финно-угорских и угорских этимологий венгерской лексики (с. 1317–1323), венгерские кальки, возникшие по тюркскому образцу (с. 1324–1330), список аланских и среднеиранских заимствований в венгерском языке (с. 1331–1339), список слов куманского происхождения (с. 1340–1342), список рассмотренных слов славянского происхождения (с. 1343–1344) и, наконец, список подвергнутых анализу в монографии венгерских слов (с. 1345–1369). За индексами следуют список сокращений, адденда⁵ и список опечаток (корригенда) (с. 1489–1494).

Основой языкового корпуса этой обширной монографии послужил лексикон TESz и EWUng, в которых рассмотрен словарный состав литературного языка. Однако авторы рецензируемого труда включили в свое исследование не только литературные слова, определенные ранее как точно или вероятнее всего тюркского происхождения, но и слова спорного происхождения, архаизмы и диалектизмы, в случае которых – судя по их распространению среди куманов – тюркское происхождение могло бы иметь большую вероятность.

Словарные статьи составлены авторами в определенном структурном порядке. Первая часть статей – «глава» – представляет собой сжатое изложение этимологии. В ней на первом месте расположена чаще всего литературная форма венгерского слова, оформленная в соответствии с венгерским правописанием и выделенная полужирным шрифтом, затем в квадратных скобках дано ее произношение в фонетической транскрипции с применением международной тюркологической транскрипции для передачи звучания венгерских слов. За этим следуют значения слова. Если заглавное слово – название растений или животных, то рядом со значением фигурирует научное латинское название денотата, написанное курсивом. Далее внутри «главы» следует черта, разграничивающая информацию о венгерской современной языковой единице от венгерского исторического блока, содержащего дату первого появления слова в истории языка, изначальное его написание, фонетическое определение написания (с разделением упоминаний нарицательных и собственных имен). Значения исторических слов авторы приводят только в случаях, когда эти значения иные, чем в современном венгерском языке. Если заглавное слово содержит венгерский суффикс или окончание, то в следующей части рассматривается венгерская морфологическая структура слова: показывается морфологическое членение венгерского слова с отделением венгерских суффиксов или окончаний от предполагаемого тюркского корня. В конце венгерского исторического блока следует древневенгерский вариант слова, определенный при помощи материалов из венгерских историко-лингвистических источников (датированных в основном временем после X в.), далее следует реконструкция еще более ранней реципиентной⁶ формы (правенгерская эпоха). Установление правенгерской реципиентной формы основы-

³ Нумерация глав сквозная, I том содержит главы с первой по четвертую, II том – с пятой по десятую. – Ю.Д.

⁴ Указатели. – Ю.Д.

⁵ Приложение. – Ю.Д.

⁶ Заимствованной. – Ю.Д.

вается на предварительном исследовании, подробности которого изложены в разделе 5.5, в нем представлены фонологическая реконструкция угорского праязыка (языка-основы) и описание хода изменений фонем праязыка вплоть до поздней правенгерской эпохи (с. 1015–1069). Это исключительно важное звено, отсутствовавшее в более ранних исследованиях, дало возможность подойти вплотную к раскрытию взаимосвязей, существовавших во время контактов двух разных систем, при изучении процесса заимствования древнетюркских слов венгерским языком⁷. Благодаря реконструкции обнаруживаются сильные и слабые тенденции изменений, имевших место в правенгерском языке после распада угорского единства и отразившихся в тюркских словах после их заимствования

«Главу» завершает тюркский блок. Его первый элемент – реконструированный звуковой облик слова, заимствованного (реципиентного) из западного древнетюркского языка (его семантика реконструируется только в том случае, если отличается от семантики соответствующего слова в восточном древнетюркском). Если форма слова из языка-донора претерпела звукоизменения или была вовлечена в словообразовательный процесс, далее показывается вероятный ход изменений в древнетюркскую эпоху. В этой же структурной части перечисляются все венгерские производные слова, производящая основа которых в конечном счете восходит к реконструированной западнодревнетюркской форме. При этом последовательно представлены морфологическое членение венгерских форм и семантика производных форм. Наряду с западнодревнетюркской реконструированной формой в качестве референции показаны возникшие из восточнодревнетюркского языкового варианта, то есть реальные языковые данные, выявленные из источников другого языкового варианта, существовавшего примерно в одно время с западнодревнетюркскими. Если восточнодревнетюркская форма – производное слово, уделено место и морфологическому разбору формы-референции. В тех случаях, когда древнетюркское слово само является заимствованием из другого языка, последний элемент тюркского блока «главы» – этимологическая справка о происхождении тюркского слова. Строение тюркского блока «главы» отличается от изложенной схемы, если венгерское слово имеет предположительно куманское происхождение. В таком случае донорская форма проходит не как западнодревнетюркская, а как куманская.

Вторая структурная часть этимологической словарной статьи – это, по сути, квалификация достоверности тюркских этимологий. Если западнодревнетюркское происхождение слова бесспорно, после этимологии комментариев нет. В прочих случаях на этом месте стоит одна из пяти следующих заметок: «слово куманского происхождения», «вероятно тюркского происхождения», «его тюркское происхождение спорное», «тюркского происхождения, но его западнотюркское происхождение под вопросом», «тюркского происхождения, но его морфологическая структура спорная».

В начале исследования авторами было выбрано 561 заглавное слово для создания базы данных. В конечном итоге этимологии 70 из них были отвергнуты, 72 самостоятельных заглавных слова были перенесены в статьи под другими заглавными словами, так как был выявлен их производный характер. Оставшиеся 419 заглавных слов можно было соотнести с тюркским этимоном, но 35 из них были квалифицированы как слова куманского происхождения. По поводу последней группы еще в самом начале исследований было однозначно определено, что из-за особенностей истории условия их заимствования хронологически могли быть осуществлены только в последний период тюрко-венгерских контактов. К этому времени тот или иной вариант из западного древнетюркского языка-донора мог иметь уже четкие кыпчакские фонетические или лингвогеографические особенности, отличающие его от прочих западнодревнетюркских языковых вариантов. (Гомбоц данную группу рассматривал отдельно как второй, или средний, слой тюркских заимствований.) Таким образом, остаются 384 слова, на основе фонетического, морфологического и семантического анализа которых авторы предприняли попытку исторического описания западнодревнетюркского языкового варианта.

⁷Отсутствие надежной реконструкции правенгерской фонологической системы было причиной того, что ни TESz, ни Лигети [Ligeti 1986] не сумели достоверно воспроизвести реципиентные языковые формы.

Реализовать данную цель непросто, особенно с учетом того, что авторы предпринимают попытки реконструировать языковой вариант древнетюркской эпохи, при этом у данного варианта языка нет письменных памятников того времени, которые можно было бы использовать в качестве первичного источника (фрагментарные списки дунайско-болгарских князей дошли до наших времен в весьма плохом состоянии и содержат довольно ограниченный по количеству языковой материал), очень мало сохранилось источников даже среднетюркской эпохи (волжскобулгарские эпитафии в обработке Эрдала [Erdal 1993]).

Но есть древнетюркские письменные источники того же времени другого варианта языка, содержащие информацию о нем и оформленные руническим, арабским, брахмийским, манихейским, согдийским или уйгурским письмом. Сколько систем письма, столько специфических практических способов применения тюркских языковых вариантов с помощью инструментариев, созданных для исследования нетюркских языков. (О применяемой тюрками системе письма см.: Róna-Tas 1991: 53–170.)

Значит, третьей структурной единицей этимологических словарных статей, естественно, должно было стать перечисление сведений из данных источников. Исследованию в значительной степени способствовало и то, что за прошедшие два десятилетия был обнаружен целый ряд новых тюркских языковых памятников. (Не перечисляя полного списка, приведем несколько важных примеров для показа того, что почти по каждому типу письма появились новые, неизвестные для более ранних исследований источники: в окрестностях Енисея и в Южной Сибири найдено значительное количество надписей руническим письмом [Vasil'ev 1983]; в 1998 г. завершилось издание уйгурских текстов добуддийской (до возникновения буддизма) древнетюркской эпохи в виде 6-томного словаря [Röhrborn 1977–1998]; появилось научное издание более новых материалов с согдийским письмом из числа тунхуанских находок [Sims-Williams – Hamilton 1990]; в 1996 г. под редакцией Д. Мауэ опубликованы тексты на письменности брахми [Maue 1996].) В распоряжении ученых были источники, оформленные прежде всего арабским письмом и относящиеся к другому языковому варианту и к более позднему периоду (среднетюркские), значительное число которых тоже вовлечено в исследование впервые. Что касается группы источников древне- и среднетюркской эпохи, авторы имели возможность работать с обстоятельными изданиями текстов и словарей, имеющих отличный научный аппарат. Среди них есть такие источники, по которым за 150 лет истории тюркской филологии вышло в свет даже 8–10 научных изданий, так как каждое новое поколение тюркологов добавляло новые сведения к уже имевшимся. Таким образом, значительно облегчился процесс извлечения современными исследователями надежных данных из текстов, оформленных на конкретной графической форме, какого-либо источника.

И наконец, в значительном массиве источников отражена лексика современных тюркских литературных языков и диалектов; благодаря успехам лексикографии XX в. в распоряжении исследователей имеется весьма подробный материал по лексическому составу практически всех представителей различных тюркских языковых ветвей. Необходимо иметь в виду, что в лексикографических изданиях по языкам тюркских народов, проживавших на территории бывшего Советского Союза и получивших письменность по распоряжению советского правительства, используются алфавиты, основанные хотя и на одной – кириллической – графической системе, но созданные не по единому принципу. Значит, в написании специфических тюркских звуков, отсутствующих в русской фонетической системе, имеются непонятные и нелогичные различия (их обзор см.: Comrie 1996a, 1996b). Следовательно, велика заслуга (авторов монографии) в создании единой латинской транскрипционной системы для форм, обозначающихся на письме кириллицей. Из современных языков наиболее подробно представлены чувашский и казанско-татарский языки; сведения из этих языков-потомков и по количественным, и по качественным параметрам составляют самую значительную часть базы данных для сравнительно-исторического исследования словарного состава западнодревнетюркских языковых вариантов.

В качестве внешних источников авторы монографии использовали и нетюркские языки, которыми, благодаря происходившим в разные периоды истории языковым контактам, было заимствовано то или иное слово из рассматриваемых. Так, в конце тюркской базы данных неоднократно появляются монгольские данные, если слово имело монгольские связи.

По обзору источников легко понять, что авторы должны были создать на основе всех типов письма и всех их вариантов транскрипционную модель, пригодную для передачи предполагаемого звучания форм в эпоху создания языкового памятника с максимальной точностью. Наиболее подходящей, по их мнению, является тюркологическая фонетическая транскрипция на латинской основе, применение которой дало возможность создать понятную, удобную в использовании и точную базу данных.

Еще одна задача в области унификации – как можно полнее и нагляднее использовать различные языковые источники, отличающиеся типом письма или имеющие несколько научных изданий. Именно по этой причине первая буква сокращения, идентифицирующее исторические данные, указывает на вид письма источника; за ним следует сокращенное обозначение языкового памятника, затем – ссылка на издателя или на место обнаружения рукописи. Например, общеизвестный чагатайско-турецкий словарь XVI в., на первое российское издание которого из-за отсутствия титульного листа принято ссылаться по первой статье словарной части – «Abuška», представлен сокращением AChagAb, где A означает арабское письмо, Chag – чагатайский язык среднетюркского периода, Ab – конкретную работу, т.е. словарь Abuška. Так как словарь позже был издан и Б. Аталаем [B. Atalay], в базе данных имеется ссылка и на AChagAbA, а AchagAbV указывает на издание словаря Вамбери. Данное решение позволяет сэкономить место, ведь обязательные элементы библиографического описания даются в монографии всего один раз – в списке сокращений с их расшифровкой. На языковые источники также указывают сокращения, обозначающие современные языки. Сокращение того или иного языка указывает на определенную лексикографическую работу; к примеру, сокращение Chuv подразумевает данные современного чувашского литературного языка из чувашского словаря 1982 г. [под редакцией] М.И. Скворцова. Сокращение ChuvA – диалектная база данных из чувашского тезауруса Ашмарина, ChuvP – сведения из чувашского словаря 1908 г. Паасонена. В монографии Рона-Таша и Берты представлен действительно богатый материал, поэтому трудно предположить, что в ней могут отсутствовать релевантные данные. Если и возможно обнаружение дополнительных современных данных, то это, вероятнее всего, будут сведения из чувашских диалектов. До сих пор не обработаны в связи с этимологическими исследованиями памятники чувашского языка XVIII в., среди которых имеются действительно значительные по объему работы (например, рукописный словарь Дамаскина 1875 г.). В скором времени ожидается научное издание также объемного диалектологического словаря А. Альквиста, сбор материалов для которого был осуществлен в 1856 г., а посмертное факсимильное издание уже увидело свет (Ahlqvist 2008); в архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук имеются неопубликованные диалектологические материалы чувашского языка XX в., которые, возможно, когда-нибудь будут изданы.

После представления источников в этимологических словарных статьях следуют два блока с примечаниями. В первом из них, комментирующем тюркские этимологии (в случае наличия нескольких вариантов этимологии – каждая рассматривается отдельно), авторы делают обзор имеющейся в их распоряжении специальной литературы по анализируемому слову. Из-за такой формы научного рассуждения этот обзор, на первый взгляд, ослабляет строгий, компактный жанровый порядок этимологических словарных статей, но он весьма полезен. Польза, с одной стороны, заключается в том, что изложение точек зрения, отличающихся в имеющейся специальной литературе, в сравнении со сведениями из новых источников, служит тезисным объяснением частой коррекции или изменений тюркских этимологических квалификаций (положения в TESz, EWUng, Ligeti 1986). Необходимо сказать о ее полезности также с практической точки зрения. Авторам удалось собрать чрезвычайно богатый библиотечный фонд, предоставляющий для исследований все необходимые, наиболее квалифицированные издания по тюркологии и алтаистике, появившиеся за прошедшие 150 лет в Европе, Азии и Америке, в одном месте – в Восточном собрании библиотеки им. Клеббельсберга Сегедского университета. На основе обзора [научной литературы] с помощью параллельного комментирования этимологий осуществляется информирование мировой научной общественности об имеющейся литературе по теме (со сведениями обо всех значительных работах венгерской тюркологии, связанных с рассматриваемым словом); информирование заключается в приведении не просто библиографических данных, а аннотации с оценочной характеристикой.

Венгерские этимологические комментарии играют, таким образом, главную роль с точки зрения оценки венгерских историко-лингвистических деталей словарных статей. С их помощью излагаются научные взгляды выдающихся деятелей венгерской исторической лексикологии (Берната Мункачи, Йожефа Буденца, Золтана Гомбоца, Антала Хоргера, Яноша Мелиха, Деже Паижа, Гезы Барци, Белы Кальман, Лоранда Бенкё и т.п.) по конкретным вопросам истории языка. Ряд приведенных критических замечаний и предложенных решений свидетельствует о непрерывном оттачивании методики венгерской исторической лексикологии, а изложение аргументации на английском языке дает возможность и исследователям, не владеющим венгерским, проследить изменения в тюркских словах после их заимствования в венгерский язык. Список процитированной литературы здесь также представлен в полном объеме.

И наконец, завершающим компонентом этимологической статьи является список библиографических ссылок, отличающийся от комментариев тем, что содержит элементы, хоть и не упоминавшиеся в блоках с комментариями, но имеющие отношение к каким-либо аспектам истории анализируемых слов и опубликованные в авторитетных изданиях. Следует отметить, что литература, указанная в тюркских и венгерских этимологических блоках с комментариями и в завершающем списке библиографических ссылок, то есть в библиографическом списке монографии, составляет в общей сложности 88 страниц и состоит из 1705 пунктов.

В представленных здесь словарных статьях заложен фундамент для последующего исторического описания фонологической системы западнодревнетюркского языкового варианта и участвующего в словообразовании морфологического инструментария.

Автор (в этой части – один Андраш Рона-Таш) состав согласных фонем западнодревнетюркского языкового варианта определяет следующими фонемами: *p t k b d g n η ñ m ě J s z š h χ γ v y l r*. На первый взгляд, этот состав – синхронная система древнетюркской эпохи, на самом же деле в нем отражены исторические изменения в фонетике рассматриваемых слов, происходившие в языковых вариантах древнетюркской эпохи на восточноевропейской территории начиная с ранней древнетюркской эпохи (около III в. н.э.) вплоть до татарского нашествия. Ведь данный состав согласных фонем в равной мере содержит в себе как первичный фонемный состав ранней древнетюркской системы согласных (реконструированный с помощью существовавших в то же время восточнодревнетюркских – далее в.-др.-тюрк. – параллелей), так и документированный в XIII в. конечный результат происходивших звукоизменений и даже цепочек фонетических трансформаций первичных фонем; и именно фонологические различия определенных промежуточных этапов он демонстрирует в ходе рассмотрения реципиентных венгерских форм. При фонологическом анализе учитывается пять фонетических положений согласных (анлаутное, интервокальное, перед согласным, после согласного и ауслатное). Данный анализ показывает, что западнодревнетюркская (далее – з.-др.-тюрк.) реконструированная система фонем состоит из трех подгрупп. К первой подгруппе относятся согласные звуки, представляющие собой сохранившиеся первичные пратюркские фонемы /p/: (-p-, -p), /t/: (t-, -t-, -tC-, -Ct-, -t), /k/: (k-, -k-, -kC-, -Ck-, -k), /η/: (-η-, -η), /s/: (s-, -s-, -sC-, -Cs-, -s). Во второй подгруппе представлены согласные, которые могут быть и первичными, и вторичными; в отдельных фонетических позициях они – пратюркские фонемы в неизменном виде, в других – вторичные по отношению к древнетюркской эпохе образования, появившиеся в результате какого-нибудь звукового изменения. Этой группе принадлежат /b/: (b-, но -p- > -b-), /d/: (-d-, -dC-, но t- > d-, -nt- > -nd-, y- > j(i)- > d(i)- > d-), /g/: (-gC-, -Cg-, но k- > g-, -rk- > -rg-, -k > -g), /n/: (-n-, -n, но -η- > -n-), /m/: (-m-, -m, но -η- > -m-, -n > -m), /č/: (č-, -č-, -čC-, -Cč-, но -š- > -lč- > -č-, J- > č-), /z/: (-z-, -z, но -d- > -z-); /y/: (-y-, -y, но i- > yi-, qā- > qia- > χia- > ya-, qī- > χii- > yi-), /l/: (-l-, -l, но -š- > -lč- > -l-, -š > -lč > -l), /r/: (-r-, -r, но -z- > -r-, -z > -r). Третью группу составляют согласные, возникшие только в западном древнетюркском языке и являющиеся результатом исключительно вторичных звукоизменений. Сюда относятся /j/: (j- < y-), /š/: (š- < sÇa- < sā-, š- < si/sī-, -š- < -si/-sī-), /χ/: (χ- < q-), /γ/: (-γ- < -g-, -γ < -g-, -γ < -g < -k-, -γ < -η), а также /v/: (v- < ö-, ü-, -vC- < -bC-). Донорские формы западнодревнетюркских заимствований в венгерском языке в качестве аргументов для включения звуков *í* и *h* в реконструированный состав согласных западного древнетюркского языка малоубедительны, но особенности словарного состава чувашского языка и тюркских заимствований в восточнославянском являются достаточным основанием для того, чтобы ввести их в состав звуков западного древнетюркского языка.

В главе монографии, посвященной рассмотрению согласных звуков тюркской фонологической системы, как видим, в качестве реконструированных западнодревнетюркских представлены и фонемы, сохранившиеся с пратюркского языка, и фонемы, совпадающие с ними, но возникшие как результат различных изменений. Так как эти изменения в большинстве случаев были ступенчатыми и значительно растянутыми во времени процессами (что в некоторых случаях хорошо прослеживается в изменениях венгерских форм-реципиентов), Рона-Таш при описании фонологических изменений в западнодревнетюркском языковом варианте делает акцент на относительно большом хронологическом охвате изменений. В истории западнодревнетюркского языкового варианта он различает три этапа. Трехступенчатое изменение таких согласных фонем, как западнодревнетюркские анлаутные аффрикаты и ауслатные гуттуральные – это область тюркской фонологии, результаты исследований которой в данной монографии превосходят более ранние работы, поэтому заслуживают более подробного рассмотрения. Следует отметить, что эта монография впервые представляет историческую реконструкцию фонологической системы венгерского языка начиная с праугорской эпохи вплоть до поздней правенгерской эпохи, что делает возможным научно-историческое исследование механизмов взаимовлияния изменений в двух системах различного происхождения.

В начале древнетюркско-правенгерских языковых контактов (з.-др.-тюрк. 1) в западнодревнетюркском языковом варианте существовали две аффрикаты: *ǰ*-, развившаяся из пратюрк. **y*- и *č*-, сохранившаяся в неизменном виде с пратюркского. В самый ранний период (з.-др.-тюрк. 1) др.-тюрк. *ǰ*- раннеправенг. (правенг. 1) [язык] заимствовал как *ǰ*, так как к этому времени в составе согласных венгерского языка звук *ǰ* уже существовал как звонкая аффриката – результат упрощения праугорского сочетания звуков *-ńč-* (*-ńč-* > *-ńǰ-* > *-ǰ-*). (Раннеправенг. *ǰ*- позднее трансформировался в *d'* или *d*, к примеру, з.-др.-тюрк. 1 **ǰas* 'траур' → раннеправенг. *ǰas* > *ǰās* > *gyász*; з.-др.-тюрк. 1 *ǰasnaγ* → раннеправенг. *ǰisnaγ* >> *disznó* 'свинья'). Существовавший в з.-др.-тюрк. период 1 *č* позднейдревневенгерский (правенг. 2) перенял как *č*-, который позднее превратился в *š*- (ср. з.-др.-тюрк. 1 **čarlay* → правенг. 2 **čarlay* > *sarló* 'серп').

В течение второго периода древнетюркской эпохи в одном из территориальных вариантов западного древнетюркского языка *ǰ*- превратился в *č*-. Слова с анлаутным *č* из западного древнетюркского языка-донора из-за их палатализованного характера попали не в ряд слов с начальным *č*-, имевших место в правенгерской системе, а в число слов с начальным *š*-, существовавших в ней с праугорской эпохи, в дальнейшем *š* потерял свой палатализованный характер и превратился в *s*; ср. з.-др.-тюрк. 1 **ǰeley* > з.-др.-тюрк. 2 **čeley* → правенг. 2 *šeley* >> *szőlő* 'виноград'. (Так как *č* в языке-предке чувашского в конце древнетюркской эпохи систематически трансформировался в *š*-, ранее в научной литературе венгерское *sz* в словах *szél, szőlő, szűcs*, соответствующее звуку *š* в языке-доноре, считалось чувашским критерием.) Итак, во втором периоде истории западного древнетюркского языка параллельно существовали три аффрикаты: *ǰ*-/*č*- : *č*.

В третий период [развития] западного древнетюркского [языка] (з.-др.-тюрк. 3) первоначальный *č*- также палатализовался (*č*- > *č'*-), и возникший таким путем звук *č'*- позднейдревневенгерский язык заменил другим палатализованным звуком, имевшимся в его распоряжении, – *č*-, который в этот же период преобразовался в *č*-. ср. з.-др.-тюрк. 3 **čewür-* → *čewür-* > *csűr-* 'крутить'.

По поводу изменений ауслатных гуттуральных уже Лигети предполагал, что совпадение результатов изменений (*-γ* >> *∅*) в древнетюркском (**-Vγ* > *Vγ* > *VV* > *ǰ*) и венгерском (*-Vγ*) ауслате – это следствие конвергентного развития в венгерском языке и в чувашском варианте древнетюркского языка [Ligeti 1986: 81–82]. Тем не менее, Лигети в венгерском различает две группы гуттуральных звуков. Опираясь на точку зрения Барци [Bárcki 1958: 122], он предполагает, что во времена заимствований из древнетюркского в венгерском языке не было конечных *-k*, *-q* и *-g*, а только *-γ*. Он считает, что адаптация [тюркских] ауслатных звуков происходила двумя способами. Тюркские слова с *-k/-q* и *-g/-ğ* в конце слова либо получили вторичный ауслатный звук, который позже исчез (таким образом могли сохраниться первоначальные тюркские смычные звуки), либо осваивались венгерским языком путем смены ауслатных звуков фонемой *γ*, затем были подвергнуты венгерским изменениям *-Vγ* >> *-ǰ*. Однако Рона-Таш в новой монографии достаточно убедительно высказывается в пользу того,

что имели место не два, а три способа изменений древнетюркских гуттуральных звуков, разница между которыми – в хронотопологии⁸ явления. По мнению Рона-Таша (с. 1156), на самом раннем этапе древнетюркские *-V/k* и *-V/g* совпадали, впоследствии конечный смычный звук подвергся спирантизации: *-V/g > -V/ɣ*; ср. з.-др.-тюрк. **ingäk > *inäy* → правенг. *iney* 'телка'; з.-др.-тюрк. **burčag > *burčay* → *öm. burčay* 'горох' и многие другие. Древнетюркские слова с ауслатным спирантом попали в раннеправенгерский язык тогда, когда в нем еще функционировала норма открытого слога. Значит, в правенгерской форме древнетюркское *-V/ɣ* перенималось в виде *-V/ə*. А ауслатное *-V/ə* к позднеправенгерской эпохе через ступень *-VV* превратился в долгий гласный. Время действия нормы открытого слога раннеправенгерского языка могло совпадать с 1-м и 2-м периодами в истории западного древнетюркского. Вторая группа содержащих ауслатное *-V/ɣ* древнетюркских слов (з.-др.-тюрк.) оказалась в правенгерском языке тогда, когда в нем постепенно завершилось изменение *-y > -θ*, а ауслатный редуцированный гласный уже исчез. Гуттуральный фрикативный элемент ауслата *-V/ɣ* (возникшего из более ранних *-V/k* и *-V/g*) рассматриваемых слов в раннем древневенгерском языке был заменен на *-g*, который уже существовал в его системе благодаря произошедшему к тому времени в венгерском изменению *-ŋə > -g > -gə*; ср. з.-др.-тюрк. **čäriḡ > *čäriy* → правенг. *čerig* > венг. *sereg* 'войско'. В этот же период (з.-др.-тюрк. 3) в венгерский попали поздние древнетюркские формы, сохранившие ауслатные *-k* и *-g*, присущие языку-донору. (Данный факт свидетельствует и о том, что западнодревнетюркское языковое пространство с точки зрения фонетической реализации *-V/k* и *-V/g* было неоднородно.) В одну группу объединяются либо односложные слова с нестандартным для венгерского развитием ауслата, ср. з.-др.-тюрк. **köök* → правенг. *keyk* (> *kék*) 'синий', либо многосложные слова, которые можно отнести к позднему древнетюркскому языку на основании иного фонетического признака, ср. з.-др.-тюрк. **bäläk > *bäläg* → правенг. **beleg* > венг. *bélyeg* 'клеймо, знак, марка'. Слова другой группы с сохранившимся ауслатным *-k* квалифицируются на основе иных критериев, как единицы куманского происхождения, и относятся к третьему древнетюркскому периоду, ср. в.-др.-тюрк. **kapak > куман. kábak* → правенг. **kábäk* (> *kobak*) 'тыква; башка'. (Факты проявления ауслатных *-g* и *-k* в древневенгерском Рона-Таш показывает через представление истории слов *szeg-* и *fok*, ср. с. 1155.)

Реконструированная западнодревнетюркская система гласных фонем в новой монографии состоит из семи фонем: /a/, /o/, /u/, /e/, /ö/, /ü/, /i/. Простота этой системы, по сравнению с восточнодревнетюркскими грамматиками, в которых долгота рассматривается в целом в качестве фонологической различительной черты и предполагаются оппозиционные пары /a/ – /ā/, /o/ – /ō/, /u/ – /ū/, /i/ – /ī/, /e/ – /ē/, /ö/ – /ȫ/, /ü/ – /ū/, /i/ – /ī/ на первый взгляд может вызвать недоумение; ведь даже Л. Йохансон на основе анализа письма рунических памятников [Johanson 1979: 68–93] с долготой звуковых образований в позднюю пратюркскую эпоху связывает наличие оппозиционных пар «краткий – долгий» в первом слоге и «нормальный – редуцированный» не в первом слоге (последнее явление и обнаруживается в рунических памятниках исследуемой группы). Однако эта система проста не из-за искусственного упрощения, а потому, что комплекс гласных фонем, представленных в венгерских словах, заимствованных из древнетюркского, дает возможность допустить именно такую реконструкцию. Жужа Какук еще в ходе работы над TESz пришла к выводу о том, что заимствование древнетюркских долгих гласных в качестве долгих в венгерский могло быть только в отдельных словах, и то лишь как произносительный вариант, поскольку в тюркском лексиконе нет или же почти нет слов с первичными долгими гласными, а венгерский язык-реципиент даже в этих редких случаях не мог воспринимать и передавать их как фонему, ведь для языка-предка венгерского во времена тюрко-венгерских контактов не была свойственна фонематическая долгота гласных [Какук 1982: 84–85]. Анализ Рона-Таша (с. 1114–1124) подтверждает более раннюю точку зрения. Древнетюркские первичные долгие гласные в восточнодревнетюркском языковом варианте часто совпадают с краткими из оппозиционных пар; этот же процесс характерен и для западного древнетюркского языка. Но из материалов волжско-булгарского и чувашского общеизвестно, что еще одним способом изменения долгих гласных

⁸ Во времени и месте. – Ю.Д.

была дифтонгизация. Подобные примеры встречаются в словах, заимствованных в венгерский язык; но следы тюркской долготы гласных обнаруживаются только в некоторых случаях участия дифтонга, образовавшегося от долгого гласного, в дальнейшие изменения; ср. *-ā-* > *ia*: з.-др.-тюрк. **sār* > **siar* > **šar* → правенг. **šar* > венг. *sár* 'грязь'; *ō-* > *va-*, ср. з.-др.-тюрк. **ōy-* > **vay-* → правенг. **vay* > венг. *váj-* 'выдалбливать'. Новая монография дополняет накопленные ранее знания освещением каждой отдельной фонемы, представленной в венгерском, с указанием фонетических ситуаций, в которых в позднюю правенгерскую эпоху в результате внутреннего развития возникли долгие гласные (к примеру, дифтонги, причиной появления которых стало изменение типичных спирантизированных гуттуральных, или отсутствие их по причине исчезновения гуттуральных). Что касается редуцированных гласных переродившегося слога, сохранившихся с пратюркской эпохи, только в двух случаях венгерские слова служат основанием для предположения о существовании в раннем древнетюркском ауслатного редуцированного. Одно из них – венгерское *csök* 'половой член быка, животных', западнодревнетюркскую форму которого авторы реконструировали как **čükV* (< пратюрк. **čükV*), второе – *homok* < з.-др.-тюрк. *χumakī* 'песок', пратюркская реконструкция которого отсутствует.

Фонологическая реконструкция строится в монографии на основе строгого применения сравнительно-исторического метода. Строгость эта оправданная, потому что при этимологизации словарного материала, восходящего ко временам столь далекой эпохи, для точного определения закономерных фонетических изменений в историческом языкознании является наиболее надежной основой. В то же время Рона-Таш переступил через изначальное закостенелое понимание данного метода, согласно которому фонетические изменения нужно принимать как закон, так как рассмотренный им лексический материал демонстрирует значительные расхождения с общепринятыми правилами. (Видимо, отчасти из-за этого в словарных статьях нередко встречается квалификация «[слово] спорного древнетюркского происхождения».) Автор также избегает обычных для значительного числа работ по исторической лексикологии второй половины XX в. способов интерпретировать закономерные фонетические изменения как тенденции и предпринимать конкретные объяснения «исключений», возможно, потому что при объяснении конкретных исключений возникают субъективные суждения. Вместо этого он квалифицирует подтвержденные многочисленными примерами регулярные изменения как закономерные, а отличающиеся от закономерных – как вторичные. В случаях вторичных изменений он иногда раскрывает причину изменения (к примеру, то, что причина появления начального звука *š-* в слове *süllö* – в нестабильности древнетюркского звуко сочетания *-lč-*, см. с. 1106), в других ситуациях пишет просто «вторичный»; например, о звуке *-l-* при рассмотрении этимологии слова *bölcs* и морфологического варианта *ács* слова *ács* (с. 1105). Не ухудшило бы достоверность этимологий, если бы на самом деле являющиеся аналогичными изменения *expressis verbis*⁹ были названы аналогичными изменениями, тем более в исторической фонетике чувашского языка, являющегося продолжением западного древнетюркского, аналогичные фонетические изменения имеют значительное распространение, следовательно, представилась бы возможность указать отправную точку развития данного типа изменения. Строгое применение сравнительно-исторического метода не позволяло считать слова явно звукоподражательного происхождения, таких как венг. *csat*, *csatol-*, *ugu*, словами, имеющими надежную древнетюркскую этимологию, ведь, согласно данному взгляду, участие подобных слов в регулярных фонетических изменениях необязательно, следовательно, они этимологически ненадежны. И наконец, при традиционном использовании метода не было обязательным объяснение семантической разницы слов в языке-доноре и языке-реципиенте, хотя база данных, помимо информации об источнике, последовательно приводит и сведения по семантике по всем историческим периодам; такой объем исторического корпуса предоставляет большие возможности для исследования изменений семантики в исторической ретроспективе. Достаточно указать, например, на тюркский этимон венг. *ondó*. Данное слово является производным от *un* 'мука'. В восточном древнетюркском языке представлен процесс образования слов, подобный процессу словообразования в западном древнетюркском языке, ср. *un* > *untak* 'порошок, мука'.

⁹ Определённо, ясно. – Ю.Д.

Таким образом, можно считать вероятным следующий путь заимствования: з.-др.-тюрк. *unday* → правенг. *ondó* 'сперма, семенная жидкость'. Это является наглядной иллюстрацией действия разделения на категории, которое можно обнаружить при когнитивно-семантическом подходе к изучению изменений семантики; но автор, очевидно, не ставил цели вовлечь историческое исследование в другие теоретические рамки. Несмотря на эти частности, на сегодняшний день это описание фонологической системы западнодревнетюркских согласных и гласных звуков наиболее точное, и в связи с тем, что оно основано на широкой базе данных, достоверность его высока.

Рона-Таш при научном описании процесса заимствования выходит за традиционные рамки практики исторической лингвистики, что древнетюркские заимствования называет не иначе как лексические. На первый взгляд, разница только в терминологии, но по сути – в содержании. Понятие копирования рассматривается в контактной лингвистике, соответствующую терминологию ввел Ларс Йохансон, изложивший в опубликованной в 1992 г. работе свою теорию копирования кода, реализующегося в ходе языковых контактов, и этой теорией интерпретируются заимствования и нелексических языковых элементов. Копирование кода – это процесс, в ходе которого действующий активный репродуктивный инструментарий какого-либо языка-источника частично или в полной мере одновременно становится объектом копирования (языковой код) и воспроизводится в языке-цели. Данный взгляд вполне обоснованно можно применить и в отношении заимствований лексических элементов, ведь каждое слово отображает определенные подробности системы правил языка в целом, то есть языкового кода, в конкретный момент: определенное число генинных¹⁰ фонем, структурные правила их соединения, их морфонологические изменения, последовательность морфологических элементов словообразования, возможные формальные маркеры принадлежности к определенной части речи, их суперсегментные свойства, семантическое содержание, и даже возможности связей с другими членами предложения (валентность). Таким образом, гораздо глубже понимание сути адаптации какого-либо языкового элемента (лексемы) в другом языке, нежели при бывшем термине «заимствование».

Особенно убедительно продемонстрирован процесс копирования кода в главе книги, посвященной западнотюркскому словообразованию (с. 1124–1142).

В ранних исследованиях систематическое раскрытие тюркских исторических словообразовательных моделей в древнетюркских заимствованиях венгерского языка не могло быть успешным потому, что не было тюркологических справочников по этой теме с подробной обработкой материала. С одной стороны, в приложении к древнетюркскому этимологическому словарю Клаусона в виде списка представлены суффиксы, встречающиеся в восточнодревнетюркских памятниках наиболее часто [Clauson 1972: xxxix–xiviii], Левитская в исследовании о чувашской исторической морфологии также рассматривает выявленные в чувашском языке суффиксы [Levitskaja 1976], но эти произведения, считавшиеся в свое время новаторскими, далеко не полные и оставляют желать лучшего в морфосемантическом аспекте и с точки зрения функциональной грамматики. Прорыв сделан в монографии Эрдала по тюркскому историческому словообразованию [Erdal 1991]. Эрдал выявил и исследовал лексический состав всех доступных рукописей разных типов письма, применявшихся для фиксации восточного древнетюркского языка, и доступных научных изданий текстов древнетюркских памятников, проанализировал с помощью методов функциональной грамматики почти полный спектр словообразовательных элементов, встречающихся в текстах. Данная работа могла уже достойно служить полным и достоверным исследованием, на основе которого можно реконструировать морфемы или цепочки морфем западнодревнетюркского словообразования, выявляющиеся в древнетюркских заимствованиях в венгерском языке.

В главе о морфологии автор, с одной стороны, выделяет в древнетюркском языке иноязычные по происхождению слова, иноязычные слова, образованные с помощью тюркских суффиксов, слова западнодревнетюркского происхождения, но заимствованные в венгерский через третий язык, а также древнетюркские производные слова, образованные своими сред-

¹⁰ Первичных. – Ю.Д.

ствами; с другой стороны, рассматривает тюркское влияние, оказанное на развитие омофоничных венгерских отглагольных глаголообразующих суффиксов.

Свыше 200 из всех рассматриваемых в монографии западнодревнетюркских слов – это корневые слова, по отношению к 185 словам можно было произвести морфемный разбор. В анализируемых словах фиксируется 33 западнодревнетюркских суффикса, образующие имя от имени, 21 суффикс, образующий имя от глаголов, 5 суффиксов, образующих отыменные глаголы, и 9 суффиксов, образующих глагол от глаголов, – всего 68 суффиксальных элементов, что составляет примерно 80 % словообразовательных морфем, выявленных Эрдалем в восточном древнетюркском языке. Способ анализа морфем прост, в то же время очень информативен. Реконструированные западнодревнетюркские суффиксы, более поздние их чувашские соответствия и восточнодревнетюркские аналоги вынесены в заглавный ряд. Под ними помещены западнодревнетюркские и морфологически сегментирующиеся реконструкции с перенятыми в венгерский язык соответствиями, которые структурно достаточно точно показывают процесс копирования западнодревнетюркского морфологического кода. Поскольку восточнодревнетюркские варианты тоже приведены к западнодревнетюркским реконструкциям, в данной главе более подробный функциональный анализ необязателен, так как он уже представлен в монографии Эрдаля. Тем не менее приведенный здесь состав западнодревнетюркской системы аффиксов в дальнейшем можно будет сравнить с аффиксами, сохранившимися в производных единицах чувашской лексики, и это исследование показывает полный диапазон словообразовательных элементов западнодревнетюркского языка, подвергающихся на сегодняшний день реконструкции.

После всего этого – демонстрации фонологической системы и словообразующего морфемного состава западного древнетюркского языка на основе западнодревнетюркских заимствований в венгерском языке – у автора и читателя само собой возникает вопрос: какие варианты языка могли быть внутри западнодревнетюркского, иначе говоря, как мог члениться этот язык-источник.

Если попытаться дать на этот вопрос лингвистически обоснованный ответ, то он, на первый взгляд, простой: сколько подсистем вторичных изменений можно выделить, из скольких вариантов языка и состоял этот образовавшийся на основе общности территории языковой конгломерат. Легко выделить куманский слой, представляющий собой гомогенную подсистему (что и было сделано Рона-Ташем; с. 1340–1342). На первый взгляд, языковое образование чувашского типа выделить также просто, ведь чувашские критерии известны [Ligeti 1986: 12–48]. Однако это только на первый взгляд просто. Кроме того, что из критериев, которые Лигети отнес к чувашским, сегодня таковым уже не числится соответствие венг. *i* ~ тюрк. *â*, и иначе квалифицируется соответствие венг. *sz* ~ пратюрк. *y-*, большинство остальных чувашских критериев (соответствия *tâ* > *tia* > *č*, *ti/ti* > *č*, *i-* > *yi*, *qâ-* > *qa-* > *χa-* > *ya-*, *q-* > *χi-* > *yi-*) в венгерских словах древнетюркского происхождения не встречаются, поэтому они с древнетюркской эпохой не связаны, хотя по природе своей и чувашские. Спирантизация ауслаутных гуттуральных и исчезновение их впоследствии опять же как чувашский критерий не квалифицируются, так как здесь речь идет о конвергентных изменениях в венгерском и тюркском языках. Хотя результат всех трех типов трансформации *-η* (*-η* > *n*, *-η* > *γ* > *θ*, *-η* > *m*) обнаруживается в чувашском и можно предположить, что в западном древнетюркском языке одновременно существовали диалектные варианты, затруднительно указать, какой из них прежде всего можно связать с языком-предком чувашского. А в остальной части лексем, на которые распространяются [чувашские] критерии, можно выявить не имеющие отношения к чувашскому вторичные изменения, такие, например, как вторичное озвончение начальных глухих смычных звуков в словах с ротацизмом или ламбдаизмом, что не является изменением венгерского характера. (См. *dél*, *döl*, *görény*, *gödény* и другие примеры.) В других группах встречаются слова, в звуковом облике которых изменение одного звука относится к критериям чувашского, тогда как другой звук, который в тех же словах в определенной фонетической позиции, в тот же период по закономерностям чувашского языка должен был трансформироваться, не реализовал ожидаемое изменение; ср. з.-др.-тюрк. *sân* → правенг. *szám*: изменение *-n* > *-m* – это чувашский критерий, который отражается в венгерской словоформе, но *â* в звукосочетании *sâ-* не дифтонгизируется, и, как следствие, в венгерском языке изменение *sâ* > *sia* > *ša* не обнаруживается. Но в венгерском представлена и многочисленная

группа слов, в которых вторичное изменение, ведущее к появлению чувашского критерия, не встречается, так как для этого нет соответствующих фонетических условий, но, несмотря на это, большинство слов [данной группы] является частью чувашского словарного состава. С другой стороны, 115 слов венгерского языка (многие из них носители чувашских критериев) отсутствуют в чувашском языке (их перечень см.: с. 1145). В венгерском встречаются многочисленные слова, в период контактов еще не являвшиеся носителями указанных критериев, но произошедшее в них позднее изменение, которое можно реконструировать на основе чувашского языка, делает их таковыми. Все это показывает, что считавшаяся ранее чувашской группа слов с фонетической точки зрения неоднородна, но точное разграничение конкретных вариантов языков невозможно, потому что в них одновременно отражается действие территориальных и временных факторов, и языковые изменения в линейном порядке не осуществляются¹¹. Наконец, необходимо учитывать и то, что в венгерский язык перенимались и древнетюркские заимствования, фонетический облик которых исключает их принадлежность к чувашскому типу, они даже и не куманского происхождения; то есть получается, что они восточнодревнетюркские. Суммируя все это, можно сказать следующее: если абстрагироваться от немногочисленного количества слов куманского и восточнодревнетюркского происхождения, оставшаяся лексика по языку, скорее всего, однородна (потому что в ней либо имелись предпосылки, либо уже осуществлялись исторические изменения г-тюркского языка), значит, эта постоянно двигавшаяся в пространстве и во времени языковая субстанция была доминирующим вариантом языка в регионе. Рона-Таш, следуя за ходом этих мыслей, называет доминирующий вариант западного древнетюркского языка огурским. А на вопрос, кто же говорил на огурском языке, Рона-Таш предлагает ответ, опирающийся на исторический фундамент: все народы, упоминающиеся в источниках между V и XIII вв. в восточноевропейском регионе, – авары, дунайские болгары, булгары и хазары. Несмотря на то, что у этих народов не сохранилось памятников языка со связными текстами, но сохранились глоссы, содержащие этнонимы, титулы, топонимы и личные имена, которые являются носителями чувашских критериев, или же их способ написания не исключает наличия таких маркеров в их звуковой форме (с. 1163–1176).

В конце нашего сообщения остается только подытожить, какое значение имеют результаты данного труда для венгерской науки и мировой тюркологии.

Самая главная и бесспорная заслуга большой монографии состоит в том, что в ней впервые в венгерской науке длительное влияние со стороны древнетюркского языка и его результаты отнесены к эпохе истории венгерского языка, начавшейся праугорским и кончившейся древневенгерскими периодами; так что исторический анализ рассмотренных 419 слов однозначно показал, что в начале древнетюркско-правенгерских контактов встретились две языковые системы, имеющие разное происхождение и значительно отличающиеся друг от друга. В ходе интенсивного тюркского влияния венгерский язык смог сохранить свои финно-угорские корни до конца, поскольку после отпада от угорского единства в нем на основе его более ранней угорской базы происходили специфичные, индивидуальные изменения и процессы копирования кода из тюркского языка не скорректировали их ни на фонетическом, ни на морфологическом уровнях.

С точки зрения тюркологии тюркские заимствования в венгерском являются самыми ранними, открывшимися нам на основе западнодревнетюркского языкового варианта памятниками огурского языка, которые, благодаря строгой методичной обработке, профессиональное научное сообщество всего мира может использовать в качестве надежного источника. Следует особо подчеркнуть, что эта работа впервые за продолжительную историю изучения данной темы дала возможность занять тюркским заимствованиям в венгерском языке свое место в международном обращении сравнительно-исторической тюркологии в качестве источника западного древнетюркского языка. Она способствует обоснованному выражению зарубежными исследователями своих мнений о древнетюркском материале, оказавшемся в венгерском языке, и использованию позднее названного материала в своих исследованиях. Данный труд описывает на английском языке все языковые процессы, происходившие в вен-

¹¹ О внутреннем членении огурского языка см. мою статью [Agyagási 2013].

герском языке начиная с распада угорского языкового единства вплоть до древневенгерской эпохи в одном месте, а также отразившие в качестве фона языка-реципиента исторические изменения огурского языка.

Освещение фонетических и морфологических изменений огурского языка древнетюркской эпохи служит отправной точкой написания систематической исторической фонетики и исторической морфологии огурского языка, частью которой может быть историческая фонетика и словообразование волжско-булгарского и чувашского языков.

Сохранившиеся в венгерском элементы огурского языка по времени заимствования ближе всего к тюрко-монгольским контактам, которые происходили предположительно в III–V вв., поэтому данный материал, как ожидается, в качестве источника будет способствовать более интенсивному исследованию тюрко-монгольских языковых отношений. Поскольку период этого языкового материала можно соотнести со временем создания письменных языковых памятников восточного древнетюркского и сведений в нашем распоряжении имеется в достаточном количестве, фонологическая реконструкция и реконструкция словообразовательной системы пратюркского языка становятся значительно обоснованной. А если когда-то дело дойдет до сопоставительного исследования пратюркского и раннего монгольского языков с привлечением маньчжурского и тунгусского языкового материала, тогда раньше всего может стать актуальной достоверная реконструкция основного словарного фонда алтайского языка¹².

В конечном счете, древнетюркские заимствования в венгерском языке как элементы языка являются носителями венгерской истории и культуры. Эта лексика показывает, что венгры, поселившись в начале V в. рядом со степными кочевыми скотоводами, разводившими крупный рогатый скот, по своей культуре настолько стали похожи на них, что авторы многих исторических источников отождествляли венгров до обретения родины с ними.

Литература

Agyagási 2013 – Agyagási K. Nyugati ótörök és magyar kapcsolatok: tanulmányok az *ogur* hangtörténet számára // Kiss K.É., Hegedüs A., Agyagási K. (szerk.). Nyelvelmélet – kontaktológia. Műhelykonferencia előadásai. Piliscsaba, 2013.

Ahlqvist 2008 – Ahlqvist A. Tsçhuwasçhiska. Tschuwaschischer Nachlass von August Ahlqvist. Band I. Studies in Linguistics of the Volga-Region. Vol. IV. Kossuth Egyetemi Kiadó, Debrecen, 2008.

Bárczi 1958 – Bárczi G. Magyar hangtörténet. Tankönyvkiadó. Budapest, 1958.

Benkő 1967–1976 – Benkő L. (szerk.). A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. I–III. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1967–1976. [= TESz].

Benkő 1993–1997 – Benkő L. (Hrsg.). Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. I–III. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1993–1997. [= EWUng].

Budenz 1873 – Budenz J. Jelentés Vámbéry Ármin magyar–török szövegvezéseiről // NyK. 10 (1873): 67–135.

Clauson 1972 – Clauson G. An etymological dictionary of pre-thirteenth century Turkish. Oxford University Press, Oxford, 1972.

Comrie 1996a – Comrie B. Adaptations of the Cyrillic alphabet // Daniels–Bright. 1996: 700–726.

Comrie 1996b – Comrie B. Script Reform in and after the Soviet Union // Daniels–Bright. 1996: 781–784.

Daniels – Bright 1996 – Daniels P., Bright W. (ed.). The World Writing Systems. Oxford University Press, New York, 1996.

¹² В вышедшем в 2003 г. этимологическом словаре алтайских языков [ср. Starostin – Dybo – Mudrak 2003] приведено большинство древнетюркских заимствований в венгерском языке, но правильность выведенных в нем гипотетических форм в монографии Рона-Таша и Берты довольно часто опровергается.

Dankoff – Kelly 1982–1985 – Dankoff R., Kelly J. Mahmūd al-Kāšğari: Compendium of the Turkic dialects (Dīwān Luğāt at-Turk). I–III. Harvard University Printing Office, Duxbury, 1982–1985.

Dmitrieva – Agyagási 2001 – [Адягаши К., Дмитриева Ю.] Hungaro-Tschuwaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары, 2001.

Doerfer 1963–1975 – Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen Bd. I–IV. Harrassowitz, Wiesbaden, 1963–1975.

Erdal 1991 – Erdal M. Old-Turkic word formation. Vol. I–II. Harrassowitz, Wiesbaden, 1991.

Erdal 1993 – Erdal M. Die Sprache der wolgalbolgarischen Inschriften. Harrassowitz, Wiesbaden, 1993.

Fischer 1747 – Fischer J. Eberhard. Vocabularium Sibiricum. 1747.

Gombocz 1912 – Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // MSFOu 30 (1912).

Gyarmathi 1799 – Gyarmathi S. Affinitas linguae Hungaricae cum linguis Fennicae originis grammaticae demonstrata. Gottingae, 1799.

Honti 2012 – Honti L. Anyanyelvünk atyafiságáról és a nyelvrokonság ismérveiről. Tények és vágyak. Tinta Könyvkiadó. Budapest, 2012.

Horvát 1833 – Horvát I. Magyar szovakhoz hasonlító török szovak. Tudományos Gyűjtemény. 17/6 (1833): 51–65; 17/7 (1833): 11–39.

Johanson 1979 – Johanson L. Alttürkisch, als „dissimilierende Sprache“. Harrassowitz, Wiesbaden, 1979.

Johanson 1992 – Johanson L. Strukturelle Faktoren in türkischen Sprachkontakten. Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 1992.

Kakuk 1982 – Kakuk S. The Hungarian Historical Etymological Dictionary and Chuvash Phonology // Róna-Tas A. (szerk.). Chuvash Studies. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1982. 83–95.

Levitskaja 1976 – Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976.

Ligeti 1977–1979 – Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van I–II. Körösi Csoma Társaság – Magyar Tudományos Akadémia könyvtára. Budapest, 1977–1979.

Ligeti 1986 – Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai a onfoglalás előtt és az Árpád-korban. Akadémiai Kiadó, Budapest. (1986),

Maue 1996 – Maue D. Alttürkische Handschriften 1: Dokumente in Brahmi und tibetischer Schrift. Schrift. Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 1996.

Munkácsi 1882 – Munkácsi B. Török kölcsönszók // Nyr. 11(1882): 56–61.

Munkácsi 1884 – Munkácsi B. Adalékok a magyar nyelv török elemeihez // Nyr. 13 (1884): 258–263.

Munkácsi 1902 – Munkácsi B. Adalékok a magyar nyelv régi török és mongol elemeihez // NyK. 32 (1902): 271–302, 369–398.

Räsänen 1969 – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsinki, 1969.

Róna-Tas 1982 – Róna-Tas A. (szerk.). Chuvash Studies. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1982.

Róna-Tas 1986 – Róna-Tas A. Language and History: Contributions to Comparative Altaistics [Studia Uralo-Altaica. 25]. Budapest: Szeged, 1986.

Róna-Tas 1988 – Róna-Tas A. Turkic Influence on the Uralic Languages // Sinor D. (szerk.). The Uralic Languages. E. J. Brill, Leiden – New York – København – Köln, 1988. 742–780.

Róna-Tas 1991 – Róna-Tas A. An Introduction to Turcology. [Studia Uralo-Altaica. 33]. Szeged, 1991.

Róna-Tas 1998 – Róna-Tas A. Western Old Turkic // Johanson L. (szerk.). The Mainz Meeting. Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish Linguistics. August 3–6, 1994 [Turcologica 32]. Harrassowitz, Wiesbaden, 1998. 619–626.

Röhrborn 1977–1998 – Röhrborn K. Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien. 1–6. Harrassowitz, Wiesbaden, 1977–1998.

Sims-Williams – Hamilton 1990 – Sims-Williams N., Hamilton J. Documents turco-sogdiens du IXe–Xe siècle de Touen-houang. School of Oriental and African Studies, London, 1990.

Starostin – Dybo – Mudrak 2003 – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. Etymological dictionary of the Altaic languages. Brill, Leiden, 2003.

Szinnyei 1920 – Szinnyei J. Magyar nyelvhasználat. Kiadó, Budapest, 1920.

Vámbéry 1870 – Vámbéry Á. Magyar és török-tatár szöveggyezések // NyK. 8 (1870): 109–189.

Vasil'ev 1983 – Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала: опыт систематизации. М.: Наука, 1983.

ЧГВ, 2016 г., № 11

© Э.Е. Лебедев. Аннотация на монографию: **Durmuş Oğuzhan. 18. Yüzyıl Çuvaşcasının Söz Varlığı.** – Edirne: Paradigma Akademi, 2014 – 553 s. [Дурмуш Огузхан. Лексический состав чувашского языка в публикациях XVIII в. / Огузхан Дурмуш. – Эдирне: Парадигма Академи, 2014. – 553 с.]

Несмотря на то, что имеется множество работ, посвященных письменным источникам чувашского языка XVIII в., до сих пор не было такого труда, в котором в одном месте был бы представлен весь лексический материал этих источников. Аннотируемая монография турецкого ученого, исследователя чувашского языка Огузхана Дурмуша восполняет этот пробел. Автор пишет, что во время работы в 2004–2009 гг. над диссертационным исследованием на соискание ученой степени доктора филологических наук по морфологии современного чувашского языка он ощущал недостаточность под рукой лексического и грамматического материала именно этого периода. Так родилась идея написания подробного глоссария по источникам чувашского языка XVIII в., который мог бы стать своеобразным справочником в вопросе создания грамматик чувашского языка.

Монография состоит из трех основных разделов: введения, словаря и сборника репринтов источников. В первом разделе представлено исследование каждого из источников. Это своего рода обобщение в отношении тех фактов и данных, которыми мы располагаем в настоящее время по поводу их написания, издания и содержания.

Второй раздел посвящен собственно глоссарию, где в алфавитном порядке представлены слова чувашского языка, собранные автором из упомянутых источников. Третий раздел состоит из репринтов каждого источника.

По традиции, существующей в турецком языкознании, исследование открывается главой, где даны общие сведения о чувашах: краткая история, современное расселение, количество говорящих на языке и другая информация. Далее автор пишет об основных особенностях и истории развития чувашского языка. Ссылаясь на работы известного турецкого ученого-компаративиста Талата Текина, О. Дурмуш отмечает, что историю языка-предшественника чувашского языка необходимо вести от памятников дунайско-булгарского и волжско-булгарского языков, последние из которых относятся к середине XIV в. Современный же период языка можно считать начавшимся с фиксации языкового материала в известной работе Ф. Страленберга 1730 г.

Известно, что вопрос о генетической принадлежности чувашского языка широко обсуждался вплоть до середины XX в. Некоторые ученые склонялись к мысли о его финно-угорском происхождении. В их числе были и такие крупные тюркологи, как В.В. Радлов и В. Банг, считавшие, что чувашский язык, будучи финно-угорским по происхождению, впоследствии был тюркизирован. Авторитет Радлова повлиял и на Н.И. Ашмарина, который в своем первом грамматическом труде «Материалы для исследования чувашского языка» (1898) пишет о финно-угорских корнях чувашского языка. Однако многие ученые все же справедливо писали об исконно тюркской природе чувашского языка. О. Дурмуш упоминает таких исследователей, как Левеск, Й. Клапрот, В. Шотт, которые в своих работах убедитель-

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

но доказывали тюркское происхождение чувашского языка путем сравнения чувашских слов со словами других тюркских языков.

Отдельная глава посвящена периодизации истории развития чувашского языка. Опираясь на труды наиболее известных турецких и европейских ученых, в числе которых К. Гренбек, Л. Йохансон, А. Джафероглу, А. Эрджиласун, А. Рона-Таш, Т. Текин, М. Олмез и др., автор дает основные версии периодизации истории тюркских языков. Отдельно даны схемы периодизации истории чувашского языка (в частности, вариант А. Рона-Таша). Представлены также варианты периодизации развития современного чувашского языка (начиная с 1769 г.) В.Г. Егорова и С.П. Горского.

В основной части первого раздела О. Дурмуш подробно рассматривает каждый из источников по чувашскому языку XVIII в. Они разделены на четыре группы: списки слов и словари, хвалебные тексты и переводные тексты, переводы религиозных текстов, грамматика и учебники. Автор указывает, что ближайшие по времени до XVIII в. тексты на предшественнике чувашского языка – болгарском языке – относятся к XIII–XIV вв. и написаны на арабском алфавите. Таким образом, новый период в развитии чувашского языка характеризуется и новой письменной традицией. Начиная с XVIII в. тексты на чувашском языке пишутся с использованием кириллицы или, в меньшей степени, латиницы.

Тексты, относящиеся к этому периоду, не были оригинальными. В большинстве своем они являются переводными или же текстами, созданными с определенной целью. Как правильно указывает О. Дурмуш, причиной их возникновения послужили два главных обстоятельства. Первое – это исследовательская работа нескольких экспедиций, имеющих своей целью собрать как можно больше этнографического материала о нерусских народах, проживающих на обширных территориях Российской империи. Второе – процесс христианизации этих народов, который включал в себя открытие религиозных учреждений в местах их компактного проживания и активную подготовку и перевод религиозной литературы для того, чтобы облегчить и ускорить обращение в православие чувашей, марийцев, мордвы и др. В частности, первая грамматика чувашского языка 1769 г. появилась в результате обоих указанных выше процессов.

Подробное рассмотрение каждого из источников по чувашскому языку О. Дурмуш начинает, естественно, с работы, в которой впервые дан материал чувашского языка. Это известный труд Ф. Страленберга 1730 г. – «Северная и восточная части Европы и Азии» Автор дает краткую биографию Ф. Страленберга, сообщает об обстоятельствах написания книги и излагает подробное ее содержание. Отдельно представлены классификация языков по Страленбергу и список из 28 чувашских слов.

Далее подобным образом описываются следующие работы: чувашско-русский лексикон Кириака Кондратовича, русско-татарско-чувашско-мордовский словник, русско-чувашско-марийско-мордовский словник, словарь Г. Миллера, словарь Й. Фишера, словарь Дамаскина, словарь языка чувашского 1785 г., словарь П.С. Палласа, названия семи растений П.С. Палласа, словарь Дьярмати.

Во второй главе автором рассмотрены следующие произведения: первое стихотворение на чувашском языке из шести строк 1769 г., стихотворение из десяти строк 1782 г., материалы, собранные Т.Г. Мильковичем, отмеченные 1783 г., хвалебные строки от 1787 г., текст 1788 г., образцы переводных текстов Е. Рожанского, стихотворение из девяти строк 1795 г., текст 1797 г.

Подробно исследованы переводы религиозных текстов на чувашский язык. Они представлены в третьей главе первого раздела. К ним относятся: переводы молитвы «Отче наш» в редакции Г. Миллера, Е. Рожанского, П. Талиева, перевод молитвы, которая имеется в словаре Дамаскина, перевод «Краткого катехизиса», текст молитвы И. Русановского, тексты молитв Г. Рожанского.

Наконец, в четвертой главе О. Дурмуш дает подробный анализ грамматик и учебников чувашского языка этого периода. И открывает список первая грамматика чувашского языка «Сочинения, принадлежащие к чувашскому языку» 1769 г. Автор останавливается на ней очень подробно. Он отмечает, что этот труд стал в целом первой грамматикой тюркского языка, изданной в России, и первой грамматикой тюркского языка, изданной на кириллице.

Кроме этого, в работе имеется список около 1300 чувашских слов с их переводом на русский язык, что позволяет считать «Сочинения» одним из первых словарей чувашского языка.

Далее О. Дурмуш приводит подробные рассуждения по поводу того, кто был автором этой грамматики, где и когда была издана работа. Рассуждая об авторстве «Сочинений», О. Дурмуш вкратце приводит всю историю изучения этого вопроса, опираясь на труды С.К. Булича, В.Г. Егорова, В.Д. Дмитриева, И.П. Павлова, Л.П. Сергеева, В.Г. Родионова и др. Его вывод совпадает с установившейся на данный момент точкой зрения, убедительно обоснованной В.Г. Родионовым, что автором (или одним из авторов) «Сочинений» был Е. Рожанский.

Отдельно разбирается вопрос о целях написания первой чувашской грамматики. О. Дурмуш утверждает, что она создавалась в первую очередь для обучения проповедников-миссионеров христианства чувашскому языку. Однако у нее было и другое предназначение – налаживание связей и отношений между русским и другими народами Российской империи путем изучения языков. Об этом в предисловии пишет руководитель проекта по подготовке грамматик нерусских народов, митрополит Казанский В. Пуцек-Григорович.

Завершает параграф, посвященный первой печатной грамматике чувашского языка, подробный разбор ее структуры и содержания.

Помимо «Сочинений», в этой главе представлены «Слова, взятые из французских разговоров, российские, с чувашским расположением по урокам».

Отдельная глава первого раздела посвящена исследователям и их работам, темой которых стали письменные источники чувашского языка XVIII в. О. Дурмуш дает общую характеристику каждого исследования. Им проанализированы труды не только чувашских, но и зарубежных авторов, в том числе и те, что до настоящего времени не было широко известно у нас. Помимо классических работ Левеска, В.Г. Егорова, С.П. Горского, В.Д. Дмитриева, Н.П. Петрова и Л.П. Сергеева, автор дает информацию о работах Х.К. Кадри 1927 г., Л. Кларка 1970 г. и К. Адягаши 1980 г. Интересно отметить, что в труде турецкого лингвиста Х.К. Кадри слова чувашского языка написаны на арабском алфавите. Это один из редких случаев, когда арабская графика используется для написания чувашских слов после эпитафий XIII–XIV вв.

Основную часть монографии О. Дурмуша составляет глоссарий слов чувашского языка по публикациям XVIII в. Всего в этом глоссарии представлено 1 512 словарных статей (если учитывать слова, с интерпретацией которых возникли какие-либо проблемы, то это число вырастает до 1 603). Все статьи располагаются в алфавитном порядке в соответствии с алфавитом латинского языка. Заглавный вариант слова в статье представляет собой транслитерацию на латинице с переводом на турецкий язык. Затем следуют сокращения названий источников, где данное слово встречается, транскрипция слова, его перевод на язык источника и перевод на турецкий язык. Кроме этого даются ссылки на страницы из современных словарей, где даны эти слова.

И последний третий раздел книги представляет собой сборник репринтов источников. Всего автор дает 17 репринтов следующих источников: список слов из работы Ф. Страленберга, словарь Г. Миллера (немецкое издание), перевод молитвы «Отче наш» Г. Миллера (немецкое издание), словарь Г. Миллера (русское издание), перевод молитвы «Отче наш» Г. Миллера (русское издание), первое стихотворение 1769 г., первая печатная грамматика «Сочинения», *Göttingische Anzeigen*, хвалебные тексты 1787 г., два примера из словаря Палласа, текст 1788 г., перевод молитвы «Отче наш» Е. Рожанского, тексты, переведенные Е. Рожанским, пример чувашского слова из «*Flora Rossica*» Палласа, перевод молитвы «Отче наш» П. Талиева, стихотворение 1795 г., текст 1797 г.

Монография О. Дурмуша, несомненно, является ценным источником по исследованию состояния чувашского языка в XVIII в. Она станет важным подспорьем как для различных этимологических изысканий и сравнительно-исторических исследований, так и для работ по грамматике в области языков тюркской группы. Мы рекомендуем ее всем специалистам по истории и структуре тюркских языков.

ЧГВ, 2016 г., № 11

© А.М. Иванова. Рец. на: Luutonen, J. *Chuvash Syntactic Nominalizers. On *-ki and its Counterparts in Ural-Altai Languages* / Jorma Luutonen. [Чувашские синтаксические номиналы на *-ки и их эквиваленты в урало-алтайских языках / Йорма Луутонен] – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. – 130 p.

Й

орма Луутонен – доктор философии, доцент

Сектора исследования языков Поволжья Университета г. Турку (Финляндия), специалист в области урало-алтайского языкознания, автор ряда исследований по чувашскому языку¹.

Настоящая монография ставит целью изучение чувашского аффикса *-хи* в контексте урало-алтайских языков. Основу монографии составила магистерская диссертация по алтаистике, защищенная автором в Хельсинкском университете в 2010 г. под руководством профессора Юхи Янхунена (Juha Janhunen).

Книга состоит из четырех глав. Каждая из них посвящена определенному аспекту функционирования изучаемого форманта.

В главе «Language family back ground: The Turkic languages» (Основы языковой семьи: тюркские языки) автор рассматривает функционирование аффикса *-ки* в оттоманском, чагатайском, ранних формах письменного татарского языка, а также по мере доступности в дунайско- и волжско-булгарском языках.

Автор приводит различные точки зрения на квалификацию указанной морфемы. А. Гёксель (Ashl Göksel) и К. Керслак (Celia Kerlake) причисляют данную морфему к флективным маркерам. Согласно их классификации, у морфемы *-ки* есть две основные функции: образование атрибутивных адъективных фраз и местоименных выражений.

М. Эргин (Muhağem Ergin) рассматривает настоящую морфему в качестве второго типа притяжательного аффикса, Й. Корнфилт (Jaklin Kornfilt) утверждает, что морфема является клитической анафорой.

Между тем многие исследователи (Tunga Güngör, Selahattin Kuru, Izzet Pembeci, Gerjan Schaaik) характеризуют ее как подчинительный элемент, функционально схожий с относительными местоимениями. С точки зрения Г. Льюиса (Geoffrey Lewis), данная морфема является местоименным или «смешанным» аффиксом. Е. Ксато (Éva Csató) и Л. Йохансон (Lars Johanson) имеют довольно консервативный взгляд, считая *-ки* адъективным деривационным аффиксом, отличительная особенность которого заключается в том, что он может следовать за склоняемыми номиналами. Согласно мнению Й. Луутонена, возможность локативных форм *-ки* (*-ри*, *-ти*, *-чи*, *-хи*) функционировать одновременно и как определение (что является основной синтаксической функцией имен прилагательных), и как независимые слова (наподобие имен существительных и местоимений), очевидно, связана со слабой дифференциацией имен прилагательных и имен существительных внутри класса номиналов в алтайских языках.

Сравнивая различия в использовании и формах морфемы *-ки* в оттоманском литературном языке (XIII–XV вв.), являющемся предшественником современного турецкого металекта, автор выявляет различия, подтверждающие, что в древнем оттоманском морфема

Алена Михайловна Иванова – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: amivano@rambler.ru.

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ; проект № 15-14-21005.

в основном использовалась в качестве аффикса в местном падеже и реже – в родительном. В древнем и среднем оттоманском (XIII–XVIII вв.) суффикс подвергся палатализации. Незменяемость современной турецкой морфемы *-ки* является чертой металекта, уходящего корнями в ранние периоды развития оттоманского турецкого языка.

Проводя параллели с морфемами *-ки* и *-ники* в татарском языке, автор указывает, что татарский принадлежит к кыпчакской ветви тюркских языков, а турецкий – к огузской и обращение к татарскому материалу позволяет получить информацию о вариациях морфемы *-ки* в тюркских языках.

Автор отмечает ряд различий морфемы *-ки* в татарском и турецком языках. В турецком языке *-ки* может напрямую присоединяться только к темпоральным наречиям, тогда как татарская морфема *-ки* часто прибавляется напрямую к группе слов, называемой пространственной. Эквативный аффикс может следовать сразу за *-ки* в татарском языке, однако в турецком языке он может следовать только после маркера множественного числа в *-ki*-формах. Морфема *-ники* в татарском языке является эквивалентом сочетания формантов родительного падежа и морфемы *-ки* в турецком. В чагатайском языке форма родительного падежа могла использоваться в качестве предикатива без дальнейшей аффиксации. Отсутствие сочетания формы родительного падежа и морфемы *-ки* в чагатайском и древнем татарском языках может быть соотнесено с тем фактом, что суффикс *-ки* был менее распространен в формах родительного падежа, чем в локативных.

Автор монографии заключает, что функционирование морфемы *-ки* в древнетюркских языках явно отличается от ее использования в турецком и татарском. Ее использование чаще основывается на семантике, чем на требуемой синтаксической структуре предложения. Близкая связь *-ки* с понятием локативности, возможно, является архаичной чертой. В этом семантическом отношении татарский похож на древнетюркские языки больше, чем турецкий.

Дунайско- и волжско-булгарский материал, вопреки ограниченному объему (дунайско-булгарский язык известен сводом личных имен, отдельных слов, одного текста и нескольких фрагментов спорной интерпретации, в то время как волжско-булгарский язык представлен примерно сотней эпитафий), выявляет случаи использования морфемы *-ки*, что подтверждает ее функциональную развитость в болгарском языке.

Глава «The Chuvash *-i*, *-çi* and *-sker*» (Чувашские аффиксы *-и*, *-хи* и *-скер*) посвящена анализу работ по чувашской грамматике, в частности трудов Н.И. Ашмарина², Н.А. Андреева³, И.А. Андреева⁴. Автор также рассматривает категорию выделительности и посессивности в исследованиях грамматиста И.П. Павлова⁵.

Значительная часть данной главы посвящена морфологии изучаемого форманта: его позиции в склонении (морфотаксису), различении *-i*- форм с третьим лицом категории принадлежности. Автор обращается к статистическому анализу, произведенному на базе «Turku Chuvash Corpus V. 1.0 (2009)»⁶.

Й. Луутонен в части работы, касающейся категории выделения в чувашском языке, соглашается с точкой зрения И.П. Павлова о том, что данная категория имеет следующие характерные черты: а) выделительные аффиксы обычно присоединяются к одинаковым основам или формам слова; б) данные аффиксальные формы призваны называть объект; в) формы в дальнейшем могут быть изменены по числам и падежам без каких-либо ограничений; г) формы с аффиксами категории выделения используются в одинаковых синтаксических функциях.

Глава «Broader back ground: The Altaic and Uralic language sand Russian» (Широкий подход к изучению *-ки* на материале алтайских, уральских и русского языков) ставит целью описание языковых контактов в историческом ракурсе. Автором рассматриваются монгольские и тунгусские языки алтайской семьи и самодийские, венгерский, удмуртский, марийский, мордовские, финский языки уральской семьи, а также русский.

В монографии отмечается, что тюркские, монгольский и тунгусский языки инерционно относят к алтайским языкам, несмотря на то, что они более не считаются генетически связанными. С точки зрения типичных структурных особенностей и географического рас-

пределения алтайских и уральских языков логично их группировать в качестве урало-алтайского комплекса.

Из уральских языков в настоящее время ближайшими соседями чувашского языка являются марийский и мордовские (эрзянский и мокшанский) языки. Наиболее сильное влияние на чувашский язык в настоящее время оказывает русский – единственный язык, не относящийся к урало-алтайским языкам, рассматриваемым в данной работе.

Сравнивая чувашские аффиксы с их более или менее подходящими соответствиями в других языках, Й. Луутонен приходит к выводу, что существует четыре ярко выраженные лингвистические категории: 1) тюрко-монгольская морфема *-ки*; 2) посессивный аффикс третьего лица единственного числа в тюркских языках; 3) агглютинация указательных местоимений в слова с маркерами определенности; 4) собственный производный аффикс, развившийся в морфему *наподобие -ки*. Лишь феномен, описанный в третьем пункте, не имеет связи с чувашским языком.

Тюрко-монгольская морфема *-ки* является древним признаком в обеих языковых семьях. Возможно, она была заимствована из прототюркского в протомонгольский.

В итоговой части главы автор указывает, что существование формы *-ки* возможно в связи с агглютинативным характером морфологии языков, в которых они появляются и их необходимость обуславливается определенными синтаксическими характеристиками этих языков.

В главе «The etymology of the *-KI* morpheme» (Этимология морфемы *-ки*) рассматриваются возможные пути происхождения аффикса *-хи*. Множество предположений автором группируются в три теории: 1) основу морфемы составляет полнозначное слово; 2) морфема изначально была производным формантом; 3) морфема являлась производным суффиксом, однако позже стала ассоциироваться с местоименным элементом.

Исследование аффиксов *-и*, *-хи*, *-скер* показало, что их следует охарактеризовать в качестве синтаксических номиналов. Выражение, созданное с их помощью, может выступать в предложении в роли подлежащего или определения. Автором особо оговаривается, что не следует смешивать процессы синтаксической и лексической номинации. Последняя предполагает образование новых слов путем присоединения производных аффиксов к основам или с помощью иных деривационных способов. Результатом же синтаксической номинации являются не новые лексемы, а флективные формы особого типа.

В ходе исследования никакого иноязычного влияния, которое могло бы объяснить характеристики чувашских суффиксов *-и*, *-хи* и *-скер*, выявлено не было. В то же время установленный материал допускает контакты ранних форм чувашского и удмуртского языков. Очевидно также, что чувашский язык повлиял на развитие марийского производного суффикса *-се*, который функционально схож с морфемой *-ки*.

В свою очередь нам бы хотелось отметить следующее. В традиционной и школьной грамматике чувашского языка формы с компонентом *-хи* в течение долгого времени причислялись к относительным прилагательным. В 1960 г. ХХ в. И.П. Павлов⁷, И.А. Андреев⁸ высказали мнение, что аффикс *-хи* не является словообразовательным и назначение его чисто синтаксическое: в речи он придает имени существительному определительную роль.

С точки зрения В.И. Сергеева, *-хи* в чувашском языке – не деривационная, а формообразующая морфема⁹. В именах существительных *ирхи* «утренний», *суллахи* «летний» (подобных примеров в чувашском языке не более десяти), в наречиях времени (например: *паянхи* «сегодняшний», *пётёрхи* «прошлогодний», *ыранхи* «завтрашний») компонент *-хи* выступает в качестве аффикса выделения.

Представляется, что формы с компонентом *-хи* можно рассмотреть как особые (функциональные) формы имен существительных, образующих изафет IV в чувашском языке; ср.: *кёр кунё* (изафет II) «осенний день» (букв.: день осени) ~ *кёрхи кун* (изафет IV) «осенний день», *каç илемё* (изафет II) «вечерняя красота» (букв.: красота вечера) ~ *каçхи илем* (изафет IV) «вечерняя красота».

Традиционно в тюркских языках выделяют три типа изафета, однако словосочетания *кёрхи кун*, *каçхи илем* не входят в рамки изафетов I, II, III. Подобно изафетным конструкци-

ям, они субстантивны и по первому, и по второму компоненту, более того, выражают значение принадлежности, но до настоящего времени такие примеры оставались незамеченными в плане отнесения их к изафетным конструкциям, так как морфологически оформлены не аффиксами принадлежности, а формообразующим элементом *-хи*. Морфосинтаксические формы с аффиксом *-хи* составляют наглядный пример изафета IV в чувашском языке.

На наш взгляд, настоящая монография является ценным вкладом в чувашское языкознание и заслуживает скорейшего введения в научный обиход.

Финское чувашеведение, заложенное такими учеными, как Август Альквист (August Ahlqvist), Хейкки Паасонен (Heikki Paasonen), Марти Рясänen (Martti Räsänen), Юрьё Вихманн (Yrjö Wichmann), активно развиваемое трудами таких языковедов, как Райа Бартенс (Raija Bartens), Эрkki Итконен (Erkki Itkonen), Йорма Луутонен (Jorma Luutonen), Мерья Сало (Merja Salo), являет образец качественных научных исследований¹⁰. Труды многих финских ученых стали научной классикой.

Литература и примечания

¹ Некоторые работы Й. Луутонена, посвященные чувашскому языку: *Luutonen J. The history of Permian, Mariand Chuvash plural suffix esinthe ligh to fIndo-Aryanparallels // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1999. Vol. 88. P. 73–101; Луутонен Й. Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературном языке в начале XX века // Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в. Ижевск, 2000. С. 21–42; Luutonen J. Murteiden taistelu Volgan mutkassa ja meillä. Volgan-Kaman alueen vähemmistökirjakielten synty // Virittäjä. 2000. № 4. S. 542–568; Luutonen J. Über die Entwicklung der gesellschaftlichen Stellung der marischen und tschuwaschischen Sprache // Mari und Mordwinen im heutigen Russland. Sprache, Kultur, Identität. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altica. Wiesbaden, 2005. Bd 66. S. 119–152; Moision A., Fomin E., Luutonen J. Tšuvassilais-suomalainen sanakirja = Чавашла-финла словарь: 8000 sanaa. Turku, 2007. 286 s.; Zheltov P., Fomin E., Luutonen J. Reverse dictionary of Chuvash = Обратный словарь чувашского языка. Helsinki, 2009. 344 p.*

² Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка: в 2 ч. Казань: Типограф. Императ. ун-та, 1898; Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса: в 2 ч. Казань, 1903–1923.

³ Андреев Н.А. Имя прилагательное // Материалы по грамматике современного чувашского языка: морфология. Чебоксары, 1957. С. 62–106; *Его же*. Имя существительное // Там же. С. 5–61.

⁴ Андреев И.А. О категории дефинитивности в чувашском языке // Ученые записки. Чебоксары, 1965. Вып. 28. С. 76–87; *Его же*. К вопросу о выделении относительных прилагательных в тюркских языках // Вопросы чувашской литературы и языка. Чебоксары, 1966. С. 90–103. (Ученые записки / ЧНИИ; вып. 32).

⁵ Павлов И.П. Категория выделения в современном чувашском языке // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары, 1985. С. 3–15.

⁶ *Turku Chuvash Corpus V. 1.0 (2009). Research Unit for Volgaic Languages (University of Tuku). Anelectronic corpus of Chuvash texts.* Данный корпус включает в себя тексты общим объемом более чем в 1 млн 240 тыс. словоупотреблений.

⁷ Павлов И.П. Хальхи чаваш чёлхи: морфологи. Шупашкар: Чаваш кёнеке изд-ви, 1965. 343 с.

⁸ Андреев И.А. К вопросу о выделении относительных прилагательных в тюркских языках. С. 90–103.

⁹ Сергеев В.И. Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 299 с.

¹⁰ Луутонен Й. Финское чувашеведение: краткий исторический очерк и библиографический указатель // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2006. С. 72–85.

Разработка чувашскими коллегами нового научного проекта, приуроченного к 100-летию образования Чувашской Республики, результатом которого станет написание трехтомника по истории чувашской национальной государственности, является важным шагом в реконструкции общественно-политических событий последнего столетия. Первая книга из этой серии, автором которой выступает В.Н. Клементьев, посвящена истокам государственности чувашского народа.

Работа состоит из «Введения», логически выверенных шести глав, посвященных отдельным этапам развития темы, и «Заключения». В первой главе монографии представлен развернутый и обстоятельный историографический обзор этой сложной и многоплановой проблемы. Автор не ограничивается анализом литературы, посвященной социокультурным и этнополитическим процессам в среде чувашей до 1920 г., доводит анализ до современности, что представляется важным в изучении темы как целостного исторического явления. Следует отметить, что В.Н. Клементьевым была проделана огромная работа по систематизации и структурированию накопленных несколькими поколениями чувашских ученых научной информации по проблемам национально-государственного строительства.

Очевидно, вопросы становления национальной государственности тесно переплетены с нациестроительством и являются во многом следствием этнокультурных и этнополитических запросов нации. К сожалению, этому основополагающему вопросу в книге не уделяется должного внимания, помимо констатации факта о формировании чувашской нации в конце XIX – начале XX в., в период имперской России. Без рассмотрения этих методологических вопросов весьма сложно определить приоритеты и проставить акценты при анализе этнополитических процессов рассматриваемого периода. Такая попытка в какой-то степени предпринята во «Введении», однако автор ограничился констатацией сложности этих вопросов, в частности, ссылаясь на отсутствие единого и четкого понимания и объяснения таких терминов, как «национальная государственность», «народность», «политическая автономия», «административная автономия», «нация», «этнос» и т.д. (с. 8). Между тем логика исследования требует разработки терминологического аппарата – собственных определений автора этих и ряда других используемых в работе терминов, в том числе таких, как «панисламизм», «пантюркизм» применительно к проектам Идель-Уральского штата и Татаро-Башкирской советской республики и др. В результате порой смысл многих тезисов и выводов автора размывается и не позволяет четко представлять то, о чем идет речь.

Историографический обзор оставляет впечатление некоторой «изолированности». На наш взгляд, было бы уместно вкратце обозначить основные труды, посвященные этнокультурным процессам среди соседних этносов. Ибо становление их системы образования, национального просветительства развивалось в одной матрице. Такой анализ позволил бы более четко выделить общие черты и особенности просветительства и национально-государственного строительства чувашского этноса.

Из историографического обзора выпала такая важная тема, как внутривнутриполитический курс правительства, между тем культурные достижения коренных народов Волго-Уральского региона имперского периода являются прежде всего следствием этноконфессиональной политики самодержавия, которая была концентрированно выражена в возведенной в официальный ранг системе Ильминского. Правительство считало, что христианское просвеще-

Ильдус Котдусович Загидуллин – доктор исторических наук, заведующий отделом средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: zagik63@mail.ru.

ние и начальная школа на родном языке – это «наименьшее зло», чем татаризация чувашей и уход их из лона Русской православной церкви.

Указанные недостатки анализа исторической литературы в целом экстраполируются на текст книги, вышеназванные вопросы не в должной степени освещаются исследователем. На наш взгляд, идеальным вариантом было бы структурно-системное рассмотрение взаимосвязанных между собой явлений, таких как национальное движение, нациестроительство и национально-государственное строительство.

Чуваши были «крестьянским народом» и, будучи крестьянами, занимали наряду с другими нерусскими народами региона самую низшую социальную страту в российской социально-сословной иерархии, находились в весьма затрудненном экономическом положении при поиске материальных ресурсов для создания собственных этнокультурных институтов. В условиях отсутствия полноценной социально-сословной структуры этноса финансирование разработки алфавита, подготовку учебно-методических пособий, издание книг на чувашском языке, создание сети начальных школ и учебных заведений по подготовке национальных педагогических и церковнослужительских кадров их содержание взяли на себя главным образом государство, Синод, братство святителя Гурия и земства. В этой связи правомерным представляется освещение во второй главе процессов этнической консолидации чувашей в контексте влияния Великих реформ 1860–1870-х гг.

Как известно, в 1883 г. Синод издал указ, разрешавший богослужение на национальных языках, а в 1884 г. все церковно-приходские школы в Казанской губернии были подчинены миссионерскому обществу «Братство святителя Гурия». Иначе говоря, к середине 1880-х гг. были созданы правовые основы и имелись подготовленные национальные кадры и учебно-образовательные ресурсы для развития религиозно-культурной автономии чувашей в рамках сельских приходов.

Религиозно-культурная автономия – система реализации нерусскими народами в аграрной России своих духовных и культурных потребностей в рамках приходов, действующих в имперском политико-правовом поле. Начальные религиозно-национальные школы, которые изначально были ориентированы на чувашско-русское двуязычие и имели различное ведомственное подчинение (и финансирование), были составными элементами этого института. В состав религиозно-культурной автономии входили также сельские общества, во многом автономно регулирующие на основе обычного права хозяйственные и социальные проблемы местного значения. Экономической основой религиозно-культурной автономии чувашей являлись казенное финансирование и общинное землевладение крестьян. Этнокультурное пространство религиозно-культурной автономии формировалось на территории компактного расселения чувашей.

В третьей главе «Просветительство как фактор формирования национального самосознания и идеологии чувашского народа» (с. 43–66) подробно рассматривается развитие чувашской общественной мысли. Несомненно, практика переводов православных религиозных книг на чувашский язык в первой половине XIX в. достойна внимания, однако в целом имеет, на наш взгляд, опосредованное отношение к развитию чувашского просветительства. Точками отсчета в этом вопросе можно взять начало обучения в начальной школе на родном языке и разработку в 1872 г. чувашского букваря, ибо просветительство предполагает книжную культуру. Именно этим обстоятельством правомерно объяснить один из феноменов такого культурного явления, как «пионер чувашского просветительства» С.М. Михайлов (1821–1861), писавший свои историко-этнографические статьи, литературные и публицистические сочинения не на родном, а на русском языке, ориентируясь на русскую читательскую аудиторию. Вследствие незнания русской грамоты чувашки не были знакомы с его творчеством и идеями вплоть до появления прослойки национальных учительских кадров. Для чувашского этноса С.М. Михайлов стал просветителем только в конце 1870–1880-х гг.

Из книги усматривается, что особенностью чувашского просветительства является активное участие в этом процессе русских миссионеров, деятелей культуры и просвещения: Н.И. Ильминского (1822–1891), Н.И. Золотницкого (1829–1880), В.К. Магницкого (1831–1901) и Н.И. Ашмарина (1870–1933), которые определили «главные направления просве-

тительства чувашского народа: общекультурное – связанное с развитием письменности и литературного языка, национальных отраслей знаний; общественно-педагогическое – обеспечивающее социокультурное возрождение через развитие школьного образования чувашей» (с. 69, 76).

Автор справедливо отмечает развитие просветительства у И.Я. Яковлева (1848–1930) в рамках православно-миссионерской идеологии. Натянутым представляется мнение В.Н. Клементьева о том, что просветитель рассматривал православие «как канал повышения культурно-экономического и политического статуса родного народа» (с. 86).

Хорошо представлена в работе многогранная организационно-педагогическая деятельность И.Я. Яковлева. Инспектору Симбирской чувашской учительской школы удалось превратить учебное заведение в «кадровую опору просветительских инициатив», «первый крупный очаг возрождения национальной культуры», из числа выпускников которых выросла первая плеяда чувашской творческой и научной интеллигенции (с. 93). По мнению В.Н. Клементьева, И.Я. Яковлев «сумел преодолеть конфессиональную ограниченность целей просветительского миссионерства, он возглавил процесс выхода родного народа из этнокультурной изоляции, определил новый вектор культурного развития этноса – не внешнюю русификацию, а на внутреннюю консолидацию национальных сил» (с. 108). В качестве доказательства данного тезиса в книге приводится список чувашских поэтов, писателей, композиторов, ученых-гуманитариев, окончивших Симбирскую чувашскую учительскую школу. В целом, в работе представлены впечатляющие результаты этнографических и исторических изысканий чувашских исследователей.

В качестве одного из главных достижений в научной деятельности Н.В. Никольского (1878–1961) выделяется создание им «академической национальной истории» (с. 119), что способствовало воспитанию национального самосознания у подрастающего поколения (выделяются также педагогическое и общественно-политическое направления его просветительской деятельности). При этом, по нашему мнению, понятие «академическая национальная история» должно быть интерпретировано с учетом социокультурной ситуации у чувашей.

Представляет несомненный интерес сравнение взглядов на национальные проблемы двух титанов чувашского просветительства – И.Я. Яковлева и Н.В. Никольского, приверженца либерально-демократических взглядов, за последним автор признает более широкую научную основу (с. 118).

Автор не выделяет критерии «религиозно-христианского течения в общепросветительском движении чувашского народа» (с. 134). На наш взгляд, чувашское просветительство выросло из «религиозно-христианского течения», поэтому данное название подзаглавия книги вызывает некоторое недоумение, как и деление автором этнокультурных процессов в среде чувашского этноса на несколько этапов: миссионерский, охвативший период первой половины XIX в. (задачи национального возрождения решались через православную церковь и духовные учреждения, которые являлись главным каналом повышения статуса чувашей); собственно национальное просветительство – второй половины XIX в. (с. 142). На наш взгляд, миссионерское просветительство, как и чувашское просветительство, продолжалось вплоть до запрещения советской властью церковных учреждений на волне формирования атеистических ценностей. Во-первых, во главе угла учреждения национальных школ и приходов лежала идея правительства о христианском просвещении чувашей, что наглядно отражалось в учебной программе школ, с точки зрения власти эти учебные заведения являлись миссионерскими. Во-вторых, характерной чертой абсолютного большинства чувашских просветителей была атрофированность в восприятии традиционных верований своих предков как неотъемлемой части национальной самобытной культуры и нежелание их возрождения к повседневной практике, оценку их как «тормоза на пути возрождения народа» (с. 87). (Кажется, единственным представителем творческой интеллигенции, усмотревшим основу национального своеобразия в традиционных верованиях народа, был И.Н. Юркин (1863–1943), который одним из первых начал интересоваться вопросами происхождения чувашей. – *И.З.*) Следовательно, желая прогресса своему народу, чувашские просветители всячески пропагандировали христианизацию и агитировали за неё, за православные религиозно-нравственные ценности.

Оставляет очень хорошее впечатление 4-я глава «Зарождение национального движения. Возникновение и деятельность чувашских организаций». В период Первой русской революции, под воздействием новых общественно-политических условий, увлечения идеями эсеров социально активной части и выросшей с ориентиром на русскую культуру молодежи привели к качественно новым явлениям в общественном мировоззрении чувашей. Это, по сути, была светская молодежь, которая, во главу угла своей деятельности ставила вопросы социальной справедливости и заботу о простом народе. Учрежденная в 1907 г. в Казани «Чувашская автономная окружная организация партии эсеров» в рамках партийной программы социалистов-революционеров впервые выдвинула требование о культурно-национальной автономии. Однако подлинно национальной организацией о себе заявили чувашские учителя – самая многочисленная и мощная интеллектуальная сила чувашского общества, которая учредила союз под названием «Кружок деятелей по образованию чуваш» и ставила перед собой исключительно культурно-просветительские задачи. (Хотя автор пишет, что формирование национального учительства свидетельствовало о том, что в «рядах чувашской интеллигенции произошло осознание необходимости социально-политических действий» (с. 160). На наш взгляд, непринятие партийной программы социалистов-революционеров, несмотря на обсуждение на съезде по предложению чувашей-эсеров, свидетельствует о том, что в этот момент идея культурно-национальной автономии оставалась идеей лишь малочисленной, радикально настроенной части чувашской молодежи, учительством приоритет отдавался решению культурно-просветительских проблем народа посредством школьного образования и воспитания. Таким образом, культурно-просветительской деятельностью маркировалось развитие национального движения.

Здесь важно отметить, что в революционный 1905 г. чувашские общественные лидеры не воспользовались предложением верховной власти о подаче петиций с предложениями по улучшению правового положения и решения национальных проблем своего народа. Политизации чувашской интеллигенции способствовали публикация статей в чувашской газете «Хыпар» в 1906–1907 гг., которая, однако, не смогла выполнить функцию подлинного центра национальной консолидации чувашского этноса.

Концепт национального и социального проявлялся во многих событиях, в том числе в крестьянских выступлениях 1905–1907 гг., о которых в книге не говорится. Как известно, все перечисленные общественные организации оказались временными: с наступлением реакции в стране они канули в Лету. Автор пропустил важнейший период 1908–1916 гг., подготовивший общественную позицию чувашских общественных деятелей к революционным событиям 1917 г., открывшим новую веху в национально-государственном строительстве народов России. Именно в годы реакции, в значительной степени на волне открытого или скрытого протеста на реакционный внутрисправительственный курс правительства, происходила национальная мобилизация нерусских народов России, для многих из которых стала очевидной необходимость национально-культурной автономии.

Как совершенно справедливо отмечает автор, 1-й съезд мелких народностей Поволжья (9–15 мая 1917 г.) впервые коснулся вопроса политического обустройства России, ознаменовав переход от культурно-просветительских задач к политическим вопросам (с. 172). Здесь необходимо было также акцентировать внимание на том, что в рассматриваемый период многие национальные институты чувашей возникали в результате действий соседних народов или под воздействием революционных событий либо инициативы власти. Так должно быть интерпретировано создание чувашскими военными служащими собственных организаций, о котором говорится в рассматриваемом труде.

В книге наглядно показана руководящая роль автономной Чувашской организации социалистов-революционеров, возникшей в июне 1917 г., на проведение практически всех общественно-политических мероприятий чувашей и на содержание принятых на них решений. Программа партии эсеров явилась в этот отрезок времени универсальным кодом, регламентирующим национальные стремления чувашской интеллигенции.

По материалам съездов автор последовательно отслеживает эволюцию взглядов чувашских общественных деятелей на вопросы национально-государственного строительства. Важнейшую роль в национальной консолидации сыграл 1-й Общечувашский съезд (Симбирск, 21–28 июня 1917 г.), который в вопросе о необходимости создания националь-

но-культурной автономии солидаризировался с решениями 1-го съезда мелких народностей Поволжья. Исполнительный орган 1-го Общечувашского съезда – Чувашское национальное общество – в идейно-политическом отношении стояло на платформе правых эсеров, в своей национальной программе – на принципах культурно-национальной автономии (с. 204). Автор подчеркивает, что съезд выступил также за «право, при наступлении соответствующих культурно-политических условий, за национальную автономию, основы которой должны были быть выработаны согласно желанию и воле населения национальными представительными собраниями». Решения съезда о разработке национальной символики (флага и значка), установлении «чувашского национального праздника», учреждении «Чувашского национального дома», введении в судопроизводство чувашского языка, расширении автономии чувашских религиозных институтов до уровня благочинных округов действительно свидетельствовали о новых явлениях в развитии общественной мысли чувашей (с. 198, 200). Как совершенно справедливо отмечает автор, чувашские общественные деятели задавали тон в национальных движениях немусульманских народов Поволжья, один из лидеров которых Н.В. Никольский председательствовал на 2-м съезде мелких народностей края (1–4 августа 1917 г.).

Настоящим калейдоскопом общественно-политических событий ознаменовался период после октябрьского переворота 1917 г., когда события происходили в еще более ускоренном темпе, как бы накладываясь друг на друга. В рамках 5-й главы «Национально-политическое развитие чувашского народа в послеоктябрьский период» (с. 215–288) автор, придерживаясь главной линии своего повествования, вкратце изложил действия чувашских партийных лидеров, имеющих отношение к национально-государственному строительству. В частности, в книге подчеркивается, что Общечувашский рабоче-крестьянский съезд (Казань, 9–15 июня 1918 г.) стал последним национальным форумом, в котором приняли участие все главные политические силы, национальные объединения чувашского народа, при безусловном доминировании левых эсеров. Представители всех политических партий были солидарны в вопросе о недопустимости включения чувашского народа в состав Татаро-Башкирской советской республики, заявив о неготовности чувашей к созданию политической автономии, по-прежнему придерживаясь лозунга культурно-национальной автономии и принципа национально-пропорционального представительства в органах власти и общественных учреждениях. Съезд также принял решение о признании советской власти (с. 245).

Создание Чувашского отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР ознаменовало переход решения национально-государственного устройства этносов от общественных сил в руки советского правительства. Раскол среди общественных лидеров с началом Гражданской войны в Среднем Поволжье и деятельностью Комуца, физическая ликвидация большевиками своих оппонентов из числа чувашских общественных деятелей, советизация местных органов власти зимой и летом 1918 г. – эти описываемые в книге события в целом формируют представление о том, что народы региона не могли влиять на происходящие процессы и вынуждены были приспосабливаться к требованиям новой власти.

В последней главе книги «Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья и автономизация чувашей (октябрь 1917–1919 г.)» освещается отношение чувашских партийных лидеров и общественности на проекты Идель-Уральского штата и Татаро-Башкирской советской республики, которые сыграли немаловажную роль в становлении новых взглядов на перспективы этнополитического развития чувашского этноса. Как известно, 12 января 1918 г. текст Декларации прав народов России большевиками был утвержден в новой редакции, и она стала называться «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая предоставила право на самоопределение исключительно рабочим и крестьянам. Новый документ сделал вне закона проект Идель-Уральского штата. Желая перехватить инициативу и окончательно закрыть тему об Идель-Уральском штате, казанские большевики инициировали, созвав 21–22 февраля 1918 г. областной съезд Советов Поволжья и Урала, учреждение Урало-Волжской советской республики, территория которой практически совпадала с Идель-Уральским штатом, а И.В. Сталин и работающие в Наркомнаце татарские большевики М. Вахитов и М. Султан-Галиев декретом от 22 марта

1918 г. запустили проект о Татаро-Башкирской советской республике. Народы края оказались заложниками новых политических игр большевиков по советскому национально-государственному строительству в регионе. Учредительный съезд Советов по Татаро-Башкирской республике был назначен на 15 сентября 1918 г. в Уфе, однако Гражданская война помешала реализации проекта и после укрепления советской власти 13 декабря 1919 г. декрет о ее создании был аннулирован.

На данном этапе позиция чувашских лидеров выражалась в стойком отказе от включения в состав проектируемых автономных образований чувашей (только Всероссийский чувашский военный съезд высказался (Казань, 12 января – 14 февраля 1918 г.) за создание Идель-Уральского штата в составе России, постановив рассмотреть этот вопрос на Общечувашском учредительном собрании (с. 221–225). Как следует из текста, эти проекты заставляли реагировать чувашских партийных лидеров на поступающие предложения и серьезно задуматься о будущем своего чувашского народа. Предложение 1-го Общечувашского рабоче-крестьянского съезда (9–15 июня 1918 г.) о создании вместо Татаро-Башкирской республики областной автономии народов Поволжья и Прикамья, которое поддержали и участники объединенного заседания мелких народностей Поволжья и Приуралья 13 июля (г. Казань), стало, по утверждению автора, наивысшей точкой в суждениях чувашских лидеров по национально-государственному устройству этноса.

При изложении этих вопросов автор оставил нераскрытым главный вопрос монографии: «Почему чувашские национальные лидеры ограничивались требованием национально-культурной автономии?» На наш взгляд, ответ заключается в культурно-исторической самобытности чувашского этноса и в значительной степени зафиксирован в скупых предложениях участников этих общественно-политических процессов, которые следовало расшифровать. Это – глубокая интеграция чувашей в российское политико-правовое поле, в результате которой хозяйственная, социальная и религиозно-духовная жизнь чувашей «срослась» с жизнью «державного» русского этноса; выработанные под воздействием русской культуры и общественной мысли кругозор и стремления чувашских общественных лидеров и представителей национальной интеллигенции: формирование просветительства в рамках русского христианского просвещения, а национальной идеи – в соответствии с программными установками эсеровской партии; однотипный крестьянский сословно-социальный состав чувашского этноса; ограничение требования по земельному вопросу основной массы чувашей – крестьян – сохранением общинных земель и отсутствие чувства национальной территории; в определенной степени дисперсное расселение чувашей и наличие нескольких национальных общественных центров (Симбирск, Казань, Уфа) и т.д. Национально-государственное строительство как новая парадигма возникло в развитии чувашского этноса в 1917 г. под воздействием революционных событий.

Обобщая, следует отметить, что монография В.Н. Клементьева поднимает очень сложные, во многом еще не до конца разработанные проблемы и, самое главное, ставит новые вопросы, требующие ответа. В целом, книга иллюстрирует современные подходы чувашских историков по изучению процессов национально-государственного строительства этноса, достижения коллег в этой области исторических знаний и является несомненным вкладом в исследование его как целостного исторического процесса.

Примечание

¹ Именной высочайший указ «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» от 18 февраля 1905 г. предоставил российским подданным, «радеющим об общей пользе и нуждах государственных», «частным лицам и учреждениям» право подавать петиции на имя императора «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Этой возможностью воспользовались многие нерусские народы Российской империи.

Проведение добротного социолингвистического исследования требует много времени, сочетания качественных и количественных методов, сопоставления с аналогичными ситуациями. Выполненная Алос-и-Фонтом работа отвечает этим критериям. Она посвящена актуальной теме, выходящей далеко за пределы Чувашской Республики – семейной языковой политике и отношению к билингвальному образованию. Предложенные им подходы и статистическая обработка достоверных данных соответствуют целям научного доклада, а полученные результаты имеют теоретическое и практическое значение и могут способствовать уточнению методов и приемов использования языков в семье и сочетания языков в процессе получения образования.

В современной филологии в целом социолингвистические исследования стали явно преобладать над грамматическими и историческими. Этому можно найти несколько объяснений. Во-первых, в традиционных исследованиях наработана огромная теоретическая база, в то же время они не всегда доходят до потенциальных пользователей. Сделать научные достижения достоянием всех заинтересованных сторон, способствовать тому, чтобы они внедрялись и работали на благо людей, – сложная задача, которая может быть решена при объединении усилий ученых, общественных деятелей и практиков. Изучением реализации языковой политики через взаимоотношения между этими слоями населения занимается социолингвистика. Во-вторых, в теории редко учитывались реальное бытование языка в обществе, его статус, потребности конкретных пользователей (в том числе семей, образовательных и культурных учреждений, средств массовой информации). Социолингвистика изучает, как сделать горизонтальные и вертикальные связи между пользователями языка более прочными и гибкими. В-третьих, создание корпуса современного существования, актуальные компьютерные методы анализа, будущее языка, его развитие – все это возможно тогда, когда язык полноценно применяется во всех жизненных сферах. Социолингвистика показывает, как сделать это движение естественным. Недаром Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям (<http://sovetnational.ru>) действует именно в этом русле, сочетая экспертизу носителей языков и культур с мнением политиков, активистов и ученых.

Россия не одинока в этой ситуации: практически все языковые меньшинства в мире находятся в таком же положении. Еще недавно главным вопросом было овладение государственным языком, через который возможен доступ к максимальному информационному полю, образовательному пространству и рынку труда. Сегодня в большинстве стран (благодаря всеобщей грамотности, увеличению сроков обязательного образования, развитию средств коммуникации, улучшению методов изучения языков и т.п.) ситуация обратная: государственными языками владеют практически все, а сфера употребления языков меньшинств сокращается. Необходима ревитализация, способная привести к обратному языковому сдвигу. Э. Алос-и-Фонт рассматривает вполне убедительные примеры ситуаций в Канаде, Уэльсе, Стране Басков и Татарстане. Можно добавить случаи потери и возрождения саамских, рома и карельского языков в Финляндии, да и положение шведского языка и языков иммигрантов требует специальной целенаправленной работы.

Опыт России по сохранению языков меньшинств интересен во всем мире [ср. Kuzmin, Plys 2008]. Право на изучение родного языка, обучение на родном языке, поддержку всех языков подчеркивается в многочисленных документах ЮНЕСКО, Совета Европы, Европейского союза и разнообразных публикациях [см., например: Arzoz 2008, Benson 2004,

Екатерина Юрьевна Протасова – профессор-адъюнкт отдела современных языков Хельсинкского университета (Финляндия); ekaterina.protasova@helsinki.fi.

McPake, Tinsley 2007, Wang Ping 2016). Постоянно идут поиски путей совершенствования преподавания языков, новых способов преподавания и систем подачи материала.

Не в каждой республике есть такие благоприятные условия для развития языка, как в Чувашии. Результаты исследования [Орехов, Решетников 2016] показывают, что здесь много энтузиастов, пишущих статьи на чувашском языке в «Википедию», что сегодня является одним из главных показателей витальности языка. Чувашские специалисты помещают особенности развития чувашской речи в общий контекст воспитания и образования ребенка [см., например: Иванова 2014, Капустина 2014, Махалова, Николаева 2003], предложены и учебные пособия нового типа [Блинов, Лутошкина 2013]. Реализованный Алос-и-Фонтом мониторинг углубленного изучения чувашского языка показывает хорошие результаты школьников не только по чувашскому, но и по другим предметам, в том числе по русскому языку. Результаты экспериментального обучения, таким образом, вполне можно внедрять более широко. Более того, полученные в докладе данные совпадают с тем, что обнаруживалось при проверке успеваемости учеников в двуязычных школах по всему миру. Безусловно, стоит обратиться к бессмертному наследию Л.С. Выготского, писавшего в работе 1928 г. «К вопросу о многоязычии в детском возрасте»: «Вопрос о детском многоязычии не является сейчас только вопросом о чистоте родного языка ребенка в зависимости от влияния второго языка. Последний вопрос только часть более сложного и более широкого вопроса, включающего в себя общее учение о речевом развитии ребенка во всем богатстве психологического содержания, которое вкладывается обычно в это понятие» (Собр. соч. Т. 3. М.: Педагогика, 2003. С. 335). Исследования, подобные докладу Алос-и-Фонта, продолжают программу, намеченную еще Выготским.

Изучение двух языков с детства, как подчеркивается сегодня, положительно влияет на развитие познавательных способностей, умение ориентироваться в ситуации, открывает дорогу изучению иных языков, уточняет представления о родном языке, развивает коммуникативные способности. Учить языки – полезно и модно, и плюрилингвизм стал господствующим подходом. Важно начать преподавать в раннем возрасте, вводить по очереди разные языки, изучать языки на протяжении всей жизни, пользоваться ими для разных целей. Говорят о коммодификации языка – превращении его в своего рода товар (эти функции видны в преподавании языков, умении ими пользоваться, переводах, доступности новых сообществ через контакты, представительстве языка и культуры в мире и т.п.). Повернуться лицом к языковым программам – насущная проблема, над которой могут совместно работать все группы народа.

В докладе выкладки не только документируются, но и обсуждаются с разных позиций. Казалось бы, что может быть проще обыденного общения с ребенком на своем родном языке. Э. Алос-и-Фонт отмечает, что стоит задуматься о том, как происходит межпоколенная передача языка в семье и как сформирована учебная программа по языкам. Он говорит о разнице подходов к коммуникации на языке в городе и деревне, среди билингвов первого и второго поколений, у носителей разных языков. У потери языка есть разные причины [см., например: Crawford 2007]. Языковая политика семьи [King et al. 2008; Schwarz, Verschik 2013 и др.] способна поддержать один язык, два, три или четыре, и все больше таких родителей, которые используют многоязычие как инструмент помощи своему ребенку. Пока еще не все это понимают, но ликвидация пробелов в представлениях о мультилингвизме и плюрилингвизме может произойти именно благодаря таким работам, как доклад Э. Алос-и-Фонта. Хочется выразить признательность таким учреждениям, как Чувашский государственный институт гуманитарных наук, где в напряженной творческой атмосфере дотошно и объективно собираются факты и составляется многокомпонентное полотно жизни чувашского народа раньше и теперь.

Литература

Блинов А.В., Лутошкина Ю.Ю. 1000 первых слов на чувашском языке. Чебоксары: Хавал, 2013. 53 с.

Иванова Н.В. Подготовка студентов к коммуникативно-речевому развитию дошкольников в условиях диалога культур и многоязычия. М.: МПГУ, 2014. 94 с.

Капустина М.А. Развитие билингвальной личности ребенка-дошкольника посредством художественной литературы // Концептуальные основы лингвистического учения профессора И.А. Андреева и их реализация в теории и практике: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, 22 мая 2014 г., г. Чебоксары. Чебоксары: Чуваш. республ. ин-т образования, 2014. С. 13–15.

Махалова И.В., Николаева Е.И. Воспитание здорового ребенка на традициях чувашского народа. Чебоксары: М-во образования Чувашской Республики, 2003. 256 с.

Орехов Б., Решетников К. Государственные языки России в Википедии: К вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ // Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве / под ред. Е.Г. Лапиной-Кратасюк, О.В. Мороз, Е.Г. Ним. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 261–279.

Arzoz X. (ed.) *Respecting Linguistic Diversity in the European Union*. Amsterdam: Benjamins, 2008. 269 p.

Benson C. The importance of mother tongue-based schooling for educational quality. Background paper prepared for the Education for All Global Monitoring Report 2005. Paris: UNESCO, 2004. 25 p.

Crawford J. Sevenhypothesesonlanguage loss: Causesandcures // Cantoni G. (ed.), *Stabilizing Indigenous Languages*. Flagstaff: Northern Arizona University, 2007. P. 45–60.

King K.A., Fogle L., Logan-Terry A. Family language policy // *Language and Linguistics Compass*, 2008, Vol. 2, No. 5. P. 907–922.

Kuzmin E., Plys E. *Preservation of Linguistic Diversity: Russian Experience*. M.: Interregional Library Cooperation Centre, 2008. 120 p.

McPake J., Tinsley T. (eds.). *Valuing All Languages in Europe*. Graz: European Centre for Modern Languages, Council of Europe. 2007. 59 p.

Prinsloo D. The right to mother tongue education: a multidisciplinary, normative perspective // *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*. 2007. Vol. 25, No. 1. P. 27–43.

Schwarz M., Verschik A. (eds.) *Successful Family Language Policy. Parents, Children and Educators in Interaction*. Dordrecht: Springer, 2013. 295 p.

Wang Ping. Assessment on language rights in education domain: shift-oriented, maintenance-oriented or something else? // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2016. Vol. 19, No. 1. P. 89–107.

ЧГВ, 2016 г., № 11

© Г.Н. Иванов-Орков. Рец. на: Мордвинова А.И. А.И. Миттов и чувашское изобразительное искусство второй половины XX века / А.И. Мордвинова; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 40 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 21).

В научном докладе А.И. Мордвиновой прослеживаются истоки формирования и развития своеобразного художественного явления, которое получило названия «миттовское искусство», «миттовский стиль» и «миттовский образ мышления».

Антонина Ильинична Мордвинова, кандидат искусствоведения, давно и последовательно занимается кропотливым анализом и популяризацией творчества выдающегося художника. Ее собственное видение проблем изучения новаторского творчества Миттова формировалось при активном взаимодействии с определенным кругом интеллектуалов в республике и за ее пределами. Как в годы работы в Чувашском государственном художественном музее (в котором хранится наиболее значительная часть произведений Миттова), так и позже, с началом научной деятельности в стенах Чувашского государственного института гуманитарных наук, она уделяла значительное внимание кропотливому изучению богатейшего творческого наследия мастера.

Геннадий Николаевич Иванов-Орков – искусствовед, заведующий отделом научно-исследовательской работы Чувашского государственного художественного музея; e-mail: ivanov.orkoff@gmail.com.

По инициативе А.И. Мордвиновой были выпущены как отдельные издания, так и статьи, расширяющие представления общественности о художнике. Несомненным достижением в чувашской культуре, еще не до конца оцененным, является книга-альбом «Художник Анатолий Миттов: Дорога в гору» (2011)¹, в которой систематизированы и опубликованы его наиболее значимые произведения, представлен целый спектр мнений современных авторов о различных сторонах творчества Миттова. Антонина Ильинична и в настоящее время продолжает работу по выявлению и анализу малоизвестных художественных произведений, биографической документации, записей и литературных опытов. Можно сказать, что тема доклада практически неотделима от личности и многолетней деятельности данного исследователя.

Научный доклад состоит из 7 разделов, включая «Введение» и «Заключение». По нашему мнению, в данной работе внимание автора сосредоточено не на биографии и произведениях художника, не на событийности и хронологии, а на тех особенностях его творчества и философских представлений (взглядов), которые «дали импульс принципиально новому направлению в развитии чувашского изобразительного искусства»². В первых разделах доклада выполнен обзор обширной культурной среды, в которой проявлялось, развивалось и крепло творческое мировоззрение Анатолия Миттова. Условия этой среды послужили источником для его формирования как художника и личности, но одновременно явились сильнейшим отрицательным фактором на пути его творческих и духовных исканий и отчасти – причиной безвременного ухода из жизни.

Автор останавливается на развитии художественной ситуации в стране – прежде всего в Москве и Ленинграде 1950–1960-х гг., а также довольно внимательно рассматривает состояние искусства и культурных тенденций в Чувашии. Эта часть работы посвящена неоднозначным и динамично меняющимся процессам как в прошлом, так и в настоящем. По нашему мнению, сложность вопроса требует от автора дальнейших исследований, точной хронологизации событий и явлений, а также тщательного отбора привлеченного фактического материала, включая произведения и персоны художников. В дальнейшем, в рамках монографического исследования, было бы интересно проследить истоки творчества Миттова не только в событиях 1950–1960-х гг., но и в малоизученных явлениях более раннего периода, в изобразительном искусстве 1920 – начала 1930-х гг. (символизм Н.К. Сверчкова, экспрессионизм и цветковые поиски Ю.А. Зайцева и др.).

Автор справедливо считает, что именно работа над художественной интерпретацией поэмы «Нарспи», пусть и в напряженных условиях дипломного проекта, оказала «глубочайшее влияние на самоопределение Миттова как художника» (с. 26), как творца с ярким и нестандартным национальным мышлением.

Полемизируя с автором, можно высказать мысль, что работы Миттова не этнографичны и в них не отражаются темы «из чувашской старины» (с. 21). К этнографическим аспектам, в том числе к точному изображению обрядов, костюмов и сельской среды, Миттов относится как к чему-то важному, но второстепенному по отношению к передаче вневременного, метафизического состояния окружающего мира. В его произведениях почти нет печати времени, в них – вечность, объединяющая все стороны чувашского мироздания, всех его обитателей, включая давно ушедших предков. Неоднократно изображаемые типажи – женщины, девушки, юноши и даже члены семьи художника – существуют не в реальном мире (например, в почти узнаваемых ландшафтах родного села Тобурданово), но в иных измерениях. Картины Миттова «Выход невесты» и «Свадьба» разительно контрастируют с полотнами Н.К. Сверчкова, Ю.А. Зайцева и даже И.В. Дмитриева на подобные темы. Их персонажи статичны, разобщены и молчаливы, глазницы черны.

Автор выделяет «новаторские качества и художественные открытия» (с. 26), которые позволили выдающемуся мастеру привнести в чувашское изобразительное искусство свое понимание законов традиционного мира, национального стиля в искусстве. Она находит убедительные обоснования композиционным, колористическим и пластическим исканиям Миттова, его философскому подходу к привычным, казалось бы, жанрам пейзажа и портрета.

Считаю необходимым высказаться и по поводу темы «осмысления христианства» (с. 32) Анатолием Миттовым, впервые затронутой автором. Миттов был крещен в детстве, незадолго до кончины был обвенчан в подмосковной церкви, погребен на своей родине

по христианским правилам. Однако, по нашему мнению, пока еще не опирающемуся на какие-то определенные доводы, вопрос о христианском влиянии на мировоззрение и творчество Миттова является полемичным. Эта тема нуждается в дальнейшем исследовании, тщательном знакомстве с литературными опытами и дневниковыми записями художника. Произведения художника еще не дают определенных подтверждений влияния христианских воззрений на его творчество. Возможно, его нечастые обращения к понятиям, сюжетам и символам из Библии лежали в плоскости общих для интеллектуалов культурно-философских и гуманистических увлечений, что было характерно для «постсталинского» периода 1960–1980-х гг. В значительной мере этот интерес можно объяснить стремлением противостоять всепроникающей официальной идеологии.

По нашему мнению, искусство А.И. Миттова неисчерпаемо и каждое серьезное исследование знакомит нас с не раскрытыми ранее гранями его богатейшего творческого наследия. Доклад А.И. Мордвиновой является важной вехой в том научном направлении, которое можно назвать «миттоведением», «исследованием мира Миттова». Его актуальность состоит в том, что оно возникло в ответ на сложные вопросы изобразительного искусства нашего времени. В нем выявлены общегуманистические особенности творчества Миттова, позволяющие называть его истинно современным, созвучным исканиям не одного поколения творческих деятелей, мыслителей, молодежи.

Литература

¹ Художник Анатолий Миттов: Дорога в гору: [книга-альбом] / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; сост. и науч. ред. А.И. Мордвиновой. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 206 с.

² *Мордвинова А.И.* А.И. Миттов и чувашское изобразительное искусство второй половины XX века: доклад на научной сессии Чувашского государственного института гуманитарных наук по итогам работы за 2015 г. Чебоксары, 2015. С. 4.

ЧГВ, 2016 г., № 11

© **М.И. Федулов.** Рец. на: **Михайлов Е.П. Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения** / Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, Н.С. Мясников; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 22).

Научный доклад «Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения» подготовлен группой археологов Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) под руководством Е.П. Михайлова. Он состоит из двух разделов – «Археология Чувашии: вехи развития» и «Археологические памятники: культурно-хронологическая характеристика». Любые обобщающие работы по истории развития археологической науки в республике актуальны. До настоящего времени отсутствуют труды, дающие полную характеристику археологических памятников, связно и логически представляющие смену древних эпох, культур и народов. В них остро нуждаются не только археологи, но и историки, широкий круг любителей истории.

В разделе «Археология Чувашии: вехи развития» дается краткая история становления и развития чувашской археологии. Выделены четыре хронологических этапа, охватывающие период от первых эмпирических описаний курганов, могильников и городищ до складывания современной науки, когда происходит не только накопление данных, но и

Михаил Игоревич Федулов – преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: mfedulov.chuvsu@mail.ru.

систематизация фактов, выдвижение гипотез происхождения, культурогенеза и генетических связей культур. Краткая история изучения памятников дополняется данными по памятникам разных эпох в разделе «Археологические памятники: культурно-хронологическая характеристика».

На наш взгляд, начало второго этапа систематических исследований, определённого авторами конкретным годом (1921 г.), можно считать условным, хотя оно и обосновывается созданием Чувашского центрального музея и Общества изучения местного края. Вероятно, не будет ошибочным определить его началом 1920-х гг., когда на порядок возрос интерес к прошлому чувашского народа и Чувашского края. В случае с началом третьего этапа (1956 г.) такой вопрос не возникает, так как создается чувашская экспедиция.

В разделе «Археологические памятники: культурно-хронологическая характеристика» дается характеристика археологических эпох с указанием основных объектов и выделением в них общих признаков и особенных черт. Авторы критически подошли к описанию эпох, учитывая новые тенденции в датировке, определении культурной принадлежности, выделении этапов, провели параллели с памятниками соседних регионов.

В последние два десятилетия сотрудниками ЧГИГН совершен прорыв в изучении памятников эпохи камня. В научный оборот введены новые сведения по стоянкам палеолита, мезолита и неолита. Весь предыдущий период изучения каменного века Чувашии был представлен немногочисленными находками каменного инвентаря, порой без достоверной информации об их местонахождении, а также небольшими раскопами поселений. Новые сведения позволяют говорить о расселении человека на территории Чувашского Поволжья в финальном палеолите. В мезолите – неолите идет постоянная смена культур охотников и собирателей, изучение которых только начато и открывает широкие перспективы (елшанская, льяловская и др.). Многолетняя комплексная экспедиция в Алатырском Присурье позволила лучше представить картину расселения племен и их миграций (часть племен изучена впервые). В докладе правильно поставлен вопрос о принадлежности отдельных памятников к археологическим культурам. Но решение данного вопроса не всегда возможно при начальном уровне исследований. Для подтверждения выдвинутых гипотез должна быть проведена огромная работа в области обобщения полученных сведений, поиска аналогичных явлений, проведения сложных естественнонаучных анализов.

Курганы и грунтовые могильники абашевской и балановской культур являются ключевыми памятниками не только для Среднего Поволжья, но и для огромных культурно-исторических областей России. По ним уже имеется внушительная источниковая база, которая в последние годы пополняется за счет немногочисленных раскопок. Создан реестр всех каменных орудий балановской культуры. На современном этапе изучения этого периода очень важно рассматривать взаимодействие племен с позиции формирования культурных и контактных зон. На данный момент весьма актуальна проблема балановско-атликасинского взаимодействия. Атликасинский этап балановской культуры выделяется в отдельную культуру. Перед исследователями стоит задача целенаправленного поиска и изучения срубных, чирковских, приказанских и, возможно, сейминско-турбинских древностей, отдельные находки и памятники которых описаны в докладе.

Очень сложен для понимания период раннего железного века и I тысячелетия н.э. Во многом исследователи оперируют данными по отдельным находкам предметов и немногочисленным памятникам. Много остается вопросов по терминологии этого периода. Пересмотр основных признаков культур вынуждает все реже использовать старые названия культур (городецкая) и вводить новые («писеральско-андреевский», «Сендимиркино-Таутово»). Этнокультурные процессы рубежа тысячелетий, несмотря на относительную хронологическую к нам близость, сложно реконструируемы. Так, при большом количестве укрепленных поселений практически полностью отсутствуют погребальные комплексы. Исследования в этой области обязательно должны быть продолжены, как и исследования в области изучения пьяноборской, ананьинской, азелинской и именьковской культур.

Простая ситуация складывается в области археологии Волжской Болгарии. Еще остаются дискуссионными вопросы о культурной принадлежности, хронологии памятников Чувашского Поволжья, а следовательно, и времени проникновения предков чувашского народа на территорию современной Чувашии. В свете разработки вопросов истории чуваш-

ского народа они должны быть определены как первостепенные. К вышесказанному необходимо добавить тезис о проведении этноархеологических исследований, набирающих все большую популярность в современной науке. Только таким междисциплинарным методом возможно выделить компоненты, вошедшие в традиционную культуру формирующегося народа, этнографические группы и т.д. Очень органично археология и этнография дополняют друг друга при изучении средневекового похоронно-поминального обряда.

В освещении средневековой «промышленной» археологии, на наш взгляд, недостаточно описаны многие объекты, открытые в последнее десятилетие, однако выделен большой абзац Шешкарскому производственному комплексу. Данный комплекс вызывает оживленные дискуссии о принадлежности его к металлургическим горнам или печам для обжига извести, спорна пока и дата его сооружения. В статье Д.В. Спрыжкова имеются описания шлаков, крицы (с данными спектрального и химического анализа) и других признаков металлообработки, которые игнорируются в докладе¹. Не исключена возможность вторичного использования горновых ям в последующую эпоху. Следовательно, выводы по данному комплексу преждевременны.

Проблемы и задачи, поставленные авторами доклада в «Заключении», отражают реальную ситуацию в развитии археологии. Наиболее острой проблемой является отсутствие необходимого количества специалистов-археологов. Считаем возможным в дополнении к рекомендациям высказать ещё одну – создание национального археологического центра, в котором будут объединены усилия всех научных центров, вузов и музеев республики.

Литература

¹ Спрыжков Д.В. Раскопки металлургического горна в Чувашии в 2010 г. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 2. С. 186–187.

ЧГВ, 2016 г., № 11

© Э.В. Фомин. Рец. на: Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке / Э.Е. Лебедев; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 2016. – 163 с.

Одним из перспективных направлений изучения грамматического строя тюркских языков признается функциональный подход к языку. Подобный подход в чувашском языкознании начал применяться лишь в последнее время, хотя некоторые его проявления встречаются уже в работах Н.И. Ашмарина¹.

Преобладание формально-описательной методологии в чувашском языкознании до последнего времени обуславливалось необходимостью накопления эмпирического материала. Морфология чувашского языка в стройную систему в соответствии со структурной парадигматикой была приведена в трудах В.И. Сергеева².

Рецензируемая монография является результатом многолетних изысканий автора. В послесловии он пишет: «Впервые на мысль об исследовании аналитических форм в чувашском языке, образованных по типу “деепричастие с показателем *-ca / -ce* + вспомогательный глагол”, натолкнул меня в 1996 г. профессор кафедры тюркской филологии СПбГУ В.Г. Гусев, мой учитель...»³ 17 июня 2004 г. на заседании диссертационного совета Д 212.301.03 при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова Э.Е. Лебедевым была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском и турецком

Эдуард Валентинович Ф о м и н – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств; e-mail: yeresen@yandex.ru.

языках»⁴. В последующем им было принято решение на базе диссертационной работы подготовить специальную монографию, сосредоточившись только на чувашском материале.

Сложновербальные аналитические формы в чувашском языке долгое время оставались вне каких-либо серьезных исследований. Морфологи признавали их за глагольные словосочетания, которые необходимо изучать либо в рамках синтаксиса, либо в рамках лексикологии, синтаксисты же со своей стороны не признавали за ними право быть включенными в синтаксические изыскания. Так или иначе из-за подобного своего пограничного положения эти формы всегда были на периферии грамматических исследований, и их изучение в основном ограничивалось простым перечислением используемых в них вспомогательных глаголов.

В чувашском языкознании уже имеются исследования, основанные на функционально-семантическом методе. Это прежде всего монография В.А. Андреева «Очерки по функциональной грамматике чувашского языка: категория склонения имени существительного»⁵. Кроме этого, в 2011 г. вышла в свет монография А.М. Ивановой «Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект»⁶, где также рассматриваются формы и конструкции, находящиеся на границе морфологии и синтаксиса. Работа Э.Е. Лебедева продолжает эти начинания. Будучи, как и В.А. Андреев, выпускником Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, он продолжает традиции функциональной грамматики, основы которой разрабатывались представителями петербургской тюркологической школы, и тем самым стремится исследовать грамматическую систему чувашского языка в контексте современной передовой науки.

Монография «Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке» состоит из двух глав.

Первая глава, носящая название «Лингвистические проблемы аспектуальности. Изучение категории аспектуальности в тюркском языкознании», посвящена концептуальному аппарату исследования и проблематике аспектуальности в чувашском языке. Сложновербальные аналитические формы, несомненно, являются одним из сложнейших явлений, нуждающихся в теоретическом осмыслении. При изучении этого явления нельзя опираться лишь на европейские научные лекала. Приходится ориентироваться на опыт собственно тюркологических исследований, практикуемый главным образом петербургскими и московскими учеными, в частности В.Г. Гузевым, Д.М. Насиловым, С.Н. Ивановым. Хотим привести небольшой отрывок из работы Э.Е. Лебедева, так как считаем его важным для понимания позиции автора в отношении подхода к изучению языковых фактов чувашского и в целом тюркских языков: «Изучение грамматического строя тюркских языков до настоящего времени осуществлялось в большинстве случаев под влиянием русских и, шире, европейских грамматик. Не составляют исключения и исследования по чувашскому языку. Как правило, объяснение основных теоретических понятий языка производилось без учета своеобразия тюркского языкового строя. Не принимался во внимание тот факт, что каждый язык имеет свой набор средств, образующих определенную систему взаимоотношений. Немаловажную роль в переносе индоевропейских представлений на тюркскую языковую почву сыграла неразработанность, а иногда и отсутствие собственной теоретической базы. Между тем многие, казалось бы, непоколебимые постулаты индоевропейской грамматики не выдерживают критики при анализе тюркских языковых фактов»⁷.

Э.Е. Лебедев для обозначения вида (способа) действия вводит в чувашское языкознание термин немецкого происхождения «акционсарт», а в целях обозначения носителей акционсартовых значений кодифицирует такие сочетания, как «сложновербальная форма» и «аналитическая форма».

В исследовании автор приводит общую классификацию форм по степени грамматикализации аспектуализаторов:

1) формы с полностью грамматикализовавшимися аспектуализаторами: *вёренсе тух* «выучиться», *вёресе тух* «вскипеть», *вуласа тух* «прочитать», *пăхса тух* «просмотреть»;

2) формы с частично грамматикализовавшимися аспектуализаторами: *вёссе кай* «улететь», *утса кай* «уйти», *касса тух* «перейти», *йăтса суре* «носить», *яrsa ил* «хватить», *чарăнса тăр* «остановиться»;

3) формы с *пуçла* «начинаться» и *пĕт* «заканчиваться», в которых степень десемантизации аспектуализаторов близка к нулю или отсутствует вовсе⁸.

Подобное разделение вспомогательных глаголов по признаку степени лексической десемантизации является новаторским и никогда раньше не применялось в исследованиях по чувашской грамматике.

В главе «Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке» рассматриваются следующие группы значений: фазовые, количественные, векторные, а также эготив и адрессив.

Сложновербальные аналитические формы с фазовым значением представлены наибольшим количеством аспектуализаторов (автор насчитывает их 19): *ирт* (*ирттер*) «проходить (проводить)», *кай* «уходить», *калар* «вынимать», *кёр* «входить», *кил* «приходить», *лар(т)* «сидеться, сидеть», *пăрах* «бросать», *пĕт(ер)* «кончать(ся)», *пыр* «доходить», *çавăр* «вращать», *çит* «доходить», *тăр* «стоять, останавливаться», *тул* «наполняться», *тух* «выходить», *ўк* «падать», *хăвар* «оставлять», *хур* «класть», *юл* «оставаться», *яр* «пускать, посылать».

В группу аналитических форм с количественной семантикой входят глаголы со значением длительности, кратковременности и интенсивности совершения действия (их установлено 15): *вырт* «лежать», *ил* «брать», *ирт(тер)* «проходить», *кай* «уходить», *кур* «видеть», *лар* «сидеть», *пăх* «смотреть», *пурăн* «жить», *пыр* «идти, доходить», *çуре* «ходить», *тат* «рвать», *тăк* «лить, сыпать, ронять», *тăр* «стоять», *тыт* «хватать, держать», *юл* «оставаться».

Сложновербальные аналитические формы с векторными значениями представлены глаголами движения (15 аспектуализаторов): *ан* «спускаться», *ирт(тер)* «проследовать (мимо)», *кай* «уходить», *каç* «переходить», *калар* «снимать, вынимать», *кёр(т)* «входить (вводить)», *кил* «приходить», *пыр* «двигаться», *салат* «разбрасывать», *çит* «доходить, достигать», *таврăн* «возвращаться», *тух* «выходить», *улăх* «подниматься», *ўк(ер)* «падать (ронять)», *хăнар(т)* «подниматься (поднимать)».

В группу значений эготива и адрессива входят лишь три аспектуализатора: *ил* «брать», *пар* «давать», *кăртарт* «показывать».

В результате исследования автор приходит к следующим выводам: «...акционсартовые значения в чувашском языке передаются в основном аналитическими формами. Как правило, это сочетания причастных и деепричастных форм с особыми вспомогательными глаголами... Сложновербальные аналитические формы с акционсартовыми значениями в чувашском языке представляют собой весьма распространенное явление. В первую очередь это касается форм, образуемых от деепричастия с показателем *-са (-се)*»⁹; «Более полную степень десемантизации имеют аспектуализаторы, представляющие количественные значения, затем аспектуализаторы с фазовыми значениями. Аспектуализаторы групп векторных значений и значений эготива и адрессива полностью никогда не десемантизируются»¹⁰.

Как и любой другой продукт научного творчества, исследование Э.Е. Лебедева не лишено недостатков. Отчасти это связано со сложностью поднимаемой в монографии проблематики.

Действительно, описать всю многогранность сложновербальных аналитических форм в чувашском языке в одном небольшом труде не представляется возможным. Формы, исследуемые в рецензируемой работе, находятся в постоянном развитии, как, впрочем, и вся система языка. Поэтому часто бывает очень сложно определить, какое функциональное содержание имеет то или иное глагольное сочетание: является оно еще синтаксической конструкцией или уже произошел принципиальный ее переход в разряд аналитической формы?

Во многих случаях необходимо учитывать и языковой контекст, влияние которого на способность полисемантической формы передавать разные значения до сих пор не изучено не только в чувашском языкознании, но и, пожалуй, во всей тюркологии. Поэтому в монографии естественным является наличие спорных примеров, толкование которых может быть разным. Об этом в некоторых местах пишет и сам автор. Но этот недостаток полностью компенсируется новизной методологического подхода и глубиной рассматриваемых в работе проблем.

Изучение сложновербальных аналитических форм важно не только в чисто теоретическом плане. Оно актуально и в практическом смысле, например для преподавания чувашского языка в иноязычной аудитории. Помнится недоумение профессора кафедры финно-угроведения Гёттинггенского университета Эберхарда Винклера (Германия) по поводу отсутствия специального словаря сложновербальных форм, представляющих предельно развитое и сложное явление чувашского языка.

Впрочем, существование такого всеобъемлющего словаря, видимо, проблематично: описать все их многообразие не представляется возможным: все-таки речь идет о формах

глагола, а не о новых лексических единицах. Между тем материал, собранный Э.Е. Лебедевым, весьма полезен в лексикографической работе при описании особенностей вспомогательных глаголов. Настоящая монография, безусловно, послужит основой новых исследований функционального семантического плана в чувашском языке.

Литература

- ¹ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса: в 2 ч. Симбирск, 1903–1923.
- ² *Сергеев В.И.* Хальхи чăваш чĕлхи: морфологи. Шупашкар: Чăваш университетĕн изд-ви, 1992. 172 с.; *Сергеев В.И.* Именные части речи. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1995. 153 с.
- ³ *Лебедев Э.Е.* Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 2016. 163 с.
- ⁴ *Лебедев Э.Е.* Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском и турецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Чебоксары, 2004. 26 с.
- ⁵ *Андреев В.А.* Очерки по функциональной грамматике чувашского языка: категория склонения имени существительного. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. 166 с.
- ⁶ *Иванова А.М.* Проблемы морфосинтаксиса в чувашском языкознании: типолого-контрастивный аспект. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 308 с.
- ⁷ *Лебедев Э.Е.* Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. С. 7.
- ⁸ Там же. С. 29–30.
- ⁹ Там же. С. 139.
- ¹⁰ Там же.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ТИХОНОВ ПЕТР ТИХОНОВИЧ

(к 80-летию со дня рождения)

Нечасты случаи, когда талантливые организаторы производства проявляют себя и в научном творчестве, особенно если оно не является органичной частью или продолжением «основной» работы. Известны примеры, когда руководители предприятий исследуют процессы экономики своей отрасли, проявляют себя в качестве конструкторов, технологов и т.п. В случае с Петром Тихоновичем Тихоновым подобное утверждение верно лишь отчасти, поскольку, завершив более чем сорокалетнюю трудовую карьеру в лесном хозяйстве Чувашии, он переквалифицировался в гуманитарии и стал писать историю той сферы экономики республики, в которой прошел путь от мастера лесохимии Шумского производственного участка Алатырского химлесхоза до председателя Комитета по лесному хозяйству Чувашской Республики. Конечно, история лесного дела для него и ранее не была terra incognita, ведь настоящим специалистом в этой отрасли можно стать, только впитав опыт истинных подвижников, отдававших лесам Чувашского края свои знания и практический опыт на протяжении XIX–XX вв. Alma mater для выпускника Шакуловской средней школы стал Поволжский лесотехнический институт в г. Йошкар-Ола, в стенах которого были воспитаны десятки высококвалифицированных специалистов лесного хозяйства Чувашии. В этом учебном заведении большое внимание уделялось традициям и преемственности в использовании и восстановлении лесного богатства края.

Чувашский паренек, родившийся 23 февраля 1936 г. в д. Караклы Канашского района, в 1954–1959 гг. учился на лесохозяйственном факультете, успешно познавая не только проблемы технологии, экономики, биологии, восстановления леса, но и исторический опыт целой когорты предшественников, первые из которых заложили истоки лесокультурного дела в крае еще в первой половине XVIII в. Познание прошлого опыта в стенах вуза должно было стать важным элементом подготовки инженера лесного хозяйства, умеющего оценивать свои действия как взаимозависимое звено в непросто складывающейся системе ведения важнейшей сферы природопользования. Такой подход формировал цельный взгляд на свою деятельность независимо от занимаемых должностей и конкретных видов работы. Перечень же должностей П.Т. Тихонова, по сравнению с его трудовым стажем, не очень велик: почти 18 лет он проработал мастером, технологом, инженером, лесничим на предприятиях лесной отрасли республики, затем почти 10 лет был директором Шемуршинского мехлесхоза, и 13 лет – на руководящей работе в республиканском органе, ведавшем лесной отраслью, в том числе в течение двух с половиной лет возглавлял его.

С 2000 г. начинается новый этап в жизни П.Т. Тихонова: он решил посвятить себя исследованию истории лесного хозяйства Чувашии, вклада своих предшественников и соратников в развитие отрасли. Петр Тихонович из тех людей, которые убеждены, что учиться никогда не поздно, и в 2000 г. он поступает на заочное отделение аспирантуры Чувашского государственного университета. Его кандидатское исследование «Лесное хозяйство Чувашии в XX веке: исторический опыт и уроки развития», защищенное в 2002 г. на диссертационном совете при Чувашском государственном университете, заполнило историографическую лауну. Автор показал и проанализировал как конкретные достижения, так и явные ошибки, сделанные при выборе приоритетов в организации управления важнейшим природным богатством страны и его использовании в досоветский, советский и постсоветский периоды. В 2002–2008 гг. П.Т. Тихонов трудился доцентом на кафедре отечественной истории XX в. Чувашского госуниверситета, передавая молодому поколению свои знания и богатый практический опыт.

Талант П.Т. Тихонова раскрылся особенно в ходе работы над четырехтомной «Чувашской энциклопедией». В 66 статьях, опубликованных на страницах этого издания, отражены важнейшие тематические сведения о лесах всех типов, произрастающих на территории Чувашии, о проблемах лесопользования и лесовосстановления в разные исторические эпохи. Треть энциклопедических статей автора составляют биографии известных лесоводов, начиная с легендарного Б.И. Гузовского и завершая нашими современниками. Более 50 статей Петра Тихоновича опубликовано также в энциклопедических изданиях Аликовского, Канашского и Комсомольского районов.

Общение с ним, чтение его работ проявляют очень привлекательную черту П.Т. Тихонова: он безмерно уважает и ценит людей, которые так же, как и он, всю свою сознательную жизнь отдавали и отдадут лесному делу. На наш взгляд, рассказывая о них в своих статьях и книгах, он видит в этом свой человеческий долг. В 2006–2009 гг. им изданы 4 книги «Лесоводы Чувашии, XX век», в 2007 г. – справочное издание «Заслуженные лесоводы. Чувашская Республика», в которых последовательно рассказал о представителях отрасли, внесших свой вклад в лесокультурное дело на протяжении столетия. В 2010 г. вышел в свет сборник статей Б.И. Гузовского, подготовленный П.Т. Тихоновым. Он является также автором вводной статьи о жизни и деятельности лесовода, который сделал очень много для восстановления и сохранения дубрав в Среднем Поволжье. Отдельный цикл работ П.Т. Тихонова посвящен организации и деятельности лесхозов, лесничеств и других учреждений лесного хозяйства как на территории Чувашии в целом, так и в отдельных районах республики. В них он подробно рассказывает о развитии лесопользования, лесовосстановления и лесоразведения, деятельности лесопромышленного производства, организации охраны леса и т.д.

Большую обеспокоенность проявляет П.Т. Тихонов в связи с проведением зачастую необдуманных реформ лесного хозяйства, не учитывающих роль леса как стратегического ресурса страны, его экологического, экономического, социального и духовно-нравственного значения. Свою точку зрения на итоги реформ, проведенных в стране в 2006–2012 гг., он высказал в книге «Лесное хозяйство в Чувашии: реформы, проблемы, решения» (2013). В ней он показал, что концентрация усилий на решении в основном сиюминутных задач практически всегда заслоняет стратегические проблемы развития лесного дела, приводит к очень серьезным последствиям. Им выработаны практические рекомендации, которые учитывают не только требования рыночного ведения хозяйства, но и традиции поколений специалистов, к видным представителям которых принадлежит и сам юбиляр.

В 1913 г., провожая Б.И. Гузовского на новое место работы, коллектив руководимого им Ильинского лесничества в адресном письме отметил, что лесничество можно сравнить с огромным зданием, на котором прибита памятная доска с выгравированной надписью: «Здесь служил Гузовский». О П.Т. Тихонове, достойном последователе славной плеяды своих предшественников, исследователе и гражданине, можно с полной уверенностью сказать таким же образом. Его заслуги в развитии лесного хозяйства отмечены государственными наградами: П.Т. Тихонов является заслуженным лесоводом Чувашской АССР и Российской Федерации, он награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя медалями, большим количеством почетных грамот, ведомственными знаками отличия. Отрадно отметить, что П.Т. Тихонов продолжает исследовательскую работу, публикует работы об актуальных проблемах истории и организации лесного хозяйства республики.

Основные научные труды

- Корабельные дубравы Чувашии. Чебоксары, 1997. 63 с. В соавторстве.
Лесное хозяйство Чувашии, 1798–1998: Два века в датах, событиях, фактах и цифрах. Чебоксары, 1998. 352 с. В соавторстве.
Сёмёрле вярманё [Шумерлинский лес]. Сёмёрле, 1998. 57 с. В соавторстве.
Первый лесхоз Чувашии. Чебоксары, 2000. 109 с. В соавторстве.
Лесное хозяйство Чувашии в XX веке: исторический опыт и уроки развития / отв. ред. И.И. Бойко. Чебоксары, 2001. 221 с.
Лесное хозяйство Мариинско-Посадского района: исторический опыт. Чебоксары: КЛИО, 2001. 77 с.

- Канашский лесхоз: исторический очерк. Чебоксары, 2002. 128 с. В соавторстве.
- История Сорминского лесничества: опыт становления и развития. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 84 с. В соавторстве.
- Андрей Васильевич Фадеев: Полвека в лесном хозяйстве. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 34 с. В соавторстве.
- Малиновское лесничество Опытного лесхоза. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 35 с. В соавторстве.
- Батыревское лесное хозяйство: история и современность. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 140 с. В соавторстве.
- Леса и лесоводы Красноармейского района. Чебоксары: Новое время, 2005. 28 с. В соавторстве.
- Баишевское лесничество национального парка «Чăваш вăрманĕ». Чебоксары: Новое время, 2005. 36 с. В соавторстве.
- Леса и лесное хозяйство Чувашской Республики (с XIX в. по 2002 г.): научно-вспомогательный библиографический указатель. Чебоксары, 2005. 55 с. В соавторстве.
- Музеи леса Чувашской Республики. Чебоксары: Новое время, 2006. 30 с.
- Национальный парк «Чăваш вăрманĕ». Чебоксары: Новое время, 2006. 44 с. В соавторстве.
- Лесоводы Чувашии, XX век. Кн. 1. Чебоксары: Новое время, 2006. 82 с.
- Национальный парк «Чăваш вăрманĕ». Чувашская Республика: научно-вспомогательный указатель. Чебоксары: Новое время, 2006. 44 с. В соавторстве.
- Лесоводы Чувашии, XX век. Кн. 2. Чебоксары: Новое время, 2007. 179 с.
- Заслуженные лесоводы. Чувашская Республика: справочное издание. Чебоксары: Новое время, 2007. 35 с.
- Баскакское лесничество национального парка «Чăваш вăрманĕ». Чебоксары: Новое время, 2007. 56 с. В соавторстве.
- Аликовский район: леса и лесоводы. Чебоксары: Новое время, 2007. 40 с. В соавторстве.
- Лесозащита Чувашии в XX веке: исторический очерк. Чебоксары: Новое время, 2007. 124 с. В соавторстве.
- Комсомольский лесхоз. Чебоксары: Новое время, 2007. 102 с. В соавторстве.
- Реформы лесоуправления в Чувашии, 1988–2007 гг.: сборник документов. Чебоксары: Новое время, 2007. 72 с. В соавторстве.
- Лесоводы Чувашии, XX век. Кн. 3. Чебоксары: Новое время, 2008. 96 с. В соавторстве.
- Лесоводы Чувашии, XX век. Кн. 4. Чебоксары: Новое время, 2009. 88 с. В соавторстве.
- Деревня Караклы Канашского района. Чебоксары: Новое время, 2009. 108 с. В соавторстве.
- Ильинское лесничество: Культуры дуба Б.И. Гузовского. Чебоксары: Новое время, 2010. 28 с. В соавторстве.
- Жизнь и деятельность Б.И. Гузовского // Б.И. Гузовский. Сочинения. Чебоксары: Новое время, 2010. С. 5–13.
- Шакуловская основная общеобразовательная школа Канашского района Чувашской Республики: основные вехи становления и развития школы в 1842–2012 гг. Чебоксары: Новое время, 2012. 184 с.
- Лесное хозяйство в Чувашии: реформы, проблемы и решения. Чебоксары: Новое время, 2013. 179 с.

И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитонова.

НИКОЛАЕВ ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(к 60-летию со дня рождения)

28 июня 2016 г. исполнилось 60 лет со дня

рождения известного исследователя, организатора науки, кандидата исторических наук, заместителя директора по науке и развитию Чувашского государственного института гуманитарных наук Геннадия Алексеевича Николаева.

Г.А. Николаев родился в д. Ньюшкасы Янтиковского района Чувашской АССР. После окончания в 1973 г. Алдиаровской средней школы работал разнорабочим, грузчиком, слесарем-инструментальщиком на предприятиях г. Чебоксары. В 1974–1976 гг. служил в рядах Советской армии. После демобилизации работал разъездным стрелком в г. Казань. В 1978–1983 гг. обучался на дневном отделении историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Имеет диплом с отличием об окончании вуза по специальности «Историк. Преподаватель истории и обществоведения».

В 1983 г. Г.А. Николаев направляется на работу в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН), где был принят на должность младшего научного сотрудника отдела истории. Практически сразу же молодому специалисту было поручено важное и ответственное дело – в качестве соавтора подготовить исторический очерк об одном старейшем городе Чувашии – Цивильске, с чем он успешно справился. Не менее удачным в научной карьере начинающего исследователя оказалось участие в работе над коллективной монографией «Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии» (Чебоксары, 1989. Ч. 1). В 1980-х гг. он пишет ряд статей по истории Чувашии периода Первой мировой войны, где, опираясь на выявленный в архивах богатый фактический материал, освещает малоизученные вопросы темы.

В 1986–1989 гг. Г.А. Николаев обучался в очной целевой аспирантуре Института истории СССР Академии наук СССР (Москва). Здесь благотворное влияние на его формирование как исследователя оказала творческая атмосфера, сложившаяся в секторе империализма, в составе которого он оказался. Научным наставником чувашского исследователя стал крупный ученый, специалист по истории дореволюционной истории доктор исторических наук Авенир Павлович Корелин. Под его руководством Г.А. Николаев подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Многонациональная деревня Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в.: социально-экономический аспект (По материалам Казанской и Симбирской губерний)». После завершения учебы в аспирантуре возвратился в Чувашский научно-исследовательский институт, где стал работать научным, а затем старшим научным сотрудником. В 1993 г. был назначен заведующим отделом истории.

С 1990-х гг. Г.А. Николаев концентрируется на изучении аграрной истории Чувашии и Средневолжского региона. Из-под пера его выходят статьи, где в фокус анализа ставятся такие сюжеты, как сельское народонаселение, социальная стратификация крестьянства, наделное землевладение, земельные отношения и др. Хорошо удаются и источниковедческие работы, в частности о чувашском просветителе И.Я. Яковлеве и известном чувашском историке, профессоре И.Д. Кузнецове. Г.А. Николаев стоял у истоков нелегкого перестроечного этапа развития чувашской национальной исторической науки, начало которому положила конференция «История Чувашии: проблемы и задачи изучения» (30 сентября – 1 октября 1993 г.), организованная им в ранге заведующего отделом истории. Целью научного совещания стала объективная оценка истории чувашского народа, выявление в ней «белых пятен», заострение внимания ученых на мало- и неизученных проблемах. С данного рубежа

организация научных форумов по истории Чувашии и региона в ЧГИГН поднимается на новый уровень. Г.А. Николаев был организатором, активным участником и подлинно душой научных конференций по истории предпринимательства Среднего Поволжья (1997, 1999, 2001), по проблемам аграрной истории и исторической науки, получивших благожелательные отзывы специалистов.

В 2001–2004 гг. Г.А. Николаев обучался в докторантуре при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова. С 2005 г. – ведущий научный сотрудник в отделе истории Чувашского государственного института гуманитарных наук. В 2000-х гг. исследователь углубленно изучает историю многонационального крестьянства Средневолжского региона. В своих трудах он скрупулезно освещает крестьянскую общину волжских народов, межэтнические отношения в деревне, состояние полевого хозяйства и животноводства, экономической строй крестьянского хозяйства, состав и качество сельскохозяйственных угодий крестьян различной национальной принадлежности, демографическую ситуацию в деревне, мировосприятие и ментальность хлебопашцев, модернизацию пореформенного села, вводит в научный оборот документальный материал, проливающий свет на повседневное бытие крестьянского населения. Пишет содержательные статьи о состоянии цензовой промышленности Чувашии в годы Первой мировой войны, этническом национализме жителей деревни, готовит и выпускает в свет второй том Собрания сочинений Н.В. Никольского, создает источниковедческие и историографические работы, принимает активное участие в международных, всероссийских, межрегиональных и региональных конференциях и симпозиумах. Его научные изыскания публикуются в Москве, Арзамасе, Туле, Орле, Калуге, Вологде, Нижнем Новгороде, Самаре, Йошкар-Оле, Саранске, Казани и Ижевске.

Г.А. Николаев – один из инициаторов создания научного журнала «Чувашский гуманитарный вестник». Как член редколлегии и ответственный редактор много сил отдал его становлению как издания высокой научной пробы. С 2006 г. обеспечен выход в свет одиннадцати его номеров. На страницах журнала опубликованы материалы дискуссий, статьи, сообщения и рецензии отечественных и зарубежных исследователей.

В сентябре 2010 г. Г.А. Николаев назначается заместителем директора по науке и развитию института. В основном на его плечи ложится многотрудная работа по приданию новой динамики исследовательской работе коллектива учреждения. По инициативе Николаева в деятельности института был реализован ряд необходимых нововведений. С 2011 г. итоговые научные сессии и конференции стали организовываться в новом формате, ключевым звеном которых стало оппонирование выполненных докладов и сообщений. Во многом благодаря его стараниям реализуются и выходят в свет исключительно значимые исследовательские проекты, в силу многих причин не доведенные прежде до завершения, создаются серийные издания, возобновляется работа «Школы молодых ученых». Особенно весом вклад юбиляра в реализацию курса на тесное сотрудничество с татарской исторической школой, в силу ряда обстоятельств почти сведенное на нет в прошлом. В частности, Г.А. Николаевым были написаны главы для шестого тома фундаментального труда «История татар с древнейших времен» (Казань, 2013), составлен в соавторстве сборник документов и материалов «Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922) (Казань – Чебоксары, 2014). В свою очередь и татарские ученые-гуманитарии подключились к реализации исследовательских проектов ЧГИГН.

Г.А. Николаеву принадлежат более 100 научных трудов по различным аспектам истории Чувашии и Среднего Поволжья. Специалист по истории и этнологии волжского крестьянства второй половины XIX – начала XX в., Г.А. Николаев обладает замечательными качествами подлинного ученого: прекрасное владение источниками, знание в совершенстве разнообразных методов исследования. Умело сочетает серьезное исследование с ярким, образным изложением. Он является также составителем и научным редактором более 50 научных изданий, организатором десятков научных форумов по актуальным вопросам истории, этнологии и других отраслей гуманитарных знаний.

За многолетнюю плодотворную научно-исследовательскую деятельность и большой вклад в развитие исторической науки Г.А. Николаев удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики». На сегодня юбиляр находится в расцвете творческих сил и полон идей и замыслов. Дорогу осилит идущий.

Основные научные труды

Изменение производительных сил в сельском хозяйстве Чувашии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Чувашия в годы Первой мировой войны: сб. ст. Чебоксары, 1985. С. 3–24.

Продовольственное положение Чувашии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории Чувашии периода капитализма: сб. ст. Чебоксары, 1986. С. 48–68.

Крестьянское хозяйство на территории Чувашии в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Социально-экономическое развитие Чувашии в период капитализма: сб. ст. Чебоксары, 1987. С. 56–72.

Организация помощи семьям солдат и беженцам в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: сб. ст. Чебоксары, 1987. С. 5–18.

Цивильск: исторический очерк. Чебоксары, 1987. 158 с. В соавторстве.

Разорение чувашской деревни в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Вопросы истории Чувашии XIX – начала XX в.: сб. ст. Чебоксары, 1988. С. 49–67.

Новое о привлечении к работам на нужды обороны мелкой промышленности Чувашии в годы Первой мировой войны // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии: сб. ст. Чебоксары, 1988. 36–50.

Многонациональное крестьянство Среднего Поволжья конца XIX – начала XX в. в дореволюционной исторической литературе // Исследования по истории дореволюционной Чувашии: сб. ст. Чебоксары, 1988. С. 110–123.

Разложение многонационального крестьянства Симбирской губернии в начале XX в. (По материалам подворной переписи 1910–1911 гг.) // Исследования по истории дореволюционной Чувашии: сб. ст. Чебоксары, 1989. С. 124–143.

Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии в конце XIX – начале XX века // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1989. Ч. 1. С. 12–43. В соавторстве.

Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX – начале XX века // Состав и положение населения Чувашии в XVIII – начале XX века: сб. ст. Чебоксары, 1990. С. 74–96.

Надельное землевладение в средневожской многонациональной деревне в начале XX века (На примере Симбирской губернии) // Исследования по дореволюционной истории Чувашии: сб. ст. Чебоксары, 1991. С. 113–147.

Многонациональная деревня Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в.: социально-экономический аспект (По материалам Казанской и Симбирской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 26 с.

Земельные отношения в Среднем Поволжье в начале XX в.: некоторые особенности // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья: сб. ст. Чебоксары, 1996. С. 38–54.

Профессор Иван Данилович Кузнецов и его воспоминания «Как это было» // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья: сб. ст. Чебоксары, 1996. С. 3–13.

Социальное расслоение многонационального крестьянства Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. // Вестник Чувашского государственного университета. 1996. № 1. С. 3–12.

Надельное землевладение многонационального крестьянства Казанской губернии в конце XIX – XX в. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, 1997. Вып. 1. С. 78–129.

Столыпинская аграрная реформа в Чувашии: итоги и задачи изучения // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX в.: преобразования, проблемы и перспективы развития: сб. ст. Чебоксары, 1997. С. 5–27.

Предприимчивые люди средневожской многонациональной деревни в конце XIX – начале XX в. (По материалам Казанской и Симбирской губерний) // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: Материалы научной конференции, Чебоксары, 23–24 июня 1997 г.: сб. ст. Чебоксары, 1998. С. 148–166.

Заметки о чувашско-русских взаимоотношениях в средневожской деревне на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, 1999. С. 38–52.

[Рецензия] // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 4. С. 250–254. Рец. на кн.: Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: сб. документов. М.: Наука, 1998. 388 с.

Рыночные реалии второй половины XIX – начала XX столетия и крестьянская община чувашей (По материалам Казанской и Симбирской губерний) // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность: Материалы научной конференции, Чебоксары, 5–6 октября 1999 г.: сб. ст. Чебоксары, 2000. С. 81–103.

«Чувашская натура» в воспоминаниях И.Я. Яковлева: некоторые размышления и источниковедческие заметки // И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведения: сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 19–41.

Ценовая промышленность Чувашии в годы Первой мировой войны: работа на оборону // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, 2001. Вып. 2. С. 43–68.

Этнический и конфессиональный компоненты в повседневной жизни средневожской деревни второй половины XIX – начала XX столетия: к постановке проблемы // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение: Материалы региональной научной конференции, Йошкар-Ола, 23–24 ноября 2000 г.: сб. ст. Йошкар-Ола, 2001. С. 90–105.

Средневожское зажиточное чувашское крестьянство второй половины XIX – начала XX в. в глазах соплеменников-современников // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2001. С. 247–254.

Крестьянское животноводство Среднего Поволжья рубежа XIX–XX столетий в этническом измерении // Вопросы российской и всемирной истории: Материалы межвузовской V научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьном курсах». Арзамас: АГПИ, 2002. С. 245–249.

Полевое хозяйство крестьян Среднего Поволжья на рубеже XIX–XX столетий: национальный аспект (По материалам Казанской и Симбирской губерний) // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 22–23 ноября 2001 г.). Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. С. 209–224.

Эволюция средневожской деревни рубежа XIX–XX вв. в этническом измерении: общие контуры процесса // Вестник Самарской государственной экономической академии, 2003. Специальный выпуск. Проблемы экономической истории России и ее регионов: современный взгляд. С. 61–68.

Поземельная община народов Среднего Поволжья в начале XX века: типы, модификации и структура // Вестник Чувашского университета. 2003. № 1. С. 115–131.

Сложная община Среднего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.: основные модификации // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2003. С. 201–210.

Опыт применения материалов земских обследований конца XIX – начала XX в. для оценки качества земельных угодий национальных групп крестьянства Среднего Поволжья // Россия сельская, XIX – начало XX века. М.: Росспэн, 2004. С. 148–162.

Внутренняя жизнь чувашской крестьянской общины Среднего Поволжья рубежа XIX–XX столетий: свидетельство современника // Марийский археографический вестник. 2004. Вып. 14. С. 159–175.

Крестьянство Среднего Поволжья в противостоянии с властью (1906–1917): социально-психологический аспект // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 21–23 мая 2003 г.). Саранск, 2004. С. 499–505.

Социально-психологический аспект межэтнических взаимоотношений в средневожской деревне второй половины XIX – начала XX в. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 230–235.

Богатство и богатые люди в представлениях средневожского чувашского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 43–52.

Средневожская деревня рубежа XIX–XX веков в зеркале этнического национализма // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Чебоксары, 19–21 мая 2005 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. С. 461–470.

Национальное и конфессиональное «Я» в повседневной жизни средневожской деревни рубежа XIX–XX веков // Этнографическое обозрение. 2005. № 6. С. 105–113.

Ежегодные переделы пахотных угодий в средневожской поземельной общине второй половины XIX – начала XX в. в фокусе рационального и иррационального начал в ее жизнедеятельности: к постановке проблемы // Марийский археографический вестник. 2006. № 16. С. 28–43.

Естественное движение сельского населения Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. в этническом измерении: к постановке проблемы // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40 годов XX века: сб. ст. Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 471–476.

Экономический строй крестьянских хозяйств Среднего Поволжья рубежа XIX–XX веков: этнокультурные и локальные особенности // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок: Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел: ОГУ, изд-во «Орловская правда», 2006. С. 308–316.

Гумилев Л.Н., Крюкова Т.А., Хван М.Ф. Китайские письма на чувашской рубахе // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 171–189. Краткая справка, подготовка к публикации и археографические примечания.

Реализация Столыпинской аграрной реформы в многонациональной деревне Казанской и Симбирской губерний: историографические заметки // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: Материалы I Всероссийской (IX Межрегиональной) научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 12–13 мая 2006 года. Самара: Самар. ун-т, 2007. С. 253–259.

Никольский Н.В. Собрание сочинений. Том 2. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 447 с. Составление, предисловие, комментарии и примечания.

Обретение чувашскими переселенцами второй малой родины на башкирских землях в XVIII – начале XX века // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1 (январь – июнь). С. 154–179.

Н.В. Никольский. Чувашин-говельщик // Чувашский гуманитарный вестник. 2007/2008. № 3. С. 101–114. Подготовка к публикации, предисловие, комментарии и примечания.

Vikár L. Volgán innen, Volgán tul. Naplójegyzetek a magyar őshaza vidékéről. Budapest: Ballassi Kiado, 2002. 404. [Викар Ласло. На этом и на том берегу Волги: Дневниковые записки с краев венгерской прародины]. Будапешт: Изд-во «Балашши», 2002. 404 с. // Чувашский гуманитарный вестник. 2007/2008. № 3. С. 142–186. Подготовка к публикации, предисловие, комментарии и примечания.

Крестьянское хозяйство и быт горных марийцев в описаниях Х.А. Родионова начала XX века // Марийский археографический вестник. 2008. № 18. С. 148–159. В соавторстве.

Мировосприятие и хозяйственная этика волжских народов-приверженцев традиционных верований (конец XIX – начало XX в.) // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: литературоведение, фольклористика и этнология. Ч. 7. / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2008. С. 364–369.

Обновление мира средневожской деревни во второй половине XIX – начале XX века: несколько этюдов общего плана // Ренессанс Поволжья: Конец XIX – начало XX в. – период духовного возрождения народов. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 181–214.

Земельная община чувашей в трудах В.Д. Дмитриева // Служение истории: сб. ст. Чебоксары, 2008. Вып. 2. С. 116–124.

Некоторые штрихи к демографической ситуации в средневожской многонациональной деревне XIX – начала XX века // Служение истории: сб. ст. Чебоксары, 2008. Вып. 2. С. 288–301.

Верования и быт марийцев Изикугунурского прихода Царевококшайского уезда в описании И. Беляева начала XX века // Марийский археографический вестник. 2009. № 19. С. 175–178.

Сельская община // Чуваши: история и культура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 2. С. 27–42.

К проблеме хулиганства в средневожской деревне начала XX века // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: Материалы II Всероссийской (X Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2008 г.) / Мар. гос. ун-т; отв. ред А.Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2009. С. 212–220.

Богатство в системе социально-нравственных ценностей волжского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 25–57.

Средневожская деревня в конце XIX – начале XX века: этническая ситуация и ассимиляционные процессы // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 79–98.

Чувашскому государственному институту гуманитарных наук – 80 лет. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 59 с. В соавторстве.

Дорогу осилит идущий // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 6–16. В соавторстве.

Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: «свой» и «чужие» // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 138–159.

Деформация этноидентичности народов Среднего Поволжья под воздействием ислама и христианства в период царизма // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: Материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.) / отв. ред. Г.А. Никитина. Ижевск: Удм. ун-т, 2010. С. 432–439. В соавторстве.

Жизнь в вере и правде в представлениях волжского крестьянства второй половины XIX – начала XX в. // Региональные особенности аграрных отношений в России: история и современность: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году земледельца в Чувашской Республике. Чебоксары: ЧКИ РУК: ЧГИГН, 2010. Ч. 1. С. 280–288.

Средневожская поликонфессиональная деревня второй половины XIX – начала XX века в аспекте отношений «свой» и «чужой»: к постановке проблемы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX в.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 5–15.

Этнокультурное взаимодействие чувашей и татар в деревне Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: хозяйственно-экономический аспект // Там же. С. 147–155.

Мир средневоложской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой», вторая половина XIX – начало XX века. Чебоксары, 2011. 36 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 2).

Мир средневоложской поликонфессиональной деревни в аспекте отношений «свой» и «чужой», вторая половина XIX – начало XX века // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона, XVIII–XXI вв.). Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 188–198.

Поведенческий стереотип этнических групп крестьянства в средневоложском «общем доме» во второй половине XIX – начале XX века: социально-психологический аспект // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности и 400-летию освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 233–242.

Об асимметрии в этнокультурных взаимосвязях чувашей и татар в средневоложской деревне второй половины XIX – начала XX века // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (г. Чебоксары, 15–16 ноября 2011 г.) / сост. и отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 5–17.

Мир поликонфессиональной деревни // История татар с древнейших времен. В 7 т. Том 6: Формирование татарской нации, XIX – начало XX в. Казань, 2013. С. 606–614.

Этнокультурное взаимодействие чувашей и татар // Там же. С. 621–630.

В.Д. Димитриев – исследователь крестьянской общины чувашей // Димитриев Василий Димитриевич: ученый, педагог, общественный деятель, гражданин: сб. ст. / сост. Г.А. Николаев; отв. ред. И.И. Бойко. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 71–81.

Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений слушателей Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): сборник материалов и документов / сост., авт. предисл. и примеч. Р.Р. Исхаков, Г.А. Николаев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2014. 316 с.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук: вехи пройденного пути // Поиск и открытия: роль научно-исследовательских институтов в становлении гуманитарного знания. Казань: ИЯЛИ, 2015. С. 102–112. В соавторстве.

Чувашскому государственному институту гуманитарных наук – 85 лет (1930–2015). Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 32 с. В соавторстве.

Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 334 с.

Е.П. Погодин.

КРАСНОВ ПЕТР СТЕПАНОВИЧ

(к 60-летию со дня рождения)

Директору Чувашского государственного института гуманитарных наук, известному государственному и общественному деятелю Чувашии, кандидату философских наук Петру Степановичу Краснову исполнилось 60 лет.

Родился П.С. Краснов 10 июля 1956 г. в д. Малые Кошелеи Комсомольского района Чувашской АССР. В 1978 г. окончил Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова по специальности «физика» и был направлен в Пермскую область, где работал учителем в сельской средней школе Чернушинского района. По возвращении в Чебоксары в 1979–1982 гг. трудился на заводе промышленных тракторов в должностях инженера-математика и социолога. Имея твердую решимость посвятить себя науке, в 1982 г. он поступает в очную аспирантуру Института социологии АН СССР, еще до окончания её, в 1985 г., успешно защищает кандидатскую диссертацию.

Молодой и перспективный ученый в 1985 г. назначается на должность старшего научного сотрудника отдела социально-экономических исследований Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук). Делая первые серьезные шаги на научном поприще, за короткое время Пётр Степанович обрел признание коллег как высокопрофессиональный социолог и смелый публицист. В стенах института им был написан цикл работ по социальным проблемам молодежи. В 1989 г., в период становления социологической науки, выходит в свет написанная в соавторстве с Ф.И. Шарковым книга «Беседы с начинающим социологом». Всего опубликовано более 30 научных трудов.

Следует заметить, что П.С. Краснов всегда стремился к получению новых знаний. Уже исполняя ответственные государственные должности и отойдя от непосредственной научно-исследовательской деятельности, в 1997 г. он оканчивает Санкт-Петербургский государственный технический университет по специальности «экономист-менеджер».

Приход П.С. Краснова в науку совпал с так называемой перестройкой. Обладая социологическим мышлением, он вольно или невольно вмешивается в непростую ситуацию в стране, развивающуюся в границах поля региональной политики. В этой связи требование профессиональной корректности становится важной особенностью социального портрета политического деятеля. Отличающийся от природы активной общественной позицией, нежеланием мириться с несправедливостью, он логично становится одним из самых деятельных участников бурных политических процессов в Чувашии конца 1980 – начала 1990-х гг. На прошедших в 1990 г. выборах в Верховный Совет Чувашской АССР П.С. Краснов избирается его депутатом, в 1991–1993 гг. работает председателем парламентской Комиссии по средствам массовой информации, связям с общественными организациями и движениями, изучению общественного мнения. С этого времени начинается его успешная карьера как государственного и политического деятеля. В 1993–1994 гг. – заместитель министра культуры и межнациональных отношений, в 1994–1996 гг. – министр информации и печати Чувашской Республики.

На государственной службе П.С. Краснов показал себя как руководитель нового поколения, энергично применяющий инновационные подходы в решении стратегических задач по приумножению и развитию социально-культурного и информационного потенциала Чувашии. В 1996 г. он выдвигается на очередную высокую должность – руководителя Администрации Президента – заместителя Председателя Кабинета министров Чувашской Республики.

П.С. Краснов – один из тех, кто участвовал в формировании в республике нового политического ландшафта. В 2000 г. он избирается председателем политсовета Чувашской

региональной организации партии «Единство» (ныне – «Единая Россия»). Набравшего большой политической опыт и знания в сфере государственного управления, П.С. Краснова вновь приглашают в правительство республики. В 2002–2004 гг. он работает в должности заместителя Председателя Кабинета министров – министра социальной политики Чувашской Республики.

П.С. Краснов также один из немногих политиков Чувашии, кто за последнее двадцатипятилетие оказался на высоте своего времени, был всегда востребован властью и обществом. В 2004–2008 гг. он работает министром культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела (одновременно в 2004–2005 гг. исполняет обязанности руководителя Администрации Президента Чувашской Республики). В 2010–2011 гг. – заместитель руководителя территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике – Чувашии. В 2011–2016 гг. являлся председателем Комитета Государственного совета Чувашской Республики по социальной политике и национальным вопросам. 18 сентября 2016 г. вновь избран депутатом Государственного совета Чувашской Республики от партии «Единая Россия».

С 14 декабря 2016 г. – директор Чувашского государственного института гуманитарных наук.

П.С. Краснов – член Союза журналистов России, по праву входит в это творческое сообщество, так как начиная с середины 1980-х гг. практически по сей день активно выступает в СМИ, является автором многочисленных газетных статей и очерков, охотно дает интервью по злободневным вопросам жизни республики. Значительная часть этих публикаций, объединенных темой «Человек – государство – власть», вошла в книгу П.С. Краснова под красноречивым названием «Власть слова», вышедшую в свет в 2006 г. в Чувашском книжном издательстве.

Награжден медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой», медалями «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения», «За заслуги в проведении Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года», «80 лет Госкомспорту России», памятной медалью «XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 года в г. Сочи». Удостоин Почетной грамоты Государственного комитета Российской Федерации по физической культуре и спорту, Грамоты Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, Почетных грамот Государственного совета Чувашской Республики, нагрудных знаков «Почетный работник Минтруда России», «15 лет МЧС России». Лауреат премии Союза журналистов России. Лауреат премии Союза журналистов Чувашии.

Основные научные труды

Воспитать наставника // Советская культура. 1983. 6 декабря. В соавторстве.

Воспитатель или страж ворот? // Культурно-просветительная работа. 1984. № 6. С. 21–24. В соавторстве.

Образ жизни рабочего общежития // Социологические методы изучения образа жизни / ИСИ АН СССР. 1985. С. 64–78.

Проблемы организации быта трудящейся молодежи // Социально-экономические проблемы использования трудовых ресурсов: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 46–51.

Вопросы совершенствования идейно-воспитательной работы в трудовых коллективах // Социально-экономические факторы повышения эффективности труда в народном хозяйстве Чувашской АССР: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 34–46.

Вопросы стимулирования трудовой активности рабочих промышленности Чувашской АССР в условиях ускорения социально-экономического развития // Социально-экономические проблемы труда в Чувашской АССР: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 67–80.

Демократизация – суть перестройки советского общества: методическое пособие. Чебоксары, 1989. С. 75–81. Коллектив авторов.

Некоторые методологические проблемы активизации человеческого фактора на производстве // Социально-экономические проблемы совершенствования человеческого фактора: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 20–35.

Некоторые социальные аспекты перехода на рыночные отношения в экономике // Проблемы развития народного хозяйства в условиях экономической самостоятельности: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 53–73.

Беседы с начинающим социологом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 120 с. В соавторстве.

К вопросу о структуре форм самоопределения наций // Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции. Чебоксары, 1990. С. 31–33.

Структура свободного времени городского населения Чувашской АССР // Социально-экономические проблемы образа жизни советских людей: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 23–42.

Некоторые социальные аспекты выборов народных депутатов СССР и ЧАССР // Там же. С. 124–135.

Правовые и организационные основы демократизации общества в Чувашии // Государственный совет Чувашской Республики в системе органов государственной власти, его роль в социально-экономическом развитии республики. Чебоксары, 2004. С. 50–54.

Власть слова: анализ, полемика, прогноз: сб. ст., очерков, интервью. Чебоксары: Союз журналистов Чувашии, 2006. 263 с.

Законодательные акты Верховного Совета Чувашской Республики 12-го созыва как основа эффективного функционирования представительного органа государственной власти // Государственный совет Чувашской Республики: истоки, становление, проблемы и пути совершенствования законодательства. Чебоксары, 2014. С. 24–27.

В.П. Иванов.

ДЕМИДОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
(к 60-летию со дня рождения)

16 августа 2016 г. исполнилось 60 лет Ми-

хаилу Васильевичу Демидову – доктору юридических наук, правоведа, специалисту в области конституционного, административного и муниципального права, а также по вопросам государственного строительства, заведующему кафедрой административного и финансового права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

М.В. Демидов родился 16 августа 1956 г. в д. Арзаматово Мариинско-Посадского района Чувашской АССР. В 1981 г. окончил историко-филологический, а в 1995 г. – юридический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. В 1987–1991 гг. учился в заочной аспирантуре Института государства и права Российской академии наук. Под руководством заслуженного юриста Российской Федерации профессора Н.Г. Старовойтова выполнил и в 1992 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Роль депутатов местных Советов в осуществлении местного самоуправления». В 2012 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Парламентский финансовый контроль в России: правовые аспекты функционирования и проблемы реализации» (научный консультант – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова С.А. Авакьян).

Свою трудовую деятельность М.В. Демидов начал с профессии фрезеровщика на Чебоксарском заводе специнструмента и технологической оснастки в 1973 г. После службы в Советской армии и во время учебы в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова с 1979 по 1981 г. работал председателем профкома Чувашского госуниверситета. С 1981 по 1994 г. – в органах государственной власти Чувашской Республики: инструктор организационного отдела, помощник Председателя Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, управляющий делами Президиума Верховного Совета Чувашской АССР, заместитель заведующего отделом Секретариата Верховного Совета Чувашской ССР, заместитель министра юстиции Чувашской Республики.

В 1994–2003 гг. М.В. Демидов работал в кредитно-финансовой сфере и в области оказания социальных услуг. Он был начальником юридического отдела, заместителем председателя правления АКБ «Профинбанк» и генеральным директором ОАО «Комплекс отдыха и туризма «Волжанка».

Затем Михаил Васильевич снова был приглашен на государственную службу. С 2003 по 2011 г. он являлся заместителем председателя Контрольно-счетной палаты Государственного совета Чувашской Республики.

Начиная с 2011 г. М.В. Демидов полностью посвятил себя научно-педагогической деятельности. В 2011–2012 гг. он работал заведующим кафедрой государственно-правовых дисциплин Чувашского филиала Московского гуманитарно-экономического института, а с марта 2012 г. по настоящее время является заведующим кафедрой административного и финансового права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

Начиная с середины 1980-х гг. М.В. Демидов свою государственную службу активно совмещал с научно-преподавательской деятельностью. Круг его научных интересов достаточно широк. Он занимается исследованием вопросов государственного строительства, организации и функционирования муниципальной власти. Широко известны его научные труды, посвященные правовым основам обеспечения парламентского контроля в России, прежде всего в области осуществления парламентского финансового контроля. Ряд его работ

направлен на исследование проблем организации и функционирования системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

М.В. Демидов – автор 140 научных и учебно-методических работ общим объемом более 200 печатных листов, в том числе 5 книг, из них 3 монографии. В числе научных трудов 25 работ, опубликованных в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК Министерства образования и науки РФ. Он является активным участником международных и всероссийских научных конференций.

М.В. Демидов принимает активное участие в общественной жизни республики. С 2010 г. он является руководителем Чувашского отделения общественной организации «Межрегиональная ассоциация конституционалистов», с 2014 г. – член конкурсных комиссий Министерства юстиции Чувашской Республики и Контрольно-счетной палаты Чувашской Республики по проведению конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы, с 2015 г. – член квалификационной комиссии по приему экзамена у лиц, желающих получить право на осуществление нотариальной деятельности.

М.В. Демидов имеет классные чины государственной службы. Он является государственным советником юстиции Российской Федерации 1 класса и государственным советником Чувашской Республики 1 класса.

За период своей трудовой деятельности награжден государственными и ведомственными наградами: медалью «За отвагу на пожаре»; благодарностью Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации; почетными грамотами Государственного комитета Российской Федерации по физической культуре, спорту и туризму, Государственного совета Чувашской Республики, Ассоциации контрольно-счетных органов России.

Основные научные труды

Ими гордится Чувашия (Их имена занесены в Почетную книгу трудовой славы и героизма Чувашской АССР). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во., 1987. 301 с. В соавторстве.

Чебоксарская чулочно-трикотажная фабрика: сборник документов. Чебоксары: Изд-во «Чувашия», 1992. 290 с. В соавторстве.

Внешний государственный финансовый контроль в Чувашии: коллективная монография. Чебоксары: ИПК «Чувашия», 2007. 360 с. В соавторстве.

Парламентский финансовый контроль в России: правовые аспекты функционирования и проблемы реализации: монография. Чебоксары, 2011. 384 с.

Становление и развитие местного самоуправления в России и Чувашии и роль депутатов в его осуществлении: монография. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2014. 136 с.

Контрольные полномочия законодательных органов государственной власти // Проблемы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: материалы Международной научной конференции, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 28–31 марта 2007 года / под ред. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. С. 511–516.

Парламентский финансовый контроль и факторы его действенности // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 11. С. 2–5.

Конституционно-правовая ответственность исполнительной власти перед парламентом за распоряжением финансовыми ресурсами // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 17. С. 14–17.

Парламентский контроль в Российской Федерации: современное состояние и проблемы реализации // Государство и право. 2009. № 4. С. 86–91.

Субъекты и объекты парламентского финансового контроля // Российская юстиция. 2009. № 5. С. 36–41.

Место и роль контрольно-счетных органов в системе государственного финансового контроля России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1. С. 24–28.

Некоторые правовые аспекты совершенствования и перспективы развития органов парламентского финансового контроля в России // Юридический мир. 2010. № 3 (159). С. 14–19.

Конституционные основы парламентского финансового контроля и проблемы его реализации // Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран: материалы Международной научной конференции,

юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 10–13 марта 2010 года / отв. ред. – д-р юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ С.А. Авакьян. М.: Изд. дом «РолЛиКС», 2010. С. 347–350.

Контрольно-счетные органы субъектов Российской Федерации: правовой статус и проблемы его унификации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 32–37.

Институт парламентского контроля и его политико-правовое значение в развитии российской государственности // Конституционное право и политика: сборник материалов Международной научной конференции, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 года / отв. ред. – проф. Авакьян С.А. М.: Юрист, 2012. С. 124–129.

Место и роль федеративного и иных договоров о разграничении предметов ведения и полномочий в системе федеративных отношений в России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 28–33.

Законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации: особенности конституционно-правового статуса и организации деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 32–36.

Конституционно-правовые основы организации системы законодательных и исполнительных органов государственной власти в субъектах Российской Федерации // Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения: сборник материалов Международной научной конференции, Москва, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 21–23 апреля 2015 г. / отв. ред. проф. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ. С. 76–78.

Роль Федеративного договора от 31 марта 1992 года в развитии федеративных отношений в России // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2016. № 4. С. 83–87.

Г.А. Николаев.

ДМИТРИЕВ СЕРГЕЙ КАПИТОНОВИЧ
(1960–2016)

6 сентября 2016 г. на 56-м году жизни скоропостижно скончался кандидат исторических наук Сергей Капитонович Дмитриев, проработавший в отделе истории Чувашского государственного института гуманитарных наук более 14 лет.

Сергей Дмитриев родился 11 июня 1960 г. в г. Чебоксары Чувашской . В 1977 г. после окончания Чебоксарской средней школы № 30 поступил на историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. После завершения учебы в вузе в сентябре 1982 г. был принят на работу в отдел истории Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук) младшим научным сотрудником. Тем самым Сергей Дмитриев продолжил семейную традицию: его отец Капитон Дмитриевич Дмитриев работал также историком. Молодому научному сотруднику поручили разработку темы «Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года». Дальнейшие научные изыскания С.К. Дмитриева также легли в русло статистико-демографических исследований. В рамках комплекса исследований института по истории городских населенных пунктов Чувашии ему было поручена подготовка монографии «История города Мариинский Посад». Работа по этой теме продолжилась до 1990 г., когда Чувашским книжным издательством была издана книга «Мариинский Посад: исторический очерк» тиражом 6 тыс. экземпляров. При подготовке монографии автор прежде всего опирался на документы и материалы, извлеченные из архивов Чебоксар, Ленинграда, Москвы, городского архива Мариинского Посада. Часть рукописи, касающаяся истории города дореволюционного периода, прошла рецензирование у докторов исторических наук Т.М. Китаниной и Ю.Г. Алексева.

В ноябре 1984 г. Сергей Капитонович был переведен на должность стажера-исследователя Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ СССР АН СССР, ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН) сроком на один год для разработки темы «Социально-экономическое развитие городов Чувашии во второй половине XVI – начале XX в.». Научным руководителем стажера-исследователя выступил доктор исторических наук, старший научный сотрудник ЛОИИ СССР АН СССР Б.Н. Мионов, позже

ставший научным руководителем С.К. Дмитриева по подготовке кандидатской диссертации. В период стажировки Сергею Дмитриеву удалось подготовиться к поступлению в аспирантуру, сдав соответствующие экзамены по кандидатскому минимуму. К тому времени он уже был женат и совместно с женой, студенткой одного из ленинградских вузов, воспитывал дочь. В 1985–1988 гг. Сергей Дмитриев – аспирант Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. В 1992 г. он успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Городское население Чувашии в XIX – начале XX в.: численность, естественное и механическое движение: опыт микрорегионального анализа». После завершения аспирантуры С.К. Дмитриев был принят в отдел истории Чувашского государственного института гуманитарных наук на должность старшего научного сотрудника. Основная тема научных исследований – демографическое и социально-экономическое развитие городов Чувашии. По данной тематике им опубликовано порядка 10 научных статей. Сергей Капитонович принимал участие в работе всесоюзных научных конференций по исторической демографии. Одновременно работал над другими темами, писал статьи об известных людях Чувашии, принимал участие в подготовке библиографических указателей, участвовал в научной жизни института и республики. Некоторое время вел преподавательскую работу со студентами Чувашского сельскохозяйственного института. Он принимал активное участие в обсуждении и рецензировании работ отдела истории, консультировал коллег, помогал краоведам советами и рекомендациями. Общественная и культурная жизнь коллектива института также не была ему чужда. В научном плане С.К. Дмитриев планировал продолжить свои исследования по исторической демографии, подготовить коллективную монографию. Но в связи с семейными и личными обстоятельствами в 1994 г. Сергей Дмитриев переезжает с родителями в Московскую область. На новом месте он продолжает работу в архивах и библиотеках по сбору материалов о демографическом развитии чувашского этноса, обращая внимание на малоизученные статистические источники. Еще два года он продолжает работать в институте на контрактной основе, но в связи с ухудшением здоровья эта работа им не была доведена до издания. В 1996 г. С.К. Дмитриев увольняется из института.

С.К. Дмитриевым опубликовано около 15 научных статей, в том числе одна монография. Они внесли вклад в разработку вопросов исторической демографии, других аспектов истории Чувашии. Наибольшую значимость имеют его работы источниковедческого характера, в которых анализируются основные источники по численности горожан Чувашии во второй половине XIX – начале XX в.

Сергей Дмитриев отличался эрудированностью, был хорошо образованным и воспитанным человеком. В последние годы своей жизни, несмотря на болезнь, старался общаться с коллегами из института. Обсуждал темы исследований, помогал советами.

Светлая память о С.К. Дмитриеве навсегда останется в памяти коллег.

В.Г. Харитонова.

СКВОРЦОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ
(1933–2016)

1 декабря ушел из жизни известный исследователь чувашского языка, лексикограф, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Чувашской Республики Михаил Иванович Скворцов.

М.И. Скворцов родился 8 января 1933 г. в д. Вторые Хормалы Канашского района. В 1949 г., с серебряной медалью окончив Чурачикскую среднюю школу, Михаил поступает на отделение классической филологии историко-филологического факультета Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Он был активным и прилежным студентом. Уже в годы обучения в университете проявился его талант редактора и журналиста, будущий лексикограф проявляет также интерес к исследованию фонетической системы чувашского языка. Его дипломную работу, написанную в плане сопоставления звуков чувашского и русского языков, отметил патриарх чувашского языкознания профессор В.Г. Егоров.

По окончании в 1954 г. казанского вуза М.И. Скворцов два года трудится в редакции газеты «Хёрлĕ ялав» (Красное знамя), издававшейся для чувашей Татарстана. Работа журналистом помогла ему накопить необходимый практический опыт в области изучения стилистики и лексикологии чувашского языка. Кроме этого, он активно осваивает татарский язык, исследует фонетические, лексические и морфологические особенности обоих языков.

В 1956 г. М.И. Скворцов переезжает в г. Чебоксары. Здесь он продолжает журналистскую деятельность, работая в редакции республиканской газеты «Коммунизм ялавĕ». Следующие четыре года стали временем активного переводческого творчества. Он много работает над переводами общественно-политической литературы с русского языка на чувашский. Именно в этот период заложена база, которая позволила впоследствии Михаилу Ивановичу разработать вопросы теории перевода и опубликовать работы в области переводоведения.

Стремление заниматься научной деятельностью привело М.И. Скворцова в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук). Работать в этом институте он начинает в 1960 г. По совету директора института М.А. Андреева Михаил Иванович направляется на научную стажировку в Институт восточных языков при Московском государственном университете. Здесь он изучает арабский язык и занима-

ется практической лексикографией. Два следующих года в жизни М.И. Скворцова связаны с Египтом, куда он был командирован для совершенствования познаний в арабском языке. Знания, полученные им в этот период, помогли ему впоследствии в исследовании арабских и иранских заимствований в чувашском языке.

В 1967 г. Михаил Иванович переходит на кафедру русского языка Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, и следующим его шагом в научной карьере стало поступление в очную аспирантуру сектора тюркологии Института языкознания АН СССР. Успешно завершив аспирантуру, в 1972 г. он защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Старочувашская общественно-политическая лексика (дорусский период)». Научным руководителем был известный отечественный тюрколог А.А. Юлдашев.

В 1974–1976 гг. М.И. Скворцов занимает должность декана филологического факультета Чувашского государственного педагогического института. В целом 70-е гг. стали очень плодотворными для молодого ученого. В этот период он изучает ономастическую лексику, участвует в составлении словарей, налаживает и развивает чувашско-венгерские научные контакты.

В 1977 г. Михаил Иванович переходит на работу в Чувашский государственный университет, а в 80-х гг. в Москве в двух редакциях выходит в свет «Чувашско-русский словарь», подготовленный под руководством М.И. Скворцова, – результат многолетнего труда его авторов и редакторов. Лексикография становится главным направлением его научной деятельности, делом его жизни. До последних дней он неустанно трудится над созданием различных словарей. Всего им было составлено и опубликовано более 30 словарей на различную тематику. Безусловно, вклад М.И. Скворцова в развитие тюркской лексикографии был огромен. С учетом этого, на основе научного доклада «Теоретические и методические проблемы чувашской лексикографии» и по совокупности опубликованных работ специализированным советом по защите кандидатских и докторских диссертаций Казахского государственного педагогического университета им. Абая ему была присвоена научная степень доктора филологических наук.

Профессор М.И. Скворцов имел звание заслуженного деятеля науки Чувашской Республики, был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета ЧАССР, многочисленными почетными грамотами. Ему была присуждена премия им. Н.И. Ашмарина Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики.

Михаил Иванович пользовался заслуженным авторитетом среди коллег. Труды М.И. Скворцова изучают и ценят ученые всего мира. Его знают в Венгрии, Германии, Австрии и Турции. Уважение к его творчеству и личности высказывали А. Рона-Таш, К. Менгес, Ф. Ганиев и др. Уход из жизни М.И. Скворцова – невосполнимая утрата для научного сообщества. Его труды еще при жизни стали золотым фондом чувашеведения и будут изучаться как отечественными языковедами, так и языковедами других стран. Светлая память о Михаиле Ивановиче навсегда останется в наших сердцах!

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25 % объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 с.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 с.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Используемая литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

- Мясников Н.С.* Об особенностях нижнесурской группы «древнемордовской» культуры (по материалам Ивановского могильника) 3

История

- Мухамадеев А.Р.* О некоторых особенностях развития обычного права волжских болгар 24
- Охотникова С.В.* «Ясачные чуваша» в отечественной литературе 31
- Егоров Н.И.* Еще раз о заказанских ясачных чувашах 59
- Кобзев А.В.* Брачные отношения жителей села Федькино Симбирской губернии по данным метрических книг 1879–1918 годов 81
- Клементьев В.Н.* Становление Советов Чувашии как центров организации местного хозяйства и социально-культурного строительства (1918–1920 гг.).. 95
- Бойко И.И.* Научный журнал «Чувашский гуманитарный вестник» и чувашеведение 125

Этнология

- Петров И.Г.* Брачная ночь и оповещение о невинности невесты в свадебной обрядности чувашей 143

Филология

- Лебедев Э.Е.* О системе глагольных времён в чувашском языке..... 159

Правоведение

- Демидов М.В.* Организационное становление Государственного совета Чувашской Республики и принятие им Конституции Чувашской Республики 2000 года 173

Чувашеведение в лицах

- Кугураков И.К.* Жизнь, посвящённая искусству 187

Новая зарубежная литература

Адягаши К. Рец. на: Róna-Tas András, Berta Árpád. West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Part I–II. Turcologica. Band 84. Harrassowitz Verlag. – Wiesbaden, 2011. – 1496 s. [Рона-Таш А., Берта А. Западный древнетюркский. Тюркские заимствования в венгерском. Части I–II. Висбаден: Harrassowitz Verlag, 2011. 1496 с. (Тюркология. Т. 84.)] 196

Лебедев Э.Е. Аннотация на монографию: Durmuş Oğuzhan. 18. Yüzyıl Çuvaşçasının Söz Varlığı. – Edirne: Paradigma Akademi, 2014. – 553 s. [Дурмуш Огузхан. Лексический состав чувашского языка в публикациях XVIII в. / Огузхан Дурмуш. – Эдирне: Парадигма Академи, 2014. – 553 с.] 212

Рецензии

Иванова А.М. Рец. на: Luutonen, J. Chuvash Syntactic Nominalizers. On *-ki and its Counterparts in Ural-Altai Languages / Jorma Luutonen. [Чувашские синтаксические номиналы на *-ки и их эквиваленты в урало-алтайских языках / Йорма Луутонен] – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. – 130 p. 215

Загидуллин И.К. Рец. на: Клементьев В.Н. История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1: Истоки государственности чувашей / В.Н. Клементьев; науч. ред. Ю.В. Гусаров; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 2014. – 320 с. 219

Протасова Е.Ю. Рец. на: Алос-и-Фонт Э. Преподавание чувашского языка и проблема языкового поведения родителей / Э. Алос-и-Фонт; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 56 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 20) 225

Иванов-Орков Г.Н. Рец. на: Мордвинова А.И. А.И. Миттов и чувашское изобразительное искусство второй половины XX века / А.И. Мордвинова; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – 40 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 21) 227

Федулов М.И. Рец. на: Михайлов Е.П. Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения / Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, Н.С. Мясников; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2015. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 22) 229

Фомин Э.В. Рец. на: Лебедев Э.Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке / Э.Е. Лебедев; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 2016. – 163 с. 231

Наши юбиляры

Тихонов Петр Тихонович (к 80-летию со дня рождения) 235
Николаев Геннадий Алексеевич (к 60-летию со дня рождения) 238
Краснов Петр Степанович (к 60-летию со дня рождения) 245
Демидов Михаил Васильевич (к 60-летию со дня рождения) 248

Памяти коллег

Дмитриев Сергей Капитонович (1960–2016) 251
Скворцов Михаил Иванович (1933–2016) 253
Правила для авторов 255

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 11. 2016

Научный журнал

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Выпускающий редактор *И.П. Семёнова*
Вёрстка *Л.Н. Сапоговой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 12.11.2016. Дата выхода в свет 29.12.2016.
Формат 70×100^{1/16}. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 20,1. Уч.-изд. л. 15,87. Тираж 100. Заказ № 15.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60986 от 05 марта 2015 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель – БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 29.12.2016
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.